M 60
51

ИСТОРІЯ

ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ

НИКОЛАЯ I

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Соч. Поля Лакруа.

Переводъ съ французскаго.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, домъ Карнинской.
1877—1878.

ИСТОРІЯ
ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ
НИКОЛАЯ I
ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО

Соч. **ПОЛЯ ЛАКРУА.**

Переводъ съ французскаго.

ТОМЪ I-й, ВЫПУСКЪ I-й.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, Арбатъ, д. Каринской.
1877—1878.

Дозволено цензурою. Москва, 5 іюля, 1878 г.

I.

Николай Павловичъ, будущій Николай I-й, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, родился въ Гатчинскомъ дворцѣ 6-го Іюля (25-го Іюня по русскому календарю *) 1796 г., въ послѣдній годъ великаго царствованія Императрицы Екатерины II.

Онъ былъ третій сынъ Великаго Князя Наслѣдника Павла Петровича и его второй жены Маріи Ѳедоровны, принцессы Виртембергской. Его оба старшіе брата Александръ и Константинъ имѣли тогда: первый восемнадцать съ половиною, второй семнадцать лѣтъ. Александръ родился 17-го Декабря 1777, а Константинъ — 29 Мая 1779. Пять сестеръ его были еще живы: Александра, родившаяся въ 1783 г.; Елена — въ 1784, Марія — въ 1786, Екатерина — въ 1788 г. и Анна — въ 1795 г. Одна только Ольга, родившаяся въ 1792 г., была похищена смертію трехъ лѣтъ отъ роду.

Какъ ни многочисленно и цвѣтуще было Императорское семейство, но отецъ и мать видѣли въ рожденіи этого ребенка, своего третьяго сына, котораго они давно ждали, благословеніе небесъ, ибо двое старшихъ сыновей ихъ, можно сказать, имъ не принадлежали: Императрица Екатерина завладѣла ими съ колыбели, чтобы воспитать ихъ на своихъ глазахъ и по своимъ понятіямъ: она выказывала ревность къ тому исключительному преимуществу, которое она себѣ присвоила въ отношеніи къ нимъ и сосредоточивала на нихъ свою материнскую привязанность, слѣпую и страстную, отвлеченную

---

*) Въ прошедшемъ столѣтіи, 25 Іюня по греческому календарю (стараго стиля) соотвѣтствовало 6-му Іюля латинскаго календаря (новаго стиля); но въ нынѣшнемъ столѣтіи оно соотвѣтствуетъ 7 Іюля. Вотъ почему въ Россіи праздновалось рожденіе Императора Николая 25 Іюня (7 Іюля новаго стиля).

нѣкоторымъ образомъ отъ своего собственнаго сына съ тѣмъ, чтобы быть перенесенною на нихъ.

Павелъ Петровичъ и супруга его Марія Ѳедоровна не испытали еще счастія имѣть сына и уже потеряли надежду послѣ шестнадцатилѣтняго ожиданія.

Екатерина II не разъ говорила своей невѣсткѣ: «Вы мнѣ дали двухъ Князей; этого мнѣ довольно. Я предоставляю вамъ всѣхъ тѣхъ, которые могутъ быть впослѣдствіи.»

Когда Императрица узнала, что Марія Ѳедоровна произвела на свѣтъ третьяго сына, то оставалась нѣсколько въ раздумьи и внезапно объявила, что ѣдетъ въ Гатчину.

Во время дороги ничто не могло успокоить ея мыслей.

Прибывъ во дворецъ Павла Петровича, прикрытый башенками и окруженный рвами, Екатерина II не скрывала улыбки, блуждавшей на ея устахъ. Ей показалось, что подъемный мостъ не такъ скоро спустился передъ нею. Великій Князь явился къ ней на встрѣчу со всѣми знаками глубочайшаго уваженія. Она съ нимъ поздоровалась просто и прошла мимо, чтобы пойти прямо въ комнату августѣйшей родильницы: она прямо подошла къ колыбели, взяла на руки ребенка, который былъ необыкновеннаго роста и силы, поднесла его къ окну и, молча, осмотрѣла его.

Лучъ довольства блеснулъ въ чертахъ Императрицы, улыбнувшейся новорожденному и поцѣловавшей его въ лобъ.

Ребенокъ, котораго она положила обратно въ колыбель, смотрѣлъ на нее большими удивленными глазами.

Екатерина почти тотчасъ-же вернулась въ Петербургъ, находясь подъ впечатлѣніемъ своихъ собственныхъ предчувствій; въ тотъ же вечеръ она писала одному изъ своихъ друзей: «Я бабка третьяго внука, который, судя по необыкновенной силѣ, которою онъ одаренъ, кажется мнѣ предназначеннымъ царствовать, несмотря на то, что у него два старшихъ брата».

Согласно своему обѣщанію, Императрица не присвоила себѣ

никакого права на этого третьяго сына, который былъ предоставленъ попеченію его матери.

Марія Θеодоровна поспѣшила отыскать наставницу, которой она хотѣла поручить этого ребенка.

Выборъ ея палъ естественно на Графиню Шарлотту Карловну Ливенъ, статсъ-даму, которой было поручено уже первоначальное воспитаніе Великихъ Княженъ, и которая выполняла свои щекотливыя обязанности съ такимъ усердіемъ и привязанностью, какъ будто сама принадлежала къ Императорской фамиліи.

Графиня Ливенъ, вдова генералъ-маіора, провела двадцать лѣтъ при дворѣ, не пріобрѣтя себѣ ни одного врага: всѣ къ ней были привязаны и всѣ ее уважали. Екатерина II ее хорошо охарактеризовала, назвавъ *океаномъ нѣжности и снисходительности.*

Императрица сначала назначила ее исполнять наставническія обязанности при Великихъ Княжнахъ, и Марія Θеодоровна подчинилась вскорѣ тому очарованію, которымъ графиня Ливенъ обладала въ такой степени. Съ тѣхъ поръ у нея былъ вѣрный и приверженный другъ, дочери же ея имѣли вторую мать.

Екатерина женила своего единственнаго сына Павла, почти при выходѣ его изъ дѣтства, на одной Гессенъ-Дармштадтской принцессѣ (10 Октября 1773 г.). Эта принцесса, Наталья Алексѣевна, умерла отъ родовъ два года спустя послѣ своей свадьбы и Императрица нашла тутъ же кѣмъ ее замѣнить, а именно Виртембергской принцессой, названной въ крещеніи Маріей Θеодоровной.

Супруга цесаревича выполняла съ пунктуальнымъ послушаніемъ предположенія своей августѣйшей тещи, и менѣе чѣмъ въ три года дала ей двухъ внуковъ Александра и Константина, которыхъ знаменитая Императрица оставила при себѣ, предоставивъ исключительно себѣ одной ихъ воспитаніе. Дѣти эти были въ ея мысляхъ настоящими представителями имени Романовыхъ и продолжателями ея славнаго царствованія.

Екатерина II хотѣла, чтобы ея два внука Александръ и Константинъ были въ состояніи ей наслѣдовать. Она сама руководила ихъ образованіемъ и вскорѣ узнала, что Александръ, одаренный на самомъ дѣлѣ природою лучше, чѣмъ Константинъ, казался одинъ предназначеннымъ выполнить ея виды.

Впрочемъ она такъ любила Великаго Князя Константина, что, не взирая на его недостатки и меньшее физическое и нравственное достоинство, имѣла къ нему пристрастіе, съ каждымъ днемъ увеличивающееся и слѣпое.

Константинъ имѣлъ, конечно, многія достоинства и въ особенности хорошія наклонности; но воспитаніе не могло подѣйствовать на него и тѣмъ болѣе сгладить его неровный характеръ. Александръ напротивъ того казался съ раннихъ лѣтъ совершеннымъ государемъ: онъ имѣлъ рѣдкія способности, удивительную память, воспріимчивый и проницательный умъ, полный остроты; онъ любилъ науки и занятія; но что всего болѣе отличало его отъ брата, — это совершенная ровность характера, нѣжная и неистощимая любезность, отражавшаяся въ чертахъ его и во всѣхъ его дѣйствіяхъ.

Оба брата, столь различные во всѣхъ отношеніяхъ, были связаны другъ съ другомъ взаимною любовью, и Константинъ присоединялъ къ этому братнему расположенію особаго рода восторгъ, внушаемый ему преимуществами старшаго брата, преимуществами явными, которыя онъ сознавалъ, не завидуя имъ. Различіе между ними въ физическомъ отношеніи было также велико, какъ въ моральномъ и умственномъ.

Александръ былъ также красивъ, какъ и его мать. Правильныя его черты, благородство его лица, нѣжность взгляда, прелесть улыбки очаровывали всѣхъ его окружавшихъ; изящность его вида, ловкость его походки, отличныя его манеры соотвѣтствовали вполнѣ всѣмъ дарованнымъ ему природою преимуществамъ. Константинъ былъ похожъ на своего отца: хотя онъ былъ высокаго роста и хорошо сложенъ, но у него

было рѣзкое лицо, глаза его, живые и проницательные, прикрытые густыми бровями, принимали иногда выраженіе почти пріятной доброты. Онъ не имѣлъ претензіи замѣнить въ себѣ отсутствіе блестящихъ качествъ, которымъ удивлялись въ его братѣ. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался хорошимъ расположеніемъ и предпочтеніемъ своей бабки, забавляя ее своими проказами и шалостями. Онъ никогда не желалъ ничему учиться, исключая воинской команды.

Александръ имѣлъ инстинктивное отвращеніе къ войнѣ, но занимался военными науками и вскорѣ полюбилъ ихъ, примѣняя ихъ къ исторіи великихъ полководцевъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что заинтересовался, подъ вліяніемъ и примѣромъ брата, своею, какъ онъ ее называлъ, армейскою службою; онъ нарядился въ мундиръ, сталъ учиться владѣть оружіемъ и управлять дѣйствіями инфантеріи и кавалеріи.

Екатерина II испытывала большое удовольствіе и гордость, когда вмѣстѣ съ дворомъ присутствовала при упражненіяхъ, въ которыхъ ея оба внука усовершенствовались на ея глазахъ подъ руководствомъ опытныхъ учителей. Не съ тѣмъ однако, чтобы сдѣлать изъ своего Александра военнаго человѣка. выбрала она ему въ наставники Лагарпа, подъ руководствомъ Графа Салтыкова, гувернера обоихъ молодыхъ Князей.

Полковникъ Лагарпъ, родомъ изъ Вадта, былъ не столько военный, сколько ученый и философъ. Онъ былъ впрочемъ добродѣтельный человѣкъ, напитанный правилами Вольтера и Ж. Ж. Руссо, но воодушевленный самыми благородными и высокими намѣреніями. Его уроки и совѣты заронили въ сердце его ученика зародышъ разумной философіи и подготовили его къ управленію народами, не испытавшими еще благодѣяній современной цивилизаціи.

Великій князь Александръ, душа котораго, нѣжная и чувствительная, должна была симпатизировать философскимъ идеямъ своего наставника, питалъ къ нему уваженіе и привязанность.

— Благодарю васъ за заботы ваши о моемъ внукѣ, говорила Екатерина полковнику Лагарпу; вы дѣлаете изъ него болѣе чѣмъ Императора, — вы дѣлаете изъ него человѣка.

Императрица не забывала, что она сама, такъ сказать, была въ школѣ Вольтера; но каково бы ни было ея изученіе философіи и философовъ, она тѣмъ не менѣе рѣшилась удалить изъ своихъ владѣній развратныя доктрины и людей опасныхъ, угрожающихъ политическому и соціальному строю Европы. Здравый смыслъ и умѣренность ученика полковника Лагарпа не одобряли также насилій и сумасшествій французской революціи. Онъ не могъ побѣдить въ себѣ врожденнаго отвращенія къ революціи и къ возмутителямъ установленнаго порядка. Онъ раздѣлялъ чувства своей знаменитой бабки, которая радовалась, видя сходство своихъ идей и мнѣній съ мнѣніями внука. Когда Великій Князь Александръ достигъ возмужалости, Екатерина занялась отысканіемъ ему невѣсты съ материнскою заботливостью между тремя сестрами, принцессами Баденскими. Она женила его 9-го Октября 1793 г. на второй изъ этихъ трехъ сестеръ, Луизѣ-Маріи-Августѣ, названной съ тѣхъ поръ Елисаветою Алексѣевною. Другія двѣ должны были также носить корону: одна была королевою Шведскою, другая королевою Баварскою.

Женитьба Великаго Князя Александра на принцессѣ Елисаветѣ обѣщала быть счастливою: они казались созданными для того, чтобы нравиться, понимать и любить взаимно.

Великая Княгиня была не только замѣчательна своею красотой: она имѣла таланты, образованіе и въ довершеніе всего превосходный характеръ, нѣжный и снисходительный, великодушный и преданный. Ея голубые глаза, въ которыхъ отражалась ея душа; ея великолѣпные пепельные волосы; ея гибкая и изящная талія, ея благородная и ловкая поступь, привлекли и восхитили ея молодаго мужа, который былъ къ ней внимателенъ и привязанъ.

Великая Княгиня принесла ему двухъ дочерей, умершихъ въ молодыхъ годахъ и лишившихъ его надежды имѣть другихъ дѣтей.

Императрицѣ Екатеринѣ неудачно пришлось выбрать жену Великому Князю Константину, которому еще не исполнилось шестнадцати лѣтъ. Константинъ не чувствовалъ никакой наклонности къ женитьбѣ: онъ сопротивлялся въ этомъ случаѣ нѣкоторое время волѣ своей бабки; но потомъ рѣшился жениться 26-го Февраля 1796 г., на принцессѣ Юліи Саксенъ-Кобургской, заключая этотъ союзъ равнымъ образомъ и для нея не по сердцу.

Они были и остались совершенно равнодушными другъ къ другу; ихъ союзъ не имѣлъ даже того результата, котораго ждала Екатерина, ибо онъ былъ безплоденъ, такъ что по истеченіи четырехъ лѣтъ супруги разстались, чтобы никогда болѣе не встрѣчаться. Принцесса вернулась въ Германію.

Совершая эти поспѣшныя женитьбы, Екатерина не имѣла иной мысли, какъ создать вокругъ себя многочисленную Императорскую фамилію.

Она не думала приближаться къ концу своего царствованія; она составляла еще гигантскіе проэкты, и если внезапно пугалась, что не успѣетъ привести ихъ въ исполненіе, если предчувствіе скорой смерти ее вдругъ пугало, то переносила свои взоры на обоихъ молодыхъ Князей, которыхъ она воспитала при себѣ, какъ мать нѣжная и ревнивая, какъ заботливая и умная опекунша.

Но эти два Князя, столь близкіе къ власти и привыкшіе съ дѣтства смотрѣть на корону, какъ на вещь, которою они могли обладать рано или поздно, не чувствовали въ себѣ ни малѣйшаго влеченія къ ней; они оба чувствовали только отвращеніе къ величію и охотно согласились-бы промѣнять свою блестящую будущность на счастливую и покойную посредственность; они не имѣли никакой симпатіи къ пышности

двора и подчинялись этикету и церемоніалу, дѣлая усиліе надъ своимъ вкусомъ и понятіями. «Мнѣ быть государемъ!» отвѣчалъ однажды Константинъ своей бабкѣ, предлагавшей ему вести себя такъ, какъ слѣдуетъ лицу, предназначенному когда либо царствовать. «Я буду очень несчастливъ на престолѣ и боюсь, чтобы подданные мои не были еще несчастливѣе меня. Если Ваше Величество позволите мнѣ выбрать судьбу, которая мнѣ нравится, то выборъ мой будетъ скоро сдѣланъ». — Выбирай-же, сказала Императрица, и мы посмотримъ, достаточно-ли я могущественна, чтобы осуществить твои желанія. — «Желанія мои не очень честолюбивы, отвѣчалъ весело Великій Князь, я прошу остаться навсегда инспекторомъ на смотрахъ и удовольствуюсь должностью капрала въ какомъ нибудь гвардейскомъ полку».

Великій Князь Александръ не высказывался съ такою откровенностью и увлеченіемъ Императрицѣ, но въ душѣ былъ согласенъ съ братомъ, и не безъ огорченія и безпокойства смотрѣлъ на корону, висѣвшую, такъ сказать, надъ его головою.

Однажды, когда она передъ нимъ настаивала въ необходимости быть болѣе достойнымъ своего назначенія, Князь осмѣлился ей почтительно замѣтить, что у нея былъ сынъ, Цесаревичъ, будущій законный ея наслѣдникъ, желающій, добавилъ онъ, видѣть ее какъ можно долѣе продолжающею свое славное царствованіе.

— Я могу назначить кого угодно мнѣ въ наслѣдники, сказала она строго, и назначу того, который будетъ способнѣе служить интересамъ Россіи. Что до тебя, сынъ мой, то будь готовъ! Я еще не кончила свою задачу и чувствую въ себѣ, слава Богу, силу выполнить мои намѣренія; но жизнь человѣческая шатка и мы не знаемъ, что можетъ случиться завтра! Князь поникъ головою.

Съ тѣхъ поръ онъ твердо рѣшилъ не быть никогда Императоромъ. Конфиденціальное письмо, писанное имъ 10 Мая

1786 г. къ князю Виктору Кочубею, другу его дѣтства, бывшему въ то время посломъ въ Константинополѣ, представляетъ намъ весьма любопытное изложенie благородныхъ заботъ этой высокой души.

«Да, любезный другъ, я повторяю, что вовсе не доволенъ своимъ положенiемъ: оно слишкомъ блестяще для моего характера, любящаго миръ и спокойствie. Дворъ — не мое жилище: я страдаю всякiй разъ, когда долженъ бывать на представленiяхъ и порчу себѣ кровь, глядя на низости, которыя всякiй разъ дѣлаютъ, чтобы получить какую нибудь награду. Я чувствую себя несчастнымъ, находясь въ необходимости бывать въ обществѣ людей, которыхъ я не желалъ бы имѣть лакеями и которые пользуются здѣсь лучшими мѣстами. Наконецъ, любезный другъ, я не чувствую себя созданнымъ для занимаемаго мною въ настоящее время мѣста и еще менѣе для того, которое мнѣ предназначается и отъ котораго я себѣ далъ клятву отказаться такъ или иначе. Вотъ, любезный другъ, великая тайна, которую я давно желалъ тебѣ сообщить, и о которой мнѣ нечего тебя просить молчать, ибо ты хорошо чувствуешь, что это можетъ мнѣ повредить. Я просилъ Г-на Гаррика, въ случаѣ если невозможно будетъ передать тебѣ это письмо, чтобы онъ его сжегъ и чтобы никому не поручалъ его тебѣ передать. Я долго размышлялъ объ этомъ предметѣ, ибо я долженъ тебѣ сказать, что намѣренiе это пришло мнѣ въ голову прежде, чѣмъ я тебя узналъ, и я вскорѣ рѣшилъ, что мнѣ должно дѣлать.

Дѣла наши въ невѣроятномъ безпорядкѣ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ вѣдомства худо составлены; порядокъ, какъ будто, изгнанъ отовсюду. Какимъ же образомъ можетъ быть достаточно одного человѣка, чтобы управлять государствомъ и еще болѣе исправлять злоупотребленiя: это вещь рѣшительно невозможная не только для человѣка обыкновенныхъ способностей, какъ я, но даже и для генiя, и я всегда дер-

жусь того правила, что лучше не брать на себя обязанность, чѣмъ выполнить ее дурно: согласуясь съ этими правилами, я принялъ то рѣшеніе, о которомъ выше тебѣ говорю. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, отрекшись однажды отъ этого труднаго поста (я не могу назначить времени такого отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ я буду простымъ частнымъ лицомъ, полагая свое счастіе въ обществѣ друзей и изученіи природы.

Ты смѣешься надо мной; ты скажешь, что это химерическій проэктъ? Ты можешь думать, какъ хочешь; но подожди дѣла и тогда я позволю тебѣ судить о немъ. Я знаю, что ты будешь меня порицать; но я не могу поступить иначе, ибо спокойствіе моей совѣсти есть первое мое правило, а она никогда не будетъ спокойна, если я предприму дѣло выше моихъ силъ.

Вотъ, любезный другъ, что я нетерпѣливо желалъ тебѣ сказать; теперь, когда я это сдѣлалъ, мнѣ остается тебя увѣрить, что, гдѣ-бы я не былъ — счастливый или несчастный, въ пышности или бѣдности — однимъ изъ моихъ величайшихъ утѣшеній будетъ твоя дружба ко мнѣ, и будь увѣренъ, что моя дружба кончится вмѣстѣ съ моею жизнію. Прощай, мой милый и искренній другъ. Что пока могло-бы быть для меня всего радостнѣе, — это видѣть тебя.

Жена моя поручила тебѣ сказать много хорошаго: мысли ея совершенно одинаковы съ моими».

Александръ и Константинъ привѣтствовали съ особеннымъ удовольствіемъ рожденіе меньшаго брата Николая; они высказали другъ другу въ интимной бесѣдѣ, что въ случаѣ если престолъ упразднится, то они не будутъ вынуждены принимать на себя тягостную обязанность управленія, такъ какъ Императорское наслѣдіе не останется выморочнымъ.

II.

9-го Ноября 1796 года, въ то самое время, когда Цесаревичъ съ женою, совершали прогулку въ окрестностяхъ Гатчинскаго дворца, прибылъ курьеромъ графъ Димитрій Зубовъ, чтобы передать имъ ужасное извѣстіе: Императрица Екатерина въ то-же утро была поражена апоплексическимъ ударомъ и казалась въ безнадежномъ состояніи.

Князь Павелъ, принимая это извѣстіе, не могъ удержать чувства сильнаго волненія: у него выступили слезы.

Онъ, не колеблясь, рѣшился ѣхать тотчасъ же въ Санктъ-Петербургъ вмѣстѣ съ женою своею Великою-Княгинею Маріею Ѳеодоровною. Онъ впалъ въ мрачное и нѣмое раздумье, почти не обратилъ вниманія на прощанія дочерей своихъ, оплакивающихъ свою знаменитую бабку; но, садясь въ карету, онъ отдалъ приказанія своимъ придворнымъ чиновникамъ, чтобы входъ во дворецъ былъ для чужихъ людей, которые бы явились безъ приказанія, подписаннаго его рукой, безусловно запрещенъ до его возвращенія.

Онъ поручилъ также взволнованнымъ голосомъ графинѣ Ливенъ смотрѣть внимательно за послѣднимъ своимъ ребенкомъ, которому не было еще пяти мѣсяцевъ, и не отвѣчалъ Великой Княгинѣ Маріи, встревоженной при видѣ его такимъ угрюмымъ и сосредоточеннымъ и обратившейся къ нему съ нѣжными утѣшеніями.

Карета Цесаревича была на половинѣ дороги, какъ вдругъ, около шести часовъ вечера, онъ, испугавшись, пробудился отъ шума саней, ѣдущихъ на встрѣчу; онъ узналъ голосъ графа Растопчина, котораго онъ удостоивалъ безграничною довѣренностью и дружбою. Онъ велѣлъ остановить карету и вышелъ на встрѣчу къ Растопчину: они имѣли между собою разговоръ, продолжавшійся только нѣсколько минутъ. Великій Князь Александръ просилъ Растопчина отправиться самому извѣстить Цесаревича о роковомъ событіи.

Царевичъ прибылъ въ тотъ-же вечеръ въ зимній дворецъ, наполненный безпокойной и взволнованною толпою. Сыновья его, Александръ и Константинъ, блѣдные и разстроенные, глубоко тронутые великой потерей, вышли принять его внизу у параднаго подъѣзда.

Екатерина II не приходила въ себя и доктора не старались скрывать, что оставалось мало надежды. Въ теченіи двадцати четырехъ часовъ продолжалось бореніе со смертью.

Павелъ согласился, чтобы привезли изъ Гатчины Великихъ Княженъ Александру и Елену, вмѣстѣ съ ихъ наставницею графинею Ливенъ, но не хотѣлъ дозволить, чтобы привезли маленькаго Князя.

Было одиннадцать часовъ вечера когда доктора объявили, что кончина Императрицы приближается.

Цесаревичъ тотчасъ отправился въ сопровожденіи Великой Княгини Маріи въ комнату умирающей; высшіе придворные сановники, долженствовавшіе быть свидѣтелями этой торжественной сцены, были предупреждены и поспѣшили окружить постель, на которой лежала Августѣйшая умирающая съ искаженными чертами и съ облитымъ кровью лицемъ.

Великіе Князья Александръ и Константинъ прибѣжали первые съ сестрами Александрою и Еленою, сопровождаемыми гувернанткою ихъ, графинею Ливенъ. Оба Князя проливали слезы и выражали знаки самаго искренняго горя.

Павелъ I-й долго размышлялъ въ своемъ уединеніи о томъ, что ему прійдется дѣлать, когда онъ будетъ Императоромъ, и потому не могъ не внести хорошихъ намѣреній въ дѣла своего правленія. Начало его царствованія ознаменовалось полезными и разумными мѣрами. Онъ занялся въ особенности прекращеніемъ различныхъ злоупотребленій, поразившихъ его, когда онъ жилъ въ сторонѣ отъ власти; онъ совершилъ такимъ образомъ важныя перемѣны, изъ коихъ нѣкоторыя были необходимы въ различныхъ отрасляхъ народнаго управленія; онъ самъ начерталъ новыя правила, весьма подробныя, и слѣдилъ съ примѣрною строгостью за точнымъ ихъ исполненіемъ. Онъ хотѣлъ все видѣть собственными своими глазами, хотѣлъ знать все даже о самыхъ ничтожныхъ подробностяхъ управленія; вскорѣ онъ былъ увлеченъ въ хаосъ нераспутанныхъ дѣлъ, проэктовъ, противу-проэктовъ, которыхъ и болѣе обширныя способности не могли-бы удачно распутать.

Указомъ своимъ о престолонаслѣдіи отъ 16-го (5-го) Апрѣля

1797 г. онъ возстановилъ въ Императорской фамиліи принципъ наслѣдія по порядку старшинства, объявивъ, что такимъ образомъ сыновья будутъ преемниками другъ другу до послѣдняго отпрыска мужской вѣтви, и что женщины будутъ только въ такомъ случаѣ призваны на престолъ, когда мужское поколѣніе угаснетъ.

Императоръ не имѣлъ причины бояться, чтобы послѣ него не осталось наслѣдниковъ престола, ибо, кромѣ двухъ сыновей своихъ, Александра и Константина, онъ имѣлъ еще, для законнаго упроченія короны въ мужской линіи дома Романовыхъ, еще двухъ младшихъ сыновей, Николая и Михаила, которыхъ оставлялъ подъ исключительнымъ руководствомъ ихъ матери.

Второй изъ этихъ Князей родился девятнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ своего брата Николая, 6-го Февраля (29-го Января по русскому календарю) 1798 г. и рожденіе его праздновалось во всей Имперіи съ необыкновеннымъ веселіемъ. Графинѣ Ливенъ и на этотъ разъ было поручено первое воспитаніе Великаго Князя Михаила, и она въ этой новой обязанности, отвѣтственность по которой она приняла на себя, какъ мать-усыновительница, только помогала Императрицѣ Маріи оказывать нѣжныя заботы своимъ двумъ послѣднимъ дѣтямъ.

Понятна симпатическая и глубокая привязанность, развивавшаяся съ раннихъ лѣтъ между этими Князьями, почти ровесниками, воспитавшимися вмѣстѣ и съ дѣтства не разстававшимися ни на одинъ день. Они, такъ сказать, были друзьями прежде, чѣмъ узнали, что они братья.

Со слезами объявила имъ Иператрица о кончинѣ ихъ

отца. Они слили свои слезы съ ея слезами и они отвѣчали съ жаромъ на ея материнскія ласки.

Она утѣшала ихъ, говоря, что Великій Князь Александръ, сдѣлавшись ихъ Государемъ, будетъ для нихъ вторымъ отцомъ. Они уже чувствовали къ своему *большому брату*, какъ они его называли, привязанность, доходящую до удивленія и восторга; они находили его такимъ красивымъ, такимъ честнымъ и добрымъ, что не переставали глядѣть на него и улыбаться ему.

Правда, что Александръ расположилъ къ себѣ сердца этихъ дѣтей различною угодливостью и выказываніемъ дружбы и вниманія. Онъ иногда присутствовалъ при ихъ военныхъ упражненіяхъ и былъ свидѣтелемъ ихъ игръ; онъ выслушивалъ ихъ вопросы, давалъ имъ совѣты и надѣлялъ ласками.

Привязанность, которую маленькіе Князья питали съ давнихъ поръ, приняла новое очарованіе и превратилась въ обожаніе, какъ только Великій Князь сдѣлался Императоромъ. Они перестали смотрѣть на него, какъ на брата, и видѣли въ немъ главу семейства, настоящаго отца и съ тѣхъ поръ оказывали ему родъ поклоненія, нѣжной и почтительной благодарности; они сами отъ себя назвали его своимъ *благодѣтелемъ* и не давали ему уже никакого инаго титула.

Александръ однако объявилъ Императрицѣ Маріи, что онъ предоставляетъ ея попеченію воспитаніе послѣднихъ двухъ сыновей. Это была со стороны Государя уступчивость въ отношеніи къ его Августѣйшей матери, которая не имѣла возможности споспѣшествовать въ его воспитаніи, полученномъ подъ руководствомъ его бабки. Такимъ образомъ онъ не предполагалъ внушить своимъ меньшимъ братьямъ философскія идеи, переданныя ему его учителемъ, полковникомъ Лагарпомъ, и желалъ, чтобы

Императрица, моральное превосходство которой онъ признавалъ, была непремѣнно свободною въ педагогическомъ направленіи своихъ дѣтей.

Конечно и онъ не былъ равнодушенъ къ ихъ направленію, долженствовавшему сдѣлать изъ нихъ Князей, достойныхъ ему наслѣдовать; ибо съ той поры онъ предчувствовалъ, что женитьба его будетъ безплодною для Русскаго престола, но онъ воздерживался въ различныхъ случаяхъ съ деликатною осторожностію и скромностію отъ присвоенія неограниченныхъ правъ матери семейства.

Такимъ образомъ Великіе Князья Николай и Михаилъ оставались нѣсколько въ сторонѣ во время первой части царствованія Александра I, который слѣдилъ за ними, но не предоставлялъ никакой роли въ государственномъ управленіи.

Великій Князь Николай, по обычаю Русскаго двора, былъ наименованъ при крещеніи кавалеромъ орденовъ св. Андрея, св. Александра Невскаго и св. Анны 1-й степени. Императоръ Павелъ, по случаю своего восшествія на престолъ (18-го ноября 1796 г.), сдѣлалъ его шефомъ кавалергардскаго полка съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Впослѣдствіи, 9-го іюня 1800 г., онъ его перевелъ въ гвардейскій Измайловскій полкъ.

III.

Воспитаніе Великихъ Князей Николая и Михаила не принесло тѣхъ плодовъ, которыхъ можно было ожидать. Они оба были черезъ чуръ пылкаго характера и не имѣли достаточно спокойнаго ума, чтобы раньше заняться изученіемъ языковъ и литературы.

Великіе Князья, мало интересующіеся тѣмъ, что надо было изучать по книгамъ, пристрастились болѣе къ исторіи, когда профессоръ, оставивъ въ сторонѣ Римъ и Грецію, занялъ ихъ Французскою революціею, представивъ ее имъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Въ то же время они сдѣлали большіе успѣхи въ языкѣ, на которомъ говорилъ ихъ учитель и который сталъ для нихъ вскорѣ обыкновеннымъ. Между тѣмъ ихъ литературныя и научныя познанія въ нѣмецкомъ языкѣ остались, не взирая на усердіе ихъ нѣмецкаго профессора, нѣсколько неудовлетворительными.

Великій Князь Николай, не взирая однако на его природную горячность и кажущуюся вѣтренность, былъ очень хорошо одаренъ памятью, чтобы не удержать кое-чего изъ всего того, что составляло предметъ лекцій его профессоровъ.

Такъ, напримѣръ, когда ему было десять лѣтъ, онъ зналъ нетолько наизустъ военную исторію Россіи, но объяснялъ ее и истолковывалъ съ такимъ яснымъ взглядомъ, который былъ выше его лѣтъ. Исторія Франціи

возбудила также его интересъ и любопытство; онъ не уставалъ въ особенности слушать разсказъ, конечно весьма преувеличенный и невѣрный, о главнѣйшихъ событіяхъ революціи, которая потрясла всю Европу: онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ кровавымъ людямъ конвента, къ зачинщикамъ столькихъ политическихъ преступленій; инстинктивная ненависть, которую онъ чувствовалъ къ ихъ поступкамъ, росла съ годами и укоренялась въ умѣ его чрезъ размышленія. Но въ замѣнъ того онъ имѣлъ симпатію къ генералу Бонапарту, къ этому великому полководцу, который достигъ власти, какъ спаситель отечества и лучшею побѣдою котораго было торжество порядка надъ анархіею.

— Король Людовикъ XVI не исполнялъ своей обязанности, сказалъ онъ однажды своему наставнику Дюпюже; онъ былъ за то наказанъ. Быть слабымъ не значить быть милосердымъ. Монархъ не имѣетъ права прощать враговъ отечества. Людовикъ XVI видѣлъ передъ собою настоящее возмущеніе, скрытое надъ ложнымъ названіемъ свободы; онъ бы сохранилъ отъ многихъ невзгодъ свой народъ, не пощадивъ возмутителей.

Великій Князь Михаилъ выслушивалъ уступчиво мнѣнія, выражаемыя его братомъ и всегда ихъ одобрялъ.

Великій Князь Николай говорилъ скоро и легко; онъ изъяснялся съ такою-же свободою по русски, какъ по французски и по нѣмецки.

Оба брата предались съ раннихъ поръ всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, которые были необходимы для сильнаго тѣлосложенія и развитія: верховая ѣзда и фехтованіе служили имъ постояннымъ соперничествомъ; преимущество было во всякомъ случаѣ на сторонѣ старшаго, который не обладалъ большею силою, но отличался быстро-

тою и ловкостью своихъ движеній, равно какъ и граціозною своею походкою.

Великій Князь Николай не имѣлъ никогда наклонности къ искусствамъ, не смотря на то, что владѣлъ искусно карандашемъ и часто дѣлалъ небольшіе рисунки и акварели. Онъ имѣлъ талантъ къ каррикатурамъ и самымъ удачнымъ образомъ схватывалъ смѣшныя стороны лицъ, которыхъ онъ хотѣлъ помѣстить въ какой нибудь сатирическій рисунокъ; онъ упражнялся также въ изображеніяхъ военныхъ сценъ, армейскихъ типовъ, формъ и лошадей. Предпочтеніе его ко всему, что касалось военной обязанности, выказывалось даже во врожденномъ его вкусѣ къ музыкѣ; онъ сочинилъ, прежде чѣмъ былъ въ состояніи положить на ноты, военные маршы, нелишенные оригинальности и имѣлъ удовольствіе слышать исполненіе ихъ музыкою своего Измайловскаго полка.

Съ самого дѣтства онъ впрочемъ уже высказывалъ преобладающій въ немъ вкусъ: видѣли какъ онъ носилъ ружье, взмахивалъ шпагою, билъ въ барабанъ; все это онъ дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ только могъ ходить и владѣть руками. Это было какъ-бы военное призваніе, которое, такъ сказать, росло съ нимъ.

Едва сталъ онъ понимать первое значеніе словъ, какъ находилъ большое удовольствіе въ разсказахъ о войнѣ и сраженіяхъ; онъ охотно проводилъ-бы цѣлыя дни, слушая ихъ, выслушавъ желалъ-бы еще слушать. Надо было видѣть, когда его большіе голубые глаза горѣли воинственнымъ духомъ, на лицѣ его можно было прослѣдить впечатлѣнія его великодушнаго сердца. Лучшею наградою для него было, когда наставникъ его могъ ему обѣщать сводить его въ день парада на мѣсто развода. Онъ отправлялся съ восторгомъ, съ поспѣшностью, и оставался какъ можно дольше, ненасыщаясь зрѣлищемъ, которое онъ

наблюдалъ въ малѣйшихъ подробностяхъ и отъ котораго возвращался въ раздумьѣ и озабоченный тѣмъ, что видѣлъ. Онъ не зналъ лучшаго удовольствія, какъ одѣться въ мундиръ своего измайловскаго полка.

Однажды въ Царскомъ селѣ, куда онъ сопровождалъ свою Августѣйшую мать, узналъ онъ, что полкъ, котораго онъ былъ шефомъ, долженъ былъ на другой день занимать внутренній караулъ въ Императорской резиденціи.

Онъ поднялся безъ шума передъ разсвѣтомъ и одѣлся въ парадную форму. Всѣ спали вокругъ него и никто не пробуждался. Онъ вышелъ изъ своей комнаты съ ружьемъ на плечѣ и достигъ незамѣченнымъ до Императорскихъ покоевъ.

Дверь была заперта, но, согласно приказанію Александра I, который, какъ онъ говорилъ, хотѣлъ быть охраняемъ любовью своихъ подданныхъ, караула къ ней никогда не приставляли. Великій Князь Николай сталъ на часахъ съ ружьемъ въ рукѣ и не двигался въ теченіи можетъ быть цѣлаго часа съ поста, который себѣ назначилъ.

Государь по счастію вставалъ рано; онъ былъ не мало удивленъ, найдя своего меньшаго брата подъ ружьемъ у дверей своихъ комнатъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь, любезный Николай? спросилъ онъ его, узнавъ наконецъ его въ такомъ нарядѣ.

— Вы видите, Государь, отвѣчалъ ребенокъ, сдѣлавъ ему на караулъ, я занимаю караулъ у дверей вашего Величества. Полкъ мой сегодня долженъ быть на дежурствѣ во дворцѣ и я выбралъ себѣ самый почетный постъ; я занялъ его съ ранняго утра, чтобы у меня его не отняли.

— Хорошо, дитя мое, возразилъ Государь, едва удерживаясь отъ смѣха; но чтобы ты сдѣлалъ, если бы явился обходъ? Ты не знаешь пароля?

— Въ самомъ дѣлѣ отдается вѣдь всегда пароль и

лозунгъ, отвѣчалъ Князь, недовольный собою. Все равно: Я бы не пропустилъ никого, будь это самъ Аракчеевъ, который проходитъ всюду.

Съ возрастомъ Великаго Князя Николая выяснялись болѣе обдуманно его военныя наклонности. Онъ желалъ усвоить себѣ всѣ отрасли военнаго искусства, предался исключительно изученію математики и приложилъ свой талантъ къ рисованію, къ линейнымъ, геометрическимъ, стратегическимъ и поліорцетическимъ работамъ.

Государю были извѣстны успѣхи его младшаго брата въ точныхъ наукахъ; но онъ, казалось, не хотѣлъ дать удовлетвореніе этому нетерпѣливому желанію поступить въ дѣйствительную службу подъ русскими знаменами. Вѣроятно, высшія государственныя причины противодѣйствовали тому, чтобы Великіе Князья Николай и Михаилъ явились прежде своего совершеннолѣтія въ военной службѣ.

Молодость этихъ Князей протекла такимъ образомъ въ глазахъ Императрицы-матери, почти внѣ двора, куда ихъ призывали только иногда въ дни торжественныхъ пріемовъ. Гувернеръ ихъ, генералъ Ламсдорфъ, не терялъ ихъ изъ виду ни на минуту и старался держать ихъ какъ можно дальше отъ среды политической, въ которой ихъ положеніе, казалось, обязывало ихъ съ раннихъ поръ принимать участіе.

Они только смутно знали о новостяхъ, которыя ихъ всего болѣе могли интересовать; они не читали ни одного журнала и не знали о событіяхъ, происходящихъ въ Европѣ; они узнавали случайно, что дано было какое нибудь сраженіе, что подписанъ какой нибудь договоръ, вотъ все, что они могли узнать. Ихъ свѣдѣнія въ современной исторіи останавливались на восшествіи на престолъ Александра I. Они питали, какъ и всѣ русскіе, безграничное довѣріе, восторженное удивленіе, сильную и горячую любовь къ этому Ве-

ликому Государю; но они не имѣли даже понятія о главнѣйшихъ событіяхъ его царствованія, если вѣрить свидѣтельству одного изъ товарищей ихъ дѣтства и молодости.

А между тѣмъ это славное царствованіе стоило того, чтобы быть предложеннымъ ихъ оцѣнкѣ, какъ примѣръ мудрости, здраваго смысла, человѣколюбія и великодушія.

Александръ, наслѣдуя своему отцу, приспособлялъ свое управленіе къ управленію Екатерины II. Первымъ его дѣйствіемъ было дать силу и авторитетъ закону: онъ торжественно объявилъ, что не признаетъ никакой законной власти выше этой силы, предъ которою должны преклоняться монархи и народы. Онъ уничтожилъ секретную канцелярію и допросную коммиссію, учрежденную Павломъ I; онъ организовалъ изъ сената высшую юридическую инстанцію, преобразовалъ комитетъ законовъ, основанный Екатериною и ввелъ гласность въ веденіи Государственныхъ дѣлъ.

Онъ намѣревался уменьшать постепенно въ русскомъ законодательствѣ тѣлесное наказаніе и началъ тѣмъ, что уничтожилъ пытку, которая съ тѣхъ поръ не была уже возобновлена. Онъ хотѣлъ также уничтожить конфискацію, но уменьшилъ только ея дѣйствіе и запретилъ, чтобы она была примѣняема къ родовымъ имѣніямъ осужденнаго.

Онъ не переставалъ заботиться объ освобожденіи крѣпостныхъ, этой великой мысли Императрицы Екатерины, которая не успѣла ее осуществить: «Русскіе крестьяне, по большей части рабы, писалъ онъ одному высшему сановнику государства, мнѣ нечего распространяться объ униженіи и несчастіи такого положенія. Поэтому я далъ себѣ обѣтъ не увеличивать числа ихъ и принялъ себѣ за правило не давать никогда крестьянъ во владѣніе».

Доброта его сердца, желаніе, чтобы всѣ его любили, са-

мая свѣтлая любовь къ человѣчеству, проявлялись въ его словахъ и дѣйствіяхъ. Онъ не былъ чванепъ и церемоненъ, чрезъ что пріучалъ свое дворянство принимать простыя и скромныя привычки; онъ являлъ также ему примѣръ вѣжливаго языка и ласковаго обхожденія и особенно озаботился народнымъ образованіемъ, основалъ четыре новыхъ университета, умножилъ число гимназій и развелъ во всѣхъ частяхъ Имперіи элементарныя школы. Торговля, промышленность, искуство, имѣли право расчитывать на его дѣйствительное и либеральное покровительство: онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на самыхъ могущественныхъ двигателей его мирнаго и цивилизующаго дѣла.

Ему-бы хотѣлось уничтожить войны въ Европѣ; онъ въ сущности ненавидѣлъ эти кровавыя борьбы, причинявшія только опустошенія и раззоренія: онъ полагалъ, что союзные договоры между монархами оставляютъ болѣе времени заниматься счастіемъ ихъ народовъ. На этомъ основаніи онъ отдѣлился отъ коалиціи, которая безуспѣшно сражалась въ теченіи десяти лѣтъ противъ принципа французской революціи и подписалъ дружественный договоръ съ первымъ консуломъ Бонапартомъ, котораго онъ всегда считалъ героемъ (8 Октября 1891). Это была прелюдія Аміенскаго мира, вызывавшаго столько надеждъ и продолжавшагося столь короткое время.

Александръ находился подъ вліяніемъ очарованія, которое ему внушалъ Бонапартъ, но онъ не могъ сносить политики постояннаго захватыванія чужихъ владѣній, которой держался его воинственный союзникъ. Онъ впрочемъ заключилъ родъ братскаго союза съ королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вилгильмомъ III и чувствовалъ невольно вліяніе этаго Государя, который не любилъ Францію и питалъ къ Наполеону непримиримую ненависть.

Наполеонъ короновался Императоромъ и казалось меч-

талъ быть неограниченнымъ повелителемъ всѣхъ государей Европы. Новый союзъ составился 8 Апрѣля 1805 года и имѣлъ жалкія послѣдствія для союзниковъ. Эйлауское сраженіе было не столь роковымъ для арміи Русской, какъ Іенское сраженіе для Прусской. Но обѣ соединенныя арміи были не счастливѣе и въ Фридландскихъ долинахъ, гдѣ, не смотря на чудеса храбрости и устойчивости, они принуждены были оставить поле сраженія побѣдоносному непріятелю. Король Фридрихъ-Вильгельмъ потерялъ свое королевство и столицу; Императоръ Россійскій не могъ-бы воротить владѣній своего союзника, не истощивъ источники и силы своего собственнаго Государства; онъ не имѣлъ даже, послѣ этой ужасной войны (1807), средства продолжать войны и состязаться съ побѣдителемъ. Кромѣ того уже черезъ чуръ много крови было пролито и уже не оружіемъ слѣдовало удерживать побѣдоносное шествіе Наполеона.

Александръ и Фридрихъ Вильгельмъ, поклявшіеся въ неразрывной дружбѣ у гроба Фридриха Великаго, заключили между собою новый союзъ и рѣшились быть тайно соединенными; король прусскій, понималъ самъ, что его *добрый другъ* не могъ его спасти иначе, какъ жертвуя имъ открыто въ отношеніи къ Императору Французовъ и рѣшился поэтому выдержать испытанія судьбы, чтобы ждать лучшихъ и болѣе благопріятныхъ дней для союза.

Свиданіе двухъ Императоровъ было на плоту по срединѣ Нѣмана, рѣки, раздѣляющей Пруссію отъ Россіи (Іюня 1807); за этимъ достопамятнымъ свиданіемъ послѣдовалъ тильзитскій договоръ. Александръ не безъ сожалѣнія и неудовольствія пожертвовалъ королемъ Прусскимъ, лишеннымъ части своихъ владѣній, и относительно себя принялъ также отвѣтственность за континентальную сис-

тему, въ случаѣ если переговоры между Франціей и Англіей не поведутъ къ всеобщему миру.

Этотъ тильзитскій трактатъ былъ почти исключительно въ пользу Наполеона; но кромѣ того, какъ говорятъ, существовалъ секретный трактатъ, долженствовавшій измѣнить Европейское равновѣсіе въ пользу принцевъ фамиліи Бонапартовъ и дававшій право Россіи овладѣть Турціею.

Для столь благороднаго и великодушнаго сердца, какъ Императоръ Александръ, было конечно очень горько оставить своего вѣрнѣйшаго союзника и лучшаго друга; но онъ уже и такъ многаго добился отъ Наполеона, оставившаго королю Прусскому призракъ королевской власти: безъ вмѣшательства, безъ опоры Александра, Фридрихъ Вильгельмъ III былъ бы сверженъ съ престола, и Вестфальское королевство, которое Наполеонъ предназначалъ изъ своихъ братьевъ, заняло-бы всю Пруссію.

Александръ I не былъ единственнымъ покровителемъ Пруссіи и ея монарха; Прусская монархія имѣла, такъ сказать, ангела хранителя въ лицѣ королевы Луизы, принцессы столь великаго характера и столь прекрасной души, прекраснаго типа супруги и матери, друга и монархини.

Ея поразительная красота, несравненная грація, ея необыкновенныя качества, все въ ней внушало уваженіе и удивленіе. Симпатія, которую она внушила Императору Россіи, походила на фанатизмъ и прибавляла еше болѣе преданности къ братской дружбѣ, которую онъ питалъ къ королю Прусскому, къ этому самоотверженному и мужественному Государю, столь твердому въ своихъ правилахъ, столь неизмѣнному въ своихъ чувствахъ.

„Братъ мой, я довѣряюсь вамъ! писалъ ему Фридрихъ Вильгельмъ. Я буду терпѣливо ждать, когда придетъ время и никогда не буду отчаяваться въ будущемъ, до тѣхъ

поръ, пока вы будете готовы протянуть мнѣ руку; я уже предвижу конецъ несчастіямъ отечества."

Семейныя радости утѣшали Фридриха Вильгельма въ королевскихъ невзгодахъ и политической превратности. Королева и онъ имѣли оба особенное предпочтеніе къ своей старшей дочери Шарлоттѣ, которая была также красива, какъ ея мать и которая еще болѣе походила на нее съ душевной стороны. Однажды, читая одно чувствительное письмо, написанное молодою принцессою къ отцу, королева расплакалась и воскликнула:

О, любезное и благородное дитя! какъ она насъ любитъ! какъ она горячо умѣетъ обрисовать чувства, ее одушевляющія! А между тѣмъ иногда кажется, что она холодна и равнодушна. Надо читать въ ея сердцѣ, чтобы ее хорошо знать. Это душа, полная чувствительности и энергіи. Если Богъ намъ ее сохранитъ, я предчувствую для нея блестящую будущность. Можетъ быть Императоръ Александръ внушилъ эти пророческія слова материнской любви, ибо, восхищенный прекрасной фигурой принцессы Шарлотты и замѣтивъ также ея величественную походку и видъ, онъ часто говорилъ, что онъ берется выдать замужъ эту прекрасную принцессу за Императора.

Говоря такъ, онъ впрочемъ не думалъ о Наполеонѣ, такъ какъ принцессѣ Шарлотѣ не было болѣе двѣнадцати лѣтъ, когда Наполеонъ вздумалъ развестись и вступить въ новый бракъ, который далъ бы ему наслѣдника.

Наполеонъ видѣлъ великую княгиню Екатерину, сестру Императора Александра и задумавъ жениться на этой Великой Княгинѣ, которая только что лишилась своего мужа, князя Георгія Гольштейнъ-Ольденбургскаго, умершаго 30-го апрѣля 1809 г., генералъ-лейтенантомъ Русской службы и генералъ-губернаторомъ Тверской губерніи. Императоръ Наполеонъ былъ тогда въ эпохѣ своей силы

и славы: предложеніе, которое онъ сдѣлалъ конфиденціально Императору Александру, предлагая ему себя въ зятья, могло бы въ нѣкоторомъ случаѣ показаться выгоднымъ интересамъ Россіи; но Императорская фамилія Романовыхъ не принимала его съ поспѣшностью, хотя Императоръ Александръ и казался расположеннымъ изъявить полное согласіе съ условіемъ, чтобы на то было свободное согласіе его сестры.

Великая Княгиня выразила желаніе остаться вдовою или по крайней мѣрѣ не такъ скоро забыть своего супруга, котораго она еще оплакивала; Императрица мать, съ которой Императоръ Александръ долженъ былъ прежде всего посовѣтоваться о приличности и важности такого союза, объявила самымъ энергическимъ образомъ, что она на это не согласится. Александръ сдѣлалъ видъ, что онъ почтительно согласуется съ волею своей августѣйшей матери и привелъ на видъ почти непреодолимыя препятствія, проистекающія отъ разности религій. Вскорѣ послѣ этого Наполеонъ развелся съ Императрицею Жозефиною, чтобы жениться на Эрц-герцогинѣ Австрійской, а Княгиня Екатерина вышла только шесть лѣтъ спустя вторично за мужъ за наслѣднаго принца Вильгельма Виртембергскаго.

IV.

Эрфуртское свиданіе, заставившее Александра и Наполеона присутствовать въ теченіи осьмнадцати дней среди цѣлаго двора королей, почти павшихъ къ ихъ ногамъ (Сентября и Октября 1809), казалось, соединило ихъ другъ съ другомъ взаимными интересами и обоюдною симпатіею. Ихъ видѣли публично выражающими засвидѣтельствованія удивленія и дружбы.

Казалось, что оба властителя Европы готовы раздѣлить между собою всеобщую монархію. Наполеонъ предоставлялъ себѣ западъ и оставлялъ востокъ Русскому Царю. Между ними были дѣйствительно долгіе секретные переговоры о будущихъ проэктахъ, или скорѣе о средствахъ къ исполненію ихъ наступательнаго и оборонительнаго союза: они написали общее письмо къ Англійскому королю, чтобы заставить его слушаться гласа человѣколюбія, заставивъ молчать страсти; искать съ желаніемъ достичь того, чтобы согласить всѣ интересы и чрезъ это охранить всѣ государства и упрочить счастіе Европы.“

Этотъ союзъ двухъ Императоровъ былъ, правду сказать, отдыхъ болѣе или менѣе продолжительный, въ которомъ оба они нуждались. Наполеонъ былъ сильно запутанъ въ войнѣ съ Испаніею, которая поглощала его финансы и войско. Александръ долженъ былъ одновременно сражаться съ Швеціей, Персіей и Турціей. Побѣда благопріятствовала Русскимъ знаменамъ на всѣхъ поляхъ сраженія и Великое Княжество Финляндское, завладѣть которымъ желали Цари

со временъ Петра Великаго, было съ тѣхъ поръ присоединено къ Русской коронѣ.

Континентальная система, которую Александръ обѣщалъ удержать и защищать противъ Англіи, была только тягостна и пагубна для матеріальныхъ интересовъ Россійской имперіи, но наконецъ Русскій Императоръ, поддавшійся можетъ быть черезъ чуръ снисходительно своенравнымъ требованіямъ своего союзника, спѣшилъ избавиться отъ этого рода тяжелой подчиненности, которую онъ принялъ только временно, въ надеждѣ чрезъ это способствовать къ возстановленію всеобщаго мира.

Онъ удивлялся великимъ качествамъ героя, его военному и политическому генію; онъ былъ очарованъ во время Эрфуртскаго свиданія Наполеономъ, который производилъ такое впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, которые имѣли дѣло съ нимъ и почувствовалъ подъ вліяніемъ мимолетной дружбы, чувство сильной симпатіи къ своему знаменитому союзнику.

Онъ былъ чистосердеченъ, когда во время одного театральнаго представленія, на которомъ онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ Императоромъ Французовъ, онъ внезапно всталъ въ волненіи, услышавъ слѣдующій стихъ:

„Дружба великаго человѣка есть благодѣяніе боговъ."

„Никогда я этаго такъ не чувствовалъ!" воскликнулъ онъ и бросился въ объятія Наполеона. Зрители, состоявшіе изъ королей, князей и придворныхъ, рукоплескали этому поцѣлую, который казалось былъ подтвержденіемъ тильзитскаго договора.

Однако никакого прочнаго союза не могло существовать между этими двумя натурами, столь несходными и глубоко антипатичными: кротость и сдержанность Александра не соотвѣтствовали грубости и вспыльчивости Наполеона.

Надо сознаться, что согласіе, господствовавшее между

ними въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, было только искусственное и притворное: не смотря на ихъ взаимныя увѣренія въ уваженіи и привязанности, они слѣдили постоянно другъ за другомъ, какъ два противника, выжидающіе только случая, чтобы дѣло дошло до рукопашной. Случай этотъ долженъ былъ вскорѣ представиться.

Король Прусскій возвратился въ свою столицу, послѣ трехъ лѣтъ отсутствія, 23 Декабря 1809 г., но онъ не могъ вскорѣ найти средства, чтобы составить вновь коалицію противъ Императора Наполеона.

Въ день своего возвращенія въ Берлинъ, королева Луиза говорила своей дочери Шарлоттѣ: „Слышишь ли ты радостные звуки колоколовъ, слышишь ли ты веселые клики подданныхъ твоего отца? Монархъ, который желаетъ быть любимъ своимъ народомъ, долженъ имѣть сердце, чтобы раздѣлять горе и радости любезнаго народа; монархъ только тогда достоинъ своего сана, когда онъ умѣетъ быть человѣкомъ съ людьми. Помни это дочь моя, если судьба твоя предназначитъ тебѣ впослѣдствіи носить корону!"

Императоръ Александръ, который былъ въ постоянной перепискѣ съ этою доброю и любезною королевой, писалъ къ ней, чтобы она потерпѣла и разсчитывала на будущее: „Пруссія будетъ удовлетворена, говорилъ онъ ей, и она узнаетъ рано или поздно, что Россія осталась ее вѣрною союзницею." Королева Прусская не дожила до осуществленія обѣщаній своего Августѣйшаго друга: она умерла разбитая, поглощенная горемъ, семь мѣсяцевъ спустя послѣ своего возвращенія въ Берлинъ, но успѣла проститься съ Императоромъ и сказала ему, что вѣритъ въ его Императорское слово и что поручаетъ ему въ послѣдній разъ Пруссію, короля Фридриха-Вильгельма, свое семейство и, особенно принцессу Шарлоту, которой въ то время не было еще двѣнадцати лѣтъ.

Прусскій король потерялъ своего ангела хранителя; онъ послѣдовалъ совѣту, который королева ему дала на смертномъ одрѣ; онъ воздержался отъ всякой инициативы въ политическихъ дѣлахъ, имѣвшихъ цѣлью составить новую Европейскую коалицію противъ Императора Французовъ; онъ дѣйствовалъ конечно согласно тайнымъ желаніямъ Императора Александра, не смотря на то, что въ тоже самое время согласился съ Наполеономъ на наступательный союзъ противъ Россіи (24 Января 1812).

Уже цѣлый годъ Александръ дѣлалъ огромныя приготовленія къ войнѣ, предвидя неизбѣжную ссору съ Наполеономъ, завладѣвшимъ Герцогствомъ Ольденбургскимъ и выражавшимъ намѣреніе возстановить королевство польское, давъ одному изъ принцевъ своей фамиліи корону этаго королевства. Александръ только что подписалъ выгодный миръ со Швеціей и Турціей и уже сталъ во главѣ грозной арміи, которую онъ собралъ для защиты отечества въ Вильнѣ.

„Императоръ Французовъ, говорилъ онъ въ одномъ изъ приказовъ, обращенныхъ къ арміи, первый объявилъ намъ войну. Такъ какъ ничто не можетъ его принудить къ миру, то намъ остается, призывая на помощь Всевышняго, Свидѣтеля и Защитника правды, противупоставить наши силы силамъ непріятеля.

Великая армія, предводительствуемая Наполеономъ, перешла Нѣманъ и вошла въ Россію; русская армія, подъ командою генераловъ Багратіона, Барклай-де-Толли и Кутузова, казалось, не имѣла другаго намѣренія, какъ только отступать отъ непріятеля, но эта тактика имѣла цѣлью заманить Наполеона въ русскія степи и воспрепятствовать выйти изъ нихъ.

„Пусть раззореніе, которымъ угрожаетъ намъ непріятель, падетъ на его голову, говорилъ Александръ въ од-

номъ воззваніи къ жителямъ Москвы, и освобожденная Европа да провозгласитъ имя Россіи!"

Наполеонъ думалъ сражаться съ многочисленной и вооруженной арміей; онъ нашелъ народъ, поднявшійся, какъ одинъ человѣкъ, для защиты своихъ жилищъ и для отраженія врага. Это несправедливое и смѣлое вторженіе призывало подъ знамена всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые были въ состояніи носить оружіе. Оба Великіе Князья, Николай и Михаилъ, удивлялись, что нѣкоторымъ образомъ забыты и отстранены среди этаго великаго и великодушнаго движенія, долженствовавшаго сдѣлать Россію непобѣдимою. Правда, что одинъ изъ нихъ имѣлъ только пятнадцать лѣтъ, но другому былъ уже семнадцатый годъ.

Они выразили своей августѣйшей матери Маріи Ѳеодоровнѣ свое неудовольствіе на то, что они остаются чуждыми въ войнѣ народнаго спасенія, разстилавшейся на всемъ протяженіи Имперіи, освѣщенной пожаромъ Москвы.

Императрица—мать отвѣчала Великому Князю Михаилу, заговорившему съ обыкновенною своею живостью: „Ты, Михаилъ, слишкомъ молодъ, чтобы быть солдатомъ; а тебя, добавила она обращаясь къ Великому Князю Николаю, не смотря на твое нетерпѣніе, которое я вполнѣ понимаю и за которое тебѣ благодарна, тебя берегутъ для другихъ надобностей. Святая Русь, дѣти мои, не будетъ нуждаться въ защитникахъ.

Неудовлетворенный такого рода предсказаніемъ, Великій Князь Николай, не доискиваясь смысла его, написалъ прямо къ Государю и умолялъ его позволить ему исполнить долгъ русскаго подданнаго, вступивъ въ службу въ войска Его Величества, тѣмъ болѣе, что онъ былъ шефомъ Измайловскаго полка и чувствовалъ себя способнымъ начальствовать надъ своимъ полкомъ. „Я стыжусь, говорилъ онъ въ этомъ благородномъ и прекрас-

номъ письмѣ, смотрѣть на себя, какъ на безполезное существо на землѣ, которое даже не годно къ тому, чтобы умереть храбрецомъ на полѣ битвы.“

Государь, оказывавшій ему всегда совершенно отеческое расположеніе, послалъ за нимъ, принялъ его съ большею любовью, чѣмъ обыкновенно, и старался утѣшить его въ настоящемъ его бездѣйствіи, говоря ему съ серіознымъ и меланхолическимъ видомъ, что та минута, когда онъ будетъ поставленъ на первомъ планѣ, наступитъ можетъ быть скорѣе, чѣмъ это можно предвидѣть.

— Пока, добавилъ онъ съ добротою, у тебя есть другія обязанности; доканчивай твое воспитаніе; будь достойнымъ, на сколько можешь, того мѣста, которое ты впослѣдствіи займешь: это будетъ услуга для нашего милаго отечества, которую наслѣдникъ престола обязанъ оказать.

Великій Князь удалился, озабоченный этими загадочными словами, долго отзывавшимися въ его умѣ; но послушный волѣ своего старшаго брата и Государя, онъ пересталъ умолять о чести стать, въ качествѣ начальника или простаго солдата, подъ Русскія знамена.

Молодой Князь сдѣлался вдругъ какъ-бы другимъ человѣкомъ; онъ отказался съ тѣхъ поръ отъ шумныхъ забавъ, которыя братъ его Михаилъ и нѣкоторые пріятели одинаковыхъ лѣтъ не могли болѣе заставить его раздѣлять съ ними: онъ даже удалился отъ ихъ общества, слишкомъ шумнаго для него, дѣлался все болѣе и болѣе степеннымъ, тихимъ и разсудительнымъ.

Можно по этому сказать, что у него небыло молодости, потому что онъ перешелъ внезапно, безъ перемѣны, изъ дѣтства въ зрѣлые годы.

— Мнѣ кажется, что ты думаешь быть отшельникомъ! сказалъ ему Великій Князь Михаилъ, расположеніе кото-

раго и живость представляли контрастъ съ молчаливымъ и сосредоточеннымъ видомъ его брата.

— Мы, какъ кажется, еще вчера были товарищами, а сегодня ты мечтаешь повыситься въ чинахъ и держишь себя какъ старшій братъ, то есть какъ благоразумный человѣкъ, какъ философъ.

— Михаилъ, прервалъ его съ горечью Великій Князь Николай, ты не былъ-бы расположенъ шутить, если бы зналъ мысли, меня занимающія. Я думаю о томъ, что непріятель въ Москвѣ, а меня держатъ заключеннымъ въ Петербургѣ!

Великій Князь Николай занялся послѣдовательнѣе и ревностнѣе теоретическими занятіями по военному искусству; онъ читалъ и размышлялъ надъ древними и современными сочиненіями, посвященными великимъ полководцамъ. Онъ вспомнилъ, что когда-то онъ переводилъ съ неудовольствіемъ мѣста изъ *Комментарій цезаря:* онъ принялся за чтеніе этой книги въ хорошемъ французскомъ переводѣ и нашелъ въ ней столько интереса, столько удовольствія, что не могъ оторваться; книга эта была постоянно въ его рукахъ и онъ хотѣлъ-бы ее изучить наизустъ.

Однажды онъ пошелъ навѣстить брата своего Константина, которому поручено было Государемъ руководить оборонительными работами столицы и который днемъ и ночью былъ на ногахъ, съ неутомимою ревностью приводя городъ въ состояніе выдержать осаду.

— Слава Богу! сказалъ Великій Князь Константинъ, если Императоръ Наполеонъ завтра же вышлетъ половину своей арміи, мы будемъ въ состояніи его хорошо принять.

— Нѣтъ вѣроятія, чтобы непріятель осмѣлился прійти сюда, возразилъ молодой Князь; Галлы временъ Цезаря имѣли уже непостоянный характеръ нынѣшнихъ французовъ.

— Галлы, мнѣ кажется, никогда не заходили въ Россію прервалъ его Константинъ, но, во всякомъ случаѣ, во времена Цезаря не было конечно такого генерала, который стоилъ-бы Кутузова.

Дѣйствительно, Генералъ Кутузовъ, оставившій нерѣшенною побѣду въ кровавомъ Бородинскомъ дѣлѣ, былъ счастливѣе во время отступленія великой арміи, а именно у Дорогобужа и Красной, и заслужилъ наименованіе *Спасителя Отечества.*

Наполеонъ раскаявался, что предпринялъ, такой походъ въ страну, защищенную суровымъ климатомъ, равно какъ и геройскимъ патріотизмомъ ея жителей; но всѣ опустошенія этаго похода были только прелюдіями болѣе печальныхъ переворотовъ; когда этотъ великій человѣкъ захотѣлъ подписать миръ на дымящихся развалинахъ Москвы, Императоръ Александръ отвѣчалъ гордо его посланному:" Идите и скажите ему, что война кончилась для него, а для меня она только начинается."

Это роковое предсказаніе не совсѣмъ исполнилось; великая армія уже не существовала; Польша возвратилась вся подъ господство Россіи, и Александръ, манифестомъ своимъ, обнародованнымъ въ Варшавѣ 22-го Февраля 1813, приглашалъ всѣхъ государей и народовъ Европы составить коалицію противъ Франціи и ея Императора:

„Божественное провидѣніе, благопріятствовавшее самому справедливому дѣлу, говорилъ царь въ этомъ манифестѣ, открывавшемъ всю его политику, само призвало всѣ націи защищать честь отечества; народамъ и королямъ напоминаемъ мы ихъ обязанности и интересы."

Этотъ призывъ былъ принятъ съ восторгомъ, и Александръ сдѣлался нѣкоторымъ образомъ главою Европейской коалиціи, которая вскорѣ выставила противъ Наполеона армію въ сто пятдесятъ тысячъ человѣкъ.

Россія и Пруссія, Австрія и Англія находились въ секретномъ соглашеніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы неизвергнуть съ престола этаго коронованнаго солдата, желавшаго сдѣлаться деспотическимъ посредникомъ ихъ судебъ.

Что могли сдѣлать побѣды, что могли сдѣлать чудеса храбрости и военнаго искусства противъ этаго единодушнаго возстанія народовъ, противъ этаго неумолимаго возмущенія государей? Армія коалиціи обновлялась и умножалась безпрерывно, подвигаясь со всѣхъ сторонъ на Францію, не смотря на славныя подвиги оружія французской арміи, не смотря на необычайный источникъ генія Наполеона.

Александръ самъ, по собственному желанію, дозволилъ своимъ двумъ меньшимъ братьямъ, Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу прибыть въ его главную квартиру, передъ открытіемъ французской кампаніи и сопутствовать Императору до конца войны; но Александръ держалъ ихъ всегда въ отдаленіи отъ дѣйствій и не позволялъ имъ принять активной и опасной роли въ этой ужасной войнѣ, долженствовавшей кончиться подъ стѣнами Парижа капитуляціей 30 Марта 1814 г.

Французская кампанія, въ продолженіи которой Императоръ Наполеонъ былъ величественнѣе въ своихъ несчастіяхъ, чѣмъ былъ въ торжествахъ въ дни своего счастія; эта геройская и замѣчательная кампанія оставила глубокое воспоминаніе въ изумленной душѣ Великаго Князя Николая, который не могъ неимовѣрныхъ усилій перваго современнаго полководца, противившагося, съ горстью ветерановъ и молодыхъ рекрутъ, цѣлой, соединившейся противъ него, Европѣ.

Великіе Князья не были однако свидѣтелями кровавыхъ сраженій при Шанпоберѣ, Монтмиралѣ, Нанжи, Сенъ-Ди-

зіе, гдѣ побѣда казалась часто нерѣшенною и гдѣ Русскія войска покрывались славою, хотя преимущество оставалось на сторонѣ Наполеона; они не присутствовали даже при тѣхъ нѣкоторыхъ схваткахъ которыя безпрестанно возобновлялись и которыя отмѣчали, такъ сказать, всякій привалъ союзной арміи. Императору Александру было извѣстно великодушное нетерпѣніе, которое громко выказывали его молодые братья, желая приблизиться какъ можно ближе къ театру борьбы; поэтому онъ имѣлъ осторожность отдалить ихъ оттуда и оставить въ аррьергардѣ, за пассивными дѣйствіями котораго они слѣдили съ досадой.

Они такимъ образомъ перебывали въ нѣсколькихъ городахъ, занятыхъ Русскими войсками, вмѣсто того, чтобы идти впередъ съ корпусами, командуемыми барономъ Сакеномъ и княземъ Воронцовымъ, которые на всякомъ шагу встрѣчали новыя препятствія и ежедневно сражались съ новымъ непріятелемъ.

Невозможность сопутствовать Своему Августѣйшему Брату во время вшествія его въ Парижъ была для этихъ молодыхъ Князей настоящею немилостью. Этотъ достопамятный день былъ дѣйствительно лучшимъ и славнѣйшимъ днемъ царствованія Александра.

Наканунѣ, послѣ отчаянныхъ и кровопролитныхъ сраженій, данныхъ у воротъ столицы, онъ даровалъ жителямъ, отдавшимся подъ его покровительство, почетную капитуляцію. Слова, произнесенныя имъ утромъ 31 марта, передъ входомъ въ Парижъ, во главѣ своего войска, заключали въ себѣ, кромѣ обѣщаній, сдержанныхъ имъ въ точности, разоблаченіе его политическихъ видовъ.

„Французы мои друзья, сказалъ онъ депутаціи, пришедшей принять его у Пантенской заставы, и я докажу имъ, что я имъ воздаю добромъ за зло. Наполеонъ мой един-

ственный врагъ ... Отъ васъ зависитъ упроченіе вашего будущаго счастія. Вамъ нужно правительство, которое дало бы вамъ и Европѣ спокойствіе; вамъ стоитъ высказать свои желанія и вы найдете меня готовымъ помогать вашимъ усиліямъ.“

Слова эти доказывали, что союзные Государи имѣли намѣреніе измѣнить правительство во Франціи, а между тѣмъ Императоръ Александръ, которому предшествовала репутація объ его справедливости, добротѣ и великодушіи, былъ принятъ почти со всеобщею симпатіею.

Когда онъ показался на бульварахъ, загроможденныхъ нерѣшительною и робкою толпою, раздался лестный шопотъ во время его прохода, превратившійся вскорѣ въ восклицанія и аплодисменты. Одинъ видъ Императора располагалъ къ нему всѣ сердца. Его важный видъ, его благородная поступь, его красивая фигура, его улыбка и ласковое обращеніе,—казалось тотчасъ же подтверждали все, что разсказывали объ немъ, объ его прекрасномъ характерѣ и его высокихъ качествахъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, имѣя по сторонамъ Великаго Князя Константина и короля Прусскаго, со свитою князей, генераловъ и государственныхъ людей; но смотрѣли и восхищались имъ однимъ.

Надежда и довѣренность начинала возраждаться въ унылыхъ сердцахъ. Къ несчастію, Императоръ Александръ заранѣе условился съ своими союзниками не имѣть дѣла съ Наполеономъ, котораго онъ обвинялъ въ троекратномъ обманѣ и считалъ врагомъ Европейскаго спокойствія. Онъ обманулся и подпалъ подъ вліяніе партіи роялистовъ, которая нѣкоторымъ образомъ овладѣла Парижемъ одновременно съ союзною арміею и которая чувствовала себя поддерживаемою и защищенною двумя стами тысячъ иностранныхъ штыковъ.

Людовикъ XVIII, оставляя свою резиденцію въ Гартвелѣ, совершилъ свое торжественное вшествіе въ Лондонъ, гдѣ англійскій народъ принялъ его съ большимъ почетомъ, въ качествѣ короля Франціи, но онъ еще не высадился въ Кале.

Наполеонъ оставилъ Фонтенебло и направлялся не спѣша къ острову Ельбѣ, который ему назначали имперіею и темницею; но онъ всетаки стоялъ еще на французской почвѣ; дѣло его не было совершенно проиграно, потому что Императрица Жозефина и королева Гортензія приняли на себя его защиту предъ Императоромъ Россіи.

Каждый день эти два ангела хранителя судебъ Наполеона и Имперіи дѣлали шагъ къ той цѣли, которой ихъ преданность могла надѣяться достичь. Эти двѣ благородныя женщины хотѣли примирить Александра съ Наполеономъ; Наполеонъ пересталъ-бы быть изгнанникомъ а тронъ, основанный имъ съ такимъ политическимъ геніемъ и военною славою, принадлежалъ бы, по случаю его отреченія, его законному сыну, королю Римскому, или же усыновленному имъ пасынку принцу Евгенію Богарне.

Агенты Бурбоновъ опасались важныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ дружества Александра съ первою женою и сестрою Наполеона. Жозефина умерла внезапною смертью (29 мая 1814 г.), а королева Гортензія никогда болѣе не встрѣчалась съ своимъ великодушнымъ покровителемъ, на котораго она возлагала все свое довѣріе и надежду.

V.

Великіе Князья Николай и Михаилъ прибыли въ Парижъ наканунѣ смерти Императрицы Жозефины и четыре дня спустя послѣ высадки Людовика XVIII въ Кале.

Императоръ Александръ разрѣшилъ имъ только тогда прибыть къ нему, когда увѣрился, что столица, занятая отборными корпусами, принадлежащими союзнымъ Государямъ, была охранена отъ внутренняго возмущенія и внѣшняго нападенія. Спокойствіе было впрочемъ быстро возстановлено въ этомъ огромномъ городѣ, жители котораго принимали съ нѣкотораго рода безпечностью случившіяся событія и возвращались къ своимъ привычкамъ, занятіямъ и удовольствіямъ.

Молодые Князья, которыхъ ихъ Августѣйшій братъ намѣревался не выпускать изъ виду ни на минуту во время ихъ пребыванія въ Парижѣ, поселились съ нимъ въ отелѣ Инфантадо, находящемся на улицѣ Сенъ-флорентенѣ, который предоставилъ ему въ распоряженіе князь Талейранъ и который представлялъ то удобство, что у него могли быть во всякое время подъ рукою полки его гвардіи, расположенные лагеремъ въ Елисейскихъ-поляхъ. Князья все еще находились подъ непосредственнымъ надзоромъ ихъ гувернера, генерала Ламсдорфа, но они являлись рядомъ съ Императоромъ Россіи на всѣхъ торжественныхъ пріемахъ и были свидѣтелями безпрерывныхъ овацій,

встрѣчаемыхъ имъ всюду на пути, которыхъ онъ избѣгалъ на сколько могъ, ибо, говорилъ онъ:“ Король Людовикъ XVIII будетъ не доволенъ тѣмъ, что его подданные дѣлаютъ мнѣ лучшій пріемъ, чѣмъ ему!“

Великіе Князья имѣли не разъ случай замѣчать съ удовольствіемъ готовность Парижскаго народа идти на встрѣчу къ царю и привѣтствовать его радушными и восторженными кликами.

— Государь! Сказалъ Великій Князь Николай своему Августѣйшему брату, который былъ предметомъ восторга толпы во время шествія кортежа при въѣздѣ Людовика XVIII., на который онъ имѣлъ любопытство посмотрѣть въ строжайшемъ инкогнито: Государь, если вы имъ дадите волю, то эти добрые люди провозгласятъ васъ королемъ Франціи и Наварры.

Великіе Князья присутствовали на слѣдующій день при большомъ парадѣ союзныхъ войскъ, составлявшихъ непрерывную линію отъ Арсенала до Тюльери: они проходили мимо короля, который сидѣлъ подлѣ герцогини Ангулемской въ отдѣленіи павильона Флоры и имѣлъ во кругъ себя Императоровъ Русскаго и Австрійскаго, короля Прусскаго и двадцать восемь другихъ государей, въ числѣ которыхъ считали Великихъ Князей Николая и Михаила.

Это великолѣпное зрѣлище привлекало безчисленное множество зрителей; отъ времени до времени слышались крики: *Vive le roi*!, но крикъ: *Vive Alexandre*!, повторяемый тысячью голосами, покрывалъ всѣ крики, несмотря на то, что Императоръ пытался заставить ихъ умолкнуть, притаясь, такъ сказать, за кресломъ Людовика XVIII.

— Кузенъ мой, сказалъ ему король, отчего вы не покажетесь моимъ подданнымъ, которые васъ любятъ и благословляютъ, потому что они знаютъ и понимаютъ, что

вамъ въ особенности Францiя и Европа обязаны спокойствiемъ и процвѣтанiемъ.

Когда Императоръ Александръ, сопровождаемый своими тремя братьями, посѣтилъ Монетный домъ, въ его присутствiи была вычеканена медаль съ изображенiемъ его вензеля и слѣдующею надписью: *Возстановителю мира въ Европѣ!*

За нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ присутствовалъ съ Прусскимъ королемъ въ публичномъ засѣданiи Французской Академiи, гдѣ ему поднесены были многочисленныя привѣтствiя.

— Государь, сказалъ ему очень ловко академикъ Сюардъ, котораго Александръ велѣлъ себѣ представить въ концѣ этаго засѣданiя; Ваше Величество находитесь въ странѣ, которую должны любить, ибо любите славу, въ ней раздаваемую. Если вашъ Августѣйшiй предокъ заслужилъ въ Россiи безсмертiе, то онъ его прiобрѣлъ во Францiи. По примѣру Императора и оба Великiе Князья посѣтили вмѣстѣ большую часть учрежденiй въ Парижѣ, посвященныхъ наукамъ, искуству, промышленности и благотворительности.

Великiй Князь Николай желалъ преимущественно видѣть военныя учрежденiя, — политехническую школу, домъ Инвалидовъ, казармы и госпитали.

Послѣднiя событiя оставили только въ нихъ много слѣдовъ растройства и безпорядка, но благородный и мудрый посѣтитель видѣлъ достаточно причинъ удивляться генiю Наполеона, который, не взирая на почти безпрерывное военное положенiе въ его царствованiе, улучшилъ и усовершенствовалъ всѣ отрасли администрацiи.

Оба Великiе Князья были тронуты при видѣ старыхъ изувѣченныхъ солдатъ, наполнявшихъ залы и дворы дома

Инвалидовъ и молча отворачивавшихся, со слезами на глазахъ, когда узнавали Русскій мундиръ.

— Въ какомъ дѣлѣ были вы ранены? спросилъ Великій Князь Николай сержанта, который съ трудомъ ходилъ на костыляхъ и лице котораго вѣроятно было избито ударами сабли.

— При переходѣ черезъ Березину, отвѣчалъ Инвалидъ, стараясь улыбаться сквозь свои раны: казаки, которые меня обработали, какъ вы видите, не были одноруки, но и я не былъ таковымъ, могу васъ увѣрить; я упалъ рядомъ съ ними въ снѣгъ; они не встали, а я имѣлъ счастіе отдѣлаться двумя отмороженными ногами. Впрочемъ и подѣломъ: чего мы искали въ вашей Россіи? дьявольская страна, которая сама собою защищается: войти въ нее можно хорошо,—это правда, но выйти изъ нее нельзя, или, если выйдешь, то такъ, какъ я вышелъ, чтобъ поступить въ Инвалиды.

Эта солдатская вспышка заинтересовала Императора Александра, которому объ ней разсказали Великіе Князья, говоря о другихъ особенностяхъ своего посѣщенія дома Инвалидовъ, гдѣ они нашли имя Наполеона во всѣхъ устахъ.

Александръ полюбопытствовалъ также видѣть Березинскаго сержанта, чтобы послушать его разсказовъ о войнѣ 1812 года и особенно чтобъ сказать ему, что всѣ французскіе плѣнные, оставшіеся въ Польшѣ и Россіи въ числѣ болѣе 80,000, должны скоро вернуться во Францію.

— Вотъ обрадуются то они! воскликнулъ инвалидъ; Государь! я совѣтую вамъ дать знать объ этой новости нашему Императору Наполеону: онъ вамъ за это скажетъ большое спасибо.

Александръ спросилъ: извѣстны ли его товарищамъ послѣднія событія, положившія конецъ войнѣ и преобразовавшія Французское правительство въ духѣ общаго уми-

ротворенія. Старый солдатъ покачалъ головою и сталъ внезапно грустенъ и серіезенъ.

— Надо сознаться, Государь, что въ этомъ Вы не хорошо поступили! проворчалъ онъ сквозь зубы. Что вы хотите, чтобы мы дѣлали съ королемъ, который не умѣетъ сѣсть на лошадь, — живо прибавилъ онъ. Замѣнить наше великолѣпное трехцвѣтное знамя какою-то тряпкою. О! Это не хорошо, это намъ обидно! Хорошо еще, что это долго не продлится. Нѣтъ Франціи безъ нашего Императора Наполеона. Эти слова, бывшія отголоскомъ чувствъ народа и войска, поразили Александра и заставили его задуматься. Впрочемъ онъ и самъ имѣлъ случай убѣдиться, во время своихъ частныхъ прогуловъ, на сколько Имперія была національна и на сколько Наполеонъ былъ популяренъ.

Разсказываютъ, что однажды онъ сказалъ графу Нессельроде, который за одно съ лордомъ Кастельри и герцогомъ Талейраномъ всего болѣе способствовалъ низверженію Императора Наполеона и возстановленію Бурбоновъ.

— Еслибы это возможно было передѣлать, я бы этаго не сдѣлалъ! Спокойствіе Европы было вѣрнѣе съ Наполеономъ на тронѣ, чѣмъ съ Наполеономъ на островѣ Ельбѣ.

— Государь, отвѣтилъ будто бы знаменитый государственный министръ, вы его сдѣлали Императоромъ острова Эльбы; я не видѣлъ-бы большой опасности, если бы островъ Ельба находился въ Южномъ океанѣ.

Императоръ Александръ любилъ появляться верхомъ въ сопровожденіи своихъ братьевъ Николая и Михаила. Проходящіе сбѣгались, чтобы посмотрѣть на нихъ, чтобы полюбоваться ихъ благородной и граціозной осанкой; каждый привѣтствовалъ ихъ; каждый вслухъ дѣлалъ сравненія, не

лестныя для Людовика XVIII и королевскаго семейства: „Россія очень счастлива, говорили они, имѣя такого Императора и такихъ Князей!“

Часто Великіе Князья выѣзжали со своимъ наставникомъ, безъ свиты, но ихъ всѣ узнавали, не переставали слѣдить за ними и смотрѣть на нихъ съ любопытствомъ, иногда даже нѣсколько для нихъ стѣснительнымъ.

Однажды утромъ Великій Князь Николай гулялъ съ своимъ братомъ въ Елисейскихъ поляхъ. Какая то женщина шла передъ его лошадью и просила его передать письмо Императору!

Видя, какія почести отдавали этому красивому молодому человѣку въ полковничьемъ мундирѣ и въ крестахъ, она думала, что обращается къ одному изъ адъютантовъ Императора. Она жаловалась на одного Русскаго офицера, похитившаго у нея дочь и отказавшагося на ней жениться.

Великій Князь Николай обѣщалъ дать удовлетвореніе этой женщинѣ и передалъ ея жалобу Императору. Александръ потребовалъ къ себѣ офицера, сдѣлалъ ему выговоръ и грозилъ ему самыми строгими взысканіями, если онъ не исправитъ зло, которое онъ причинилъ честному семейству. Офицеръ этотъ, бывши женатъ, не могъ поправить ошибки согласно желанію Императора, но предложилъ тотчасъ же возвратить молодую дѣвушку ея матери съ приданымъ въ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Великій Князь Николай изъявилъ желаніе прибавить къ этому приданому десять тысячъ франковъ, изъ числа денегъ, назначенныхъ для его удовольствій. Онъ сдѣлалъ еще болѣе: почтилъ своимъ присутствіемъ бывшую вскорѣ затѣмъ свадьбу этой молодой дѣвушки съ чиновникомъ министерства финансовъ.

Накануне этой свадьбы, русскій офицеръ, не столь виновный, какъ казалось, получилъ приказаніе тотчасъ-же отправиться на три года въ Сибирь. Онъ обратился съ ходатайствомъ къ Великому Князю Николаю, умоляя его о заступничестве передъ Императоромъ.

— Поѣзжайте все таки, сказалъ ему Великій Князь, я постараюсь о вашемъ дѣлѣ и извѣщу васъ прежде, чѣмъ вы достигнете до мѣста вашего назначенія. Слѣдствіе кончилось благопріятно для васъ, съ чѣмъ васъ и поздравляю, потому что вопросъ о наказаніи былъ поставленъ гораздо хуже.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, Русскій Императоръ благоволилъ почтить своимъ посѣщеніемъ Баронессу Сталь, которую окружали Французскія и иностранныя знаменитости, привлеченныя блескомъ ея литературной славы и восхищенныя неисчерпаемымъ источникомъ ея геніальности.

Г-жа Сталь, оглашавшая Европу своими непріязненными возваніями противъ Бонапарта, удалилась даже на край Европы, чтобы, какъ она говорила, избѣгнуть гоненія новаго Тиверія. Съ гордостью раздраженной женщины она смотрѣла на походъ въ Россію, какъ на средство овладѣть особою Наполеона.

Во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ она была представлена Императору, который ей оказалъ большое вниманіе и обѣщалъ любезно возвратить ее во Францію.

Г-жа Сталь, приписывавшая себѣ нѣкоторое личное участіе во всѣхъ невзгодахъ судьбы, обрушившихся на Наполеона, возвратилась дѣйствительно съ торжествомъ въ Парижъ черезъ нѣсколько дней послѣ капитуляціи 30 Марта.

Она вообразила себѣ, что мнѣніе ея, выражаемое всегда въ формѣ пророчества, производило неопреодолимое вліяніе на дѣла политики.

Послѣ этаго можно себѣ представить, какъ она должна была гордиться и радоваться, принимая у себя Императора Александра и Великихъ Князей Николая и Михаила, которые также интересовались познакомиться съ этою замѣчательною женщиною.

— Вечеромъ 26-го мая нѣсколько Государей, между которыми былъ король Прусскій, назначили свиданіе у ней.

— Государь! сказала она прямо Прусскому королю тѣмъ надменнымъ тономъ, съ которымъ она привыкла обращаться со всѣми, даже съ коронованными особами: благоволитъ-ли Ваше Величество разрѣшить мнѣ говорить о брачномъ союзѣ между Пруссіей и Россіей. Принцесса Шарлотта одна изъ самыхъ очаровательныхъ принцессъ всѣхъ Европейскихъ дворовъ, а Русскіе Великіе Князья вполнѣ достойны всякой хвалы. Великіе Князья покраснѣли, немного удивленные такой довольно безцеремонной любезностью, и Король Прусскій обмѣнялся съ Императоромъ Россіи улыбкой.

Въ этотъ вечеръ, когда всѣ въ одинъ голосъ хвалили любезность, сдержанную вѣжливость и достоинство Великаго Князя Николая, г-жа Сталь нѣсколько разъ обращалась къ нему съ вопросами, чтобы лучше выказать ловкость и умѣстность его отвѣтовъ.

— Ваше Императорское Высочество довольны-ли Франціей и Парижемъ, спросила она у него.

— Все, что я слышалъ о Парижѣ и Франціи, отвѣчалъ онъ съ одинаковою находчивостію и скромностью, далеко ниже того, что я вижу въ этой прекрасной странѣ,—въ этой обширной столицѣ, гдѣ столько замѣчательнаго, что нужно прожить здѣсь годы, а не недѣли.

— Развѣ отъѣздъ Вашего Высочества такъ близокъ? продолжала она.

— По мнѣ онъ будетъ всегда слишкомъ близокъ, воз-

разилъ Князь, потому что такой пріемъ не можетъ никогда наскучить, и я жалѣю, Баронесса, что не могу быть долѣе однимъ изъ частыхъ посѣтителей вашего кружка.

— Къ счастію, сказалъ Императоръ Александръ, вмѣшавшійся въ разговоръ, воспоминаніе замѣняетъ отсутствіе. Разговоръ переходилъ на разные предметы, которыхъ Баронесса Сталь касалась со всею живостью своего ума. Слушатели были очарованы.

Политика не могла быть забыта въ собраніи такого большаго числа министровъ и государственныхъ людей иностранныхъ и Французскихъ.

— Я радуюсь, сказалъ Александръ 1, что способствовалъ возстановленію Бурбоновъ во Франціи, потому что это возстановленіе предвѣщаетъ либеральное правительство.

— Это правительство, замѣтила г-жа Сталь, можетъ быть выражено въ двухъ словахъ: король и конституція. Впрочемъ я знаю народы., которые подъ скипетромъ Самодержавнаго Монарха болѣе свободны и лучше управляются, нежели при конституціи.

Присутствующіе, замѣтя, что разговоръ принимаетъ характеръ болѣе частный, удалились, и г-жа Сталь осталась одна съ Императоромъ Александромъ, королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, Наслѣднымъ Принцемъ Прусскимъ и Русскими Великими Князьями.

— Ваше Величество предвѣщаете-ли хорошее царствованіе Е. В. Людовику XVIII? Спросила, обращаясь къ Русскому Императору, г-жа Сталь, не умѣвшая сдерживать свой нескромный языкъ.

— Король Людовикъ XVIII хорошая голова, сказалъ задумчиво Александръ, но надо бояться за окружающихъ

его. Герцогъ Орлеанскій — одинъ только членъ его семейства, который имѣетъ практическіе взгляды. Императоръ остановился, какъ будто разскаяваясь въ томъ, что много сказалъ и обратился къ Великому Князю Николаю:

— Ты видѣлъ нѣсколько разъ герцога Орлеанскаго; онъ тебя принималъ съ радушіемъ; какого ты мнѣнія объ немъ?

— Я познакомился съ нимъ, отвѣчалъ Великій Князь смѣло; это человѣкъ съ великими достоинствами и большими способностями. Но, отвѣчалъ онъ весьма ловко, чтобы судить хорошо о вещахъ и людяхъ, не надо никогда торопиться, и я не чувствую себя безпристрастнымъ въ странѣ, гдѣ мы окружены такимъ вниманіемъ и симпатіей.

— Я съ удовольствіемъ вижу, что ты отдаешь должное Герцогу Орлеанскому, сказалъ Императоръ; напомни ему приглашеніе мое посѣтить насъ въ С.-Петербургѣ.

Государь, продолжала Баронесса Сталь, благодаря Вашему Величеству и вашимъ Августѣйшимъ союзникамъ, Бурбоны царствуютъ во Франціи, но Вы удалитесь отъ насъ и Богъ знаетъ, что можетъ случиться!

Посѣщеніе г-жи Сталь Императоромъ Россіи надѣлало много шума въ Парижскомъ обществѣ и дало поводъ ко многимъ слухамъ и предположеніямъ. Разсказывали, будто Императоръ выказалъ нерасположеніе къ Людовику XVIII и желѣлъ, что для блага Франціи не возвелъ лучше на престолъ Герцога Орлеанскаго.

Великій Князь Николай уѣхалъ изъ Парижа не прежде, какъ познакомившись ближе съ Герцогомъ Орлеанскимъ. Принцъ этотъ вступилъ снова во владѣніе Пале-Рояломъ и замкомъ Нёльи, Герцогиня-же съ дѣтьми находилась въ Сициліи, куда онъ долженъ былъ отправиться за ними. Онъ обѣщался Великому Князю Николаю провести вскорѣ у него нѣсколько дней съ семействомъ; ибо, говорилъ

4*

онъ, „какъ ни желаю я поскорѣе воспользоваться приглашеніемъ, которое Его Величеству Императору Александру угодно было мнѣ сдѣлать, но я боюсь, жена моя и дѣти не позволятъ мнѣ съ ними разстаться“.

— Большое счастіе жить такъ въ семействѣ! воскликнулъ Великій Князь, какъ-бы говоря самъ съ собою.

— Это единственное и прочное счастіе!, отвѣтилъ Герцогъ Орлеанскій съ видомъ откровенности и убѣжденія. Что до меня касается, то я не имѣю иныхъ желаній.

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на Великаго Князя Николая, который завидовалъ судьбѣ Герцога Орлеанскаго и внутренно радовался, что и онъ также не имѣетъ другихъ желаній, кромѣ подобнаго счастія.

Императоръ Александръ рѣшилъ, что оба Великіе Князья должны возвратиться въ Россію черезъ Бельгію и Германію и что путешествіе чрезъ различныя Государства Европы можетъ послужить имъ для окончанія ихъ образованія. Онъ нашелъ лишнимъ взять ихъ съ собою въ Англію и Голландію, гдѣ его ожидали съ королемъ Прусскимъ и Великою Герцогинею Ольденбургскою.

Онъ желалъ продлить свое пребываніе въ Парижѣ, съ которымъ былъ связанъ самою искреннею любовью и живѣйшею признательностію; но присутствіе его въ столицѣ внушало Людовику XVIII завистъ и дурное расположеніе, которыхъ благородная и высокая душа Александра не могла выносить; высокомѣріе, ослѣпленіе, упрямство и неблагодарность Бурбоновъ становились съ каждымъ днемъ невыносимѣе. Императоръ Александръ желалъ поскорѣе не быть *маленькимъ королемъ Парижа*, какъ его колко называлъ Людовикъ желанный (le Desiré).

29 мая происходилъ большой смотръ Императорской Русской гвардіи, построенной въ боевомъ порядкѣ на дорогѣ въ Нёльи; народонаселеніе прибыло туда во мно-

жествѣ и восторженные крики ясно доказали Императору, что народъ зналъ чувства, которыми онъ былъ воодушевленъ по отношенію къ Франціи. Герцоги Ангулемскій, Беррійскій и Орлеанскій присутствовали на этомъ блестящемъ смотру вмѣстѣ съ Великими Князьями Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ. На другой день миръ между Людовикомъ XVIII и союзными державами былъ заключенъ. 31-го мая Императоръ Александръ, Австрійскій Императоръ, равно какъ и Русскіе Великіе Князья обѣдали въ Тюльери.

Людовикъ XVIII открылъ засѣданія законодательнаго корпуса только послѣ отъѣзда союзныхъ государей. Русскіе Великіе Князья присутствовали во время королевскаго засѣданія; они съ удивленіемъ замѣтили, что король, въ торжественной рѣчи своей, произнесенной имъ сидя и съ покрытою головою, не выразилъ ни однимъ словомъ личной благодарности къ союзнымъ Государямъ, которымъ онъ обязанъ былъ своею короною, ни къ Русскому Императору, который былъ въ дипломатическихъ переговорахъ вѣрною опорою Франціи.

— Король Людовикъ XVIII находится, какъ мнѣ кажется, сказалъ Великій Князь Николай своему брату, въ пріятномъ заблужденіи; онъ воображаетъ, что онъ самъ возвратилъ себѣ свое государство и вернулся въ свою столицу во главѣ 500000 арміи.

Остроумное замѣчаніе Великаго Князя Николая вѣроятно дошло до Людовика XVIII, и онъ прислалъ ленту Святаго Людовика Барону Сакену, бывшему Губернаторомъ Парижа при вступленіи союзныхъ войскъ, при слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ.

„Цѣня обращеніе ваше съ моимъ любезнымъ городомъ Парижемъ, облегчившее бремя, вынесенное моими поддан-

ными, я желаю выразить вамъ этимъ мое высокое уваженіе и удовольствіе“.

Александръ оставилъ вездѣ послѣ себя воспоминаніе о неисчерпаемой добротѣ своей, и въ ту минуту, какъ онъ отправлялся изъ гавани Кале, его чуть не задавила толпа, жаждавшая его видѣть поближе; его свита хотѣла прибѣгнуть къ силѣ, чтобы освободить его отъ давки; но онъ не допустилъ ее до этого, говоря:

— У меня во Франціи только друзья и поэтому ни одинъ Французъ не будетъ мнѣ докучливъ.

Его путешествіе и пребываніе въ Англіи и Голландіи было рядомъ безпрерывныхъ народныхъ овацій, праздниковъ при дворѣ и публичныхъ веселій; два крика слышались отовсюду: „Даз дравствуетъ Александръ, герой мира! Да здравствуетъ освободитель Европы“!

Часто Императоръ, тронутый такими знаками удивленія и уваженія, не могъ удержать своихъ слезъ.

— Вотъ истинная и драгоцѣнная награда, говорилъ онъ своему адъютанту, генералу Васильчикову, но надо сознаться внутренно, что народы благодарнѣе Государей.

VI.

Великіе князья Николай и Михаилъ, узнавъ о подробностяхъ этихъ торжествъ, жалѣли, что не могли быть свидѣтелями ихъ.

Они прибыли 6-го Іюня 1814 г. въ Брюссель, предшествуемые принцемъ Оранскимъ, который искалъ чести принять ихъ во владѣніяхъ своего отца и находилъ удовольствіе сопровождать ихъ, какъ другъ и братъ, въ теченіи десяти дней, которыя они посвятили на обзоръ главнѣйшихъ городовъ Нидерландовъ.

Они любопытствовали видѣть все, что могло привлечь ихъ вниманіе: памятники, общественныя заведенія, музеи, церкви, казармы, госпитали и прогулки. Послѣ короткаго пребыванія въ Гагѣ, они отправились въ Амстердамъ и не забыли посѣтить то мѣсто, которое посѣтить считаетъ обязанностью каждый русскій патріотъ; за тѣмъ они побывали въ Саардамѣ, чтобы видѣть домъ, въ которомъ жилъ Царь Петръ сто лѣтъ тому назадъ, когда изучалъ тамъ кораблестроеніе. Двадцать дней спустя, Императоръ Александръ, въ сопровожденіи короля Голландскаго и всей королевской фамиліи, въ свою очередь посѣтилъ домъ этотъ, полный для Россіи великихъ воспоминаній и своею Императорскою рукою прибилъ къ стѣнѣ дощечку изъ бѣлаго мрамора съ надписью золотыми буквами: *Petro Magno Alexander*.

Путешествіе Русскихъ Великихъ Князей по Германіи,

происходило давольно медленно: Князья безпрестанно сворачивали съ дороги, чтобы побывать на поляхъ сраженія, на которыхъ Русскіе войска баролись съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ съ войсками Наполеона. Великій Князь Николай на основаніи прочитаннаго имъ объяснялъ брату, слушавшему его съ живѣйшимъ любопытствомъ, стратегическія движенія войскъ и тактику генераловъ, командировавшихъ ими въ эти достопамятныя дни. Графъ Ламсдорфъ, воспитатель Великихъ Князей, находилъ самъ большое удовольствіе слушать теоретическія объясненія, всегда вѣрно приводимыя Великимъ Княземъ Николаемъ въ виду извѣстныхъ мѣстностей.

Великіе Князья непреминули быть въ равнинахъ Лютцена, гдѣ было дано кровавое сраженіе 2 мая 1813 г. Великій Князь Николай, описывая движенія Русской арміи, дѣйствовавшей за одно съ Прусскою, обрисовалъ положеніе этихъ двухъ армій, принятое ими противъ непріятеля, далеко слабѣйшаго по числу, но подкрѣпленнаго сильной артиллеріей.

Вдругъ Князья очутились между двумя курганами, надъ которыми были водружены два деревянныхъ креста съ нѣсколькими надгробными надписями.

— О! воскликнулъ Великій Князь Николай съ чувствомъ глубокаго волненія, здѣсь десять тысячъ храбрецовъ легли за честь нашего знамени. Война страшная необходимость! Я только въ этомъ хорошо понимаю, какою славою покрылъ себя нашъ Августѣйшій благодѣтель, даровавъ миръ Европѣ.

Императоръ Александръ, по возвращеніи изъ Голландіи, вздумалъ вернуться въ Парижъ инкогнито, подъ именемъ Сѣвернаго Графа; онъ назначилъ здѣсь свиданіе королю Прусскому, который прибылъ къ нему подъ именемъ Графа Руппина. Они оставались вмѣстѣ въ столицѣ

недѣлю и разстались, чтобъ вернуться въ свои владѣнія, давъ обѣщаніе свидѣться вскорѣ на конгрессѣ въ Венѣ. Они оба получили грустное понятіе о конституціонномъ правленіи Людовика XVIII.

Великіе Князья Николай и Михаилъ встрѣчали на всякомъ шагу торжества мира, празднуемыя во всѣхъ маленькихъ государствахъ Германіи, проѣзжаемыхъ ими; они останавливались также при тѣхъ дворахъ, съ которыми были связаны родствомъ. Они въ Карльсруэ представлялись Императрицѣ Елисаветѣ, которая ѣхала на встрѣчу къ Императору, не видавши его уже годъ.

Великіе Князья не должны были быть въ С.-Петербургѣ ранѣе конца іюня, чтобы ихъ прибытіе совпадало съ прибытіемъ Императорской гвардіи, которую везъ Русскій флотъ. Императоръ хотѣлъ прибыть также въ свою столицу 3-го августа (22-го іюля), чтобы въ этотъ день, по принятому обычаю, присутствовать на имянинахъ своей Августѣйшей матери.

Въ С.-Петербургѣ готовили большія торжества для его встрѣчи, какъ побѣдителя; но за шесть дней до своего пріѣзда, онъ окончательно запретилъ, предписаніемъ къ Военному Губернатору города, торжественную встрѣчу, приготовляемую ему жителями С.-Петербурга. „Одному Богу обязаны мы, говорилъ онъ въ своемъ рескриптѣ, счастливымъ окончаніемъ кровавой войны Европы противъ притѣснителя человѣчества. Благословимъ Провидѣніе и покоримся ему“.

Съ тѣмъ-же благочестивымъ и смиреннымъ чувствомъ отказался онъ принять наименованіе *Благословленнаго*, которое Сенатъ желалъ поднести ему какъ торжественное выраженіе народной благодарности.

„Такимъ образомъ, говорилъ онъ, Всемогущій положилъ предѣлъ нашимъ несчастіямъ, прославилъ наше отечест-

во въ глазахъ будущихъ поколѣній и вознаградилъ насъ согласно сердечнымъ желаніямъ нашимъ. Обращаясь съ теплыми и благодарными молитвами къ Виновнику всѣхъ благъ, мы повелѣваемъ, чтобы на всемъ пространствѣ Имперіи были отслужены благодарственныя молебствія. Мы убѣждены, что Россія, на колѣняхъ передъ престоломъ Всевышняго, прольетъ слезы радости".

Императорскій манифестъ былъ прочитанъ народу въ Исакіевскомъ соборѣ, въ С.-Петербургѣ, послѣ благодарственнаго молебна за всеобщій миръ.

Великій Князь Константинъ, прибывъ въ Петербургъ раньше Императора, присутствовалъ на этомъ молебнѣ съ Императрицею-Матерью, которая вечеромъ того же дня объѣзжала различныя части города, привѣтствуемая выраженіями радости и крикомъ народа.

Александръ прибылъ въ свою столицу, какъ и желалъ, 3-го августа, въ день имянинъ своей Августѣйшей матери. Онъ оставилъ Императрицу Елисавету въ Карльсруэ, откуда она должна была прибыть къ нему въ Вѣну во время Конгресса.

Великіе Князья Николай и Михаилъ продолжали свое путешествіе по Германіи. Они останавливались на день или два въ городахъ, почему либо интересныхъ, отправились даже въ Швейцарію и 7-го іюля были еще въ Цюрихѣ, осматривая поле битвы, гдѣ въ 1799 году Массена разбилъ Австрійцевъ и принудилъ къ отступленію Русскую армію подъ командою генерала Корсакова, на мѣстѣ изучали они какъ военныя дѣйствія производились въ эту достопамятную компанію у обѣихъ сторонъ.

Въ это время имъ сообщили о томъ, что бывшая Императрица Марія Луиза на пути въ Акеръ, проѣзжаетъ черезъ Цюрихъ,

— Гораздо пріятнѣе было-бы знать, сказалъ Великій

Князь Николай, что она, исполняя долгъ супруги, отправляется наконецъ къ своему мужу на островъ Ельбу!

Великимъ Князьямъ попался на встрѣчу король Прусскій, путешествующій инкогнито по Швейцаріи. Фридрихъ Вильгельмъ принялъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ и убѣдительно требовалъ, чтобы они его подождали въ Берлинѣ, куда онъ скоро вернется и гдѣ уже находился наслѣдный принцъ для встрѣчи прусскихъ войскъ, участвовавшихъ въ французской кампаніи.

— Я надѣялся, сказалъ имъ король, что мой любезный другъ, Императоръ Россіи, будетъ со мною, когда я буду въѣзжать въ мою столицу; вы замѣните его: каждый, глядя на васъ, пойметъ, что вы замѣняете самаго вѣрнаго союзника Пруссіи.

— Ваше Величество, отвѣчалъ Великій Князь Николай, время нашего возвращенія въ С.-Петербургъ еще не назначено и мы ожидаемъ по этому предмету приказаній Его Величества Государя. Мы бы не желали не сдержать по независящимъ отъ насъ причинамъ даннаго Вашему Величеству слова, такъ какъ мы прежде всего обязаны повиноваться волѣ нашего благодѣтеля.

— Я хвалю послушаніе. Императоръ Александръ замѣняетъ вамъ отца и я совѣтую вамъ дѣлать все, что отъ васъ зависитъ, чтобы удовлетворить его. Онъ имѣетъ особенные виды на ваше Императорское Высочество, добавилъ онъ, обращаясь съ дружескою улыбкою къ Великому Князю Николаю; онъ передавалъ мнѣ объ нихъ и нашелъ меня вполнѣ готовымъ споспѣшествовать имъ, на сколько могу.

Великій Князь благодарилъ короля за расположеніе его къ нему. Онъ вѣроятно догадывался, что свадьба его съ принцессою Шарлоттою была любимою мыслью Императора Александра. Онъ отправился съ братомъ въ Берлинъ

и нашелъ въ этомъ городѣ наслѣднаго принца Прусскаго, племянника короля Фридриха, котораго онъ прежде встрѣчалъ въ Парижѣ.

Знакомство съ красивою и граціозною Принцессою Шарлоттою возбудило въ немъ желаніе продлить пребываніе при Прусскомъ дворѣ и вернуться туда какъ можно скорѣе.

Эта принцесса, имѣвшая пятнадцать лѣтъ отъ роду, была живымъ портретомъ ея матери, прелестной королевы Луизы, которую старый принцъ де Линь величалъ *перломъ Прусской короны*, присовокупляя тонко: „есть иныя короны, иные перлы, но эта чище и блестящѣе другихъ".

Ни Принцесса Шарлотта, ни Великій Князь Николай не знали, что между дворами Русскимъ и Прусскимъ происходили переговоры относительно ихъ союза и сами дали ходъ дѣлу, о которомъ не спрашивали еще ихъ согласія. Когда же союзъ ихъ былъ окончательно одобренъ ихъ Августѣйшими семействами, то оказалось, что они уже были тайно обвѣнчаны обмѣною взаимныхъ чувствъ и обѣщаній.

Великіе Князья не могли долѣе оставаться въ Берлинѣ не смотря на то, что Великій Князь Николай, желая продлить свое пребываніе, вздумалъ изучать въ самыхъ подробностяхъ команду Прусской пѣхоты и такъ сказать снова начать свое военное образованіе въ рядахъ солдатъ 1-й роты 1-го Гвардейскаго пѣхотнаго полка, которымъ командовалъ Генералъ Мелендорфъ.

Торжественный въѣздъ короля Фридриха Вильгельма въ столицу былъ назначенъ на 5 августа. Великіе Князья простились съ этимъ Государемъ въ Потсдамскомъ дворцѣ, гдѣ онъ остановился на нѣсколько дней для отдыха и гдѣ его встрѣтило королевское семейство. Онъ дружес-

ки пригласилъ Великихъ Князей вернуться тотчасъ по полученіи на то позволенія отъ Императора Александра и сказалъ, цѣлуя Великаго Князя Николая:

— Не забудьте, что мое семейство ваше и что я съ этихъ поръ смотрю на васъ, какъ на одного изъ моихъ сыновей.

Александръ не хотѣлъ, по чувству христіанскаго смиренія, чтобы возвращеніе его въ его владѣнія было поводомъ къ народнымъ удовольствіямъ, и предоставилъ своимъ храбрымъ сподвижникамъ ту честь, въ которой себѣ отказалъ. Онъ сталъ во главѣ полковъ гвардіи: Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго, моряковъ и двухъ ротъ гвардейской артиллеріи, сопровождавшихъ его въ Парижъ, и вошелъ съ ними въ С.-Петербургъ.

Это народное празднество происходило 10-го сентября съ подобающимъ случаю торжествомъ. Великолѣпныя тріумфальныя арки, украшенныя картинами, эмблемами и надписями, воздвигались въ разныхъ мѣстахъ города. Императрица Мать и Великая Княжна Анна, выѣхавшія на встрѣчу къ войскамъ и опередившія ихъ при входѣ въ городъ, чтобы присутствовать при шествіи, были встрѣчены продолжительными и радостными криками.

Крики эти увеличились, когда въѣхалъ въ городъ Императоръ, окруженный своими генералами и сопровождаемый тремя полками Императорской гвардіи, командуемыми Великими Князьями: Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ.

Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу было поручено временное командованіе, исключительно, принаровленное для нихъ ради такого случая.

Этимъ Александръ вознаградилъ ихъ за заслуги во время Французской компаніи; иныхъ наградъ они не получили и имена ихъ не значились въ безчисленныхъ по-

вышеніяхъ, распространенныхъ на всѣ степени военной іерархіи.

— Друзья мои, сказалъ имъ Александръ, уѣзжая на конгрессъ въ Вѣну, я оставляю васъ съ вашей Августѣйшей Матерью и прошу васъ удовлетворять сколько возможно ея желаніямъ, потому что она приняла на себя обязанность наставлять васъ до вашего совершеннолѣтія. Затѣмъ уже я займусь вами и я столько-же для васъ сдѣлаю, сколько сдѣлалъ для вашего брата, который будетъ вице-королемъ Польши.

Вѣнскій конгрессъ долженъ былъ опредѣлить этотъ вопросъ, который былъ одинъ изъ числа тѣхъ довольно щекотливыхъ вопросовъ, о которыхъ уполномоченные Европейскихъ Державъ должны были разсудить. Но Александръ не скрылъ отъ своихъ союзниковъ, что онъ не уступитъ въ дѣлѣ, въ которомъ слово его было заранѣе дано.

Проѣзжая черезъ Польшу, чтобы ѣхать въ Вѣну, онъ принялъ самымъ благосклоннымъ образомъ польскую депутацію изъ Варшавы и отвѣчалъ начальнику этой депутаціи, Сенатору Рыцкому, выражавшему ему чувства благодарности и преданности своихъ соотечественниковъ:

— Надѣюсь, что успѣхъ оправдаетъ преданность вашей націи; счастіе поляковъ будетъ мнѣ наградою.

VII.

Русскій Императоръ и король Прусскій, соединившись у Фолькенсдорфа въ Австріи, совершили 25 Сентября 1814 г. свой торжественный въѣздъ въ Вѣну, куда собрались многіе Государи и уполномоченные Министры всѣхъ государствъ Европы. Императоръ Францискъ II, сопровождаемый Великими Герцогами и всѣмъ своимъ дворомъ, поспѣшилъ на встрѣчу къ двумъ знаменитымъ гостямъ.

Три дня спустя, Австрійская Императрица отправилась на встрѣчу къ Императрицѣ Елисаветѣ съ Императоромъ Александромъ.

Императрицу Елисавету мало занимали безпрестанные праздники, театры, балы, смотры и всевозможныя баснословныя чудеса, которыя должны были скрыть въ глазахъ безпокойной и любопытной Европы интриги конгресса.

Императоръ и Императрица жили во второмъ этажѣ замка Амаліи, составляющаго одинъ изъ флигелей Вѣнскаго дворца. Они не могли-бы найти ни одного свободнаго для себя часа среди безпрестанныхъ безпокойствъ офиціальной жизни, если-бы Императрица не придумала утреннія прогулки, въ которыхъ Императоръ сопровождалъ ее съ удовольствіемъ. Ихъ встрѣчали вдвоемъ, въ самыхъ пустынныхъ аллеяхъ Императорскаго парка, безъ свиты, пѣшкомъ или верхомъ.

Самыя великолѣпныя и причудливыя празднества слѣдовали безостановочно; но засѣданія конгресса становились съ каждымъ днемъ безотраднѣе. Принцъ де Линь, умѣвшій при всякомъ удобномъ случаѣ сказать острое словцо, говорилъ весело о засѣданіяхъ: „Конгрессъ тянется, а не идетъ!“

Можно было полагать по нѣкоторымъ даннымъ, что уполномоченнымъ никакъ не удавалось сговориться. Лордъ Кэстльриджъ и Князь Талейранъ, котораго Императоръ Александръ возненавидѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ объ его дѣйствіяхъ въ переговорахъ о Парижскомъ мирѣ, противодѣйствовали тайно доброжелательнымъ намѣреніямъ Государей относительно Принца Евгенія Богарне, который повсюду открыто защищалъ Наполеона и добился бы себѣ вице-королевства въ Италіи, если бы согласился пожертвовать, или покрайней мѣрѣ не защищать, короля Мюрата.

Союзные Государи и ихъ уполномоченные должны были, послѣ нѣкотораго сопротивленія, уступить отчасти заявленіямъ Александра, который требовалъ, чтобы Польша была возстановлена и неотмѣнно присоединена къ Россіи; но ему не удалось, какъ онъ надѣялся, уничтожить слѣды того быстраго раздѣла, который воспослѣдовалъ въ теченіи восемнадцатаго столѣтія надъ этимъ Королевствомъ, такъ какъ Пруссія и Австрія остались владѣтельницами тѣхъ провинцій, которыя они у него взяли.

Императоръ Александръ собственноручно написалъ предсѣдателю Варшавскаго сената Графу Островскому письмо слѣдующаго содержанія: „Извѣщаю васъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что судьба вашего отечества рѣшена наконецъ согласіемъ всѣхъ собранныхъ на конгрессѣ державъ. Принимая титулъ царя Польскаго, я хотѣлъ удовлетворить желаніямъ націи. Царство Польское будетъ со-

единено съ Имперіею узами собственной своей конституціи, на которой я желаю основать счастіе страны.

Императоръ трудился съ Министромъ Нессельроде надъ тѣми преобразованіями, которыя онъ желалъ дать своимъ новымъ владѣніямъ въ Польшѣ. Онъ занялся, начиная съ Ноября мѣсяца, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ, подробностями гражданскаго и военнаго устройства страны. Онъ принялъ также къ сердцу улучшеніе судьбы польскихъ крестьянъ, которые, какъ ему представляли,—несчастнѣе, хотя и свободнѣе, Русскихъ мужиковъ.

Онъ сообщалъ о своихъ намѣреніяхъ относительно Польши Императрицѣ-матери, которая совѣтовала ему не увлекаться предположеніями, противными интересамъ Россіи. Онъ отвѣчалъ на это своей Августѣйшей Матери, что онъ привяжетъ Польшу къ Россіи неразрывными узами интересовъ и благодарности. Братьевъ своихъ, Николая и Михаила, извѣстилъ онъ въ тоже время о томъ, что онъ царь Польскій, приславъ каждому изъ нихъ 15-го февраля 1815 г. патенты на ордена Св. Станислава и Бѣлаго Орла.

Неожиданная новость разнеслась внезапно какъ громовой ударъ средп переговоровъ Вѣнскаго Конгресса. Императоръ Наполеонъ съ нѣсколькими сотнями своихъ сторожей оставилъ островъ Ельбу.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней носились неопредѣленные и несвязные слухи о намѣреніяхъ и маршрутѣ Наполеона. Наконецъ узнали, что онъ высадился 1-го Марта на плоскомъ берегу Канеп, въ заливѣ Іонѣ, и что онъ шелъ во главѣ своей маленькой арміи на Парижъ.

Смѣлость этой попытки была слишкомъ очевидна и надо было ждать скорой развязки, которую можно было предчувствовать въ умахъ, хорошо расположенныхъ къ Наполеону. Несмотря на то, что какое-то смущеніе господствовало въ Вѣнѣ, занятія Конгресса не прерывались, и

трудности, которыя до сихъ поръ препятствовали окончательному совершенію Европейскаго договора, исчезли какъ-бы по волшебному мановенію.

Курьеры, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, уже не переставали извѣщать объ успѣхахъ смѣлой экспедиціи, предпринятой Наполеономъ для возвращенія себѣ своихъ владѣній и короны.

Онъ уже имѣлъ армію, которая увеличивалась съ часу на часъ, вступилъ въ Гренобль и всюду на пути народъ встрѣчалъ его съ восторгомъ, какъ спасителя.

— Война, великая война опять начинается! Сказалъ король Прусскій Русскому Императору, котораго онъ обвинялъ въ равнодушіи къ извѣстіямъ такой важности.

— Фрицъ, отвѣчалъ ему грустно Александръ, не довольно-ли ему пролитой въ Европѣ крови! Война, самая правдивая и самая необходимая, приводитъ меня въ ужасъ. Всѣмъ намъ нуженъ миръ.

— Да, продолжалъ Фридрихъ-Вильгельмъ, но нѣтъ и не будетъ никогда мира съ Бонапартомъ.

Не взирая на непреодолимое отвращеніе къ войнѣ, Александръ 31 марта подписалъ съ своими союзниками объявленіе, въ которомъ было сказано, что „Наполеонъ Бонапартъ вышелъ изъ предѣловъ гражданской и соціальной терпимости, и что, какъ врагъ и нарушитель общественнаго спокойствія, онъ подвергаетъ себя общественному преслѣдованію".

Французскій король обнародовалъ такія-же угрозы противъ *самозванца*, который собиралъ подъ трехцвѣтное знамя всѣ войска, которыя посылались съ бѣлымъ знаменемъ, чтобы остановить его побѣдоносное шествіе.

Наполеонъ овладѣлъ Ліономъ, встрѣчая на каждомъ шагу своихъ старыхъ сослуживцевъ, и, по выраженію одного изъ его бюллетеней, Императорскій орелъ его ле-

тѣлъ съ колокольни на колокольню въ Парижъ. Людовикъ XVIII счелъ не безопаснымъ ждать его и уѣхалъ въ Бельгію съ семействомъ и приверженцами.

Онъ былъ увѣренъ, что не вернется во Францію.

Нѣсколько часовъ спустя, 20-го марта, Императоръ Наполеонъ былъ въ Тюльери.

Когда Александръ узналъ о бѣгствѣ Бурбоновъ и выходѣ ихъ изъ Франціи, онъ вознегодовалъ и не могъ этого смолчать. Онъ повторялъ нѣсколько разъ, что возвращеніе Людовика XVIII было-бы невозможно даже тогда, еслибы онъ опирался на милліонъ иностранныхъ штыковъ; тѣмъ не менѣе онъ не выразилъ желанія войти въ сношенія съ Наполеономъ, который послалъ уже въ Вѣну своихъ тайныхъ агентовъ, снабженныхъ его инструкціями и уполномоченныхъ вести отъ его имени переговоры.

Всѣ Государи находились въ безпокойствѣ. Они желали вернуться поскорѣе въ свои владѣнія, опасаясь какъ будто скораго на нихъ нападенія. Уполномоченные продолжали усердно спорить о дѣлахъ вообще въ Европѣ; впрочемъ въ собраніяхъ ихъ были замѣтны нѣкоторое смущеніе и уныніе.

Одинъ только Князь Талейранъ, представлявшій бѣглаго и низверженнаго короля, казался непреклоннымъ и рѣшителенъ. Онъ понялъ, что если Государи разстанутся, не составивъ новой вооруженной коалиціи противъ Императора Французовъ, дѣло Бурбоновъ было-бы безвозвратно потеряно. Онъ попытался примириться съ Императоромъ Александромъ, который чувствовалъ къ нему болѣе презрѣнія, чѣмъ злобы; но Александръ отвернулся отъ него и объявилъ, что уѣзжаетъ на другой день.

Талейранъ сталъ наводнять городъ фальшивыми извѣстіями, служащими къ распространенію живѣйшей тревоги. Онъ сталъ вдругъ увѣрять, что черезъ курьера полу-

чилъ извѣстіе, будто *Бонапартъ*, не мыслящій просить мира у Европы, приготовилъ четырнадцать армій, какъ во времена Французской республики, объявилъ себя диктаторомъ и далъ клятву быть въ скоромъ времени на Рейнѣ съ милліономъ войска.

Русскій Императоръ рѣшился дѣйствительно оставить Вѣну, если король Прусскій выѣдетъ въ одно время съ нимъ, потому что стали увѣрять, что Австрійскій Императоръ казался склоннымъ подписать миръ съ своимъ зятемъ, который становился Императоромъ силою своего генія и могуществомъ своего имени.

Въ тотъ же вечеръ, Князь Талейранъ проникъ къ Александру, когда послѣдній былъ одинъ, и кинулся къ его ногамъ.

— Государь, сказалъ онъ, я умоляю Ваше Величество выслушать меня! Въ прошломъ году, Ваше Величество спасли Францію; теперь вы должны спасти Европу. Бонапартъ теперь во главѣ своихъ войскъ; онъ никогда не осмѣлится вступить въ Россію, но если новая коалиція не преградитъ ему дороги, то онъ будетъ поочередно въ Берлинѣ, Варшавѣ и Вѣнѣ. Ваше Величество! ради спокойствія свѣта, составьте вокругъ себя священный союзъ государей и Европа будетъ спасена!

— Священный союзъ государей! сказалъ про себя Императоръ, пораженный богатою мыслію этихъ словъ; я подумаю!

Онъ обѣщалъ явиться на другой же день на конгрессъ и отсрочить своей отъѣздъ. Имя Людовика XVIII не было произнесено.

Въ засѣданіи рѣшены основанія наступательнаго и оборонительнаго трактата между Австріею, Велико-Британіею, Пруссіею и Россіею, для удержанія установленнаго Вѣнскимъ конгрессомъ въ Европѣ порядка.

— И такъ вы будете имѣть священный союзъ государей, сказалъ Александръ, обращаясь къ Талейрану; но не будетъ-ли необходимо теперь-же разсмотрѣть, способенъ-ли Герцогъ Орлеанскій быть для Европы королемъ Французскимъ.

Талейранъ молчалъ, но лордъ Кланкарти, объявивъ, что онъ не уполномоченъ говорить о такомъ важномъ вопросѣ, сказалъ:

— Что касается меня, то я думаю, что возвести Герцога Орлеанскаго на французскій престолъ, значило-бы замѣнить военную узурпацію семейною, что гораздо опаснѣе для Государей.

Возраженіе это, основанное на принципѣ политическомъ и моральномъ, произвело сильное впечатлѣніе на прямой и благородный умъ Александра, который не далъ хода своему предположенію.

Трактатъ между четырьмя державами былъ подписанъ. Всякая изъ нихъ обязывалась вооружить 150000 человѣкъ и не класть оружія безъ общаго согласія иначе, какъ по достиженіи цѣли этаго вооруженія, направленнаго противъ Наполеона, а не Франціи.

Императоръ Александръ, полагая, что война приняла большіе размѣры, сдѣлалъ больше, чѣмъ его союзники: онъ велѣлъ, чтобы первая русская армія, состоящая изъ 200,000 человѣкъ подъ начальствомъ фельдмаршала Барклая-де-Толли, выступила тотчасъ же въ походъ и шла форсированнымъ маршемъ на Рейнъ. Другая армія въ 100,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Витгенштейна, должна была немедленно слѣдовать за первой. Въ тоже время генералъ Беннигсенъ получилъ приказаніе составить резервную армію въ 15,000 человѣкъ, въ составъ которой должна была войти вся Императорская гвардія. Великіе Князья Николай и Михаилъ были извѣщены, что Государь, оставляя

ихъ при своей особѣ, повелѣваетъ имъ совершить кампанію въ корпусѣ фельдмаршала Барклай-де-Толли, который въ случаѣ надобности могъ употреблять ихъ въ качествѣ офицеровъ генеральнаго штаба. Они дѣйствительно оставили русскую границу въ штабѣ фельдмаршала и сопровождали отъ мѣста до мѣста авангардъ арміи, которой предстояло сдѣлать 500 миль во Францію, куда она прибыла безъ выстрѣла.

Императорское правленіе не существовало уже: оно было уничтожено и поглощено конституціонными учрежденіями, оставленными, какъ одежда Нессуса на Геркулесѣ, Людовикомъ XVIII передъ отъѣздомъ въ чужія страны. Это остроумное сравненіе приписывали тогда Александру. Русскій Императоръ направлялся къ Парижу, жалѣя, что его войска не участвовали въ кровавомъ Ватерлоскомъ сраженіи, рѣшившемъ судьбу Наполеона. Геройское пораженіе французской арміи открывало коалиціи вторично доступъ въ столицу.

Наполеонъ имѣлъ еще войско, страшное войско, состоящее изъ старыхъ солдатъ и молодыхъ рекрутъ; за нимъ была также Франція, та самая Франція, которая отразила вторженіе въ 1793 году и которая отразила бы его и въ 1814 г., еслибы измѣна не опутала, не споспѣшествовала уничтоженію самаго великаго современнаго полководца. Онъ имѣлъ передъ собою болѣе чѣмъ неисчислимую армію союзныхъ государей, онъ имѣлъ передъ собою суетливое и мелочное законодательное собраніе, лишенное патріотизма и мужества. Поэтому онъ не пытался продолжать борьбу и сошелъ охотно съ престола, сложилъ съ себя на алтарь отечества корону, которую надѣялся видѣть по крайней мѣрѣ на головѣ своего сына. Англійская и Прусская арміи стояли уже лагеремъ у Парижа, а собраніе депутатовъ толковало какъ на сходкѣ бол-

тливыхъ адвокатовъ, и Наполеонъ, желавшій сохранить кровь своихъ храбрецовъ, отправился въ Рошфоръ, чтобы оттуда удалиться въ Соединенные Штаты.

Этотъ великій человѣкъ просилъ себѣ у командующихъ англійскою и прусскою арміями охраннаго листа. Лордъ Велингтонъ отказалъ ему въ этомъ и помѣшалъ ему обратиться, какъ онъ желалъ, подъ непосредственное покровительство Русскаго Императора. Наполеонъ былъ бы спасенъ, если бы онъ достигъ до штаба Александра, который его ожидалъ, и сынъ его Наполеонъ II былъ бы императоромъ. Но онъ былъ вынужденъ отдаться въ руки Англичанъ и поручить честь свою британскому правительству, которое отправило его плѣнникомъ на скалистый островъ Св. Елены, гдѣ онъ и умеръ.

VIII.

Въ столицѣ находилось 60,000 человѣкъ французскаго войска, полнаго энергіи и энтузіазма, когда, 3 іюля 1815 года, было подписано перемиріе, отдававшее Парижъ и Францію союзникамъ и Бурбонамъ.

Князь Талейранъ былъ все еще въ Вѣнѣ и не могъ поэтому принимать участія въ этой новой измѣнѣ, которая была гнуснѣе и недостойнѣе всякой другой и которая была дѣломъ ненавистнаго Фуше, герцога Отратскаго.

7 іюля, 80,000 человѣкъ прусскаго и англійскаго войска вошли въ Парижъ, гдѣ не оставалось болѣе ни одного французскаго солдата.

На другой день, Людовикъ XVIII, возвратившійся изъ Гента съ своимъ семействомъ вслѣдъ за побѣдителями подъ Ватерло, въѣхалъ въ Тюльери и царство Бурбоновъ началось снова, какъ и прошломъ году, подъ охраною иностранныхъ штыковъ.

Прусскій генералъ Муфлингъ былъ назначенъ губернаторомъ Парижа. Англійскія войска занимали правый берегъ; прусскія—лѣвый. Русская армія только что вступала въ Шампань, а австрійская располагалась въ Бургони.

Русскіе генералы Чернышевъ и Беккендорфъ прибыли въ главную квартиру лорда Велингтона, чтобы объявить ему, что главная квартира фельдмаршала Барклая-де-Толли будетъ расположена вблизи Парижа, въ Гро-Буа, и что Императоръ Александръ желаетъ имѣть въ городѣ,

для личныхъ своихъ услугъ, одинъ только полкъ своей гвардіи. Казалось, онъ этимъ хотѣлъ показать, что вся отвѣтственность несообразнаго занятія войсками Парижа лежала на англійскомъ генералѣ, дѣйствовавшемъ противъ международнаго права и вопреки конвенціи 3 іюля.

Всѣ три союзныхъ Государя: Русскій Императоръ, король Прусскій и императоръ Австрійскій, прибыли вмѣстѣ, 10 іюля вечеромъ. Александръ остановился въ предмѣстьѣ Сентъ-Оноре, въ Елисейскомъ дворцѣ, въ которомъ пятнадцать дней тому назадъ жилъ Наполеонъ. Невольное волненіе овладѣло Русскимъ Императоромъ, когда онъ вошелъ въ комнаты, въ которыхъ, такъ сказать, парила великая тѣнь его прежняго и славнаго союзника: онъ приказалъ разсказать ему о послѣднихъ дняхъ, проведенныхъ Наполеономъ въ этомъ убѣжищѣ противъ бюста своего сына.

— Я принужденъ былъ, говорилъ самъ себѣ Александръ, сдѣлать тяжелое и жалкое пожертвованіе для мира Европы. Но зачѣмъ Наполеонъ не прибѣгъ къ моему покровительству и не попросилъ Русскаго гостепріимства?

Въ тотъ же вечеръ онъ пожелалъ пройтись инкогнито по городу, который нѣжно любилъ, и въ который теперь прибылъ послѣ годичной разлуки, хотя и не былъ доволенъ обстоятельствами, заставившими его возвратиться въ оный. Подъ руку съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ отправился онъ въ Пале-Рояль и гулялъ въ галлереяхъ его, лавки которыхъ блестѣли всѣмъ своимъ великолѣпіемъ.

— Было бы большимъ несчастіемъ, думалъ онъ, если бы такой великолѣпный городъ былъ разрушенъ!

Онъ не былъ ни въ мундирѣ, ни въ крестахъ, но его высокій ростъ, его красивая наружность, его величествен-

ная осанка, привлекали вниманіе гуляющихъ: онъ былъ тотчасъ узнанъ и окруженъ.

— Да здравствуетъ Александръ! Кричали со всѣхъ сторонъ. Да здравствуетъ Императоръ мира! Да здравствуетъ другъ Франціи!

Эти возгласы, эти выраженія сочувствія, провожали его до Елисейскаго дворца.

Великіе Князья Николай и Михаилъ, которыхъ Александръ вызвалъ къ себѣ, прибыли также изъ главной квартиры русской арміи. Ихъ узнали, когда они проѣзжали бульварами, и имъ кланялись тѣ, которые въ прошломъ году встрѣчали ихъ на улицахъ и прогулкахъ Парижа. Молодая и красивая женщина въ траурѣ подошла къ нимъ, предлагая имъ букеты изъ фіалокъ, которые они приняли, не зная, что бонапартисты сдѣлали изъ этого цвѣтка эмблему Наполеона. Распространился слухъ, что подательница этихъ букетовъ была никто иное, какъ знаменитая актриса французскаго театра, г-жа Марсъ.

Императоръ принялъ самымъ радушнымъ образомъ своихъ братьевъ и казалось былъ радъ видѣть ихъ послѣ столь продолжительнаго отсутствія.

— Государь, сказалъ ему Великій Князь Николай, вотъ и кампанія кончилась, а мы не истратили ни одного патрона.

— Я жалѣю конечно, возразилъ Императоръ, что войска мои не участвовали вмѣстѣ съ англійскими и прусскими въ боѣ при Монъ-Сенъ-Жанѣ, но результатъ былъ бы тотъ же и только пролилось бы больше крови. Слава Богу! Я надѣюсь, что время войны прошло и что народы будутъ освобождены отъ этого бича священнымъ союзомъ Государей.

Императоръ избѣгалъ по возможности, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Парижѣ, свиданій съ Лю-

довпкомъ XVIII и его королевскимъ семействомъ. Его сношенія съ нимъ ограничивались строгими требованіями этикета и вѣжливости.

Зависть короля къ великодушному союзнику, возведшему его снова на престолъ, казалось еще болѣе увеличилась. Она не разъ разражалась и выяснялась въ несправедливыхъ и недружественныхъ разсужденіяхъ.

21 іюля, союзные Государи обѣдали въ Тюльери. Александръ и оба Русскіе Великіе Князья не могли уклониться отъ этого предложенія.

Во время обѣда, Людовикъ XVIII сказалъ громко Императору: „Государь, герцогъ Орлеанскій съ своимъ семействомъ еще въ Твикенгамѣ, близь Лондона; онъ вернулся бы ранѣе меня въ Парижъ, еслибы зналъ, что Ваше Величество прибыли, чтобы повидаться съ нимъ." Тюльерійскій садъ былъ наполненъ огромною толпой народа, который вызывалъ Русскаго Императора.

— Государь, сказалъ Людовикъ XVIII съ нѣкоторою ѣдкостью, мои бѣдные подданные знаютъ, что вы здѣсь; но они вѣроятно не знаютъ, что я съ вами.

Александръ былъ вынужденъ показаться съ своими молодыми братьями у оконъ дворца, чтобы удовлетворить желаніямъ парижанъ, которые привѣтствовали ихъ громкими криками.

— Государь, продолжалъ Людовикъ XVIII, вы вредите намъ, показываясь съ этими двумя красивыми Князьями. Сравненіе, надо сознаться, будетъ не въ пользу французской королевской фамиліи.

Король былъ однако очень тронутъ деликатнымъ поступкомъ Императора, увидя на немъ ленту ордена Святаго Духа; которую онъ ему препроводилъ наканунѣ.

— Это узелъ, привязывающій меня еще болѣе къ Франціи! Сказалъ ему Александръ.

Людовикъ XVIII подошелъ къ Великимъ Князьямъ и сказалъ: „Князья, я васъ также причислилъ къ кавалерамъ моего ордена.“ Два дня спустя, онъ отправилъ имъ голубыя ленты.

Герцогъ Орлеанскій прибылъ одинъ изъ Англіи въ концѣ іюля.

Онъ былъ въ совершенной немилости при Тюльерійскомъ дворцѣ, но Императоромъ и Великими Князьями былъ принятъ съ почетомъ и дружески.

Присутствіе Александра въ Парижѣ остановило многія несправедливости и насилія, которыя могли-бы сдѣлать Англійскія и Прусскія власти.

Его умѣренность, любезность и доброта не всегда одерживали верхъ въ совѣщаніяхъ уполномоченныхъ министровъ, ведущихъ переговоры съ правительствомъ Людовика XVIII, хотя представителемъ Россіи былъ Князь Разумовскій, который, служа долго и честно по дипломатіи, могъ имѣть вѣсъ. Уполномоченные вполнѣ сходились въ томъ, чтобы принудить Францію къ самымъ унизительнымъ и тягостнымъ условіямъ мира. Къ ее счастію Русскій Императоръ высказался энергически противъ этаго заговора. Онъ не только лично дѣйствовалъ на Прусскаго короля, который ни въ чемъ ему не отказывалъ и съ которымъ онъ жилъ въ тѣсной дружбѣ, но поручилъ также своему Министру Графу Несельроде противиться категорическимъ образомъ отъ его имени къ раздробленію и къ раззоренію Франціи.

Онъ очень жалѣлъ, что ему неудалось отклонить своихъ союзниковъ отъ принятаго ими намѣренія раззорить Луврскій музей, картины котораго и предметы искуства, добытыя Франціею побѣдами и трактатами, были возвращены Италіи, Голландіи и другимъ странамъ. Но онъ былъ по-

крайней мѣрѣ доволенъ тѣмъ, что воспрепятствовалъ еще болѣе несправедливому мщенію и что противодѣйствовалъ съ успѣхомъ спасенію публичныхъ зданій, въ числѣ которыхъ были Іенскій мостъ и Вандейская колонна, которые хотѣли разрушить.

Во время пребыванія своего въ Парижѣ, гдѣ находилось большинство Государей Европы, онъ окончательно устроилъ нѣсколько предполагаемыхъ свадьбъ, соотвѣтствовавшихъ интересамъ Русской политики. Онъ не безъ труда могъ уговорить свою возлюбленную сестру вдову герцога Петра Гольштейнъ-Ольденбургскаго, отказавшую многимъ предложеніямъ со времени ея вдовства, выдти вторично замужъ за наслѣднаго принца Вюртембергскаго, которому было тогда тридцать пять лѣтъ. Онъ отдалъ руку своей меньшой сестры, Великой Княжны Анны, которой было двадцать съ половиною лѣтъ, наслѣдному принцу Нидерландскому и рѣшилъ, чтобы эти двѣ свадьбы были въ началѣ будущаго года въ С.-Петербургѣ.

Что касается до брака Великаго Князя Николая, предложеннаго самимъ Государемъ королю Прусскому, когда Великій Князь былъ еще ребенкомъ и на который Принцесса Шарлотта изъявила свое согласіе также въ дѣтствѣ, то союзъ этотъ долженъ быть у нихъ послѣ ихъ совершеннолѣтія. Но Императоръ согласился на просьбу Великаго Князя, о томъ, чтобы обрученіе ихъ было совершено раньше. Съ этихъ поръ, король Фридрихъ Вильгельмъ смотрѣлъ на Великаго Князя какъ на своего сына и радовался имѣть его зятемъ. Разсказывали съ большою достовѣрностью, что Императоръ Александръ, неимѣя прямаго наслѣдника и не надѣясь болѣе его имѣть, обратилъ свои взгляды на брата своего Николая, котораго онъ назначалъ себѣ въ наслѣдники въ случаѣ смерти или отреченія, потому что, въ то самое время, Великій

Князь Константинъ разстался съ своею женой Ульрикою Саксенъ-Кобургскою, отъ которой не имѣлъ дѣтей.

Императору Александру удалось наконецъ формулировать основанія священнаго союза, предлагаемаго имъ неопредѣлено со времени Великаго Конгресса двумъ своимъ союзникамъ: королю Прусскому и Императору Австрійскому Онъ заставилъ ихъ принять мистическіе пункты этого основнаго договора. Александръ формулировалъ его и переписалъ собственною рукою. Текстъ такого необыкновеннаго и торжественнаго документа долженъ быть здѣсь приведенъ, какъ основа новаго политическаго права, которое управляло судьбами Европы въ теченіи тридцати лѣтъ.

„Во имя всесвятой и нераздѣльной Троицы.

„Ихъ Величества Императоръ Австрійскій, король Прусскій и Императоръ Всероссійскій, вслѣдствіе великихъ событій, постигшихъ Европу въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ и особенныхъ благодѣяній, ниспосланныхъ Божественнымъ Провидѣніемъ на государства, правительства которыхъ возложили на Него одно ихъ довѣріе и надежду, убѣдились въ крайней необходимости опредѣлить ихъ взаимныя отношенія, основать ихъ на дивныхъ истинахъ, которымъ учитъ вѣчная религія Бога-Спасителя и объявляютъ торжественно, что настоящій актъ имѣетъ цѣлью заявить передъ глазами всего свѣта ихъ непоколебимое рѣшеніе принять, въ управленіи ихъ собственныхъ государствъ и въ политическихъ сношеніяхъ ихъ съ другими государствами, правила только этой святой вѣры—правила справедливости, милосердія и мира, которыя должны быть примѣнены не только къ частной жизни, но и должны дѣйствовать непосредственно на предпріятія Государей и направлять всѣ подвиги ихъ, какъ единственное средство къ обезпеченію человѣческихъ учрежденій и къ исправленію ихъ недостатковъ; поэтому Ихъ Величества согласились въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

„Статья 1. Сообразно съ словами священнаго Писанія, повелѣвающаго всѣмъ людямъ быть между собою какъ братья, три договорившихся монарха останутся связанными узами прочнаго и ненарушимаго братства, окажутъ другъ другу во всякихъ случаяхъ и во всякомъ мѣстѣ поддержку и помощь. Считая себя въ отношеніи къ подданнымъ и арміи отцами семейства, они будутъ направлять ихъ въ этомъ же братскомъ духѣ, которымъ они воодушевлены для защиты религіи, мира и справедливости.

„Статья II. Одинъ принципъ будетъ въ силѣ между сказанными правительствами и подданными — принципъ оказыванія взаимныхъ услугъ, доказательство искренняго расположенія, которымъ они должны быть взаимно одушевлены; считая себя не иначе, какъ членами одной христіанской націи, союзные Государи взираютъ на себя какъ на посланныхъ провидѣніемъ, чтобы управлять тремя отраслями одного семейства, и именно Австріею, Пруссіею и Россіею; признавая, какъ христіане, одинаково съ ихъ народами, что нѣтъ другаго Владыки, кромѣ Того, Которому одному принадлежитъ сила, ибо въ Немъ одномъ находятся всѣ сокровища любви, науки и безпредѣльнаго разума, т. е. Бога, нашего Божественнаго Спасителя, Іисуса Христа, Слова Всевышняго, источника жизни.

Ихъ Величества предлагаютъ поэтому своимъ народамъ искренно пользоваться миромъ, основаннымъ на добромъ расположеніи, который одинъ только проченъ, а также укрѣпляться со всякимъ днемъ болѣе и болѣе въ ученіи и исполненіи обязанностей, которымъ Божественный Спаситель училъ людей.

„Статья III. Всѣ Государства, желающія торжественно признать священные принципы, подъ вліяніемъ которыхъ написанъ этотъ актъ, и согласные съ тѣмъ, на сколько необходимо для счастія народовъ, находящихся такъ долго

въ волненіи, чтобы эти истины производили въ будущемъ на судьбы народовъ вліяніе имъ присущее — будутъ приняты съ одинаковою готовностью и дружбою въ этотъ священный союзъ.“

Этотъ замѣчательный евангельскій актъ былъ съ восторгомъ принятъ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ въ началѣ августа, но всѣ три союзные Государя согласились въ томъ, чтобы трактатъ этотъ былъ уже окончательно подписанъ ими наканунѣ ихъ разлуки и что до тѣхъ поръ онъ будетъ конфиденціально предложенъ тѣмъ изъ Государей, которые изъявятъ на то согласіе. Дѣйствительно, 18 августа старый король Виртембергскій далъ на него полное свое согласіе. Однажды, когда Великій Князь посѣтилъ Императора Александра, послѣдній предложилъ ему при немъ ознакомиться съ проектомъ, подписаннымъ уже нѣсколькими единомышленниками. Великій Князь прочелъ не безъ волненія этотъ благородный и трогательный манифестъ, въ содержаніи котораго онъ узналъ инииціативу своего Августѣйшаго брата.

— Я горжусь, сказалъ онъ взволнованный, что Россія, благодаря Вашему Величеству, объявляетъ Европѣ эру вѣры, мира и правосудія. Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, понялъ я, что Государи посланы Провидѣніемъ, чтобы управлять народами.

— Ты еще не въ такихъ лѣтахъ, чтобы могъ подписать актъ священнаго союза, отвѣчалъ Александръ; но помни, что ты съ сегодняшняго дня въ немъ участвуешь. Мнѣ пріятно думать, что впослѣдствіи ты будешь его твердо держаться.

Александръ пожелалъ, чтобы священный союзъ былъ торжественно скрѣпленъ во время смотра русской арміи и въ присутствіи трехъ Государей и союзниковъ, ихъ въ Па-

рижѣ находящихся. Смотръ долженъ былъ происходить, 22 августа, на обширныхъ равнинахъ Шампиньи, между селеніями Вертю и Феръ-Шампенуазомъ, но Русскій Императоръ, узнавъ о томъ, что жатва не будетъ еще убрана въ это время, побоялся причинить убытки сельскому населенію тѣхъ мѣстъ и отложилъ церемонію до воскресенья 10 сентября.

Лагери различныхъ корпусовъ русской арміи занимали не менѣе шести лье пространства. Видъ войска былъ великолѣпенъ и тысячи любопытныхъ, которыхъ этотъ военный праздникъ привлекъ изъ Парижа и сосѣднихъ департаментовъ, были очарованы величіемъ и красотою такого зрѣлища.

Посреди мѣста, назначеннаго для смотра, былъ воздвигнутъ престолъ. Служба шла торжественная по греческому обряду и въ то самое время, когда священникъ сталъ благословлять, всѣ три Монарха, присутствовавшіе при этомъ, подали другъ другу руку въ знакъ обѣта, а войска, офицеры и солдаты, пали лицемъ на землю.

—Вы видѣли, сказала г-жа Крюднеръ съ вдохновеннымъ видомъ Императору, вы видѣли, счастливый Александръ, полтораста тысячъ русскихъ, отдающихъ должное вѣрѣ и любви,—самыхъ мужественныхъ воиновъ, преклоняющихъ колѣна, непреклоняющіяся ни передъ какими опасностями! Существуетъ же человѣкъ столь великій, исповѣдующій открыто во главѣ этой арміи столь сильную силу признаваемаго людьми Спасителя, Который благословилъ его, и Бога, Который далъ его въ примѣръ всему свѣту!

IX.

Монархи выбыли изъ Парижа 28 (16) Сентября 1815 года, подписавъ договоръ Священнаго союза; они должны были чрезъ нѣсколько дней встрѣтиться въ Дижонѣ и присутствовать тамъ на большомъ смотру Австрійской арміи, которую Императоръ Францъ II-й хотѣлъ показать своимъ союзникамъ.

Александръ отправился въ Брюссель для опредѣленія условій брака своей сестры, Великой Княжны Анны, съ наслѣднымъ принцемъ Нидерландскимъ. Великіе Князья Николай и Михаилъ провели еще недѣлю въ столицѣ; Великій Князь Константинъ, приведшій къ своему Августѣйшему брату польскую депутацію, находился тогда съ ними. Они показались въ послѣдній разъ въ публикѣ на смотру прусскихъ войскъ въ Гренельской равнинѣ; Россійскаго Императора представляли тамъ три его брата. Потомъ они отправились въ Дижонъ, гдѣ Александръ назначилъ свиданіе съ Императоромъ Австрійскимъ и королемъ Прусскимъ; въ Дижонѣ они разстались, послѣ смотра и большихъ маневровъ.

Съ Людовикомъ XVIII, который еще не приступилъ окончательно къ Священному союзу, былъ заключенъ миръ. Большая часть коалиціонныхъ армій уже вышла изъ Франціи; занятіе Парижа Англо-Прусскимъ гарнизономъ не должно было продолжаться далѣе конца ноября, но королевство должно было содержать въ теченіи трехъ лѣтъ

иноземную армію, въ которой на долю Россіи приходилось 30,000 человѣкъ пѣхоты и 7,000 человѣкъ кавалеріи подъ начальствомъ графа Воронцова, адъютанта Императора. Эта армія дана была Людовику XVIII его союзниками для поддержанія его въ первое время его царствованія, не совсѣмъ благосклонно принимаемаго націею, и подавленія враждебныхъ партій, уже грозившихъ шаткому престолу Бурбоновъ.

Императрица Елисавета, по состоянію здоровья, просила своихъ врачей, чтобы они предписали ей Баденскія воды, имѣя при этомъ въ виду встрѣтить Императора на его пути. Итакъ она ожидала его въ Баденѣ съ своею матерью, маркграфинею Амаліею-Фридерикою и своими четырьмя сестрами; но Александръ велѣлъ сказать ей, что проситъ ее отправиться въ Берлинъ, гдѣ обѣщалъ соединиться съ нею черезъ нѣсколько дней.

Императрица сильно страдала, и король Прусскій, который посѣтилъ ее проѣздомъ черезъ Баденъ, сожалѣлъ, что видитъ ее больною.

Великіе Князья Николай и Михаилъ также своротили съ дороги, чтобы представиться ей. Она приняла ихъ съ своею обыкновенною благосклонностью, долго говорила съ ними, говорила съ ними въ особенности объ Императорѣ, но просила ихъ отправиться безъ нея, потому что, — какъ сказала она Великому Князю Николаю, — „она никогда бы не простила себѣ — если бы сдѣлалась препятствіемъ къ скорому соединенію двухъ обрученныхъ, такъ нетерпѣливо желавшихъ увидѣться.“

Императоръ быстро проѣхалъ по Богеміи, чтобы провести нѣсколько дней въ замкѣ Фрауэнбергѣ въ семействѣ князя Шварценберга, — прежде чѣмъ отправиться въ Берлинъ.

Императрицы еще тамъ не было: она принуждена бы-

ла остановиться въ Эйзенахѣ по причинѣ довольно серьезнаго нездоровья.

Въ самый день прибытія Императора, котораго Прусскій король отправился встрѣчать въ Фридериксфельдъ, — Великіе Князья Николай и Михаилъ изъ Лейпцига также прибыли въ Берлинъ и были приняты въ королевскомъ дворцѣ придворными и офицерами.

Вечеромъ наслѣдный Принцъ и другіе принцы крови сдѣлали имъ визитъ. На другой день рано утромъ король лично отправился къ нимъ, — вопреки всѣмъ правиламъ этикета, — и осыпалъ ихъ ласками и привѣтствіями.

— Съ этихъ поръ вы принадлежите къ моей семьѣ, — сказалъ онъ Великому Князю Николаю, и я разсчитываю черезъ нѣсколько дней назвать васъ своимъ сыномъ.

Великій Князь былъ глубоко тронутъ благосклонностью короля и отвѣчалъ, что его бракъ съ принцессою Шарлоттою будетъ еще новыми узами между Пруссіею и Россіею.

— Самый лучшій мой другъ и самый искренній союзникъ есть Императоръ Россійскій, — сказалъ тронутый король; я долженъ бы назвать его не братомъ, а благодѣтелемъ.

Пребываніе Александра и Великихъ Князей при Берлинскомъ дворѣ было непрерывнымъ рядомъ блестящихъ празднествъ, на которыхъ недоставало только Императрицы. Но ее замѣняла Великая Княгиня Екатерина, которой бракъ съ наслѣднымъ Принцемъ Виртембергскимъ былъ назначенъ въ Январѣ.

Годовщина рожденія Императрицы — Матери была отпразднована пышно; дворцовая капелла была освящена наканунѣ по греческому обряду, и русскіе священники совершили тамъ торжественную службу въ присутствіи Императора и Великихъ Князей, короля и принцевъ Прус-

скихъ и всего двора. Вечеромъ былъ *bal paré*, къ которому приглашено было только четыреста знатнѣйшихъ особъ: балъ былъ открытъ польскимъ, въ которомъ Императоръ танцовалъ съ принцессою Прусскою Вильгельминою, а король — съ Великою Княгинею Екатериною.

Великій Князь Николай нѣсколько разъ танцовалъ въ продолженіи вечера съ принцессою Шарлоттою, которая никогда не казалась такъ прекрасною и одушевленною.

Ихъ счастіе достигло своего апогея, когда былъ оффиціально объявленъ ихъ бракъ передъ всѣмъ дворомъ, — принесшимъ имъ поздравленія. Принцесса, обязавшаяся принять греческое исповѣданіе, приняла имя Александры; будущіе супруги, дали брачное обѣщаніе во время божественной службы въ присутствіи Императорской и Королевской фамиліи; немедленно послѣ этой величественной и трогательной церемоніи оберъ-гофмейстеру г. Шильдену было поручено отвести извѣстіе объ этомъ Императрицѣ — матери, которая принимала самое живое участіе въ союзѣ своего сына Николая съ принцессою Шарлоттою.

Александръ спѣшилъ въ Варшаву, Его ожидала признательная Польша, которой онъ обѣщалъ дать національныя учрежденія, и потому принужденъ былъ отправиться до пріѣзда Императрицы Елисаветы, которая очень сожалѣла, что не можетъ соединиться съ нимъ.

Въ Берлинъ, она торжественно въѣхала 16-го Ноября среди радостныхъ кликовъ народа и при звукахъ 101-го пушечнаго выстрѣла. Король, встрѣтившій ее внизу дворцовой лѣстницы, сказалъ, подавая ей руку:

— Братъ мой, Императоръ Россійскій, — просилъ меня извиниться за него передъ Вашимъ Величествомъ въ поспѣшности, съ которою мы отпраздновали обрученіе. Для нашего полнаго счастія недоставало только присут-

ствія Вашего Величества и присутствія Ея Величества Императрицы Маріи.

Было условлено, что окончательный бракъ будетъ отложенъ до совершеннолѣтія супруга, но Великій Князь Николай обѣщалъ своей невѣстѣ выпросить у Императора нѣсколько мѣсяцевъ сокращенія этаго срока, который казался имъ слишкомъ долгимъ.

Тогда въ Берлинѣ распространился слухъ, будто наслѣдный принцъ Прусскій не былъ расположенъ къ браку своей сестры съ Великимъ Княземъ Николаемъ; увѣряли, будто онъ выставилъ на видъ своему отцу, что принцессѣ Шарлоттѣ слѣдовало выйти за Государя или по крайней мѣрѣ за наслѣдника престола, и говорятъ, король улыбаясь отвѣчалъ ему: „Когда нибудь вы поблагодарите меня за то, что я выбралъ вамъ подобнаго шурина; но во всякомъ случаѣ, вы можете считать его наслѣдникомъ престола, пока Россійскій Императоръ не будетъ имѣть прямаго наслѣдника:

Императоръ Александръ, не смотря на народный восторгъ, обнаружившійся при его въѣздѣ въ Варшаву 12-го Ноября 1815 года, вскорѣ узналъ, что его благородныя симпатіи къ Польшѣ встрѣчали только недовѣріе и зложелательство со стороны польскаго дворянства.

Онъ отвѣчалъ депутаціи, посланной къ нему сенатомъ, чтобы развѣдать объ его дальнѣйшихъ планахъ относительно царства Польскаго: Всѣ мои планы стремятся къ упроченію благосостоянія страны и жителей! Я всегда буду выслушивать ваши требованія, чтобы выполнять ваши желанія, на сколько позволятъ это обстоятельства.

Правда, — эта была не та національность, которую главы національной партіи выдавали за формальное обѣщаніе Русскаго Императора. Тѣмъ не менѣе Императоръ немедленно занялся дѣятельно всѣмъ тѣмъ, что могло воз-

становить благосостояніе Польши подъ управленіемъ Великаго Князя Константина, которому предоставлялъ полномочную власть, давъ генералу Заіончеку титулъ вице-короля.

Затѣмъ онъ возвратился въ С.-Петербургъ, — куда еще разъ торжественно въѣхалъ, счастливый тѣмъ, что наконецъ умиротворилъ Европу.

Великіе Князья Николай и Михаилъ возвратились прежде него, равно какъ Императрица Елисавета и Великія Герцогини Ольденбургская и Веймарская. Наслѣдный принцъ Нидерландскій и принцъ Виртембергскій, вскорѣ долженствовавшіе войти въ составъ Императорской фамиліи, также собрались тамъ на праздникъ Рождества, — по случаю котораго Александръ велѣлъ обнародовать по всей Имперіи актъ Священнаго Союза.

Великій Князь былъ еще несовершеннолѣтенъ, но Императоръ объявилъ ему 1-го Января 1816 года, что имѣетъ на него виды и совѣтуетъ ему съ этаго времени принимать участіе въ правительственныхъ дѣлахъ. Онъ присовокупилъ, что скоро призоветъ его въ Государственный Совѣтъ, не давая однакоже ему совѣщательнаго голоса. Покамѣсть же назначилъ его, по просьбѣ Абовскаго университета, — канцлеромъ этаго университета.

Бракъ Великой княгини Екатерины съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ былъ отпразднованъ 11-го (23) Января 1816 года, а бракъ Великой Княжны Анны съ наслѣднымъ принцемъ Нидерландскимъ — 9-го (21) Февраля. Во время великолѣпныхъ праздниковъ первой свадьбы Александръ объявилъ Великому Князю Николаю, что онъ назначенъ шефомъ конно-егерскаго Сѣверскаго полка, и что тотчасъ же можетъ принять начальство надъ этимъ полкомъ. По случаю же втораго брака онъ просилъ его при-

готовиться къ путешествію въ Крымъ и въ землю Донскаго Войска.

Въ самомъ дѣлѣ, Великій Князь получилъ особыя инструкціи относительно этаго путешествія, и отправился 22-го Мая изъ С.-Петербурга, въ сопровожденіи генерала Павла Голенищева-Кутузова, который не состоялъ ни въ какой родственной связи съ Фельдмаршаломъ Михаиломъ Кутузовымъ, — героемъ славной компаніи 1812 года. Великій-Князь долженъ былъ отправиться въ Одессу, — черезъ Великія-Луки, Смоленскъ и Кіевъ.

27-го Іюня онъ былъ въ Николаевѣ, гдѣ вице-адмиралъ Алексѣй Грейгъ представилъ ему генераловъ и офицеровъ флота. Всѣ были поражены, — при этомъ пріемѣ, — скромностью и достоинствомъ въ обращеніи молодаго Великаго Князя. Когда 74-пушечный корабль былъ спущенъ, въ его присутствіи, то онъ велѣлъ подать, по принятому обычаю, три рубля на серебряномъ блюдѣ строителю Тарасову, котораго пригласилъ потомъ къ столу.

— Мы присутствуемъ, гг., сказалъ онъ, предлагая тостъ за Императора, при созданіи нашего флота въ Чорномъ морѣ. Будемъ просить Бога, чтобы этотъ флотъ сдѣлалъ быстрые успѣхи, и чтобы наши военные флоты вскорѣ не имѣли въ чемъ завидовать флотамъ Франціи и Англіи.

Пріемъ Великаго Князя въ Одессѣ представлялъ ему не одинъ разъ случай высказать свои познанія въ военныхъ наукахъ и математикѣ. Онъ посѣтилъ портъ и общественныя заведенія этаго города, котораго благосостояніе съ каждымъ днемъ возрастало.

Великій Князь оставался до 22-го Іюля въ Одессѣ, гдѣ почтилъ своимъ присутствіемъ нѣсколько блестящихъ баловъ, данныхъ властями и купцами; онъ проѣхалъ весь Крымъ, въѣхалъ въ степи Донскаго войска, гдѣ провелъ

нѣсколько недѣль среди кочевыхъ племенъ, живущихъ подъ шатрами въ этихъ обширныхъ и плодородныхъ равнинахъ.

12 Августа онъ прибылъ въ Новочеркасскъ, — главный центръ земли Донскихъ казаковъ; Наказный атаманъ Хованскій, въ сопровожденіи многочисленнаго кортежа генераловъ и офицеровъ, выѣхалъ къ нему на встрѣчу и ввелъ его въ этотъ странный городъ, походившій на лагерь. Оказанный ему пріемъ, посреди выстрѣловъ и при звукѣ военной музыки, произвелъ на него сильное впечатлѣніе и оставилъ въ немъ воспоминанія, которыя онъ любилъ часто вызывать въ своихъ разговорахъ: старые гетманы, въ своемъ блестящемъ костюмѣ, поздравляли его, старики подносили ему хлѣбъ съ солью на золотыхъ блюдахъ, а женщины и дѣвушки бросали, цвѣты къ нему подъ ноги. Такимъ образомъ его сопровождали къ наказному атаману, домъ котораго былъ украшенъ трофеями и знаменами.

Великій Князь желалъ бы воспользоваться подолѣе патріархальнымъ гостепріимствомъ племенъ Дона, но долженъ былъ соединиться съ Императоромъ въ Москвѣ, куда и прибылъ только въ концѣ Августа.

Онъ имѣлъ продолжительныя бесѣды съ своимъ Августѣйшимъ братомъ, и изложилъ ему самымъ удовлетворительнымъ образомъ результаты своей поѣздки. Можно сказать, что онъ привезъ драгоцѣнныя свѣденія относительно исполненія плана военныхъ поселеній, на который графъ Аракчеевъ получилъ одобреніе своего Августѣйшаго монарха.

Александръ отправился въ Москву, чтобы видѣть своими глазами, что ему придется сдѣлать для изглаженія послѣднихъ слѣдовъ пожара 1812 года. Кремль былъ уже

великолѣпно поправленъ; церкви, и общественныя зданія воздвигались изъ развалинъ; со всѣхъ сторонъ возникали дома.

Императоръ изволилъ присутствовать, — вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ, при освященіи новыхъ зданій Благороднаго собранія и былъ съ восторгомъ принятъ директоромъ и членами этаго общества, которому онъ предложилъ въ даръ 1,500,000 рублей.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ Москвы, чтобы отправиться въ Варшаву, гдѣ его ожидали новыя оваціи, онъ обнародовалъ манифестъ отъ 11-го Сентября 1816 года: „Мы поспѣшили исполнить желаніе нашего сердца, — говорилъ онъ, — посѣтить нашу столицу, знаменитую своими подвигами и своею древностью, лично развѣдать ея положеніе и ея нужды и выставить на видъ всего свѣта ея достопамятныя заслуги, освященныя божественнымъ благословеніемъ, уважаемыя иностранными державами, и требующія отъ насъ и отъ отечества всей нашей любви и признательности".

Великаго Князя Николая уже не было тогда около Императора; онъ испросилъ позволеніе путешествовать по Европѣ до времени своего брака, т. е. до своего совершеннолѣтія; онъ долженъ былъ провести не больше мѣсяца въ Берлинѣ, — среди королевской фамиліи; но его Августѣйшій братъ требовалъ, чтобы онъ провелъ три или четыре мѣсяца въ Англіи, чтобы окончить свое политическое воспитаніе.

Это путешествіе въ Англію, готорилъ ему Александръ, будетъ во всякомъ случаѣ для тебя прекрасною школою, и я разсчитываю, что оно принесетъ хорошіе плоды.

Великій Князь воротился въ Петербургъ, чтобы проститься съ Императрицею — матерью и принять ея благословеніе.

Онъ прибылъ туда наканунѣ имянинъ Императора и присутствовалъ при торжественной процессіи, которая по обычаю отправлялась изъ Казанскаго Собора въ Александро-Невскій монастырь.

На другой день онъ обѣдалъ у графа де-Ноайля, Французскаго посланника, который пригласилъ также членовъ Государственнаго Совѣта и дипломатическій корпусъ; посланникъ провозгласилъ тостъ за здоровье Императора въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Да продолжится царствованіе столь мудраго и просвѣщеннаго монарха еще долгіе годы, для блага его подданныхъ и для спокойствія Европы!“

Всѣ присутствующіе разомъ встали, и Великій Князь произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Благодарю Васъ, графъ, отъ имени Россіи за такое объясненіе ея единодушныхъ желаній относительно сохраненія драгоцѣнныхъ дней Его Величества Императора!

X.

Великій Князь отправился 15-го Сентября 1816 года съ генераломъ Ламсдорфомъ и статскимъ совѣтникомъ Саврасовымъ.

Онъ ѣхалъ до Берлина днемъ и ночью. Тамъ его принялъ по братски наслѣдный принцъ и отвезъ его тотчасъ же въ замокъ Шарлоттенбургъ, гдѣ находился дворъ.

Принцесса Шарлотта, которую въ семьѣ уже называли Александрою, не скрывала радости, видя своего будущаго супруга.

Грація и чувствительность этой очаровательной принцессы не разъ имѣли случай выказаться при этомъ первомъ свиданіи:

— Ваше Высочество, — сказала она Великому Князю, Вы пріѣхали кстати, чтобы рѣшить вопросъ, поднявшійся между мною и сестрами и нерѣшенный нами: часы въ Петербургѣ идутъ впередъ передъ Берлинскими часами на три четверти: такъ неужели у васъ время идетъ скорѣе чѣмъ у насъ?

— Я помню, — возразилъ улыбаясь Великій Князь, что нигдѣ время не проходитъ такъ быстро, какъ возлѣ Васъ.

Между обрученными существовала совершенная симпатія чувствъ, хотя принцесса имѣла мечтательный характеръ, располагавшій ее къ меланхоліи. Великій Князь, напротивъ, не имѣлъ расположенія къ мечтательности; онъ умѣлъ размышлять, но не мечтать.

Не смотря на такое несходство привычекъ и характеровъ, они находили одинаковое удовольствіе быть вмѣстѣ, и въ своихъ прогулкахъ по шарлотенбургскому парку всегда удивительнымъ образомъ сходились между собою, хотя часто переставали говорить.

— Вотъ и я поймала Васъ! сказала ему однажды принцесса, — и вы мечтаете также, какъ я.

— Я не мечтаю, — отвѣчалъ онъ, — а думаю. Я думаю объ Васъ.

Часы и дни, которые посвящалъ Великій Князь своей невѣстѣ и своему новому семейству, пролетѣли очень быстро, но оставили впечатлѣніе въ его памяти. Онъ часто вспоминалъ слова герцога Орлеанскаго, который, — какъ онъ говорилъ принцессѣ Шарлоттѣ, — далъ ему первый урокъ супружескаго счастія.

Вскорѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ этой семейной жизни. Великій Князь не безъ сожалѣнія разстался еще на нѣсколько мѣсяцевъ съ тою, которая должна была быть подругою его жизни.

Онъ возвратился въ Берлинъ, чтобы принимать у себя дипломатическій корпусъ, представленный ему Барономъ Алопеусомъ, русскимъ полномочнымъ посломъ, и потомъ отправился къ Королю, который желалъ, чтобы онъ присутствовалъ на смотрахъ Прусской арміи. Войска были сосредоточены въ Бранденбургіи, Магдебургскомъ герцогствѣ и въ Помераніи; они исполнили, въ присутствіи Короля и Великаго Князя, окруженныхъ князьями и генералами, самые искусные маневры, и представили, съ удивительною точностью, Кацбахское и Лейпцигское сраженія, въ которыхъ старый фельдмаршалъ Блюхеръ побѣдилъ Макдональда и поставилъ въ тупикъ Наполеона.

Великій Князь Николай думалъ, что не исполнитъ своего долга, если проѣдетъ Германію, не отдавъ визита

своимъ двумъ старшимъ сестрамъ. Онъ пробылъ съ ними нѣсколько дней въ Веймарѣ и Штутгартѣ, а потомъ отправился въ Англію черезъ Францію.

Онъ не долго оставался въ Парижѣ, гдѣ пожелалъ хранить инкогнито. Тѣмъ не менѣе онъ не забылъ увѣдомить о своемъ прибытіи Герцога Орлеанскаго.

Этотъ ловкій и предусмотрительный принцъ, котораго Королевская фамилія всегда держала въ подозрѣніи, и который жилъ уединенно въ замкѣ Нёльи, — принялъ тамъ Великаго Князя Николая и удержалъ его тамъ у себя цѣлый день.

Этотъ день долженъ былъ имѣть рѣшительное вліяніе на будущность молодаго Великаго Князя, который чувствовалъ себя подъ глубокимъ впечатлѣніемъ очарованія. Онъ обѣщалъ себѣ испытать какъ можно скорѣе прелести семейнаго, спокойнаго образа жизни, и просилъ у Людовика-Филиппа Орлеанскаго позволенія пріѣхать къ нему на обратномъ пути изъ Англіи, поучиться счастливой жизни, которую онъ имѣлъ въ виду послѣ своего брака съ принцессою Прусскою.

Они разстались, желая познакомиться поближе; они послѣ нѣсколько разъ переписывались, но никогда больше не видались.

Во время своего краткаго пребыванія въ Парижѣ, Великій Князь встрѣтилъ виконта де-Шатобріана, который тогда былъ въ немилости, за то, что написалъ неумѣренное сочиненіе противъ Бурбоновъ. Великій Князь не безъ интереса слушалъ, какъ онъ съ симпатическимъ краснорѣчіемъ излагалъ свои идеи и политическіе взгляды.

Г. Виконтъ, сказалъ онъ ему, — вы другъ Бурбоновъ, а дѣлаете имъ больше зла, чѣмъ ихъ настоящіе враги.

— Отчего не слушаютъ они моихъ совѣтовъ? Живо

возразилъ Шатобріанъ. Если бы русскій подданный представилъ столько доказательствъ въ преданности Императору Александру....

— Его Величество Императоръ, съ достоинствомъ прервалъ Великій Князь, принимаетъ совѣты только тогда, когда изволитъ спросить ихъ.

Авторъ „*Опыта о революціяхъ*,“ не смотря на свой причудливый характеръ и ужасную гордость, обратилъ на себя живое вниманіе Великаго Князя, стараясь доказать ему, что престолъ Людовика XVIII висѣлъ надъ пропастью, въ которой волновались тайныя общества и заговоры, порождаемые атеизмомъ, либерализмомъ и бонапартизмомъ. Теперь впрочемъ революція подкапывается подъ всѣ правительства.

Людовикъ XVIII, уважая инкогнито Великаго Князя въ Парижѣ, далъ приказаніе, чтобы ему отдали, при его отправленіи на суднѣ въ Англію, почести, приличествующія его происхожденію.

Въ самомъ дѣлѣ, Великій Князь Николай очень удивленъ былъ оффиціальнымъ пріемомъ, ожидавшимъ его въ Кале, куда онъ прибылъ вечеромъ 17-го Ноября: на другой день онъ съ большою любезностью принималъ гражданскія и военныя власти города; онъ всѣхъ разспрашивалъ, и казалось интересовался отвѣтами касательно различныхъ предметовъ мѣстной администраціи.

Прекрасная яхта Англійскаго флота — Royal Sovereign, долженствовавшая отвезти его въ Лондонъ черезъ Темзу, стояла въ портѣ. Великій Князь сѣлъ на нее около десяти часовъ утра, — а его свита, состоявшая изъ двадцати-пяти человѣкъ, поѣхала на пакетботѣ. Сильный вѣтеръ, дувшій цѣлую ночь, прекратился, и переѣздъ совершился скоро и благополучно.

Прибытія Великаго Князя ожидали въ Лондонѣ уже нѣс-

колько дней; были сдѣланы большія приготовтенія къ его пріему въ hôtel Saint-Alban на Stratford — square. Князь Ливенъ, Русскій посланникъ, встрѣтилъ его при выходѣ изъ яхты въ Лондонскомъ портѣ и не покидалъ его во все время его пребыванія въ Англіи.

Великій Князь и его свита сѣли въ придворные экипажи. Въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ свитѣ, кромѣ генерала Ламсдорфа и Статскаго совѣтника Саврасова, находились: генералъ Кутузовъ, адъютантъ Императора, Баронъ Николаи, подполковникъ Моисеевъ, капитанъ Перовскій и докторъ Крейтонъ.

Когда Великій Князь остановился въ отелѣ Сёнтъ-Альбанъ, то у дверей, по приказанію принца-регента, поставили часовыхъ и сэръ Блумфильдъ явился къ нему съ поздравленіемъ отъ принца.

Принцъ Леопольдъ, лично знавшій Великаго Князя, поспѣшилъ видѣться съ нимъ; русскій посланникъ представилъ ему дипломатическій корпусъ. Великій Князь не замедлилъ сдѣлать визитъ принцу-регенту, который въ тотъ же день отдалъ ему обратный визитъ.

Съ этой минуты и до самаго его отъѣзда, т. е. въ продолженіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, — Великаго Князя осыпали почетомъ и знаками вниманія и уваженія. Ему многаго труда стоило защищаться противъ нападеній Англійскаго гостепріимства, которое какъ будто бы сговорилось возить его безпрестанно по праздникамъ, баламъ, раутамъ, охотамъ и спектаклямъ. Но онъ хотѣлъ имѣть возможность располагать своимъ временемъ чтобы въ подробности осмотрѣть всѣ общественныя заведенія, — и въ особенности относящіяся къ военному и морскому вѣдомствамъ.

Посѣщеніе имъ Вуличскаго арсенала (27-го Ноября) представило принцу-регенту случай посѣтить русскій фре-

гатъ, стоявшій на якорѣ въ Темзѣ. Великій Князь, въ сопровожденіи адмирала В. Конгрева, былъ встрѣченъ у дверей арсенала всѣми посланниками, принцемъ-регентомъ и высшими придворными особами, которыя сопровождали его во время его продолжительной прогулки: онъ не переставалъ удивляться чудесамъ этаго громаднаго заведенія, и съ рѣдкимъ тактомъ разсуждалъ обо всемъ, обращавшемъ на себя его вниманіе.

Ему сказали что принцъ-регентъ отправился на фрегатъ, и онъ поспѣшилъ туда; за нимъ послѣдовали и всѣ, его сопровождавшіе.

Экипажъ, фрегата, въ парадной формѣ, — находился на своихъ мѣстахъ; матросы и юнги стояли на палубѣ. Когда принцъ регентъ, въ мундирѣ полка Королевскихъ синихъ, ступилъ на трапъ корабля, музыка заиграла Англійскій національный гимнъ, и Великій Князь подалъ принцу руку, чтобы помочь ему взойти на бортъ:

— Ваше Королевское Высочество, — сказалъ онъ съ граціозною улыбкою, — находитесь теперь подъ покровительствомъ русскаго флага, — и я былъ бы очень счастливъ, если бы могъ отвезти Васъ въ С.-Петербургъ, чтобы достойнымъ образомъ отплатить за оказанное мнѣ гостепріимство.

Въ офицерскихъ каютахъ подали великолѣпное угощеніе, и гости, выйдя изъ за стола, съ удовольствіемъ присутствовали при морскихъ и военныхъ маневрахъ, свидѣтельствовавшихъ о ловкости моряковъ и солдатъ русскаго экипажа: принцъ-регентъ до того былъ очарованъ, что велѣлъ повторить передъ своими глазами эти манёвры.

Русскій флотъ, — сказалъ онъ, — равенъ съ Англійскимъ, теперь ему остается только превзойти его, если это возможно.

Ахъ, Ваше Высочество! воскликнулъ Великій Князь, тронутый этою похвалою: Россія обладаетъ только нѣсколькими кораблями, а Англія — громадными флотами. Но еще не много больше столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ царь Петръ работалъ, въ качествѣ простаго работника, на Сардамскихъ верфяхъ.

Раздѣлимъ обладаніе морями, граціозно возразилъ принцъ: мы возьмемъ себѣ Океанъ; а вамъ оставимъ сѣверныя моря.

Принцъ-регентъ простился съ Великимъ Княземъ и сѣлъ въ королевскую шлюпку съ Герцогами Іоркскимъ и Кларенскимъ, при восклицаніяхъ народа и звукахъ музыки, игравшей Англійскій народный гимнъ.

Великій Князь вошелъ въ сношенія, какъ и желалъ, — съ самыми замѣчательными людьми той эпохи въ Англіи. Онъ отдавалъ полководцамъ предпочтеніе предъ Государственными людьми, и любилъ больше разговоры о военной тактикѣ и стратегіи, чѣмъ о борьбѣ ораторовъ въ Палатѣ Лордовъ и Палатѣ Общинъ.

Онъ не питалъ ни малѣйшей симпатіи къ самымъ замысловатымъ изобрѣтеніямъ кабинетной политики, и когда присутствовалъ при преніяхъ какаго нибудь собранія, то вскорѣ уходилъ оттуда съ негодованіемъ и недовольствомъ.

— Если бы на наше несчастіе, сказалъ онъ генералу Кутузову, какой нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, которые больше шумятъ, чѣмъ дѣлаютъ дѣло, то я просилъ бы Бога, чтобы онъ повторилъ чудо смѣшенія языковъ, или уже отнялъ даръ слова у тѣхъ, кто дѣлаетъ изъ него такое употребленіе.

Выражаясь такимъ образомъ, Великій Князь не имѣлъ въ умѣ того, что провидѣніе могло предназначить ему иную будущность; онъ видѣлъ въ верховной власти только тя-

желое бремя, и радовался что ему не приходится нести его.

Однажды онъ встрѣтился съ Вальтеръ Скоттомъ, котораго литературная извѣстность въ то время начала уже развиваться. Проницательный романистъ угадалъ,—по важной осанкѣ молодаго человѣка, по его проницательному взору и по выраженію его благородной физіономіи, — геній, долженствовавшій управлять судьбами русской Имперіи,—и написалъ ему англійскіе стихи, въ которыхъ предназначалъ ему корону.

— Къ счастію, поэты не оракулы, холодно сказалъ Великій Князь, обращаясь къ своему адъютанту; и потому мнѣ нечего опасаться пророчества, которое никогда не осуществится!

Однако мнѣніе, котораго истолкователемъ явился Вальтеръ Скоттъ, распространилось въ Англіи, какъ въ народѣ, такъ и въ аристократіи. Когда Великій Князь проѣзжалъ верхомъ по лондонскимъ улицамъ или паркамъ, то вокругъ него говорили, удивляясь его прекрасной фигурѣ и величественному его виду: „Видя его, не подумаешь ли, что это наслѣдникъ Русскаго Императора.

Герцогъ Велингтонъ, два раза встрѣчавшій молодаго Князя въ Парижѣ въ 1814 и 1815 г., и принимавшій нѣкоторое участіе въ его путешествіи въ Англію, почелъ долгомъ окружить его вниманіемъ и уваженіемъ; Князь за это сохранилъ въ своей душѣ признательность къ нему которую послѣ съ удовольствіемъ высказывалъ.

Воинская извѣстность лорда Веллингтона, равно какъ и его политическій талантъ, внушали къ нему уваженіе въ Великомъ Князѣ, который вполнѣ вѣрилъ его совѣтамъ и указаніямъ. Генералъ этотъ охотно согласился служить ему *чичероне* въ его путешествіяхъ по промышленнымъ учрежденіямъ въ Лондонѣ, Бирмингэмѣ и Манчестерѣ.

— Я слѣдую вашимъ наставленіямъ, сказалъ ему Великій Князь, и сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, дабы ученикъ не оказался слишкомъ недостойнымъ своего учителя.

Пребываніе Великаго Князя Николая въ Англіи продолжалось около трехъ мѣсяцовъ, — а по прошествіи этаго срока Императоръ отозвалъ его и просилъ его не возвращаться черезъ Парижъ.

Это запрещеніе должно приписывать материнскому безпокойству: Императрица —мать, вѣроятно, боялась, что ея сынъ, котораго она спѣшила женить, не устоитъ противъ соблазновъ парижской жизни и заживется тамъ слишкомъ долго. Но Великаго Князя съ нетерпѣніемъ ожидали въ Берлинѣ и онъ самъ нетерпѣливо желалъ быть тамъ. Повинуясь своей матери, онъ сожалѣлъ можетъ быть только о парижскихъ зрѣлищахъ, пріятно наполнявшихъ его вечера, — потому что онъ очень любилъ театръ и предпочиталъ французскую сцену всѣмъ другимъ.

Великій Князь выѣхалъ изъ Лондона 19-го марта 1817 года и только на короткое время показался во Францію, гдѣ правительство приказало принимать его всюду съ надлежащими почестями.

Онъ только на нѣсколько часовъ остановился въ Лиллѣ, чтобы сдѣлать смотръ національной гвардіи, вышедшей къ нему на встрѣчу съ префектомъ и городскими властями. Онъ обѣщалъ графу Воронцову, начальствовавшему надъ дивизіею русскихъ войскъ, расположенныхъ въ сѣверномъ департаментѣ, — присутствовать на маневрахъ этихъ войскъ, которыя для этой цѣли были собраны на равнинахъ Ваттиньи между Авенемъ и Мобёжемъ.

Національная гвардія этого послѣдняго города также стала подъ ружье, и под-префектъ, во главѣ властей, обра-

тился къ нему съ рѣчью, на которую Великій Князь немедленно отвѣчалъ съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ.

Онъ выразилъ свою благодардость жителямъ Мобежа за согласіе между ними и русскими солдатами; онъ поблагодарилъ ихъ отъ имени русскаго Императора.

— Его Величество Императоръ, сказалъ онъ, питаетъ къ Франціи привязанность которую вы поняли, оказавъ хорошій пріемъ его солдатамъ. Развѣ вы и они не одинаковые защитники отечества? Національная гвардія есть учрежденіе прекрасное, если только не вмѣшивается въ политику и подчиняется воинской дисциплинѣ. Вы мнѣ замѣтите можетъ быть, что у насъ въ Россіи нѣтъ національной гвардіи? Но за то у насъ будутъ скоро военныя поселенія, которыя лучше подходятъ къ нашей правительственной сестемѣ. Когда я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ, господа, то снова поговорю съ вами о нашихъ военныхъ поселеніяхъ, а вы въ замѣнъ этаго сообщите мнѣ нѣкоторыя свѣденія о національной гвардіи. Пріемъ, который вы мнѣ сегодня дѣлаете, доказываетъ мнѣ, что я, если возвращусь къ вамъ, — найду себѣ друзей.

Эта рѣчь, первая и послѣдняя,—какую только Великій Князь произнесъ во Франціи, очаровала всѣхъ, ее слышавшихъ и нашла сочувствіе въ населеніи Мобежа.

Вечеромъ окна были украшены русскими и французскими флагами, улицы были иллюминованы, и на балу, данномъ графомъ Воронцовымъ Августѣйшему брату Государя, собралась вся аристократія родовая, промышленная и финансовая изъ окрестныхъ городовъ и замковъ.

Великій Князь въ ту же ночь отправился въ Брюссель. Онъ располагалъ пробыть тамъ нѣсколько дней съ своею сестрою, Великою Княгинею Анною, которую не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ за принца Оранскаго: онъ нашелъ ее недавно разрѣшившеюся отъ бре-

мени, и съ большимъ удовольствіемъ ближе познакомился съ своимъ зятемъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался его лучшимъ другомъ.

Его хотѣли долѣе задержать въ королевскомъ Нидерландскомъ семействѣ, но его ждала старшая сестра, Великая Герцогиня Саксенъ-Веймарская, а затѣмъ онъ долженъ былъ отправиться въ Штутгартъ къ своей другой сестрѣ, Великой Княгинѣ Екатеринѣ, вышедшей въ прошломъ году за наслѣднаго принца Виртембергскаго, который сдѣлался королемъ послѣ смерти своего отца, послѣдовавшей 30-го октября 1816 года. Цѣль этихъ трехъ посѣщеній состояла въ томъ, чтобы объявить сестрамъ о своемъ предстоящемъ бракѣ.

Въ глубинѣ души онъ сожалѣлъ о томъ, что прибытіе его въ Берлинъ такъ замедлилось, ибо онъ зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ тамъ его ждали. Онъ прибылъ туда только 15 апрѣля и провелъ съ своею невѣстою цѣлыхъ двѣ недѣли.

Прусскій Король назначилъ нѣсколькихъ офицеровъ и камергеровъ состоять при его особѣ, но онъ попросилъ ихъ не хлопотать объ этомъ, говоря что онъ считаетъ себя принадлежащимъ къ королевскому семейству и не желаетъ, чтобы его считали чужимъ при дворѣ короля, его благодѣтеля. Онъ удержалъ при себѣ только майора Грабова, котораго король назначилъ сопровождать его.

Во время его пребыванія въ Берлинѣ Фридрихъ-Вильгельмъ далъ ему въ команду 6-й полкъ прусскихъ карабинеровъ; великолѣпный полкъ, котораго блестящій мундиръ онъ часто любилъ носить.

Время, которое Великій Князь могъ посвятить своему новому семейству и своей будущей супругѣ, было распредѣлено такъ, чтобы лучше узнать и полюбить ихъ. Онъ составлялъ, вмѣстѣ съ принцессою Шарлоттою, планы до-

машней, уединенной жизни, не смотря на обязанности своего высокаго положенія, и оба радовались, что имѣютъ вкусы, мысли и чувства столь сходныя и столь способныя устроить ихъ счастіе.

Они сожалѣли, что имъ еще разъ приходится разстаться, но имъ уже не долго приходилось жить порознь до вѣчнаго соединенія.

Великій Князь возвратился въ С.-Петербургъ 9-го Мая, послѣ отсутствія, продолжавшагося восемь мѣсяцовъ сряду. Радость, которую онъ почувствовалъ при свиданіи съ матерью и братьями, вознаградила его за сожалѣніе о разлукѣ съ прекрасною невѣстою.

Король Прусскій, которому придворный этикетъ не позволялъ самому отвезти принцессу къ ея жениху, передалъ свои права на это второму своему сыну, принцу Вильгельму. Онъ безъ сомнѣнія предпочелъ бы, чтобы бракъ совершился въ Берлинѣ въ его присутствіи и посреди его многочисленнаго семейства, но обычаи русскаго церемоніала этаго не позволяли.

Кромѣ того, Императоръ Алексадръ имѣлъ намѣреніе придать браку своего брата необыкновенную торжественность и блескъ. Этотъ бракъ составлялъ надежду династіи Романовыхъ, такъ какъ Императоръ и Великій Князь Константинъ не имѣли дѣтей и ихъ безплодныя супружества не оставляли надежды имѣть прямыхъ наслѣдниковъ.

XI.

Въ С.-Петербургѣ узнали, что принцесса Шарлотта прибыла въ Мемель съ своею свитою, въ сопровожденіи своего втораго брата — принца Вильгельма.

Войска Императорской гвардіи, назначенныя для ея принятія и сопровожденія, уже были расположены на Русской границѣ. Прусскія войска, составлявшія свиту принцессы до Мемеля и состоявшія изъ почетнаго отряда 1-го гвардейскаго полка и изъ 200 человѣкъ Литовскихъ драгунъ, расположились на прусской территоріи напротивъ Русскихъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ нихъ.

21-го Іюня 1817 года, въ семь часовъ утра, Великій Князь Николай, одѣтый въ мундиръ 6-го полка Прусскихъ карабинеровъ, явился, окруженный своимъ штатомъ, передъ рядами 1-го полка прусской гвардіи, и громкимъ голосомъ привѣтливо сказалъ имъ: „здравствуйте, пруссаки!"

Неоднократное ура было отвѣтомъ на этотъ дружескій воинскій привѣтъ и нашло братскій отголосокъ въ рядахъ русскихъ войскъ.

— Друзья мои! возразилъ принцъ, тронутый этимъ пріемомъ: вспомните, что я на половину вашъ соотечественникъ, и, подобно вамъ, составляю часть войска вашего короля.

Въ девять часовъ позади прусскихъ войскъ остановилась придворная карета. Принцесса Шарлотта вышла изъ этой кареты объ руку съ принцемъ Вильгельмомъ: войска,

между рядами которыхъ они проходили, отдавали честь ружьемъ, и принцесса, которой волненіе раздѣляли всѣ присутствующіе, медленно прошла сквозь ряды своего воинскаго конвоя и колеблющимися ногами подошла къ границѣ двухъ государствъ: она замѣтила Великаго Князя, который спѣшилъ къ ней на встрѣчу и протянулъ ей руку, какъ бы для того, чтобы помочь ей переступить черезъ границу.

— Наконецъ, — сказалъ онъ ей тихо, вотъ вы и среди насъ! Добро пожаловать къ намъ въ Россію прибавилъ онъ такъ, чтобы его слышали окружающіе.

Потомъ, обращаясь къ русскимъ войскамъ, привѣтствовавшимъ ее восторженными восклицаніями, онъ провелъ ее по рядамъ, говоря кланявшимся ей офицерамъ:

— Это, Господа, не чужая, а дочь самаго вѣрнаго союзника и лучшаго друга нашего Императора.

Трубы и барабаны загремѣли, и громкое ура, составленное изъ тысячи крпковъ, раздалось разомъ на обѣихъ линіяхъ войскъ, — русской и прусской. Принцесса пролила нѣсколько слезъ, прощаясь съ особами Прусскаго двора, сопровождавшими ее до границы, но эти слезы вскорѣ перестали литься, когда она обратила свои нѣжные и томные взоры на своего августѣйшаго жениха, который смотрѣлъ на нее съ безмолвнымъ удивленіемъ.

Путешествіе ихъ было быстро, какъ и всѣ путешествія Русскаго двора; но во время проѣзда этихъ ста слишкомъ лье происходили частыя остановки, чтобы не утомить принцессу, здоровье которой надо было беречь. Время не казалось долгимъ Великому Князю Николаю, который выполнялъ нѣкоторымъ образомъ должность квартир-мейстера, прежде всѣхъ являлся на станціи и каждый разъ принималъ принцессу, когда ей приходилось выходить изъ кареты для отдыха. Эти знаки вниманія всегда

были сопровождаемы почтительностью и самою изысканною вѣжливостью.

Императоръ и Императрица—мать отправились на встрѣчу принцессѣ до Крюкова, отстоящаго на десять миль отъ Петербурга. Императоръ, въ мундирѣ своего полка прусскихъ гренадеровъ, ожидалъ ее на дорогѣ верхомъ, а Иммератрица мать ждала въ зданіи Крюковской станціи. Тамъ принцесса была имъ представлена принцемъ Вильгельмомъ и Великимъ Княземъ Николаемъ; при первомъ своемъ появленіи она привлекла къ себѣ сердца своего новаго семейства и получила самый радушный и дружественный пріемъ.

Въ день прибытія принцессы прусской въ С.-Петербургъ, митрополитъ Амвросій заложилъ первый камень церкви Вознесенія, и въ произнесенномъ словѣ упомянулъ, что двери святилища скоро отворятся для знаменитой просвѣщаемой. И дѣйствительно, черезъ два дня послѣ этаго, принцесса, наученная греко-россійской вѣрѣ и принявшая имя Александры Ѳеодоровны, причастилась по греческому обряду и была торжественно мvропомазана въ Дворцовой церкви, въ присутствіи Императорской фамиліи, всего двора и святѣйшаго сvнода. Императоръ былъ ея воспріемникомъ.

На другой день, 6-го Іюля, совершено было обрученіе: при немъ присутствовали всѣ представленныя особы, — мужчины — въ полной формѣ, а женщины — въ національномъ костюмѣ. Въ десять часовъ утра всѣ собрались въ Дворцовой церкви. Невѣсту вели Императоръ и двѣ Императрицы, за которыми шли три Великіе Князя — Константинъ, Николай и Михаилъ, принцъ Прусскій Вильгельмъ, герцогиня Виртембергская Антуанетта и ея дочь принцесса Марія, придворныя Прусскія дамы и фрейлины Русскаго двора, которыя шли попарно. Обрядъ былъ весь-

ма торжественный; въ минуту обмѣна колецъ между обрученными, Императрица — мать встала, чтобы подать ихъ имъ и совершить этотъ торжественный обмѣнъ, который былъ возвѣщенъ жителямъ С.-Петербурга 51 пушечнымъ выстрѣломъ. Послѣ обрученія, Великій Князь и его будущая супруга приняли поздравленія своего августѣйшаго семейства и пѣвчіе запѣли: „*Тебе Бога хвалимъ.*"

За обѣдомъ, происходившимъ въ мраморной залѣ, тосты были провозглашены при звукахъ музыки и при пушечныхъ выстрѣлахъ. Вечеромъ былъ балъ въ Георгіевской залѣ и городъ былъ иллюминованъ.

Манифестомъ Императора, даннымъ въ тотъ же день, было объявлено русскому народу о предстоящемъ бракосочетаніи Великаго Князя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Божественное провидѣніе, руководящее судьбами государей и государствъ, въ послѣднее время надѣлило Россію многими благами, и нынѣ низпосылаетъ на нее новое благословеніе. Его Святой волѣ благоугодно умножить Императорскій домъ, упрочить его величіе и славу узами крови и дружбы, соединяющими его съ самыми могущественными государствами. Вдохновляемые Тѣмъ, Кто держитъ въ своихъ рукахъ сердца царей и подкрѣпляемые согласіемъ нашей возлюбленной матери, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, мы рѣшились, совокупно съ Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, удовлетворить желанію, выраженному нашимъ возлюбленнымъ братомъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ и дать Ему въ супруги принцессу Шарлотту, дочь этаго Августѣйшаго монарха. Ея Королевское Высочество присоединилась къ Православной Греческой Церкви, приняла Святое Мѵропомазаніе и наречена Александрою Ѳеодоровною."

Бракосочетаніе было совершенно только 1-го (13-го) Іюля; торжественность его была похожа на торжествен-

ность обрядъ обрученія, но былъ еще сложнѣе и величественнѣе. Въ шесть часовъ утра пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпости было возвѣщено наступленіе великаго дня. Въ одиннадцать часовъ зимній дворецъ былъ наполненъ приглашенными въ парадныхъ костюмахъ.

Русскія и придворныя дамы присутствовали при одѣваніи невѣсты. Когда она вышла изъ своихъ покоевъ, куда за нею отправилась Императрица-мать, то шопотъ удивленія пронесся по всей толпѣ. Она никогда не была такъ прекрасна; ее можно бы было принять за Императрицу, такъ какъ на ней въ этотъ день, по принятому обычаю, была корона на головѣ, а поверхъ платья была надѣта Императорская порфира изъ малиноваго бархата, опушенная горностаемъ, которой громадный шлейфъ поддерживали четыре камергера, а шлейфъ платья — камерфрау. Члены государственнаго совѣта и дипломатическаго корпуса ожидали въ дворцовой церкви, какъ вдругъ залпъ 21 пушечнаго выстрѣла возвѣстилъ, что Императорскій кортежъ началъ шествіе. Шествіе открывали гофъ-фурьеры, за которыми шли церемоніймейстеры, камергеры и камеръ-юнкеры по порядку старшинства; Императоръ и Императрица шли впереди новобрачныхъ, за которыми шли Великіе Князья Константинъ и Михаилъ. Герцогиня Виртембергская Антуанетта и дочь ея, принцесса Марія; за ними слѣдовали статсъ-дамы и гофмейстерины, и наконецъ всѣ знатныя особы, имѣвшія право участвовать въ кортежѣ. При входѣ въ церковь духовенство окропило Императорскую фамилію Святою водою, и Императрица-мать отвела новобрачныхъ къ назначенной для нихъ эстрадѣ. По окончаніи брачнаго обряда супруги поблагодарили Императора, который поцѣловалъ ихъ и сказалъ имъ нѣсколько лестныхъ словъ. Послѣ благодарственнаго молебна, отправленнаго при звукѣ пушечныхъ

выстрѣловъ, Императорскій кортежъ въ томъ же порядкѣ возвратился въ Зимній дворецъ.

Въ этотъ день, посвященный сполна церемоніаламъ, Великій Князь, стѣсняемый требованіями этикета, не могъ удѣлить ни одной минуты своей молодой женѣ, которую у него безпрестанно отнималъ докучливый оберъ-церемоніймейстеръ. За парадным обѣдомъ онъ по крайней мѣрѣ сидѣлъ рядомъ съ своею супругою и могъ по тихоньку обмѣняться съ нею нѣсколькими словами.

— Вы кажется разсѣяны и мечтаете? сказалъ онъ ей, смотря на нее съ нѣжностью.

— Я сосредоточиваюсь въ моемъ счастіи! отвѣчала она съ тѣмъ удивительнымъ à-propos, которое придавало такую прелесть внезапнымъ движеніямъ ея ума и сердца.

Во время бала Императоръ подошелъ къ новобрачному и объявилъ ему о назначеніи его шефомъ батальона гвардейскихъ саперовъ и главнымъ Инспекторомъ корпуса инженеровъ; Великій Князь въ самыхъ умѣстныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ своего Августѣйшаго Брата.

— Я еще очень молодъ и неопытенъ, сказалъ онъ Императору, и не могу такъ хорошо, какъ хотѣлъ бы, выполнять важныя должности, поручаемыя мнѣ Вашимъ Величествомъ; но я найду въ сильномъ желаніи угодить моему благодѣтелю восполненіе недостающихъ мнѣ талантовъ и свѣденій.

Онъ поспѣшилъ сообщить о своемъ назначеніи брату своему Михаилу, который его и поздравилъ, и когда Великій Князь выразилъ сожалѣніе о недостаточности своего воспитанія, то Великій Князь Михаилъ весело возразилъ ему:

— Я желалъ бы знать математику и военное искусство такъ, какъ ты знаешь ихъ; ты будешь отличнымъ Инспекторомъ инженеровъ, если только твоя обожаемая жена

оставитъ тебѣ время заниматься чѣмъ либо другимъ, помимо любви къ ней.

— Для всего есть свое время! отвѣчалъ Великій Князь Николай, который, не смотря на свой спокойный и строгій характеръ, всегда былъ очень веселъ съ своимъ братомъ Михаиломъ. Но, сказать по правдѣ, хотя военное искусство вещь очень хорошая, а я все-таки очень желалъ бы выпросить отпускъ на годъ или на два, чтобы спокойно провести свой медовый мѣсяцъ.

Великій Князь роздалъ дорогія табакерки съ бриллiантами государственнымъ министрамъ, участвовавшимъ въ опредѣленіи условій его брака; Великая Княгиня также сдѣлала великолѣпные подарки всѣмъ особамъ, долженствовавшимъ составить Ея дворъ.

Императоръ подарилъ ей старый Аничковскій дворецъ, построенный при Елисаветѣ Петровнѣ посреди Невскаго проспекта и потомъ находившійся во владѣніи князя Потемкина, которому отдала его въ пожизненное владѣніе Екатерина II. Этотъ прекрасный дворецъ, давно опустѣвшій, былъ отдѣланъ за-ново и приготовленъ къ принятію новыхъ владѣльцевъ. Въ этотъ-то дворецъ молодые супруги и переселились въ тотъ же вечеръ.

Передъ концомъ бала Императоръ и Императрица Елисавета отправились въ Аничковъ дворецъ для принятія новобрачныхъ. Императрица-мать должна была отвезти ихъ туда, и сѣла съ ними въ парадную карету, запряженную шестернею лошадей. Передъ каретою ѣхалъ длинный рядъ придворныхъ экипажей, въ которыхъ находились камергеры, камеръ-юнкеры и придворныя должностныя лица. Открывалъ шествіе эскадронъ гвардейскихъ гусаровъ, а замыкалъ — эскадронъ лейбъ-гвардіи изъ дворянъ. Невскій проспектъ, по которому слѣдовала процессія, былъ освѣщенъ иллюминаціею домовъ и факелами, находивши-

мися въ рукахъ солдатъ, которые шпалерою стояли по обѣимъ сторонамъ дороги.

Радостная толпа привѣтствовала тысячью криками поѣздъ Высочайшихъ новобрачныхъ. Когда они прибыли во дворецъ, котораго крыльцо было наполнено придворными, нетерпѣливо желавшими заявить свое усердіе, то едва могли освободиться отъ почтительныхъ докучливостей. Къ счастію, на помощь имъ явились Императоръ и Императрица, которые и ввели ихъ въ комнаты, доступныя только членамъ Императорской фамиліи и окружающимъ ее лицамъ.

— Здѣсь вы дома! сказалъ Императоръ новобрачнымъ, показывая имъ комнаты, убранныя изящно и богато. Постарайтесь не быть слишкомъ счастливыми, чтобы не забыть вашихъ сосѣдей и друзей.

— Государь! отвѣчалъ Великій Князь Николай, чѣмъ болѣе будетъ мое счастіе, тѣмъ болѣе я буду признателенъ моему благодѣтелю! Все хорошее, что я вижу на свѣтѣ, я приписываю Вашему Величеству.

— Государь, присовокупила Великая Княгиня съ своею очаровательною улыбкою, обращаясь поочередно къ Императору и къ обѣимъ Императрицамъ: не обѣщали ли вы мнѣ, что я найду въ Россіи втораго отца и двухъ матерей, которыя замѣнятъ мнѣ мою покойную и всегда мною оплакиваемую мать.

Императоръ и Императрицы, прежде чѣмъ проститься съ новобрачною, напомнили ей, что день ея брака совпадаетъ какъ разъ съ годовщиною ея рожденія, и по этому случаю сдѣлали ей новые подарки. Маленькій салонъ, котораго убранство до самыхъ мелочныхъ подробностей напоминало ея любимую комнату въ Потсдамскомъ дворцѣ, уже весь былъ наполненъ подарками, которые прислала

ей Королевско-Прусская фамилія въ память этой годовщины, которую при Берлинскомъ дворѣ всегда торжественно праздновали.

— Гдѣ же я нахожусь? вскричала она, удивленная и восхищенная тѣмъ, что очутилась посреди воспоминаній своей юности: вотъ книги, которыя я читала; вотъ цвѣты, за которыми я сама ухаживала въ Потсдамѣ! Я уже была здѣсь очень счастлива, а теперь чувствую, что могу быть еще счастливѣе!

Великій Князь Николай проводилъ Императорское семейство до дворцоваго входа. Проходя послѣднюю пріемную, онъ замѣтилъ своего гувернера, генерала Ламсдорфа, который какъ будто прятался въ сторонѣ, потому что Великій Князь, къ которому онъ не разъ подходилъ во время безконечныхъ представленій этого церемоніальнаго дня, какъ бы не замѣчалъ его и не говорилъ съ нимъ.

— Государь, сказалъ въ полголоса Великій Князь, упрекавшій себя за то, что подалъ поводъ своему бывшему гувернеру думать, будто онъ въ немилости, когда вы перестали имѣть нужду въ услугахъ генерала Лагарпа, то не былъ ли этотъ гувернеръ Великихъ Князей Русскихъ достойнымъ образомъ вознагражденъ? Вотъ генералъ Ламсдорфъ, котораго я поручаю благосклонному вниманію Вашего Величества.

На другой день генералъ Ламсдорфъ получилъ графскій титулъ и значительное имѣніе въ Курляндіи.

XII.

Празднества, слѣдовавшія за бракомъ Великаго Князя Николая, продолжились почти безъ перерыва три недѣли: населеніе Петербурга имѣло въ нихъ свою долю участія. Празднества эти начались со дня рожденія Александры Ѳеодоровны (1-го Іюля) и окончились 22-мъ Іюля,— днемъ тезоименитства Императрицы — матери, который всегда праздновемъ былъ по приказанію Императора, съ большою торжественностью.

При дворѣ происходили пріемы, концерты, балы, спектакли, въ Зимнемъ, Таврическомъ и Мраморномъ дворцахъ и въ Эрмитажѣ. Новобрачные также принимали свое Августѣйшее семейство въ Аничковомъ дворцѣ.

Время года благопріятствовало прогулкамъ и загороднымъ увеселеніямъ; Дворъ ѣздилъ поочередно въ лѣтнія резиденціи, — Петергофъ, Ораніенбаумъ и Екатеринегофъ.

Императрица Марія Ѳеодоровна была такъ довольна бракомъ своего любимаго сына Николая и такъ любила свою очаровательную невѣстку, что сопровождала ихъ всюду. Можно было сказать, что Императрица-мать не желала упускать изъ виду лестныхъ успѣховъ Великой княгини, которая привлекала къ себѣ взоры и сердца всѣхъ.

Общественныя увеселенія, происходившія по случаю тезоименитства Императрицы-матери привлекли въ Пе-

тергофъ множество народа. Колокола не переставали звонить; пушки стрѣляли, музыка играла въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей. Балъ-маскарадъ въ дворцовыхъ садахъ доставилъ особенное удовольствіе Великой Княгинѣ Александрѣ.

Великая Княгиня понравилась всѣмъ; прелесть разлитая во всемъ ея существѣ, чувствовалась всѣми, какъ какое-то испарявшееся благоуханіе. Удивленіе къ ней вскорѣ перешло въ восторгъ, когда оцѣнили ея многочисленныя достоинства, доброту ея сердца, высоту ея ума и характера а въ особенности чувствительность ея души. Чарующее вліяніе, которое она оказывала сначала на Императорскую фамилію, распространялось болѣе и болѣе на весь дворъ и даже на низшіе классы.

Великій Князь Николай желалъ тотчасъ же начать тотъ образъ жизни, къ которому давно стремился. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возможности замкнуться въ тѣсный домашній кружокъ съ своею возлюбленною подругою жизни, осуществлявшею всѣ его мечты. Онъ намѣревался ограничить, такъ сказать, свою жизнь домашнимъ очагомъ, не пренебрегая однакоже и сопряженныхъ съ его званіемъ обязанностей. Аничковъ дворецъ казался ему предназначеннымъ сдѣлаться храмомъ его счастія. Поэтому онъ не безъ сожалѣнія принужденъ былъ вскорѣ удалиться оттуда съ своею супругою, чтобы удовлетворить желаніямъ жителей Москвы и исполнить волю Императора.

Александръ рѣшился самъ поѣхать въ Москву съ Императрицами, посѣтивъ сначала южныя области Имперіи. Затѣмъ онъ долженъ былъ отправиться въ Польшу, окончательное возстановленіе которой требовало его присутствія. Онъ считалъ необходимымъ остаться въ Варшавѣ

до весны, и потомъ, не возвращаясь въ столицу, предпринять путешествіе по Германіи, чтобы присутствовать на конференціяхъ своихъ союзниковъ, которые должны были въ 1818 году собраться въ Франкфуртѣ на Майнѣ или въ Ахенѣ. По этому распредѣленію, Императоръ расчитывалъ не быть въ Петербургѣ шестнадцать или осьмнадцать мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ его долженъ былъ представлять во главѣ правительства Великій Князь Николай.

Вслѣдствіе этаго Александръ объявилъ своему брату, что онъ предоставляетъ ему право содѣйствовать ихъ Августѣйшей матери во всѣхъ случаяхъ, гдѣ потребуется участіе Императорской власти.

— Тебѣ теперь надо учиться, сказалъ онъ ему улыбаясь, — ремеслу Императора; неизвѣстно, что можетъ случиться.

Александръ, которому предстояло сдѣлать смотры и разводы въ районѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, отправился 13-го Августа, пригласивъ Великаго Князя и Великую Княгиню пріѣхать къ нему въ Москву въ половинѣ Октября.

Въ отсутствіе Императора Великій Князь Николай наблюдалъ за государственными дѣлами; онъ появлялся даже съ оффиціальнымъ характеромъ на прощальныхъ аудіенціяхъ, данныхъ Императрицами нѣкоторымъ иностраннымъ посламъ.

Между тѣмъ узнали, что Великая Княгиня беременна. Это извѣстіе такъ обрадовало Императрицу-мать, что она не могла умолчать объ немъ и не дождались для обнародованія его времени, установленнаго придворными обычаями. Императоръ первый былъ извѣщенъ объ этомъ и порадовался этому извѣстію въ письмахъ, посланныхъ имъ матери.

„Вотъ наконецъ союзъ, благословенный Богомъ! говорилъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, полныхъ чувства доброты и внимательности. Я питаю надежду, что. Императорская фамилія будетъ имѣть наслѣдниковъ. Пусть Великая Княгиня Александра знаетъ, что ея назначеніе — не дать имени Романовыхъ угаснуть! Это великое и славное назначеніе. Поэтому, если она произведетъ на свѣтъ сына, то я желаю, что быонъ родился въ стѣнахъ Москвы, города Царей и древней столицы нашей святой Россіи".

Великая Княгиня оставила при себѣ своего брата принца Вильгельма Прусскаго; она хотѣла, чтобы онъ также отправился въ Москву. Она отправилась въ путь 30-го Сентября съ двумя Императрицами. Императрица Марія заботилась объ ней, какъ нѣжная Мать. Путешествіе ихъ совершилось благополучно, — небольшими переѣздами.

— Вы не принадлежите себѣ, милое дитя, — говорила Великой Княгинѣ Императрица; вы принадлежите Россіи, которая разсчитываетъ на васъ относительно продолженія Августѣйшей линіи ея Государей.

Великая Княгиня при этихъ словахъ улыбалась, не понимая еще вполнѣ ихъ смысла.

На послѣднюю почтовую станцію около Москвы прибыли только вечеромъ 12-го Октября. Императоръ прибылъ туда утромъ, равно какъ и Великій Князь Михаилъ, совершившій продолжительную поѣздку по восточнымъ губерніямъ. Такимъ образомъ Императорская фамилія совершила свой въѣздъ въ Москву въ этотъ же вечеръ, при звукахъ колоколовъ и пушечныхъ выстрѣловъ и среди радостныхъ кликовъ всѣхъ жителей.

Пріемъ, ожидавшій новобрачныхъ въ древнемъ городѣ Москвѣ доказалъ еще разъ сыновнюю любовь русскаго народа къ Императорской фамиліи. Великой Княгинѣ стоило

только показаться взорамъ толпы, тѣснившейся на ея пути, чтобы довести восторгъ къ себѣ до настоящаго изступленія. Этотъ восторженный пріемъ оказывался ей всюду во все время ея пребыванія тамъ, и великолѣпныя празднества, данныя ей отъ имени города, украшались всего болѣе ея присутствіемъ.

Характеристика Великой Княгини, написанная въ это время однимъ придворнымъ, имѣвшимъ честь видѣть ее вблизи и знать ее въ ея домашнемъ кругу, очень вѣрна и не можетъ быть заподозрѣна въ лести, такъ какъ Князь Петръ Борисовичъ Козловскій, ее написавшій, писалъ ее только для себя въ своемъ дорожномъ дневникѣ: „Великая Княгиня, писалъ тогда Петръ Борисовичъ Козловскій, роста величественнаго; черты ея физіономіи пріятныя. Когда она одушевляется, пытливый взглядъ ея исчезаетъ и она дѣлается вполнѣ дочерью Прусской королевы и сестрою Великой Герцогини Мекленбургской. В. Княгиня становится не такъ замѣтна, но за то въ ея ангельскихъ формахъ видна болѣе женщина!

На ряду съ этою, мастерски набросанною, характеристикою, должно поставить характеристику Великаго Князя, написанную тѣмъ же авторомъ съ натуры и при тѣхъ же условіяхъ: „Великій Князь получилъ отъ природы одинъ изъ лучшихъ даровъ, которыми она можетъ одарять людей, поставленныхъ судьбою выше другихъ. Обыкновенное выраженіе его физіономіи имѣетъ въ себѣ что-то строго-величественное. Улыбка его — улыбка снисхожденія, а не результатъ веселости. Всѣ его слова и движенія размѣрены, какъ будто бы передъ нами лежали музыкальныя ноты. Всѣ манеры Великаго Князя представляютъ нѣчто чудное. Онъ говоритъ съ живостью и простотою чрезвычайною; все, что онъ говоритъ, очень умно; не услышишь отъ него никакой плоской шутки, никакаго забав-

наго или неумѣстнаго слова. Въ тонѣ его голоса и составѣ его выраженій нѣтъ ничего такого, что бы выказывало гордость или притворство, и между тѣмъ вы чувствуете, что сердце его твердо, и что безразсудно было бы надѣяться проникнуть въ тайники его мыслей?

Эта характеристика, которой вѣрность страдаетъ единственно отъ преувеличенія, любопытна, какъ современный памятникъ, долженствующій служить сравненіемъ съ другими характеристиками Великаго Князя Николая, написанными въ послѣдующія времена и не менѣе этой вѣрными, не смотря на значительную въ нихъ разницу. Князь Козловскій уже и въ то время, подъ вліяніемъ глубокаго и живаго впечатлѣнія, произведеннаго въ немъ его отношеніями къ Великому Князю, предсказывалъ предназначенную ему будущность: „Въ случаѣ, если Великій Князь Николай вступитъ когда либо на престолъ, говорилъ онъ,— я не сомнѣваюсь, что ему будутъ служить съ восторгомъ. Онъ не привлечетъ къ себѣ, какъ Генрихъ IV, сердце своихъ подданныхъ любезнымъ обхожденіемъ, но они охотно будутъ повиноваться ему; какъ Государю, на котораго всегда можно смотрѣть съ гордостью и къ которому народъ можетъ по справедливости примѣнить извѣстные стихи Вереники:

En quelque obscurité que le ciel l'eût fait naître,
Le monde, en le voyant, eût reconnu son maître.

(Въ какой бы неизвѣстности онъ ни родился, но міръ, видя его, узналъ бы въ немъ своего повелителя).

Кромѣ того, Великій Князь, подъ тѣмъ отпечаткомъ величія, который наложила на него природа, скрываетъ высокій умъ, который еще болѣе увеличиваетъ впечатлѣніе, производимое его важною, внушающею и истинно Императорскою наружностью.“

Великій Князь Николай, повинуясь желанію, выраженному Императоромъ,—но не отдавая однако же себѣ отчета въ планахъ своего Августѣйшаго Брата, рѣшилъ, чтобы Великая Княгиня осталась въ Москвѣ; но онъ какъ можно долѣе скрывалъ отъ нея это рѣшеніе, потому что она, помня планъ жизни, который они вмѣстѣ себѣ составили, имѣла въ виду воротиться въ С.-Петербургъ и устроиться на зиму въ своемъ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ она уже строила, — какъ сама выражалась, — свои воздушные за́мки. Она страстно любила своего мужа, и грустила о томъ, что онъ съ самой ихъ свадьбы посвящалъ большую часть своего времени Императорской фамиліи, военной службѣ и всѣмъ условіямъ, налагаемымъ на него званіемъ Великаго Князя. Это вовсе не походило на тѣ прекрасные планы уединенной жизни, которые такъ соотвѣтствовали ихъ супружеской любви.

Она жила въ Кремлѣ съ двумя Императрицами и всѣмъ дворомъ, но очутилась тамъ одинокою и оставленною, когда ея любезный супругъ удалился отъ нея въ первыхъ числахъ Декабря, вмѣстѣ съ Императоромъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ въ Петербургъ. Многаго труда стоило увѣрить ее, что дороги очень дурны и очень опасны, и что поэтому ей нельзя позволить сопровождать Великаго Князя въ столь суровое время года.

— Если есть опасность, говорила она Императрицѣ — матери, проливая слезы, то не имѣю ли я права раздѣлять ее съ моимъ супругомъ? Я больше всего на свѣтѣ боюсь быть разлученною съ нимъ и жить безъ него!

Эта разлука продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ. Великая Княгиня часто потихоньку проливала слезы, но каждый день получала письма отъ Великаго Князя, убѣждавшаго ее потерпѣть. Императоръ возвратился прежде

него въ Москву; онъ не отказался отъ своего путешествія въ Крымъ и долженъ былъ сначала отправиться въ Варшаву для открытія сейма.

Великій Князь Николай, выѣхавшій изъ Петербурга 7-го Февраля 1818 года, нетерпѣливо желалъ увидѣться скорѣе съ своею супругою, тѣмъ болѣе, что для нея приближалось время сдѣлаться матерью. Кромѣ того, врачи высказывали опасенія на счетъ здоровья Великой Княгини, которая всегда была слабаго тѣлосложенія, и которой слабая и нервная натура имѣла потребность въ поддержкѣ кокой нибудь моральной энергіи .Присутствіе Великаго Князя придало его супругѣ силу и довѣріе, которыя были ей необходимы при концѣ ея трудной беременности.

— Вы здѣсь, и я болѣе ничего не боюсь! говорила она своему супругу, смотря на него яснымъ взоромъ. Впрочемъ нѣтъ, присовокупила она, дѣлая знакъ Императрицѣ-матери, присутствовавшей при этомъ: я опасаюсь имѣть дочь вмѣсто сына и сдѣлать непріятность Императору.

Великій Князь долженъ былъ еще пробыть нѣсколько времени въ отсутствіи и поѣхать осмотрѣть нѣкоторые инженерные полки. Но его поспѣшно отозвали, курьеры, посланные Императрицею-матерью. Великая Княгиня произвела на свѣтъ, 17-го Апрѣля, сына, наименованнаго при крещеніи Александромъ Николаевичемъ.

— Императоръ будетъ доволенъ мною! сказала она своему супругу, который съ гордостью показывалъ ей новорожденнаго, полнаго жизни и силы. Я исполнила его приказаніе и произвела на свѣтъ маленькаго Великаго Князя.

Императора уже около трехъ мѣсяцевъ не было въ Москвѣ; онъ направлялся къ Крыму, останавливаясь только для осмотра войска въ военныхъ центрахъ, находив-

шихся на его пути. Разрѣшеніе отъ бремени Великой Княгини Александры должно было быть возвѣщено ему адъютантомъ Великаго Князя Николая; но этотъ посланный, не смотря на поспѣшность, съ которою ѣхалъ, могъ только черезъ четыре дня передать Его Величеству письма отъ Великаго Князя и Его Августѣйшей Матери, возвѣщавшія объ этомъ радостномъ событіи.

Александръ въ этотъ день дѣлалъ смотръ армейскому корпусу, состоявшему подъ начальствомъ князя Горчакова, въ равнинахъ, идущихъ между Григоровскою и Пажковцами. Онъ уже три дня жилъ въ великолѣпномъ Григоровскомъ зáмкѣ, принадлежащемъ графинѣ Ржевусской урожденной княжнѣ Любомірской, и находившемся въ Староконстантиновѣ, гдѣ Онъ устроилъ свою главную квартиру,

— Что могу я сдѣлать, сказалъ онъ этой графинѣ, — чтобы отблагодарить васъ за оказанное мнѣ въ вашемъ прекрасномъ имѣніи гостепріимство?

— Государь, отвѣтила благородная вдова графа Северина Ржевусскаго, я нижайше прошу Ваше Величество, соблаговолить издать въ Староконстантиновѣ указъ. возвѣщающій о рожденіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра.

— И въ самомъ дѣлѣ, возразилъ съ чувствомъ Императоръ я не могъ получить извѣстія, болѣе пріятнаго, и не забуду, графиня, что его получилъ я у васъ... Но, прибавилъ онъ, одинъ изъ моихъ камердинеровъ имѣлъ неосторожность разбить въ занимаемыхъ мною комнатахъ Китайскую вазу, которая можетъ быть дорого стоила....

— Ахъ! Государь, вскричала графиня, вспомнивъ старое Польское повѣрье, разбитая по неосторожности при рожденіи ребенка посуда всегда составляетъ счастливое

предзнаменованіе для него и его семейства: это подобіе злой судьбы, которая разбивается и исчезаетъ.

Александръ попросилъ разсказать ему объ этомъ повѣрьѣ, существующемъ по всему востоку, и впослѣдствіи самъ разсказывалъ, улыбаясь, Великой Княгинѣ Александрѣ, — какимъ образомъ неловкій слуга принесъ счастіе новорожденному разбитіемъ вазы. Онъ послалъ графинѣ Ржевусской нѣсколько фарфоровыхъ дорогихъ издѣлій при собственноручномъ письмѣ, въ которомъ благодарилъ ее за ласковый пріемъ. Одно изъ этихъ фарфоровыхъ издѣлій, съ надписью на золотой дощечкѣ по Польски: *17-го Апрѣля 1818 года*, долго хранилось въ семействѣ Ржевусскихъ, какъ драгоцѣнное воспоминаніе о пребываніи Императора Александра въ Григоровскомъ и о рожденіи его племянника, Великаго Князя Александра.

Болѣе прочное воспоминаніе этихъ двухъ событій составляетъ указъ, обнародованный по всей Россіи и написанный въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Мы, Божіею милостію, Александръ I-й, и проч. и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

„17-го Апрѣля Наша возлюбленная Невѣстка, Великая Княгиня Александра, разрѣшилась отъ бремени любезнымъ Намъ племянникомъ, которому наречено имя Александръ.

„Мы видимъ въ этомъ приращеніи Нашего Императорскаго Дома доказательство благословенія, низпосылаемаго Всевышнимъ на насъ и на Нашу Имперію. Возвѣщая объ этомъ радостномъ событіи нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, мы убѣждены, что они соединятъ съ нами усердныя молитвы къ Всеблагому Богу, дабы Онъ возрастилъ въ мирѣ новорожденнаго и даровалъ Ему преуспѣяніе во всемъ, что можетъ споспѣшествовать утвержденію вѣры и благо-

состоянію отечества. Посему мы повелѣваемъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это потребуется, именовать Нашего возлюбленнаго племянника *Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ.*

„Данъ въ нашей главной квартирѣ въ Староконстантиновѣ 22-го Апрѣля, въ лѣто отъ Р. Х. 1818-е, царствованія же Нашего въ 18-е.

Кромѣ того, Императоръ сообщилъ Великому Князю Николаю, что сынъ его Александръ назначенъ шефомъ полка гвардейскихъ гусаровъ и кавалеромъ орденовъ Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго и Св. Анны 1-го класса.

Императоръ тотчасъ отправилъ въ Берлинъ своего адъютанта, генералъ-маіора графа Орлова, чтобы поздравить Прусскаго короля съ рожденіемъ внука. Полковникъ Фридрихсъ, адъютантъ Великаго Князя Николая, прибылъ изъ Москвы съ этимъ извѣстіемъ нѣсколькими днями раньше, и извѣстіе это было съ радостью принято королевскою фамиліею. Фридрихъ-Вильгельмъ торжественно обѣщалъ своей дочери, что онъ пріѣдетъ къ ней тотчасъ послѣ ея разрѣшенія отъ бремени; поэтому онъ отвѣчалъ Императору, что разсчитываетъ быть въ Москвѣ съ наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ къ половинѣ Іюня, и просилъ своего зятя, Великаго Князя Николая, приступить безъ него къ крещенію ребенка, у котораго онъ былъ, вмѣстѣ съ Россійскимъ Императоромъ, крестнымъ отцомъ

Крещеніе совершено было 17-го Мая въ Москвѣ, въ церкви Чудова монастыря, въ присутствіи обѣихъ Императрицъ. Императрица мать была воспріемницею. Во время этого обряда, совершеннаго съ величайшею торжественностью, Великій Князь Николай, по обычаямъ Греко-Россійской церкви, удалился въ сосѣднюю комнату, и вошелъ въ церковь только по совершеніи крещенія.

— Имя, данное Нашему возлюбленному сыну, сказалъ Великій Князь Великой Княгинѣ, съ любовью смотрѣвшей на прекраснаго ребенка, будетъ служить ему покровомъ, ибо святой Александръ Невскій есть одинъ изъ покровителей Россіи. Я желаю только, чтобы онъ походилъ на Своего Августѣйшаго воспріемника и шелъ по слѣдамъ моего славнаго благодѣтеля.

Великій Князь Николай, черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія этаго сына, порученнаго имъ покровительству Святаго Александра Невскаго, написалъ слѣдующее письмо къ достопочтенному Августину, Митрополиту Московскому:

Многоуважаемый архипастырь!

„Съ скорбію слабаго смертнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ надеждою вѣрнаго христіанина видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты моей жизни. Не зная, что предопредѣляетъ мнѣ провидѣніе, я подкрѣпилъ свою душу религіознымъ обѣтомъ и съ терпѣніемъ ожидалъ совершенія воли Божіей.

„Божественному провидѣнію благоугодно было даровать мнѣ счастіе сдѣлаться отцомъ. Оно сохранило мнѣ мать и сына. Изъявленіе нашей благодарности, въ которомъ не имѣетъ нужны Тотъ, Кто испытуетъ сердца, сдѣлалось для меня ею проникнутаго, настоятельною необходимостью. Обѣтъ, который я поспѣшу исполнить, состоитъ въ построеніи придѣла, въ имя Св. Александра Невскаго въ церкви Новаго Іерусалима. Это нижайшее приношеніе счастливаго отца, поручающаго покровительству Всевышняго свое драгоцѣннѣйшее благо, — жизнь жены и ребенка.

„Ваше Высокопреосвященство подастъ мнѣ совѣтъ и будетъ руководить меня въ исполненіи обѣта, столь дорогаго моему сердцу. Да вознесутся къ небу горячія

мольбы за мать и сына отъ подножія этаго алтаря воздвигнутаго признательностью отца! Да продлитъ Всемогущій ихъ дни для ихъ блага, для службы монарху, для счастія и благоденствія отечества!

„Испрашивая Вашего благословенія для нихъ и для себя остаюсь, и проч. и проч.

„*Николай*".

XIII.

Императоръ Александръ возвратился 10-го Іюня 1818 года изъ своего путешествія въ Крымъ: это путешествіе, котораго изумительная быстрота превосходила даже быстроту другихъ частыхъ его поѣздокъ по различнымъ частямъ обширной его Имперіи, позволило ему однакоже видѣть своими глазами и увѣриться въ баснословномъ развитіи Одессы и другихъ торговыхъ и военныхъ городовъ, основанныхъ менѣе 30-ти лѣтъ назадъ на побережьѣ Чернаго моря. Онъ хотѣлъ еще продолжить это интересное путешествіе за Херсонъ, въ страну едва населенную и почти неизвѣстную, которая нѣкогда должна была пріобрѣсти такое важное значеніе съ точки зрѣнія русской торговли и флота; онъ намѣревался вскорѣ возвратиться туда и осуществить тамъ великіе планы Императрицы Екатерины, но возвратился туда только для того, чтобы умереть.

Въ Москвѣ ожидали короля Прусскаго и его старшаго сына, наслѣднаго принца. Въ Кремлѣ для ихъ принятія дѣлались громадныя приготовленія, и въ тоже время еще большія приготовленія дѣлались въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ, и во всѣхъ сосѣднихъ со столицею Императорскихъ резиденціяхъ.

15-го Іюня утромъ узнали, что вечеромъ прибудутъ король съ сыномъ; они должны были остановиться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города царей, чтобы на другой

день торжественно въѣхать въ него. Прелестный загородный домъ оберъ-камергера Нарышкина заранѣе былъ приготовленъ къ принятію августѣйшихъ гостей Императора, которые должны были провести въ немъ ночь со всею своею свитою. Въ этомъ то домѣ Великая Княгиня ожидала своего отца и старшаго брата.

Императоръ выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу въ Кунцево. Его сопровождали Великіе Князья Николай и Константинъ съ многочисленнымъ и блестящимъ штабомъ. Александръ и Вильгельмъ бросились другъ другу въ объятія, какъ давно не видавшіеся друзья. За тѣмъ король и наслѣдный принцъ расцѣловались съ обоими Великими Князьями.

Когда Великая Княгиня очутилась передъ своимъ августѣшимъ отцомъ, то не могла удержаться отъ волненія, которое было столь истинно и трогательно, что его раздѣлили всѣ присутствующіе, и у всѣхъ были на глазахъ слезы.

— Я должна была быть счастливою въ новомъ своемъ семействѣ, сказала королю Великая Княгиня, чтобы могла прожить цѣлый годъ, не видя Васъ!

— А я, милая Шарлотта, отвѣчалъ король, съ нѣжностью обнимая ее, не привыкъ бы къ этой разлукѣ, если бы не былъ увѣренъ въ твоемъ счастіи.

На другой день, въ одиннадцать часовъ, Прусскій король и Россійскій Императоръ въѣхали въ Москву, при звукѣ колоколовъ и пушечныхъ выстрѣлахъ, заглушаемыхъ криками толпы. Всѣ дома и общественныя зданія были увѣшаны русскими и прусскими флагами. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ въ мундирѣ шефа русскаго полка, съ орденомъ Св. Андрея, а на мундирѣ Императора былъ орденъ чернаго орла. Наслѣдный принцъ Прусскій ѣхалъ верхомъ между Великими Князьями Николаемъ и Михаи-

ломъ. Войска, въ парадной формѣ, стояли двойною шпалерою отъ заставы до кремля.

Обѣ Императрицы приняли короля у подножія главнаго дворцоваго крыльца и представили ему его маленькаго внука и крестника, Великаго Князя Александра, котораго Великая Княгиня взяла изъ рукъ кормилицы и подала Фридриху-Вильгельму.

— Государь, сказалъ Императоръ, котораго лицо казалось озарилось вдохновеніемъ, вспомнимъ, что этотъ ребенокъ родился въ древнемъ дворцѣ царей, недалеко отъ колыбели фамиліи Романовыхъ и близь Святыхъ воротъ, гдѣ чудесный образъ Пресвятой Дѣвы бодрствуетъ и печется о судьбахъ этаго города и Россіи! Вспомнимъ также, что источникъ всякаго благословенія есть Господь и Спаситель Нашъ Іисусъ Христосъ, столь видимымъ образомъ покровительствовавшій намъ, когда мы возложили на него одного нашу вѣру, любовь и надежду.

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе во всѣхъ присутствовавшихъ, и Прусскій король неразъ повторялъ ихъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія, лицамъ, къ нему близкимъ.

Десять дней, проведенныхъ имъ въ Москвѣ съ Императорскою фамиліею, были наполнены различными торжествами.

Фридрихъ-Вильгельмъ не переставалъ удивляться этому громадному и великолѣпному городу, въ которомъ, благодаря благороднымъ стараніямъ Александра, уже не замѣтно было слѣдовъ опустошенія 1812 года, и которая возникла изъ своихъ развалинъ еще красивѣе и цвѣтущѣе чѣмъ была прежде. Онъ безпрестанно пѣшкомъ или верхомъ прогуливался по улицамъ, въ сопровожденіи Императора, который взялся быть *чичероне* и съ нѣкоторою гордостью показывалъ ему значительныя постройки въ го-

родѣ, въ которомъ отъ пожара уцѣлѣло только 500 каменныхъ и 1200 деревянныхъ домовъ, а въ это время уже насчитывалось около 10,000 большею частью каменныхъ, съ 350 церквами и монастырями, отдѣланными за-ново.

Когда раскрашенные и позолоченные куполы этихъ религіозныхъ зданій блестѣли на солнцѣ, король чувствовалъ въ себѣ тотъ восторгъ, который овладѣлъ нѣкогда французскою арміею при видѣ этаго чужаго города, и въ удивленіи воскликнулъ, что съ Москвою не можетъ соперничать ни одинъ городъ въ мірѣ.

— Да, это святой городъ! говорилъ Императоръ съ благочестивымъ волненіемъ, указывая рукою на это множество колоколенъ и куполовъ, блестѣвшихъ на горизонтѣ. Величіе Всевышняго одушевляетъ безпрерывно обновляющеюся жизнью тлѣнныя сочетанія матеріи и придаетъ имъ лучезарный отпечатокъ Его собственной славы.

На Императора часто находили припадки грусти и унынія. Онъ не скрывалъ отъ Прусскаго короля, что въ немъ часто является мысль объ отреченіи отъ престола, чтобы имѣть возможность жить въ уединеніи. Онъ уже разсчитывалъ передать престолъ Великому Князю Николаю.

— Ваше Величество, сказалъ ему король Прусскій, еще не окончили дѣла умиротворенія Европы: Священный союзъ существуетъ, но нѣтъ ни одного государства, въ которомъ бы не было тайныхъ обществъ, и революція, которую мы подавили, бурлитъ подъ нашими ногами. Что будетъ съ нами, если Вы оставите насъ на произволъ анархистовъ и заговорщиковъ?

Императоръ и Императорская фамилія возвратились въ С-Петербургъ съ королемъ и принцемъ Прусскими въ по-

слѣднихъ числахъ Іюня; они остановились на нѣсколько дней въ Царскосельскомъ дворцѣ.

4-го Іюля совершился ихъ торжественный въѣздъ въ столицу при стеченіи безчисленной толпы. Полки, составлявшіе гарнизонъ города или стоявшіе на квартирахъ въ его окрестностяхъ, были разставлены по пути Императорскаго кортежа. Въ шесть часовъ, пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпости и звономъ колоколовъ возвѣщено было о прибытіи Императора. Онъ былъ верхомъ; по правую сторону его ѣхалъ король Прусскій, а по лѣвую наслѣдный принцъ Прусскій и Великій Князь Николай. На Императорѣ были знаки Чернаго Орла, а на королѣ знаки ордена Св. Андрея. Позади ихъ ѣхала блистящая свита генераловъ, штабъ-офицеровъ и сановниковъ въ парадной формѣ; передъ каретою, въ которой находились обѣ Императрицы и Великая Княгиня Александра, ѣхалъ эскадронъ гвардіи. Ихъ Величества и Высочества сошли съ коней, чтобы помолиться по обычаю въ Казанскомъ Соборѣ. Вечеромъ, въ Зимнемъ Дворцѣ, Императоръ самъ представилъ королю сановниковъ первыхъ четырехъ классовъ, называя ихъ по именамъ.

Покои, приготовленные по приказанію Императора, для принятія Его Августѣйшаго Друга, въ Зимнемъ Дворцѣ, состояли изъ одиннадцати комнатъ, убранныхъ со вкусомъ и роскошью. Живопись на потолкѣ и карнизахъ принадлежали кисти трехъ Итальянскихъ художниковъ: Скотти, Виньи и Росси; но всѣ внутреннія декоративныя работы и меблировка были исполнены, по рисункамъ этихъ художниковъ, русскими работниками. Александръ хотѣлъ показать этимъ, что художества и промышленность во время его царствованія не были въ упадкѣ. Король Прусскій, котораго Александръ провелъ по его комнатамъ, не переставалъ высказывать свое удивленіе при видѣ всѣхъ этихъ чудесъ.

— Цѣлый вѣкъ повторяютъ, что мы варвары, сказалъ улыбаясь Импероторъ; правда, у насъ еще нѣтъ Микель-Анджело и Рафаэлей, но въ хорошихъ работникахъ недостатка нѣтъ. Самый плохой русскій крестьянинъ, если его мѣсяцъ поучить, будетъ гораздо смышленнѣе и ловче, чѣмъ всѣ, пріѣзжающіе къ намъ изъ за-границы ремесленники, которые приносятъ намъ не столько промышленныхъ выгодъ, сколько политическихъ хлопотъ.

На другой день Александръ пожелалъ показать знаменитому гостю свою столицу и указать ему на многочисленныя работы, производившіяся для ея украшенія: тутъ было Адмиралтейство и новый Исакіевскій соборъ, коихъ гордые, едва оконченные, фасады свидѣтельствовали о колоссальныхъ размѣрахъ этихъ зданій; тамъ обелискъ, посвященный побѣдамъ фельдмаршала Румянцева Задунайскаго, и статуя Суворова Италійскаго, возвышающаяся посреди большой площади, лежащей въ концѣ Марсова поля; вездѣ дворцы и палаты, украшенные колоннами, фронтонами и статуями: деревянныя мостовыя съ гранитными тротуарами; однимъ словомъ новый городъ самаго величаваго вида, въ которомъ всюду видѣлись общественные памятники, и въ которомъ дома, почти всѣ однообразные, высокіе и оштукаренные, имѣли монументальный характеръ.

Пруской король и его сынъ должны были пробыть въ С-Петербургѣ еще только десять дней, но эти дни были назначены главнымъ образомъ для семейныхъ праздниковъ обѣды у Великаго Князя Николая въ Аничковомъ Дворцѣ, спектакли въ Эрмитажѣ, прогулки и фейерверки на Каменномъ Островѣ, въ Петергофѣ, Ораніенбаумѣ, и проч. Свободными оставались только вечера, такъ какъ дни сполна были посвящены разводамъ и смотрамъ войскъ, посѣщеніямъ общественныхъ, военныхъ и благотворительныхъ учрежденій.

9-го Іюля былъ обѣдъ у Императора въ Зимнемъ Дворцѣ, а потомъ отправились въ большой театръ, куда приглашенъ былъ и дворъ. Великій Князь Николай извинился нездоровьемъ. Онъ слегъ въ постель лихорадкою, и Великая Княгиня, встревоженная и огорченная, не смотря на увѣренія ободрявшихъ ее медиковъ, пожелала остаться около своего супруга. Императорская фамилія также начала было безпокоиться, но на другой же день оказалось, что у Великаго Князя открылась самая легкая корь. Поэтому въ программѣ празднествъ, приготовленныхъ въ честь Прусскаго короля, ничего не было измѣнено, но Великая Княгиня на нихъ не показывалась.

Она не соглашалась покинуть больнаго, котораго перевезли въ Ораніенбаумъ и который жилъ тамъ въ уединеніи съ своею бодрою и нѣжною супругою, пока совсѣмъ миновала опасность болѣзни.

Великая Княгиня писала каждый день къ своему Августѣйшему отцу, сообщая ему извѣстія о здоровьѣ Великаго Князя, и эти письма, проникнутыя самыми нѣжными чувствами супружеской любви, читаемы были съ восторгомъ въ семейномъ кружкѣ, гдѣ отсутствіе двухъ супруговъ производило незамѣнимую пустоту.

„Нашъ дорогой больной уже больше не въ постелѣ, писала Великая Княгиня къ его матери, но онъ еще 12 дней пробудетъ подъ арестомъ; опасеніе передать свою болѣзнь кому либо изъ тѣхъ, кого онъ уважаетъ и любитъ, продержало бы его подъ карантиномъ и дольше, если бы я не доказала ему, что у насъ съ нимъ, слава Богу, заразы нѣтъ. Слишкомъ большое несчастіе быть, подобно намъ, лишенными удовольствія видѣть короля, моего родителя, въ послѣдніе дни его пребыванія въ С.-Петербургѣ и отпраздновать вмѣстѣ съ нимъ годовщину моего счастливаго брака

Фридрихъ-Вильгельмъ не могъ продолжить своего путе-

шествія, но отложилъ свой отъѣздъ на два дня, чтобы обнять свою дочь, которая обѣщала ему, съ позволенія Императора, провести слѣдующее лѣто въ Берлинѣ. 15-го Іюля король отправился съ Императоромъ въ Кронштадтъ на Императорскомъ фрегатѣ, чтобы осмотрѣть корабли эскадры, верфи и флотскія учрежденія; черезъ два дня послѣ этаго онъ уѣхалъ, очарованный пріемомъ, оказаннымъ ему при Русскомъ Дворѣ, и возвратился черезъ Лифляндію въ Берлинъ, куда вскорѣ долженъ былъ поѣхать и Императоръ Александръ.

Императоры Русскій и Австрійскій, король Прусскій и большая часть Европейскихъ Государей назначили себѣ свиданіе въ Ахенѣ въ концѣ Сентября: они намѣревались на тайныхъ конференціяхъ порѣшить важные вопросы международнаго права, поднятые священнымъ союзомъ. Императрица Елисавета и Императрица мать рѣшились, съ одобренія Императора, вмѣстѣ выѣхать изъ С.-Петербурга и пуститься въ продолжительное путешествіе, которому благопріятствовало хорошее время года.

Императрица-мать намѣревалась, проѣхавъ черезъ Польшу, провести нѣсколько недѣль при Виртембергскомъ дворѣ съ своею дочерью, королевою Екатериною, а потомъ въ Веймарѣ и Брюсселѣ, у своихъ другихъ дочерей, Великой Герцогини Саксенъ-Веймарской и принцессы Оранской. Императрица Елисавета намѣревалась также отправиться въ свое семейство въ Карлсруэ, чтобы быть ближе къ Ахену. Великій Князь Михаилъ, путешествовавшій по Германіи, и Великій Князь Константинъ, возвратившійся въ Варшаву, должны были тоже быть въ Ахенѣ. Такимъ образомъ вся Императорская фамилія, за исключеніемъ Великаго Князя Николая и его супруги, должна была нѣсколько мѣсяцевъ пробыть внѣ Россіи.

Императрица мать вѣроятно еще въ первый разъ отлучалась вмѣстѣ съ Императоромъ. Во время продолжительныхъ и частыхъ путешествій Александра она обыкновенно была какъбы правительницею отъ имени своего Августѣйшаго сына и представляла Верховную власть, хотя Императоръ, на какомъ бы ни находился разстояніи отъ своей столицы, — постоянно завѣдывалъ самъ правительственными дѣлами: онъ всегда путешествовалъ въ сопровожденіи одного или двухъ министровъ, постоянно занимавшихся вмѣстѣ съ нимъ дѣлами Государства, въ Варшавѣ и Москвѣ, на берегахъ Днѣпра и въ Уральскихъ горахъ.

Александръ уже въ предыдущемъ году присвоилъ своему брату Николаю нѣкоторую долю личнаго участія въ дѣлахъ Императорской власти, назначивъ его, вмѣстѣ съ матерью, представителемъ и помощникомъ Императора во время его отсутствія. Этотъ характеръ былъ присвоенъ Великому Князю еще въ болѣе обширномъ размѣрѣ при одновременномъ отсутствіи Императора и Императрицъ; но Великій Князь, долженствовавшій такимъ образомъ быть какъ бы Намѣстникомъ Императора, получилъ только изустныя и секретныя инструкціи, безъ всякаго оффиціальнаго титула, который бы опредѣлялъ его права и преимущества. Императоръ только назначилъ его (9-го Августа) командиромъ 2-й бригады 1-й дивизіи гвардейской пѣхоты.

Александръ отправился 7-го Сентября въ сопровожденіи Генералъ-Адъютантовъ, — Князя Волконскаго, графа Ожаровскаго, Чернышева и Князя Меншикова; Императрицы отправились черезъ нѣсколько дней послѣ него съ немногочисленною свитою.

Великій Князь Николай, оставшійся одинъ въ С-Петербургѣ съ Великою Княгинею, безъ всякаго указа понялъ предоставленное ему Императоромъ положеніе, заставляв-

шее его наблюдать за всѣми отраслями государственнаго управленія.

Государственный Совѣтъ, Сенатъ и Святѣйшій Сvнодъ признали данное ему порученіе: начальники арміи почтительно слушали его, не смотря на его молодость, какъ будто бы Императоръ передалъ въ его руки верховное начальство надъ всѣми войсками. Народъ вскорѣ понялъ, что Великій Князь Николай дѣйствительно представляетъ особу Императора и воздавалъ ему такое же уваженіе, какъ и Императору, хотя онъ и не переѣзжалъ изъ своего Аничкова Дворца въ зимній, гдѣ, такъ сказать, чувствовалось всегда невидимое присутствіе Александра I-го.

Празднованіе дня рожденія Императрицы матери происходило 26 Октября съ обычною торжественностью. Великій Князь Николай присутствовалъ утромъ при торжественной литургіи, послѣ которой совершено было благодарственное молебствіе въ церкви Зимняго Дворца, гдѣ духовенство отдавало ему почти тѣже почести, какъ и Императору, котораго мѣсто оставалось однакоже пустымъ.

Затѣмъ Великій Князь ходилъ пѣшкомъ по различнымъ частямъ столицы, гдѣ народъ толпился вокругъ него и привѣтствовалъ радостными криками. Онъ говорилъ со всѣми съ величественною благосклонностью, и сообщалъ всѣмъ извѣстія объ Императрицѣ-матери, которая, сказалъ онъ отъ ея имени, сожалѣетъ о томъ, что не находится нынѣшній день среди своихъ дѣтей и не забудетъ молиться объ нихъ.

Днемъ онъ снова появился на улицахъ, гдѣ встрѣтилъ еще болѣе радушный пріемъ; онъ былъ съ Великою Княгинею въ открытой коляскѣ, и всюду на его пути народъ толпился съ жаднымъ любопытствомъ, снималъ шапки и бросалъ ихъ къ верху. Видъ Великой Княгини Александры,

блестящей молодостью, граціею и красотою, вызывалъ восторженное удивленіе, она всѣмъ улыбалась, и ея ангельская улыбка оставила во многихъ сердцахъ неизгладимые слѣды любви и преданности.

Съ этаго дня, Великій Князь Николай пріобрѣлъ сочувствіе населенія С-Петербурга, которое до этаго времени не близко знало его и не интересовалось имъ, какъ ближайшимъ наслѣдникомъ престола.

Вечеромъ, когда городъ былъ великолѣпно иллюминованъ, въ Аничковомъ Дворцѣ былъ балъ. Особы, имѣющія пріѣздъ ко Двору, были единственными участниками этаго бала. Это былъ чудный праздникъ, на которомъ Великая Княгиня Александра хозяйничала съ тою неподражаемою любезностью, которая, такъ сказать, умѣряла спокойное и строгое достоинство ея супруга.

Въ письмѣ, которое Великая Княгиня написала Императрицѣ-матери, разсказывая объ этомъ праздникѣ, она говорила съ тѣмъ деликатнымъ чувствомъ, которое умѣла такъ естественно влагать въ свои малѣйшія дѣйствія: „Вы не были съ нами, любезная матушка, но Ваша мысль жила въ нашихъ сердцахъ и Ваше имя безпрестанно было у насъ на устахъ. Я почти готова была спросить Васъ, не присутствовали ли Вы невидимо среди насъ.“

XIV.

Аничковъ дворецъ, занятый Великимъ Княземъ Николаемъ, былъ одинъ изъ красивѣйшихъ дворцовъ С-Петербурга, и при томъ очень удобенъ для тихой и уединенной жизни, какую хотѣлъ вести Великій Князь.

Этотъ дворецъ, фасадъ котораго былъ и красивъ и простъ, окруженъ садомъ, скрывавшимъ его на половину въ зелени во время лѣта: скажутъ, смотря на него сквозь деревья, что это италіанская вилла, которую волшебницы перенесли съ береговъ Комскаго озера въ центръ столицы Сѣвера. Большія комнаты, освѣщенныя большими окнами, назначены были именно для того, чтобы давать здѣсь балы. Здѣсь графъ Разумовскій съ великолѣпіемъ принималъ Императрицу Елисавету; здѣсь Императрица Екатерина удостоивала своимъ присутствіемъ балы и спектакли, которые устроивалъ для нея Потемкинъ. По смерти Потемкина, дворецъ снова перешелъ въ Императорское владѣніе.

Императоръ Александръ велѣлъ возобновить его съ большими издержками для своего брата Николая.

Великая Княгиня превратила свои покои въ оранжереи съ чужеземными растеніями, представлявшія рощицы съ каскадами и птичниками, наполненными рѣдкими птицами.

Великая Княгиня, въ отсутствіи своего супруга, отправившагося обозрѣвать инженерный корпусъ, приказала по своимъ рисункамъ убрать покои, занимаемые въ королевскомъ

дворцѣ, въ Берлинѣ, до пріѣзда своего супруга. Когда прибылъ Великій Внязь, она взяла его за руку съ таинственнымъ видомъ и сказала ему, гордясь своею работою:

— Посмотрите! здѣсь я провела мои прекрасные дни юности. Я буду очень рада пробыть здѣсь нѣсколько времени, чтобы лучше судить, какъ я теперь счастлива. Въ особенности, прибавила она съ задумчивостію, не должно быть неблагодарнымъ къ мѣстамъ, напоминавшимъ намъ о счастіи. Какъ я могла быть тогда счастлива, когда еще не знала васъ.

Первою заботою Великаго Князя было устроить у себя залу для спектаклей: это было въ продолженіе долгаго времени любимымъ его проэктомъ, о которомъ онъ часто говорилъ своему брату Михаилу. Театръ былъ для него первымъ удовольствіемъ. Пребываніе его въ Парижѣ въ 1814 и 1815 гг. развило въ немъ страсть къ спектаклямъ; почти каждый вечеръ онъ ходилъ въ театръ съ своимъ братомъ Михаиломъ; онъ посѣщалъ всѣ театры, въ которые присутствіе иностранцевъ собирало многочисленную публику; впрочемъ онъ предпочиталъ представленія водевильнаго театра, который имѣлъ прекрасную труппу и веселый репертуаръ.

Изъ этаго репертуара Великій Князь выбралъ піэсы, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ. Онъ, въ послѣднее свое путешествіе въ Парижъ, совѣтовался съ главными актерами французскаго театра Сенъ-Полемъ и Батистомъ старшимъ, и удачно воспользовался этими уроками, такъ что онъ дебютировалъ въ комедіяхъ Мольера, Ренарда и Детуша съ истиннымъ талантомъ. Помнится еще одна маленькая комедія въ стихахъ Дезожье и Жантиля, „комнаты съ мёбелью,“ (l'Hôtel garni), гдѣ онъ исполнялъ роль съ блестящимъ успѣхомъ и любилъ представлять ее на

своемъ *Аничковомъ театрѣ*, какъ онъ называлъ его съ тщеславіемъ.

— Скажите мнѣ откровенно, сказалъ онъ графинѣ Разумовской, не лучше ли мой театръ театра въ эрмитажѣ временъ Императрицы Екатерины?

Великій Князь много удивлялся Тальмѣ и М-мъ Дюшенуа; но онъ не былъ поклонникомъ трагедіи, наводившей на него скуку: потому онъ не хотѣлъ допустить ихъ въ составъ спектаклей, которые онъ давалъ, какъ онъ говорилъ, въ своемъ тѣсномъ кружкѣ. Онъ предполагалъ, что трагедія изобрѣтена для того, чтобы унизить сильныхъ земли, которые были въ ней обыкновенными героями.

— Одинъ Корнель, говорилъ онъ, имѣлъ справедливую и истинную идею о верховной власти, и относился съ уваженіемъ къ этой власти, истекающей отъ самаго Бога.

Великій Князь любилъ музыку; онъ устраивалъ музыкальные вечера въ Аничковомъ дворцѣ: здѣсь пѣли водевили и комическія оперы; но концерты, которые иногда были очень замѣчательны, состояли изъ нѣмецкой и италіанской музыки. Великая Княгиня, хорошая музыкантша, какъ большая часть ея соотечественниковъ, управляла этими концертами, въ которыхъ Великій Князь съ успѣхомъ не разъ вводилъ отрывки изъ русскихъ музыкальныхъ сочиненій.

Онъ имѣлъ къ военной музыкѣ предпочтеніе, потому что она примѣнялась къ военнымъ упражненіямъ, и все свое вниманіе обратилъ на полковыхъ музыкантовъ, нарочно ходилъ къ нимъ на квартиры. Онъ самъ изобрѣлъ, съ помощію искуснаго артиста Штейта, для полка минёровъ, составлявшаго часть инженернаго корпуса, котораго онъ былъ начальникомъ, лучшую во всей Европѣ духовую музыку.

Онъ въ юности любилъ играть на барабанѣ и игралъ

безошибочно, его ухо способно было уловить малѣйшую ошибку въ игрѣ.

Онъ пробовалъ свой талангъ въ составленіи музыкальныхъ сочиненій, писалъ марши и сочинялъ аріи и религіозныя пѣсни, которые онъ заставлялъ исполнять артистовъ, участвовавшихъ въ концертахъ и спектакляхъ, распорядителями которымъ были Великая Княгиня и Великій Князь. Иногда между ними былъ споръ, который рѣшался предпочтеніемъ одного къ италіанской музыкѣ, а другой въ пользу нѣмецкой.

— Хорошо, сказалъ однажды В. К., послѣ этихъ споровъ, въ которыхъ верхъ былъ на сторонѣ его супруги какъ это было всегда: вы рѣшительно хотите, чтобы я объявилъ себя склоннымъ къ музыкѣ нѣмецкой и итальянской; но я прошу у васъ позволенія предпочитать имъ русскую музызу.

Императоръ и Императрица озаботились составить дворъ Великаго Князя и Великой Княгини, ко времени ихъ свадьбы; но они не замедлили измѣнить съ общаго согласія сдѣланный безъ ихъ согласія штатъ изъ извѣстныхъ лицъ подъ видомъ повышенія ихъ. Они удержали во главѣ дома Великой Княгини княгиню Александру Николаевну, дочь генералъ-маіора Репнина и жену князя, генерала отъ кавалеріи Григорія Волконскаго. Эта княгиня пользовалась при дворѣ уваженіемъ, вполнѣ заслуженнымъ ею.

Императрица мат назначила въ штатъ Великой Княгини и княгиню Салтыкову, которую она очень любила и которая бывала всегда съ нею во всѣхъ путешествіяхъ. Эта княгиня, урожденная Долгорукая, жена Сергѣя Салтыкова, Сенатора и Члена Государственнаго Совѣта, была образецъ знатности и изящества, но отличалась холодною скрытностію.

Графиня Ливенъ, бывшая гувернантка Великаго Князя Николая, сохранила въ его домѣ всеобщее вліяніе. Высокое положеніе, пріобрѣтенное ею при дворѣ казалось еще болѣе возвысилось въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ Великій Князь и Великая Княгиня почитали ее, какъ вторую мать, и относились къ ней всегда съ уваженіемъ.

Сыновья этой почтенной любимицы Императорской фамиліи были очень близки съ Великимъ Княземъ: оба сына составляли его тѣсный кружокъ. Одинъ, генералъ Карлъ Ливенъ, получилъ должность куратора въ Дерптскомъ университетѣ. Братъ его, Христофоръ Ливенъ, генералъ-лейтенантъ, послѣ Тильзитскаго договора, былъ полномочнымъ посланникомъ въ Берлинѣ, гдѣ заслужилъ репутацію искуснѣйшаго Европейскаго дипломата.

Два сына графа Карла Ливена, гвардейскіе офицера, были товарищами дѣтства Великихъ Князей Никалая и Михаила, также какъ и полковникъ Владиміръ Адлербергъ сынъ баронессы Адлербергъ, почетной дамы и любимицы Императрицы матери, которая поручила ей управленіе ея пансіономъ для благородныхъ дѣвицъ.

Баронъ Адлербергъ, полковникъ Московскаго полка, заслуженный офицеръ, замѣчательный по умственнымъ и душевнымъ качествамъ, назначенъ былъ адъютантомъ Великаго Князя; другіе адъютанты были Баронъ Фридериксъ и Василій Перовскій, которые впрочемъ не были въ пажескомъ корпусѣ, какъ Адлербергъ, но заслужили это назначеніе въ арміи. Первый былъ холоднаго и скрытаго характера, благоразумный и осторожный, второй же напротивъ былъ вспыльчивъ и горячъ.

Главнымъ управителемъ дома Великаго Князя былъ не офицеръ, но частный человѣкъ, который за свои прекрасные поступки, таланты и свой умъ былъ рекомендованъ Императору, который представилъ его Великому

Князю. Графъ Моденскій рекомендовалъ его на это трудное мѣсто. Онъ былъ родомъ французъ, сынъ переселенца изъ дворянъ, пришедшаго въ Москву, чтобы водвориться тамъ, съ графомъ Прованскимъ, которому онъ предсказывалъ, что онъ будетъ Французскимъ Королемъ.

Графъ Моденскій не разъ предсказывалъ Великой Княгинѣ Александрѣ, которой нравились его предсказанія, что ей опредѣлено носить корону.

— Какую? спрашивала его смѣясь Великая Княгиня.

— Корону прелести и красоты! отвѣчалъ графъ Моденскій, боясь подвергнуть себя опасности, опредѣляя точный смыслъ своего астрологическаго предсказанія.

— Я вижу, возразила Великая Княгиня, что вы сговорились съ Его Императорскимъ Высочествомъ, Великимъ Княземъ Константиномъ, который щедро пожаловалъ моему мужу странный титулъ *Мирликійскаго царя.*

Въ самомъ дѣлѣ Константинъ старался, по дружбѣ, называть его этимъ именемъ. Онъ въ началѣ не понималъ смысла этихъ словъ и часто спрашивалъ съ нетерпѣніемъ, что означаетъ подобная шутка, и Цесаревичъ (какъ по приказанію Императора называли въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Константина) отвѣчалъ, смѣясь, что названіе *Мирликійскій царь* идетъ къ нему прекрасно, потому что его Ангелъ бываетъ въ день Святителя Николая, Мирскаго епископа въ Ликіи.

Великій Князь недопускалъ себѣ малѣйшей честолюбивой мысли; онъ довольствовался съ акуратностію, доходившею до мелочей, исполнять обязанности военнаго начальника. Когда Императоръ назначилъ его генералъ-инспекторомъ инженернаго корпуса, гдѣ онъ показалъ свое стараніе и свою дѣятельность, переѣзды и путешествія были для него дѣломъ привычнымъ; онъ старался всѣ от-

четы повѣрять самъ и не вѣрилъ никому, пока не удостовѣрится своими глазами. Поэтому его смотры были очень трудны какъ для офицеровъ, такъ и для солдатъ.

Строгость его была велика и Императоръ напоминалъ ему, чтобы онъ былъ поснисходительнѣе.

— Государь, отвѣчалъ однажды ему Великій Князь, я безъ сомнѣнія строгъ, но справедливъ, потому что я представляю себѣ, что Его Величество всегда около меня, и что я самъ подчиняюсь его контролю.

Однажды онъ обратился съ рѣзкими словами, во время смотра, къ одному штабъ-офицеру, сдѣлавшему ошибку. По окончаніи смотра, онъ подошелъ къ этому офицеру, котораго товарищи его оставили одного, чтобы не раздѣлять съ нимъ его несчастіе, и позвалъ ласково обѣдать въ Аничковъ дворецъ.

— Генералъ, сказалъ онъ ему, мы съ вами поквитаемся; на слѣдующемъ смотру вы приложите все ваше стараніе, а я, съ своей стороны, заявлю передъ всѣми похвалу, которую вы заслужите.

Когда Великій Князь назначенъ былъ командиромъ 2-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи, онъ старался еще тщательнѣе исполнять новыя обязанности. Онъ никогда не скидалъ мундира; присутствовалъ на всѣхъ маневрахъ, на всѣхъ упражненіяхъ; онъ увеличилъ число парадовъ и смотровъ, и не давалъ отдыха бригадѣ, отданной Императоромъ подъ его начальство; онъ не щадилъ наградъ людямъ, находившимся подъ ружьемъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ при 15 градусахъ мороза или при сильной жарѣ.

Великій Князь нагонялъ страхъ на солдатъ, и однакожъ даже самые робкіе надѣялись на его справедливость: онъ выслушивалъ жалобу каждаго и удовлетворялъ всякую

основательную жалобу, если бы даже простой солдатъ жаловался на генерала. Послѣ парада, имѣвшій жалобу выходилъ изъ строя, дѣлая честь Великому Князю; онъ тотчасъ подходилъ къ нему, выслушивалъ жалобу и тотчасъ же рѣшалъ ее.

Великій Князь не ограничился изученіемъ военной науки только на полѣ; онъ понималъ свою генеральскую обязанность, и хотѣлъ изучить стратегію; онъ зналъ еще въ юности о примѣненіи геометріи къ защитѣ и аттакѣ крѣпостей, и о примѣненіи математики къ артиллеріи. Генералъ Жомини, искуснѣйшій стратегикъ новаго времени, давалъ ему уроки, которыми Великій Князь пользовался съ любовью и пользою.

Князь Козловскій, характеризуя Великаго Князя въ это время, говоритъ слѣдующее. „Великій Князь не только занимался военною наукою, но былъ также хорошій инженеръ и математикъ. Онъ много читалъ, и всѣ его окружающіе увѣряютъ, что онъ отличался особеннымъ вниманіемъ, которое, по ученію Монтескьё, есть признакъ генія. Великій Князь до сихъ поръ довольствовался должностью генерала, но все показываетъ, что онъ также способенъ быть государственнымъ человѣкомъ; и если этотъ Князь умретъ, не сдѣлавъ никакихъ великихъ дѣлъ, то онъ не оправдаетъ своего призванія, потому что природа, кажется, назначила его для великихъ дѣлъ.“

Великій Князь, казалось, не желалъ быть государственнымъ человѣкомъ, онъ избѣгалъ сколько возможно занятія политикою, по крайней мѣрѣ открыто и въ искреннихъ разговорахъ частной жизни. Онъ никогда не говорилъ съ министрами и съ людьми, занятыми государственными дѣлами. Читалъ только одинъ журналъ, именно *Journal des Debats*. „Нѣтъ лучше этого журнала, осталь-

ные ничего не стоятъ, говорилъ онъ; я имѣлъ обыкновеніе читать его во время моего пребыванія въ Парижѣ въ 1814 г.“

Каждое утро, если Императоръ былъ въ С.-Петербургѣ онъ приходилъ, какъ и прочіе генералы, въ залы зимняго дворца, и тамъ ожидалъ въ продолженіе часа или двухъ, среди толпы офицеровъ и высшихъ сановниковъ, пока не позоветъ его Императоръ. Это обычное общество въ Императорскомъ дворцѣ проводило время въ веселыхъ и пріятныхъ разговорахъ.

Эти часы ожиданія были для Великаго Князя полезны, потому что онъ изучалъ въ это время и узнавалъ правительственныхъ людей. Онъ тогда мало говорилъ, но много слушалъ и примѣчалъ.

Онъ потомъ спѣшилъ въ свой дворецъ и здѣсь находилъ тысячу средствъ, чтобы провести время; иногда онъ отправлялся гулять съ своею супругою въ открытой коляскѣ и самъ всегда очень искусно правилъ лошадьми.

Развлеченія его были очень обыкновенны: онъ рисовалъ, занимался музыкою, читалъ литературныя произведенія, французскія и англійскія, которыми была наполнена его библіотека; разсматривалъ собранія эстамповъ, карикатуръ и географическихъ картъ; посѣщалъ военный музей всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ; читалъ и писалъ письма Но всего болѣе интересовали и занимали его любезнѣйшая супруга и милыя дѣти его, съ которыми онъ находилъ истинную отраду.

Впрочемъ, хотя онъ въ день по нѣскольку разъ видѣлъ. свою августѣйшую мать и своего брата Михаила,—но тѣмъ не менѣе какъ можно рѣже старался появляться при дворѣ –и только съ чрезвычайною неохотою выходилъ изъ границъ семейной жизни, такъ тихой, пріятной,

однообразной, которую онъ велъ въ своемъ Аничковомъ дворцѣ.

— Сдѣлайте милость, говорилъ онъ Великой Княгинѣ Александрѣ, если кто будетъ спрашивать у васъ, въ какомъ мѣстѣ міра находится истинное счастіе, посылайте его въ Аничковъ дворецъ.

XV.

Императоръ Александръ въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ своего царствованія ни одного дня не переставалъ заниматься, съ неутомимымъ жаромъ, матеріальнымъ и нравственнымъ положеніемъ Россіи; онъ часто жаловался, что принужденъ отклоняться отъ этихъ занятій заботами, причиненными ему состояніемъ Европейской политики; онъ хотѣлъ, чтобы всеобщій миръ былъ возстановленъ на твердыхъ основаніяхъ, чтобы посвятить всѣ свои мысли и силы своей имперіи и подданнымъ.

„Когда провидѣніе, писалъ онъ своему прежнему учителю полковнику Лагарпу, жившему въ Швейцаріи, когда Провидѣніе благословитъ мои дѣла, и Россія дождется счастія, которое я желалъ дать ей, первою моею заботою будетъ сложить съ себя бремя власти и удалиться въ какой нибудь уголокъ Европы, гдѣ бы я могъ наслаждаться счастіемъ при мысли, что я сдѣлалъ нѣчто для своего отечества."

Планы его не осуществились и онъ не имѣлъ счастія выполнить возложенную имъ на себя задачу, — прежде чѣмъ пріобрѣлъ въ своихъ собственныхъ глазахъ право отдохнуть и сойти съ престола.

Великій Князь Николай, котораго его Августѣйшій братъ назначалъ на царство, не имѣлъ по видимому, вполнѣ достаточныхъ свѣдѣній о государственныхъ дѣяніяхъ этого

прекраснаго царствованія, въ которыхъ исключительно проявлялась блестящая личность Александра.

Императоръ, который совѣтовался тайно съ Императрицею-матерью въ трудныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ и сообщалъ всѣ свои проэкты Царевичу Константину, никогда не спрашивалъ совѣтовъ у своего брата Николая, и когда онъ давалъ Великому Князю приказанія или инструкціи, то не требовалъ отъ него какихъ нибудь личныхъ замѣчаній.

Великій Князь не имѣлъ даже и мысли присвоить себѣ право критиковать и даже разбирать рѣшенія Императорской власти; онъ повиновался безъ замедленія и безъ задней мысли. Кромѣ того онъ, также какъ и Великій Князь Константинъ, имѣлъ слѣпую вѣру, религіозное уваженіе и совершенную покорность ко всему, что предписывалъ Императоръ, потому что, по его мнѣнію, образомъ дѣйствій Государя руководитъ всегда внушеніе свыше. Онъ считалъ всѣ дѣйствія политической жизни Александра образцовыми.

Такъ-же глубоко было уваженіе русскаго народа къ его великодушному Императору, который казался ему истиннымъ посланникомъ Божіимъ, прямымъ посредникомъ и избранникомъ Провидѣнія.

Александръ, несмотря на священный вѣнецъ, осѣнявшій главу его, и несмотря на то, что онъ былъ верховнымъ главою русской православной церкви, старался не вмѣшиваться въ церковныя дѣла; онъ смиренно подчинялся всѣмъ обрядамъ предковъ, и желалъ быть, среди своихъ подданныхъ, вѣрнѣйшимъ охранителемъ церковнаго ученія.

Можно бы было опасаться, что, съ привязанностью его къ философскимъ ученіямъ, руководившимъ его воспитаніемъ, онъ будетъ стараться ввести реформы въ русской церкви: „Наши священники ничто иное какъ священники! сказалъ онъ однажды французскому посланнику, который сѣтовалъ, что

іезуиты выгнаны изъ Россіи: они помогаютъ въ управленіи, вмѣсто того, чтобы затруднять и гнести его. Они не выходятъ изъ церкви, чтобы вмѣшиваться въ политику; потому я защищаю ихъ по заповѣди Евангельской, повелѣвающей мнѣ это такими словами: „Миръ людямъ доброжелающимъ."

Эти слова объясняютъ изгнаніе іезуитовъ въ 1816 г., и непреклонное сопротивленіе Императора всѣмъ попыткамъ, которыми пытались склонить Императора въ пользу Общества іезуитовъ.

„Я не желаю, писалъ онъ одной французской дамѣ, осмѣлившейся защищать изгнанниковъ, я не желаю имѣть въ своемъ государствѣ, и особенно въ Польшѣ, враждебную армію, хорошо дисциплинированную, которой глава находится въ Римѣ и прикрываетъ свою политику папскою буллою.

Несмотря на этотъ строгій актъ, Императоръ выказалъ вѣротерпимость. Въ тоже время, какъ онъ выгналъ іезуитовъ, онъ призвалъ въ С-Петербургъ доминиканцевъ, чтобы исполнять службы въ католической церкви и воспитывать дѣтей ихъ единовѣрцевъ.

Онъ старался не дѣлать никакого юридическаго различія между различными христіанскими обществами, хотя православно-восточная религія была господствующею религіею въ Россіи.

Онъ не любилъ евреевъ, но все таки не преслѣдовалъ ихъ, и обнародовалъ въ 1819 г. указъ, по которому давались большія преимущества тѣмъ, которые обратятся въ христіанскую вѣру, даже безъ различія исповѣданій. Въ 1816 г. онъ подарилъ русскому Библейскому обществу 15,000 рублей для устройства дома около лѣтняго сада. Въ 1817

г. онъ не хотѣлъ преслѣдовать секту Духоборцевъ, которая отдѣлилась изъ нѣдръ православной церкви и имѣла много послѣдователей въ Мелитопольскомъ уѣздѣ въ Тавридѣ.

„Справедливое правительство, говорилъ онъ въ рескриптѣ Херсонскому генералъ-губернатору, ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ строгихъ мѣръ. Православная Церковь, если бы она желала возвратить своихъ заблудшихъ братьевъ въ свои нѣдра, могла бы прибѣгнуть къ преслѣдованію, но это было бы противно духу религіи и несогласно съ примѣромъ главы религіи, Христа-Спасителя міра?“

Между тѣмъ на слѣдующій годъ онъ обуздываетъ заблудшихся лютеранскихъ священниковъ и кальвинистовъ, во зло употребившихъ данную имъ свободу: въ указѣ 20 іюля 1818 г., позволявшемъ учредить евангелическую консторію, Императоръ говоритъ, что онъ не хотѣлъ бы имѣть религіозныхъ споровъ въ своей Имперіи.

„Двумъ евангелическимъ обществамъ, говоритъ онъ въ этомъ замѣчательномъ документѣ, позволено было оставаться вѣрными ихъ символамъ и вѣрованіямъ, которыми они признаютъ священное писаніе за слово Божіе. Императоръ считаетъ своею священною обязанностію взять подъ свое покровительство эти церкви, чтобы отклонить ихъ отъ опасныхъ нововведеній, противныхъ принципамъ христіанства.“

Этотъ духъ терпѣнія и справедливости, который встрѣчается во всѣхъ рѣшеніяхъ Императора, относящихся къ религіознымъ вопросамъ, внушалъ Великому Князю Николаю столько же удивленія, сколько и уваженія.

Важный политическій вопросъ объ освобожденіи крестьянъ былъ нѣсколько разъ поднимаемъ въ присутствіи Великаго Князя Николая, изучавшаго его въ разговорахъ съ знаменитымъ историкомъ Карамзинымъ.

— Дай Богъ, говорилъ Великій Князь, чтобы мой августѣйшій благодѣтель царствовалъ болѣе, чтобы предпринять реформу, предъ которой Императрица Екатерина отступила! Здѣсь находится пропасть между причиною и послѣдствіями, вытекающими изъ нея. Кто знаетъ, что эта пропасть не наполнена опасностями.

Александръ, въ самомъ дѣлѣ, не рѣшался приступить прямо къ разрѣшенію этой грозной задачи. При возшествіи своемъ на престолъ, онъ часто осуждалъ открыто рабство, противное законамъ божескимъ и человѣческимъ, и между низшими классами распространилась молва, что скоро будетъ освобожденіе крестьянъ.

Эстляндскіе крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости съ содѣйствіемъ дворянства, указомъ 16 мая 1816 г., а Курляндскіе указомъ 25 августа 1817 г., и когда 5 марта 1819 г., депутаты отъ Лифляндскаго дворянства пришли просить уничтожить крѣпостное право на крестьянъ въ ихъ провинціи, Александръ отвѣчалъ имъ:

Я очень радъ видѣть, что Лифляндское дворянство исполняетъ мое желаніе. Вашъ примѣръ заслуживаетъ подражанія. Вы дѣйствуете въ духѣ нашего вѣка и понимаете, что одни свободныя начала могутъ основать народное благополучіе.

Александръ понималъ, что, прежде чѣмъ дать свободу народу, должно обучить его, и потому покровительствовалъ образованію всѣхъ классовъ общества; во все свое царствованіе онъ увеличивалъ школы и воспитательные дома.

Онъ учредилъ, въ видѣ опыта, при главномъ гвардейскомъ штабѣ, курсъ взаимнаго обученія, по методѣ введенной во Франціи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1819, онъ посѣтилъ новыя учрежденія и хотѣлъ самъ увѣриться въ резуль-

татѣ этой методы, не испытанной еще въ Россіи: онъ спрашивалъ учениковъ и присутствовалъ при ихъ занятіяхъ; онъ видѣлъ солдатъ, умѣвшихъ читать, писать и считать, тогда какъ они шесть мѣсяцевъ тому назадъ не знали азбуки. Восхищенный этими опытами, онъ приказалъ устроить подобныя школы во всѣхъ полкахъ, и приказалъ чтобы унтеръ-офицеры и солдаты, выходя изъ школы главнаго штаба, занимали въ этихъ школахъ должности учителей. Благодаря этому нововведенію, появилось много грамотныхъ солдатъ.

Александръ не ограничился только распространеніемъ первоначальныхъ школъ; онъ устроилъ для дворянъ высшія заведенія, приличествовавшія ихъ роду: онъ устроилъ университеты въ Вильнѣ, Або, С.-Петербургѣ, Краковѣ и Казани; онъ пожертвовалъ большую сумму педагогическому институту, основанному графомъ Новосильцовымъ для образованія профессоровъ и учителей; въ своемъ дворцѣ устроилъ по примѣру политехнической школы во Франціи Императорскій царско-сельскій Лицей для приготовленія отличныхъ кандидатовъ, не только для высшихъ военныхъ школъ, но и для государственнаго управленія.

Императоръ въ особенности интересовался этимъ учрежденіемъ, и всякій разъ, какъ только посѣщалъ Царское село, заходилъ въ Лицей, куда принимались только дѣти дворянской фамиліи.

— Друзья мои, говорилъ онъ имъ, вы дворяне хорошихъ фамилій; но помните, что дворянство для молодаго человѣка должно служить соревнованіемъ, дабы не испортиться и поддерживать достоинство своего сословія.

Онъ обращался къ нимъ съ отеческою заботливостію совѣтами и поощреніями.

Лицей этотъ сгорѣлъ въ маѣ 1821 г. и половина Импе-

раторскаго дворца была разрушена этимъ пожаромъ: воспитанники, сгруппировавшись вокругъ директора, съ печалью смотрѣли на пламя, пожиравшее великолѣпное жилище Императора и убѣжище ихъ юности.

— Дѣти, сказалъ имъ Императоръ, распоряжавшійся пожарными, посмотрите, какъ мала человѣческая сила; я Императоръ великой Имперіи, и не могу ничего сдѣлать противъ силы огня; я долженъ смириться и предаться волѣ Божіей.

Потомъ, показывая рукою на церковь, бывшую въ пламени, сказалъ, испуская вздохъ:

— Посмотрите: я согласился бы чтобъ сгорѣлъ весь дворецъ, если бы только можно было спасти эту церковь, гдѣ молились мои предки.

Александръ ничего не щадилъ, какъ онъ не разъ повторялъ, для людей, и жаловался на безпечность нашего дворянства, которое идетъ охотно въ армейскіе офицеры, но которое сколько возможно старается удаляться отъ административной, государственной службы и расточаетъ глупо свое имѣніе, вмѣсто того чтобъ улучшать его. Желая улучшить, по всему пространству Имперіи, земледѣліе и промышленность, Императоръ, указомъ 6 октября 1817 г., предложилъ большія преимущества иностранцамъ, желавшимъ водвориться въ Россіи для колонизаціи и обработки невоздѣланныхъ степей. Онъ также съ этою цѣлію покровительствовалъ разработыванію всякаго рода рудниковъ, которые составляли главное богатство страны. Онъ также издалъ указъ 9 января 1819 г, которымъ позволялось устроивать фабрики всѣмъ крестьянамъ, что до этого времени дозволялось только дворянамъ и купцамъ первыхъ двухъ гильдій.

Императоръ покровительствовалъ торговлѣ, значительно распространившейся въ послѣднее время по мѣрѣ увели-

ченія земель въ Россіи; поощрялъ открытіе морской торговли на всѣхъ моряхъ; устроивалъ вольные порты около военныхъ; обратилъ серьезное вниманіе на успѣхи внутренняго сообщенія; для этаго онъ предпринялъ значительныя работы, чтобы улучшить теченіе рѣкъ и увеличить каналы, далъ привилегію и преимущества купцамъ туземнымъ и иностраннымъ, освободивъ ихъ отъ военной службы; основалъ повсюду кредитныя учрежденія, комерческіе банки и кассы для погашенія долговъ; онъ подалъ самъ примѣръ экономіи, сокративъ издержки Императорскаго двора.

Въ тоже время онъ заботился о процвѣтаніи въ Имперіи наукъ и искусствъ. С-Петербургская Императорская Академія не отставала отъ европейцевъ въ наукахъ; члены ея, поощряемые благодѣяніями Императора, старались отличиться замѣчательными трудами въ математическихъ, опытныхъ и историческихъ наукахъ. Ученыя и литературныя общества составлялись повсюду подъ покровительствомъ Александра I-го и двухъ Императрицъ.

Большая часть художниковъ, пріобрѣтшихъ извѣстность въ Россіи, были не русскіе, но можно было предвидѣть, что національное искусство въ этомъ періодѣ выдетъ скоро изъ этаго періода изученія и подражанія: Россія имѣла уже тогда великаго художника Брюлова. Что же касается до литературныхъ произведеній, Императоръ съ любовію занимался ими и его личный вкусъ былъ всеобщимъ вкусомъ. При дворѣ, въ самомъ дѣлѣ, всѣ читали; многія высокія личности занимались литературою, какъ во время Екатерины II.

Русская поэзія также въ это время пробовала свои силы и показала успѣхи: взоръ Императора, по выраженію одного писателя,, покрывалъ этихъ молодыхъ орлятъ, воспѣвающихъ стихами его славу; одинъ изъ нихъ, остроум-

ный баснописецъ Крыловъ, заслужилъ того, что его сравнивали съ безсмертнымъ Лафонтеномъ.

Императоръ Александръ сказалъ однажды своему брату Николаю, что онъ не покровительствуетъ такимъ неблагоразумнымъ поэтамъ, которыхъ лира воздвигаетъ республиканское знамя. Онъ не соглашался съ мнѣніемъ Великаго Князя Николая о поэтахъ и старался склонять разговоръ на замѣчательную исторію Россіи, написанную Карамзинымъ по его порученію и появившуюся въ свѣтъ въ 1818 г.

— Государь, подобная исторія дѣлаетъ честь государству, сказалъ Великій Князь; честь эта принадлежитъ Карамзину, написавшему ее, и Вашему Величеству, поручившему ему написать ее.

— Исторія необходима для военныхъ и государственныхъ людей, возразилъ Императоръ, глубоко тронутый чтеніемъ поэмы Пушкина „*Русланъ и Людмила*"? Любовь къ литературѣ, прибавилъ онъ печально, есть величайшее благодѣяніе для Россіи, потому что дѣйствительный міръ нашей страны дѣйствуетъ тяжело на характеръ, который должно развлекать магическими прелестями воображенія.

Эти замѣчательныя слова, которыя Великій Князь запомнилъ и повторялъ въ интимныхъ разговорахъ, были потомъ записаны въ дневникѣ Князя Козловскаго.

Однако Императоръ скоро раскаялся въ своемъ чрезмѣрномъ снисхожденіи къ поэтамъ и литераторамъ, ибо онъ находилъ подозрительнымъ политическія общества, образовавшіяся вездѣ подъ различными именами и предлогами; онъ принужденъ былъ, въ сентябрѣ 1819 г., подчинить цензурѣ всѣ журналы и періодическія сочиненія; потомъ онъ долженъ былъ подчинить предварительной

цензурѣ всѣ сочиненія, которая дѣлалась все строже, по мѣрѣ распространенія тайныхъ обществъ въ Россіи и Польшѣ.

Александръ глубоко опечалился огромнымъ распространеніемъ тайныхъ обществъ, распространенныхъ по всей Европѣ, исключая Россіи. Онъ еще незналъ, что Франція служила гнѣздомъ этаго громаднаго политическаго пожара, скрывавшагося подъ всѣми тронами, и готоваго вспыхнуть и поглотить ихъ всѣ за разъ.

На Ахенскомъ конгрессѣ долженъ былъ быть разрѣшенъ трудный вопросъ о Польшѣ, причисленный къ условіямъ Священнаго союза (1818).

Цѣлью этаго Конгресса было окончательно опредѣлить военныя издержки, которыя Франція должна платить была союзнымъ державамъ, въ слѣдствіе событій 1814 г Король Людовикъ XVIII просилъ, кромѣ того, чтобы его королевство недолго занято было иностранными войсками. Александръ вступился за Францію; онъ самъ составилъ большую записку, въ которой старался доказать, что Францію можно вовсе освободить отъ занятія чужими войсками, и что Людовикъ XVIII, участвуя въ Священномъ союзѣ, имѣлъ право получить значительную уступку въ платѣ за издержки, которую онъ еще оставался должнымъ своими союзникамъ. Эта уплата была понижена до 320 милліоновъ и было допущено также очищеніе французской территоріи.

Это дѣло не было главнымъ на Конгрессѣ; онъ заботился болѣе о мѣрахъ, какія должно принять для взаимнаго охраненія государей, означенныхъ въ договорѣ Священнаго союза, въ Италіи, Испаніи, Португаліи, Франціи и Пруссіи. Русскій Императоръ не колебался объявить, что онъ рѣшился подавить революцію, гдѣ бы она ни показалась.

Австрійскій Императоръ и Прусскій король не менѣе были склонны дать полное осуществленіе взаимнымъ обязательствамъ договора 26 сентября 1815 г.

Князь Меттернихъ, глава австрійскаго кабинета, получившій послѣ Ахенскаго Конгресса огромный авторитетъ въ дѣлахъ европейской политики, совѣтовалъ государямъ не полагаться, при такихъ обстоятельствахъ, на медленное и нерѣшительное вмѣшательство ихъ дипломатическихъ агентовъ. Ему не трудно было убѣдить ихъ, что они должны сами лично и секретно рѣшать имѣющіе всеобщій интересъ вопросы, которые въ этомъ году непремѣнно должны подняться.

Для испытанія этой новой политической всеобщей системы, Русскій Императоръ и Прусскій Король пріѣхали въ Парижъ (октября 1818), чтобы переговорить непосредственно съ Людовикомъ XVIII и получить его согласіе на договоръ Священнаго союза.

Людовикъ XVIII не подписалъ его, но далъ слово подписать, если этаго потребуютъ союзники; впрочемъ, совершенно одобряя принципъ и цѣль этаго взаимнаго условія, онъ считалъ возможнымъ увѣрить ихъ въ томъ, что Франція, несмотря на агитацію партій, не выйдетъ изъ конституціонныхъ границъ и что онъ противостанетъ всѣмъ тайнымъ политическимъ обществамъ.

Въ эту поѣздку онъ имѣлъ случай лучше узнать характеръ и личныя качества короля и его семейства; онъ узналъ здравый умъ Людовика XVIII и былъ очарованъ его вѣжливостью. Онъ также удивлялся брату короля, послѣднему типу древней французской учтивости; но особенно удивлялся онъ пріятной граціи молодой герцогини Беррійской. Они всѣ добры, говорилъ онъ потомъ, разговаривая о королевскомъ семействѣ: добро-

та, кажется мнѣ, — въ крови Бурбоновъ. Что же касается до герцогини Беррійской, то она имѣетъ великое сердце.

Онъ также съ удовольствіемъ встрѣчался съ герцогомъ Орлеанскимъ, который былъ главою умѣренной либеральной партіи во Франціи и былъ окруженъ значительными людьми.

— Чегожъ хочетъ еще Франція? сказалъ Императоръ герцогу Орлеанскому. Небо дало французамъ прекрасную страну, благопріятный климатъ; они пользуются свободою, и все таки недовольны!

Герцогъ Орлеанскій старался доказать Императору, что политическое состояніе не представляетъ никакой опасности, и что оппозиція, въ конституціонномъ управленіи, выполнила полезную и патріотическую роль, вразумляя власть и препятствуя погибнуть ей. Онъ прибавилъ, что честные люди находятся между либералами.

— Ахъ! скажите мнѣ, прервалъ Императоръ, хорошо знавшій состояніе умовъ во Франціи, что такое ихъ имя, которое они взяли себѣ, что такое ихъ плащи, прикрывающіе ихъ дерзкія намѣренія; нельзя ничего сказать на это, какъ только то, что во Франціи есть демагогическая партія.

Русскій Императоръ и Король Прусскій свидѣлись съ Австрійскимъ Императоромъ, и еще разъ собрались вмѣстѣ, слѣдуя идеѣ князя Меттерниха, по которой они хотѣли собираться всякій годъ на конгрессъ, пока политическое состояніе Европы не поведетъ за собою труднѣйшихъ заботъ. Александръ, какъ говорятъ, написалъ собственною рукою декларацію, подписанную въ Ахенѣ (15 ноября 1818) полномочными министрами всѣхъ союзныхъ монарховъ, которая ясно изложила въ слѣдующихъ словахъ систему священнаго союза.

„Дружественный союзъ, установленный между монархами, соединившимися въ этой системѣ для своихъ цѣлей и для интересовъ ихъ народовъ, представляетъ Европѣ твердый залогъ будущаго спокойствія. Предметъ этаго союза столько же простъ, сколько великъ и спасителенъ. Онъ не содержитъ въ себѣ никакого новаго политическаго разсчета, никакой перемѣны въ отношеніяхъ, освященныхъ уже существующими договорами; спокойный и твердый въ своемъ дѣйствіи, онъ имѣетъ цѣлью поддержать миръ и даровать прочную гарантію тѣмъ отношеніямъ, которыя основали и упрочили его. Монархи, вступая въ этотъ союзъ, положили его главною основою рѣшеніе никогда не отступать, ни между собою, ни въ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, отъ строжайшаго сохраненія принциповъ между народнаго права, которые, въ примѣненіи ихъ къ прочному миру, могутъ вѣрно гарантировать независимость каждаго государства и прочность всеобщей ассоціаціи".

Этотъ документъ, замѣчательное завершеніе договора 26 сентября 1815 г. оканчивается религіознымъ и мистическимъ разсужденіемъ, которому графъ Нессельроде далъ такое объясненіе: „Трудъ монарховъ выразился въ такихъ чувствахъ. Они не переставали укрѣплять и усовершенствовать его. Они торжественно признали, что обязанности ихъ къ Богу и къ народу, которымъ они правятъ, предписываютъ имъ подавать примѣръ справедливости, согласія и умѣренности: они должны употреблять всѣ свои силы, чтобы былъ миръ, и увеличивать внѣшнее благополучіе ихъ государствъ и возбуждать чувства религіи и нравственности, при которыхъ несчастіе не такъ сильно ослабляетъ Имперію".

Послѣдствіемъ Ахенскаго конгресса, въ которомъ Священный союзъ, такъ сказать, испробовалъ свои силы и

подготовилъ оружіе, было пріостановленіе революціонныхъ дѣйствій тайныхъ обществъ.

Русскій Императоръ возвратился въ свое государство, въ надеждѣ, что онъ не покинетъ его и на слѣдующій годъ и посвятитъ ему все свое время, если въ Европѣ будетъ тихо. Онъ думалъ, что отдохнетъ среди своего семейства послѣ трудныхъ занятій политикою; но императорское семейство въ это время понесло потерю, очень чувствительную для Императора: его любимая сестра Екатерина, королева Виртембергская, умерла, имѣя 30½ лѣтъ (9 января 1819). Александръ сильно опечалился этою дорогою для него потерею и не могъ никогда въ ней утѣшиться.

Съ этаго времени, казалось, онъ получилъ отвращеніе къ жизни; онъ показывалъ, при различныхъ обстоятельствахъ, что слѣпо отдается року и что считаетъ безполезнымъ принуждать себя къ благоразумнымъ правиламъ для сохраненія своего здоровья. Поэтому, во время долгаго путешествія, предпринятаго имъ (въ августѣ и октябрѣ 1819), чтобы разсѣять свою печаль по сѣвернымъ губерніямъ своей имперіи, онъ добровольно подвергалъ себя предстоящимъ опасностямъ и показалъ равнодушіе, избѣжавъ опасности чудеснымъ образомъ.

Въ Финляндіи, онъ сѣлъ въ шлюбку на озерѣ Улео; въ это время поднялся сильный вѣтеръ, предвѣщавшій сильную бурю: шлюбка едва не была поглощена волнами. Потомъ, онъ не побоялся въ глубокую темную ночь итти по узкой тропинкѣ непроницаемаго и болотистаго лѣса: онъ бы потерялся безъ слѣда въ этомъ лѣсу, но къ счастію встрѣтилъ хижину рыболова, гдѣ пробылъ день цѣлый. Когда, при пріѣздѣ въ столицу, Великій Князь Николай сталъ укорять его въ томъ, что онъ не заботится о своей драгоцѣнной жизни, то онъ отвѣчалъ:

— Такъ какъ мое существованіе, необходимо для столицы, то я убѣжденъ, что божественное провидѣніе заботится о ней и сохраняетъ меня. Не имѣю-ли я двухъ святыхъ, которые молятся за меня? — Это бѣдная королева Прусская Луиза и моя любезная сестра Екатерина.

Императоръ, обремененный печалью, отказался принять участіе въ новомъ конгрессѣ, на который приглашали его Прусскій король и Австрійскій Императоръ. Карлсбадскій конгрессъ долженъ былъ заняться только Германіею, гдѣ возобновились тайныя общества, убійствомъ Коцебу, ужасными преданіями средневѣковыхъ тайныхъ судилищъ.

Александръ отвѣчалъ князю Меттерниху, требовавшему собранія Государей, что довольно обыкновеннаго собранія полномочныхъ министровъ, чтобы рѣшить, какія нужно теперь принять мѣры.

Но въ слѣдующемъ году тревожные симптомы проявились по всей Европѣ дѣйствіями насилія и анархіи. Убійство Герцога Берри во Франціи (13 февраля 1820) послужило сигналомъ къ революціи. Возмущенія и мятежи, безпрестанно повторявшіеся въ Парижѣ и главныхъ городахъ государства, не переставали появляться повсюду; въ Испаніи (8 марта 1820) и въ Неаполѣ (5 іюля), карбонаризмъ, съ помощію военнаго возстанія, уже успѣлъ взволновать государство и смутить Европу. Русскій Императоръ, глава Священнаго Союза, рѣшилъ первый, что настало время на исполненію условій этаго великаго договора. Онъ призвалъ Прусскаго короля и Австрійскаго Императора на конгрессъ, къ который всѣ союзники послали посланниковъ. Конгрессъ открылся въ Троппау въ октябрѣ 1820 г.

Прежде чѣмъ отправиться на конгрессъ, Александръ, во второй разъ, отправился на сеймъ въ Польшѣ и ска-

залъ рѣчь, въ которой изобразилъ революціонныя событія, нарушившія покой Европы.

„Представители Польскаго королевства, сказалъ онъ, докажите вашему отечеству, что, своею опытностію, своими принципами, вы умѣете сохранить, подъ защитою вашихъ законовъ, спокойную независимость и свободу; докажите вашимъ соотечественникамъ, что эта свобода есть душа порядка и благополучія, и что вы съумѣете противостать злонамѣреннымъ внушеніямъ и опасностямъ. Возбуждая ложную потребность рабскаго подражанія, геній зла старается распространить свою губительную власть и уже носится на почвѣ Европы, уже приготовилъ здѣсь злодѣянія и катастрофы. Среди этихъ несчастій, моя правительственная система останется неприкосновенною; я почерпнулъ принципы въ чувствѣ моего долга.“

Несмотря на его столь благоразумную рѣчь, засѣданіе сейма было очень бурно, и было какъ бы отголоскомъ того духа разногласія, который безпрестанно бурлилъ въ засѣданіяхъ палаты французскихъ депутатовъ. Агитація распространялась по варшавскимъ улицамъ, гдѣ въ первый разъ слышны были крики мятежниковъ. Однако порядокъ былъ поддержанъ, и Великій Князь Константинъ писалъ своему Августѣйшему брату, что между арестованными на мѣстѣ преступленія, то есть въ то время, когда они возбуждали къ бунту, находились нѣмцы и не было ни одного поляка.

Александръ прибылъ на Троппавскій конгрессъ и одобрилъ всѣ мѣры военнаго вмѣшательства, предложенныя княземъ Меттернихомъ для возстановленія порядка въ Испаніи и въ Португаліи. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что находился въ сторонѣ отъ этихъ вопросовъ общаго спасенія, что всѣ государи старались разрѣшить его и съ увѣренностію говорилъ Прусскому королю, что

революція остановится передъ Русскими границами, какъ чума предъ кордонной стражей.

Вдругъ онъ узналъ, что въ Семеновскомъ полку обнаружилось неповиновеніе, и что нѣкоторые молодые офицеры этаго полка, подъ предлогомъ требованія смѣны начальниковъ, произносили возмутительныя рѣчи противъ правительства. Императоръ, удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбленный этими манифестаціями, подалъ видъ, будто не придаетъ имъ важнаго значенія и ограничился отправкою въ качествѣ простыхъ солдатъ въ различные армейскіе полки этихъ мятежныхъ офицеровъ, дѣйствовавшихъ конечно по наущенію какого нибудь неизвѣстнаго агитатора. Съ этой минуты онъ понялъ, что его Имперія уже не защищена отъ вліянія революціонной пропаганды.

По случаю этаго бунта, скоро и строго подавленнаго, онъ издалъ въ Троппау приказъ всей русской арміи, въ которомъ напоминалъ о древнихъ преданіяхъ воинской чести и дисциплины въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Русская армія не только пріобрѣла себѣ безсмертную славу на полѣ чести, но и была, съ перваго времени своего образованія, постояннымъ образцомъ вѣрности и повиновенія начальникамъ. На этомъ повиновеніи единственно основаны порядокъ и военная дисциплина, безъ коихъ армія теряетъ все свое достоинство; она знаетъ, что приняты всѣ законныя мѣры для того, чтобы справедливыя жалобы подчиненныхъ доходили до ихъ высшихъ начальниковъ. Для этой цѣли установлены четыре раза въ годъ смотры, и во время этихъ смотровъ законъ вмѣняетъ всѣмъ въ обязанность открыто высказывать свои жалобы.

„Полки, составляющіе эту уважаемую армію, съ спра-

ведливымъ негодованіемъ узнаютъ о сценахъ, происшедшихъ въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку; они узнаютъ, что этотъ полкъ сдѣлался недостойнымъ носить свой мундиръ, мундиръ того полка, который, будучи основанъ самимъ Петромъ Великимъ, сопровождалъ его въ его замѣчательныхъ походахъ и покрылъ себя славою въ послѣдней войнѣ, въ особенности въ Кульмскомъ сраженіи.

„Такихъ прекрасныхъ воспоминаній ничто не должно омрачать. Въ рядахъ русской арміи много достойныхъ быть включенными въ составъ Семеновскаго полка. Святость законовъ и честь русской арміи требуютъ, чтобы теперешній составъ полка, оказавшагося такъ непослушнымъ и виновнымъ, былъ измѣненъ!"

Результатомъ Троппавскаго конгресса было обнародованіе новаго манифеста августѣйшаго союза (8-го декабря 1821 года); „государи, сказано было въ этомъ манифестѣ, желаютъ только сохранить миръ, освободить Европу отъ бича революцій и отвратить бѣдствія, порождаемыя нарушеніемъ всѣхъ началъ порядка и нравственности."

Конгрессъ былъ перенесенъ въ Лайбахъ (въ январѣ 1821 г.) и три монарха, по видимому рѣшившіеся оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ войска не подавятъ революціи въ Европѣ, съ изумленіемъ и безпокойствомъ узнали, что въ Піемонтѣ монархическое правительство также низвергнуто военнымъ возстаніемъ.

— Подавленіе уже слишкомъ долго заставляетъ себя ждать, сказалъ князь Меттернихъ Русскому Императору; теперь у насъ каждый день будутъ новыя революціи. . . .

— Должно подавить ихъ! воскликнулъ Императоръ Александръ. Да, я твердо рѣшился подавить повсюду революцію, и пусть кровь, имѣющая пролиться, падетъ на головы возмутителей общаго мира.

Однако священный союзъ еще не переходилъ отъ словъ

къ дѣлу: русскія, прусскія и австрійскія войска двинулись къ границамъ Австріи, Пруссіи и Россіи, но Людовикъ XVIII; которому приходилось имѣть дѣло съ страшнымъ заговоромъ, организованнымъ тайными обществами какъ во всѣхъ провинціяхъ королевства, такъ и въ Парижѣ, умолялъ своихъ союзниковъ помедлить какъ можно долѣе подавляющими дѣйствіями священнаго союза, дабы не вызвать во Франціи ужаснаго взрыва.

Въ провинціяхъ ходилъ слухъ, что славный плѣнникъ острова Св. Елены освобожденъ своими приверженцами съ помощію подводнаго корабля, на который онъ сѣлъ, дабы возвратиться въ Европу. Уже народъ ожидалъ его появленія во главѣ его старой гвардіи и подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ.

Монархи, собравшіеся въ Лайбахѣ, знали, чему приписать эти народные слухи: Англія не выпускала своей добычи; Императоръ Наполеонъ умиралъ отъ грусти и истощенія за двѣ тысячи лье отъ Франціи! Однако надо было покончить съ этими безпрестанными революціями, призывавшими къ оружію народы противъ государей. Австрійской арміи стоило только показаться въ Неаполѣ и Піемонтѣ, чтобы заставить республику и республиканцевъ исчезнуть.

Александръ находился еще въ Лайбахѣ, когда къ нему пришло извѣстіе о возстаніи грековъ, вмѣстѣ съ письмомъ Ипсиланти, сына бывшаго Молдавскаго государя, и генералъ-майора русской службы: Ипсиланти умолялъ его помочь своимъ единовѣрцамъ и освободить ихъ отъ ига Турокъ.

Императоръ подавилъ свое сочувствіе къ дѣлу Грековъ и остался вѣренъ принципамъ Священнаго Союза; поэтому онъ открыто порицалъ образъ дѣйствій Ипсиланти и объ-

явилъ, что считаетъ предпріятіе его „доказательствомъ его неопытности и легкомыслія и жалкимъ результатомъ экзальтаціи умовъ.“ Въ тоже время онъ приказалъ исключить князя Ипсиланти изъ русской службы и лишить всѣхъ чиновъ.

Однако, каково ни было его отвращеніе къ мятежу, онъ не могъ не пожалѣть о положеніи христіанской Греціи, силившейся свергнуть мусульманское иго, и видѣлъ въ этой геройской борьбѣ скорѣе мучениковъ, чѣмъ революціонеровъ. Онъ оставался безучастнымъ къ страданіямъ несчастныхъ своихъ единовѣрцевъ, не послалъ войска на помощь возставшимъ еллинамъ, но далъ въ своемъ государствѣ убѣжище грекамъ бѣглецамъ; и не разъ протестовалъ, черезъ своего посланника въ Константинополѣ противъ насилій турокъ по отношенію къ христіанскимъ подданнымъ султана.

Его политика по отношенію къ Турціи во время греческаго возстанія, политика, которую обвиняли въ слабости и ложности, была, напротивъ, долгимъ доказательствомъ честности и умѣренности.

— Я не могу и не хочу, говорилъ онъ, покровительствовать возстанію грековъ, потому что это значило бы отказаться отъ великихъ принциповъ европейскаго порядка, которые я заставилъ своихъ союзниковъ принять. Кромѣ того, малѣйшее вмѣшательство съ моей стороны въ это плачевное столкновеніе повлечетъ новыя убійства и непремѣнно нарушитъ тотъ общій миръ, который устроить стоило мнѣ такаго труда и который такъ необходимъ для Европы.

Этотъ всеобщій миръ, для котораго Императоръ уже столькимъ пожертвовалъ и котораго охранителемъ онъ по справедливости почиталъ себя, основывался дѣйствительно толь-

ко на Священномъ Союзѣ. Онъ уже неоднократно былъ бы нарушенъ, если бы Александръ отступился отъ постояннаго союза, заключеннаго имъ съ королемъ Прусскимъ и Императоромъ Австрійскимъ, союза оборонительнаго и наступательнаго противъ революціонной партіи, въ послѣдніе годы своего царствованія (1818—1825).

Въ этихъ, каждый годъ повторявшихся, конференціяхъ ему много помогалъ его министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, обладавшій умомъ холоднымъ, твердымъ и гибкимъ, богатымъ на средства и одареннымъ предусмотрительностью. Но съ этимъ вѣрнымъ и проницательнымъ руководителемъ онъ медлилъ и оставался въ нерѣшительности среди грозныхъ затрудненій, долженствовавшихъ возникнуть изъ греческаго возстанія и изъ Испанскаго управленія Кортесовъ.

Въ Греціи и Испаніи, Неаполѣ и Туринѣ, былъ одинъ и тотъ же революціонный принципъ, одни и тѣже средства и цѣль. Тѣмъ не менѣе Императоръ Александръ имѣлъ намѣреніе оказать вмѣшательство въ пользу грековъ, чтобы помочь имъ организовать свое государство подъ покровительствомъ Россіи. Въ ожиданіи, когда обстоятельства будутъ болѣе благопріятны освобожденію Греціи, онъ вдругъ объявилъ своимъ союзникамъ, что рѣшился подавить Испанскую революцію въ самомъ скоромъ времени и послать армію въ 100,000 человѣкъ для возстановленія монархіи Фердинанда III-го.

Эта русская армія, которая должна была пройти чрезъ Францію,чтобы занять Испанію, устрашила Лудовика XVIII, и потому онъ рѣшился на отчаянное средство: онъ объявилъ, что принимаетъ на себя, подъ руководительствомъ Священнаго Союза, обязанность низвергнуть конституцію кортесовъ, и что слѣдующею весною французская армія войдетъ въ Испанію.

Александръ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Французскій король, бывшій долгое время слабою игрушкою либеральной оппозиціи и жертвою тайныхъ обществъ, дѣлался наконецъ защитникомъ Священнаго союза. Онъ написалъ къ нему письмо, въ которомъ ободрялъ его продолжать слѣдовать этой новой политикѣ, которая одна можно упрочить его престолъ и обезсилить его враговъ,

„Ваше Величество знаете, какъ я люблю Францію, — говорилъ онъ ему; но если Франція будетъ по прежнему гнѣздилищемъ революціи и тайныхъ обществъ, то я не колеблясь пожертвую ею спокойствію Европы.

Въ частныхъ своихъ письмахъ къ Лудовику XVIII, Александръ не разъ просилъ его дѣйствовать энергичнѣе и заставить злонамѣренныхъ людей трепетать.

Передъ Испанскою экспедиціею былъ еще конгрессъ, на которомъ Александръ высказалъ самымъ энергическимъ образомъ свое формальное намѣреніе уничтожить въ Европѣ бунтъ и анархію. Во время этаго знаменитаго конгресса, продолжавшагося въ Веропѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ (октябрь декабрь 1822 года), онъ имѣлъ съ графомъ Шатобріаномъ достопамятный разговоръ, въ которомъ изложилъ ему всю политику своего царствованія и всю идею Священнаго Союза.

„Когда цивилизованный міръ находится въ опасности, говорилъ онъ ему, то не можетъ быть политики англійской, французской, русской, прусской и австрійской: тогда должна быть только одна всеобщая политика, которая должна быть принята, для общаго спасенія, народами и государями. Я первый долженъ обнаружить въ себѣ убѣжденіе въ тѣхъ началахъ, на которыхъ основалъ я союзъ: случай для этаго представился удобный,—возстаніе Греціи. Религіозная война противъ Турціи была бы безъ сомнѣнія какъ нельзя болѣе въ моихъ интересахъ и въ интересахъ мо-

его народа, но я увидѣлъ въ пелопоннезскихъ смутахъ признакъ революціи, и потому удержался отъ этой войны. Чего не дѣлали, чтобы только разорвать нашъ союзъ? Мое самолюбіе было оскорбляемо, но враги союза этимъ напрасно надѣялись достигнуть своей цѣли; они ошибались, думая, что мои принципы не устоятъ противъ моего оскорбленнаго самолюбія. Я никогда не отдѣлюсь отъ государей, съ которыми соединился: государямъ должно быть позволено вступать въ союзы, дабы оградить себя отъ тайныхъ обществъ. Какая мнѣ нужда увеличивать свое государство? Провидѣніе дало мнѣ 800,000 солдатъ не для того, чтобы удовлетворять моему честолюбію, а для того, чтобы покровительствовать религіи, нравственности и правосудію и дать преобладаніе тѣмъ началамъ порядка, на которыхъ зиждется человѣческое общество.“

XVI.

Императоръ Александръ принялъ верховную власть только какъ временное иго, отъ котораго намѣревался нѣкогда освободиться, надѣясь рано или поздно возвратиться къ частной жизни.

Планъ добровольнаго отреченія безпрестанно занималъ его умъ, и онъ иногда высказывалъ мысль объ этомъ въ интимныхъ бесѣдахъ, не только съ лицами, къ нему близкими, но и съ знатными иностранцами, внушавшими ему къ себѣ довѣріе.

Во время пребыванія своего при Баварскомъ дворѣ въ ноябрѣ 1818 года, при возвращеніи съ Ахенскаго конгресса, онъ вдругъ впалъ въ безмолвную грусть, которой ничто не могло преодолѣть и разсѣять; онъ высказалъ желаніе жить самымъ однообразнымъ и простымъ образомъ въ королевскомъ семействѣ, которому не удалось разогнать его мрачныя мысли: онъ отказался отъ всѣхъ предложенныхъ ему праздниковъ и принялъ только предложеніе поохотиться.

Разсказываютъ, что во время конгресса онъ отвелъ однажды въ сторону Прусскаго короля и высказалъ ему формальное желаніе удалиться въ монастырь. „Онъ говорилъ тогда многимъ лицамъ, что сильно утомленъ свѣтомъ, разочаровался въ людской признательности и любви, и обращаетъ теперь всѣ свои мысли къ небу.“

Прусскій епископъ Эйлертъ въ это время посѣтилъ Импе-

ратора и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Онъ не скрылъ отъ этаго епископа своего рѣшенія посвятить себя Богу, и изложилъ ему причину своего обращенія въ слѣдующихъ словахъ: „пожаръ Москвы озарилъ мою душу,— сказалъ онъ, и судъ Божій, проявившійся ужаснымъ образомъ на ледяныхъ равнинахъ битвъ, наполнилъ мое сердце живѣйшею вѣрою и усердіемъ. Тогда-то я научился познавать его такъ, какъ представляетъ Его Священное писаніе и исполнять Его волю и Его божественные законы; съ этой-то минуты я принялъ твердое желаніе посвятить свое царствованіе славѣ Его имени.“

Александръ долженъ былъ отложить свое отреченіе; но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда онъ имѣлъ несчастіе неожиданно лишиться своей любимой сестры Екатерины, онъ сказалъ себѣ, что смерть можетъ быть скоро освободитъ его отъ бремени царскаго вѣнца, и что онъ еще не назначилъ себѣ законнаго преемника. Съ этою послѣднею цѣлью онъ имѣлъ нѣсколько тайныхъ совѣщаній съ своимъ братомъ Константиномъ.

Великій Князь Николай, хотя сохранившій надежду остаться просто княземъ и не измѣнять того рода жизни, который былъ ему такъ по сердцу, не могъ однакоже не знать, что ему предстоитъ нѣкогда сдѣлаться Императоромъ. Онъ отстранялъ отъ себя по возможности эту безпокойную мысль, которая возмутила бы его счастливую жизнь.

Его Августѣйшій братъ впервые ясно и положительно высказался ему объ ожидающей его будущности еще въ 1819 году. Въ этомъ году Великому Князю представлялся не разъ случай ознакомиться съ лагерною жизнью и удовлетворить своей наклонности къ воинскимъ упражненіямъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ подъ его непосредственнымъ начальствомъ были сформированы три лагеря въ Финляндіи:

въ Тавастгусѣ, Ловизѣ и Гельсингфорсѣ, Императоръ посѣтилъ ихъ и былъ очарованъ манёврами, исполненными въ его присутствіи по приказанію Великаго Князя.

Въ началѣ августа мѣсяца Великій Князь Николай былъ въ Красномъ Селѣ, гдѣ поочередно были расположены лагеремъ полки Императорской гвардіи. 2-я бригада, надъ которою онъ начальствовалъ, состояла изъ Измайловскаго полка, полка егерей и батальона гвардейскихъ соперовъ. Императоръ сдѣлалъ смотръ этой бригадѣ и выразилъ свое удовольствіе за дисциплину и хорошій порядокъ полковъ.

—Хвалю тебя, сказалъ онъ своему брату, за твои заботы; я не думаю, чтобы въ арміи былъ начальникъ, болѣе тебя точный, бдительный и преданный. Я доволенъ этимъ и благодарю тебя.

Императоръ отправился обѣдать съ своимъ братомъ къ Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, которая, хотя была на послѣднихъ дняхъ беременности, отправилась къ Великому Князю въ Красносельскій лагерь. По желанію Императора, къ обѣду не былъ никто допущенъ.

Разговоръ, сдѣлавшійся во время обѣда интимнымъ и дружескимъ, привелъ Императора постепенно къ неожиданному объясненію. Онъ завелъ рѣчь объ удовольствіи, которое онъ испытываетъ, видя счастливую семейную жизнь своего брата Николая; онъ сознался, что никогда не наслаждался подобнымъ счастіемъ, и выразилъ сожалѣніе о томъ, что не имѣетъ дѣтей.“

При этомъ онъ отеръ слезу, блестѣвшую въ его глазахъ, и, взявъ за руку Великаго Князя Николая, похвалилъ его за то, что онъ рано посвятилъ себя семейной жизни.

Слава Богу! сказалъ онъ ему: благодаря тебѣ, Россія не останется безъ Императора!

Великій Князь и Великая Княгиня при этихъ словахъ съ безпокойствомъ переглянулись.

Тогда Александръ, вдругъ сдѣлавшійся грустнымъ, печально сказалъ, что для того, чтобы выполнять трудныя обязанности монарха, надо обладать почти нечеловѣческою физическою и нравственною силою. Онъ прибавилъ, что съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе чувствуетъ, какъ слабѣютъ его мысли, и что недалека безъ сомнѣнія минута когда онъ будетъ не въ состояніи выполнять, какъ слѣдуетъ, свои обязанности императора; поэтому онъ твердо рѣшился оставить престолъ, какъ скоро придетъ удобное для этого время.

Великій Князь и его супруга хранили молчаніе и оставались неподвижными.

— Я не разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ Константиномъ, продолжалъ Императоръ, устремивъ на нихъ свой кроткій и влажный взоръ; мы съ нимъ въ одних лѣтахъ и оба не имѣемъ дѣтей. Кромѣ того, Константинъ всегда питалъ непреодолимую антипатію къ престолу и конечно не желаетъ быть моимъ преемникомъ, тѣмъ болѣе, что мы видимъ въ тебѣ, любезный Николай, явный знакъ благословенія небесъ. Поэтому ты долженъ заранѣе знать, что тебѣ предназначено нѣкогда вступить на престолъ.

Эти слова были громовымъ ударомъ для Великаго Князя и для Великой Княгини; они оба не были подготовлены къ этому торжественному объясненію. Слезы и волненіе мѣшали имъ отвѣчать.

— То, что васъ столько огорчаетъ, сказалъ имъ съ добротою Императоръ, еще не близко; до этого еще можетъ быть лѣтъ десять.... Но я хотѣлъ теперь же предупредить васъ о томъ, что васъ непремѣнно ожидаетъ въ будущемъ.

Напрасно Великій Князь почтительно возражалъ, что онъ никогда не дозволялъ себѣ имѣть видовъ на Императорскій престолъ, что не чувствуетъ въ себѣ ни силы души, ни генія, ни другихъ необходимыхъ качествъ, чтобы быть достойнымъ столь высокаго призванія, и что его желанія ограничивались служеніемъ своему государю въ качествѣ Его нижайшаго подданнаго.

— Александръ прервалъ слова брата, сказавъ, что понимаетъ его удивленіе и безпокойство; что онъ самъ, при своемъ возшествіи на престолъ, находился въ подобномъ же положеніи, и сначала устрашился тяжелаго бремени казавшагося свыше его силъ, такъ какъ въ управленіи Имперіи все предстояло передѣлывать.

— Слава Богу! воскликнулъ онъ въ заключеніе,—хаосъ болѣе не существуетъ и Господь позволилъ мнѣ привести дѣла въ довольно хорошее состояніе. Тебѣ останется только упрочить мое дѣло и слѣдовать проложенному мною пути, чтобы сохранить благоденствіе и могущество Россіи.

Разговоръ на этомъ остановился. Императоръ, уходя отъ Великаго Князя и Великой Княгини, оставилъ ихъ подъ вліяніемъ чувства, похожаго на то, которое испытываетъ путникъ, идущій по ровной, усѣянной цвѣтами и окаймленной красивыми пейзажами дорогѣ, и вдругъ увидавшій у своихъ ногъ ужасную пропасть, не имѣя возможности отступить назадъ.

Послѣ этого, столь яснаго, разговора, Александръ, въ другихъ разговорахъ съ братомъ своимъ Николаемъ, иногда косвенно намекалъ на ввѣренную ему государственную тайну, но всегда избѣгалъ подробныхъ объясненій по этому щекотливому предмету. Великій Князь, съ своей стороны, былъ также сдержаннымъ относительно важнаго,

открытаго ему, секрета, который часто возмущалъ его среди семейныхъ радостей.

Нѣсколько дней спустя послѣ достопамятной Красносельской бесѣды, Великая Княгиня Александра произвела на свѣтъ дочь, которая при рожденіи была наименована Маріею Николаевною (6-го Августа 1819 года). Императрица мать желала, чтобы Ея возлюбленная невѣстка пріѣхала отдохнуть къ ней въ Павловскъ.

— Я такъ счастлива, что имѣю дочь, сказала Великая Княгиня своей Августѣйшей свекрови, умолявшей ее оставаться спокойною и буквально исполнять предписанія врачей; я такъ счастлива, что буду остерегаться малѣйшаго безразсудства, которое можетъ отнять у меня мое счастіе.

Императоръ поспѣшилъ увидать родильницу, и нашелъ Великаго Князя Николая передъ колыбелью новорожденной.

— Посмотрите; Государь,—радостно сказалъ Великій Князь: этотъ ребенокъ будетъ весь въ мать.

— Государь,—прервала Великая Княгиня, извините извините меня пожалуйста, что я не послушалась Васъ и родила дочь, тогда какъ Вы просили у меня Великаго Князя.—

— Если эта дочь похожа на Ваше Императорское Высочество, какъ увѣряетъ мой братъ, возразилъ Александръ съ улыбкою, то мнѣ остается только благодарить Васъ. Помните, однакожъ, что Великая Княжна Марія обязывается, устами своего отца, быть впослѣдствіи столь же прекрасною, какъ Вы.

Великій Князь Николай наклонился къ колыбели, въ которой спалъ его сынъ, имѣвшій еще не болѣе 15 мѣсяцевъ отъ роду.

— Чего попросилъ бы ты у меня,—сказалъ Императоръ, тронутый находившимся предъ Его глазами зрѣлищемъ,—если бы Богъ далъ мнѣ власть исполнить всѣ твои желанія?

— Государь, отвѣчалъ Великій Князь, взявъ за руку свою жену и указывая на двоихъ дѣтей своихъ,—я попросилъ бы Ваше Величество оставить меня такимъ, каковъ я теперь.

Великая Княгиня Александра еще не совсѣмъ оправилась, какъ супругъ ея уѣхалъ отъ нея на три мѣсяца. Они никогда еще не разставались на столь долгое время, и эта разлука была для нихъ одинаково тяжела.

Великій Князь сопровождалъ Императора въ Ригу и Варшаву. Въ Ригѣ расположенъ былъ лагерь изъ 20 тысячъ человѣкъ, съ шестидесятью пушками, и въ Европѣ говорили, что этотъ корпусъ былъ ядромъ великой арміи священнаго союза, которая должна будетъ дѣйствовать противъ революціи во всѣхъ странахъ, гдѣ законному правительству будетъ грозить опасность. Въ это же время Король Прусскій, по совѣту своего друга Императора Александра, принималъ весьма энергическія мѣры противъ тайныхъ нѣмецкихъ обществъ.

Войска, собранныя около Риги, были упражняемы въ маневрахъ, которые должны были исполнить предъ Императоромъ. Великій Князь Николай начальствовалъ надъ войсками и завѣдывалъ этими искусными и сложными манёврами, продолжавшимися не менѣе шести часовъ сряду, 25-го Сентября, при огромномъ стеченіи зрителей.

Во время завтрака, предложеннаго офицерами Императору на полѣ манёвровъ, Александръ похвалилъ своего брата, сказавъ ему, что, если вспыхнетъ война, то онъ попроситъ его принять начальство надъ дивизіею.

Эти слова были переданы Великой Княгинѣ Александрѣ,

которая до того перепугалась, что написала къ Императору письмо, умоляя его не посылать Великаго Князя Николая на войну: „тогда я умру съ горя, говорила она; кромѣ того, Вашему Величеству не безъизвѣстно, что доктора предписали мнѣ избѣгать всего, что могло бы сильно волновать меня, а я чувствую, что сойду съ ума, если мнѣ придется опасаться за жизнь моего любезнаго супруга“.

На это письмо, полное супружеской нѣжности, Александръ отвѣчалъ, съ своею обыкновенною любезностью, что жизнь Великаго Князя слишкомъ необходима для Россіи, чтобы ему позволить подвергаться случайностямъ войны: „Успокойтесь, Ваше Императорское Высочество! присовокуплялъ онъ; я надѣюсь, что времена войны прошли; трактаты Священнаго Союза ручаются за всеобщій миръ.

Послѣ смотра въ рижскомъ лагерѣ, Императоръ и Великій Князь Николай отправились въ Варшаву, гдѣ ихъ ожидали другія воинскія празднества того же рода, которыя предложилъ имъ Великій Князь Константинъ.

Великій Князь Константинъ Павловичъ неутомимо заботился объ организованіи польской арміи, состоящей подъ его начальствомъ. Это было его главнымъ занятіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ его Августѣйшій братъ ввѣрилъ ему управленіе Польшею, не давая ему однакоже титула Вице-Короля, который былъ присвоенъ старому польскому генералу, Заіончеку,—Константинъ ни на одинъ день не переставалъ заботиться о дисциплинѣ и обученіи войскъ; онъ лично завѣдывалъ ученьями, смотрами и разводами; онъ находился ежедневно съ солдатами, которые его боялись по причинѣ его чрезмѣрной строгости, не щадившей даже начальниковъ и выражавшейся часто сильными вспышками гнѣва. Малѣйшее парушеніе правилъ, малѣй-

шее нерадѣніе, недостатокъ пуговицы у мундира, разорванная или запачканная одежда, плохо вычищенное ружье, все это служило поводомъ къ вспышкамъ.

Такая излишняя строгость имѣла послѣдствіемъ образованіе удивительной арміи, которая, хотя и была составлена изъ молодыхъ рекрутовъ, имѣла видъ стараго отборнаго войска.

Константинъ родился военнымъ человѣкомъ; въ немъ все указывало на его преобладающую наклонность. Онъ переносилъ сильнѣйшія утомленія, спалъ мало, велъ жизнь весьма воздержную, и никогда не скидавалъ мундира. Онъ вставалъ всегда въ три часа утра, чтобы заняться до смотра всѣми текущими дѣлами, т. е. касающимися военной службы, такъ какъ онъ почти не принималъ никакого участія въ управленіи царствомъ, и полагалъ, что Польша съ подобною арміею должна быть вполнѣ счастлива. Понятно, какъ велика была его гордость и радость, когда онъ заставлялъ эту армію манёврировать въ присутствіи Императора.

Александръ, при каждомъ своемъ путешествіи въ Польшу, болѣе и болѣе восхищался состояніемъ польскихъ войскъ.

— Я не видалъ въ иностранныхъ войскахъ ничего, что бы могло превосходить ихъ! говорилъ онъ Великому Князю Николаю. Можетъ быть, и тамъ есть столь же хорошія войска; но повторяю, я не знаю даже въ Россіи войскъ, которыя бы могли быть сравнены съ ними по порядку и дисциплинѣ, и думаю, что не ошибаюсь въ этомъ, потому что меня въ этихъ вещахъ удовлетворить очень трудно.

На смотру, происходившемъ въ присутствіи Императора Александра и Великаго Князя Николая, одинъ польскій гене-

ралъ оказалъ невнимательность, отъ чего произошло минутное разстройство въ движеніи взводовъ; Великій Князь Константинъ предался порыву того шумнаго гнѣва, котораго не умѣлъ сдерживать, и, подскакавъ къ бѣдному генералу, приказалъ ему вложить шпагу въ ножны и отправиться подъ арестъ. Въ ту минуту, какъ генералъ, сконфуженный и огорченный, проходилъ вблизи Императора,—онъ сжалился надъ нимъ и, подозвавъ его, ласково сказалъ ему, что одна незначительная ошибка не изгладитъ его долгихъ заслугъ. Затѣмъ онъ поспѣшно отправился къ Цесаревичу и взвелъ передъ нимъ на себя вину, за которую пострадалъ генералъ:

— Я одинъ, сказалъ онъ, виноватъ въ этомъ безпорядкѣ, я подалъ знакъ, который этотъ генералъ имѣлъ несчастіе исполнить, и мнѣ кажется, что я больше его заслуживаю наказанія.

Константинъ почувствовалъ косвенный урокъ снисходительности, который давалъ ему его Августѣйшій братъ, и щедро вознаградилъ генерала за упрекъ, сдѣланный ему передъ войсками. На другой день во время смотра онъ подозвалъ его къ себѣ и оказывалъ ему лестные знаки вниманія.

Путешествіе Императора въ Варшаву въ этомъ году имѣло, помимо устройства политическихъ дѣлъ Польши, еще другую цѣль: Александръ, безпокоимый своими мыслями объ отреченіи, и не желая, чтобы права наслѣдованія Императорскаго престола остались неопредѣленными, захотѣлъ посовѣтоваться объ этомъ съ своимъ братомъ Константиномъ. Онъ нашелъ его еще тверже прежняго рѣшившимся не вступать на Россійскій престолъ.

Кромѣ того, Константинъ рѣшился поставить непреодолимое препятствіе между собою и престоломъ, потребовавъ развода съ первою своею женою и вступленія въ

морганатическій бракъ съ графинею Жанною Грудцинскою, которую онъ уже считалъ своею законною супругою.

Императоръ поставилъ ему на видъ, что этотъ бракъ съ полькою и католичкою навсегда лишитъ его правъ на престолъ.

Цесаревичъ отвѣчалъ, что онъ больше всего любитъ графиню Грудцинскую и охотно пожертвуетъ ей всѣми своими правами на престолонаслѣдіе.

— Нѣтъ сомнѣнія, сказалъ онъ Императору, что мои права старшинства налагаютъ на меня обязанность не отказываться отъ бремени правленія; но я убѣжденъ внутренно, что, отказываясь отъ этихъ правъ, я исполняю свой долгъ Русскаго гражданина, потому что, передавая мои права младшему брату, я буду имѣть счастіе содѣйствовать упроченію будущаго спокойствія Россіи.

Великій Князь Николай не вмѣшивался въ эти совѣщанія, которыя остались тайною между двумя старшими братьями: однако графиня Грудцинская узнала о томъ, что было сказано и условлено по поводу ея близкаго брака.

Александръ питалъ къ ней привязанность и уваженіе; онъ цѣнилъ ея высокій умъ и нравственныя достоинства; онъ былъ благодаренъ ей за то, что она своимъ вліяніемъ на Константина укротила его вспыльчивый характеръ, и въ особенности за то, что она сдѣлала счастливымъ Цесаревича, котораго она, такъ сказать, окружала тихою и спокойною атмосферою семейнаго счастія.

Императоръ во время своего пребыванія въ Бельведерскомъ дворцѣ, часто видалъ ее, и, чѣмъ болѣе видалъ, тѣмъ больше къ ней привязывался и удивлялся ей. Онъ обѣщалъ ей внушить и своей Августѣйшей матери и всему Императорскому семейству чувство высокаго уваженія и искренней привязанности, которое онъ питалъ къ ней.

Великій Князь Николай также познакомился съ будущею супругою своего брата Константина, и также поддался вліянію того очарованія, которое она на всѣхъ производила своего интересною фигурою, скромною граціею и пріятностью своего обращенія.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (1-го апрѣля 1820 года) Святѣйшій Синодъ огласилъ расторженіе брака Великаго Князя Константина съ Великою Княгинею Анною Ѳеодоровною, урожденною принцессою Саксенъ-Кобургскою, и въ тотъ же день манифестомъ Императора, утвердившимъ этотъ разводъ, Великому Князю дозволено было вступить во второй бракъ, но при этомъ и предусматривался случай его вступленія въ бракъ съ женщиною неравною съ нимъ по происхожденію.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ опредѣлялись въ этомъ манифестѣ косвеннымъ образомъ права прямаго наслѣдника Русскаго престола:

„Великій Князь Константинъ, Нашъ любезный братъ въ просьбѣ къ Императрицѣ Маріи, нашей возлюбленной родительницѣ и къ намъ, обратилъ наше вниманіе на семейныя отношенія свои, вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія Великой Княгини, Его супруги, которая, въ 1801 году отправившись за границу для поправленія своего разстроеннаго здоровья, не только до сихъ поръ не возвращалась къ нему, но и впредь не можетъ, по ея личному заявленію, возвратиться въ Россію. Вслѣдствіе этаго Великій Князь выразилъ желаніе расторгнуть свой бракъ съ нею, и потому мы, съ согласія Нашей Возлюбленной матери, поручили разсмотрѣть это дѣло Святѣйшему Синоду, который, разсмотрѣвъ причины требованія развода и церковныя правила, рѣшилъ, по 35-му правилу Василія Великаго, расторгнуть бракъ Великаго Князя Константина съ Великою Княгинею Анною и дозволить Великому Кня-

зю, если онъ пожелаетъ, вступить въ новый бракъ. Изъ всѣхъ предыдущихъ обстоятельствъ мы увидѣли, что нѣтъ никакой надежды на соединеніе супруговъ, послѣ ихъ девятнадцати-лѣтней разлуки, и потому, сообразно съ церковными законами, даемъ свое согласіе на приведеніе въ дѣло рѣшенія Св. Синода.

„Обращая, при этомъ случаѣ, Наше вниманіе на различные случаи, могущіе произойти при бракахъ членовъ Императорской Фамиліи, и на могущія произойти отъ нихъ послѣдствія, которыя, не будучи предусмотрѣны и опредѣлены общимъ закономъ, могутъ повлечь за собою важныя затрудненія и поколебать достоинство и спокойствіе Императорской Фамиліи и самой Имперіи, мы сочли необходимымъ прибавить къ существующимъ относительно Императорской Фамиліи постановленіямъ слѣдующую добавочную статью:

„Если членъ Императорской Фамиліи вступитъ въ бракъ съ лицомъ, неравнымъ ему по происхожденію, т. е. не принадлежащимъ къ какому либо царствующему или владѣтельному Дому, то этотъ членъ Императорской фамиліи не можетъ передать упомянутому лицу правъ, принадлежащихъ этой фамиліи, и дѣти, происшедшіе отъ таковаго брака, не имѣютъ никакого права на наслѣдованіе престола, и пр. и пр.“

5-го Іюня Великій Князь Константинъ торжественно вѣнчался въ Варшавѣ съ графинею Грудцинскою. Рескриптомъ, даннымъ 22-го іюня, Императоръ, въ уваженіе заслугъ брата своего Константина, какъ по образованію польской арміи, такъ и по начальствованію надъ этою арміею, пожаловалъ въ независимое владѣніе великолѣпное имѣніе Ловичъ, находящееся въ Мазовецкомъ воеводствѣ въ Польшѣ. Другимъ декретомъ отъ 20-го Іюня Жаннѣ Грудцинской, супругѣ Великаго Князя Константина, данъ

былъ титулъ Княгини Ловичъ, и этотъ титулъ долженъ былъ наслѣдственно перейти къ ея дѣтямъ отъ Великаго Князя.

Этотъ бракъ былъ одобренъ всею Императорскою фамиліею.

Манифестъ Императора относительно развода Великаго Князя Константина и послѣдовавшіе по случаю его декреты не могли оставлять сомнѣнія на счетъ его отреченія отъ престола. Толки объ этомъ, разумѣется, дошли до Великаго Князя Николая, но онъ не обратилъ на нихъ вниманія.

Во время путешествія по Пруссіи, въ октябрѣ 1820 года, вмѣстѣ съ Великою Княгинею, не видавшей своей родины съ самаго своего замужства, ему приходилось слышать болѣе или менѣе остроумные намеки на то, что онъ долженъ быть наслѣдникомъ престола.

Населеніе Берлина съ восторгомъ встрѣтило очаровательную принцессу, которая возвратилась къ нему послѣ трехлѣтняго отсутствія еще болѣе прекрасною и очаровательною.

Между восклицаніями, привѣтствовавшими ея появленіе съ своимъ супругомъ, слышался досадовавшій Великаго Князя крикъ: «*Да здравствуетъ Великій Князь, наслѣдникъ Русскаго престола!*»

Король прусскій представилъ ему Александра Гумбольдта, который какъ бы въ изумленіи остановился передъ Великимъ Княземъ и безмолвно смотрѣлъ на него; вдругъ онъ сказалъ въ полголоса Королю Прусскому: «Или я жестоко ошибаюсь, или теперешній Великій Князь будетъ величайшимъ госуда-

ремъ своего вѣка». Великій Князь холодно отошелъ и болѣе не говорилъ съ Гумбольдтомъ.

Оставивъ Великую Княгиню въ Берлинѣ, онъ отправился на Троппавскій конгрессъ. Императоръ пригласилъ его туда, говоря: «Надо, чтобы Государи, мои союзники, привыкли видѣть въ тебѣ будущаго защитника Священнаго Союза.»

При Вѣнскомъ Дворѣ его приняли съ величайшею предупредительностью. Если ему оффиціально не давали титула наслѣдника, то этотъ титулъ, казалось, отражался каждую минуту во внимательныхъ взорахъ Императорско-Австрійской фамиліи.

— Онъ не красивѣе Императора Александра, говорила объ немъ одна изъ умнѣйшихъ придворныхъ женщинъ, — но за то, своимъ спокойнымъ и величественнымъ видомъ, онъ больше похожъ на Императора.»

Не смотря на его холодность и сдержанность, всѣ удивлялись вѣжливости его обращенія и достоинству, съ которымъ онъ держалъ себя въ разговорахъ.

На одномъ изъ маскарадовъ къ нему подошло домино, и, смотря ему прямо въ глаза, сказало ему:

— Знаете ли Вы, Ваше Высочество, что Вы самый красивый мужчина въ Россіи?

— Сударыня, отвѣчалъ онъ, отворачиваясь отъ нея, это касается только моей жены.

На слѣдующій годъ (1821) Великій Князь Николай съ

Великою Княгинею отправились на Эмсскія воды; они должны были возвратиться въ С.-Петербургъ черезъ Польшу.

Великій Князь воспользовался своимъ пребываніемъ въ Германіи, чтобы съѣздить въ Брюссель вмѣстѣ съ своимъ шуриномъ, наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ. Ихъ ожидали принцъ Оранскій и принцъ Нидерландскій Фридрихъ, и они вмѣстѣ провели недѣлю, которая прошла для нихъ слишкомъ быстро. Они надѣялись, что къ нимъ присоедится Великій Князь Михаилъ, но онъ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, пользовался водами въ Карлсбадѣ и Маріенбадѣ и еще не совсѣмъ поправился. Онъ предполагалъ отправиться въ Варшаву, гдѣ Великій Князь Константинъ и Княгиня Ловичъ обрадовались, видя, что здоровье его поправилось.

Великій Князь Николай и его супруга также должны были скоро прибыть въ Варшаву, и для ихъ принятія въ Бельведерскомъ Дворцѣ дѣлались чрезвычайныя приготовленія.

— Подумаешь, что ты ожидаешь къ себѣ Императора! сказалъ однажды Великій Князь цесаревичу.

— Съ тобой, отвѣчалъ цесаревичъ,—я обхожусь безъ церемоній,—но когда я жду брата Николая, то мнѣ всегда кажется, что я буду принимать у себя Императора.

За нѣсколько дней до прибытія Великаго Князя Николая, Цесаревичъ, прогуливаясь съ Великимъ Княземъ Михаиломъ въ коляскѣ по берегамъ Вислы, открылъ передъ нимъ свои планы.

— Ты знаешь, сказалъ онъ ему, что я всегда имѣю къ тебѣ довѣріе? Теперь я хочу еще разъ доказать тебѣ это, и открою тебѣ важный секретъ, лежащій у меня на сердцѣ. Сохрани Богъ намъ пережить брата нашего Александра: его смерть будетъ величайшимъ насчастіемъ для

Россіи. Но, если это несчастіе случится, то знай, что я торжественно обѣщался отказаться отъ правъ своихъ на престолъ. Къ этому меня побудили двѣ причины. Во первыхъ то, что уваженіе, обожаніе и нѣжная привязанность моя къ брату Александру не позволяютъ мнѣ думать, что мнѣ можно когда либо послѣ него царствовать. Во вторыхъ, жена моя не принадлежитъ къ царствующему дому, да и кромѣ того она полячка, и это побудитъ русскую націю не чувствовать къ намъ того безграничнаго довѣрія, котораго требуетъ монархъ отъ своихъ подданныхъ. Поэтому я твердо рѣшился отказаться отъ всѣхъ своихъ правъ въ пользу брата Николая, и ничто въ свѣтѣ не поколеблетъ рѣшенія, принятаго мною по долгомъ и здравомъ обсужденіи. Пока это должно оставаться между нами; но, если когда нибудь братъ Николай спроситъ тебя объ этомъ, прибавилъ онъ, пожимая ему руку, не считай себя обязаннымъ держать это отъ него въ секретѣ: ты можешь объ этомъ съ нимъ объясниться, но тогда увѣрь его, отъ моего имени, что онъ всегда найдетъ во мнѣ ревностнаго, вѣрнаго и покорнаго подданнаго, который честно будетъ служить ему до смерти своей и котораго преданность, если я его переживу, будетъ одинакова и къ его сыну. Ты можешь даже прибавить, что мое усердіе служить его сыну будетъ еще можетъ быть больше, потому что маленькій Князь Александръ носитъ имя нашего благодѣтеля!

Великій Князь Михаилъ не имѣлъ случая открыть секретъ, ввѣренный ему Константиномъ, потому что Великій Князь Николай никогда его не разспрашивалъ объ этомъ.

Великій Князь Николай наконецъ прибылъ, вмѣстѣ съ Великою Княгинею, въ Варшаву. Цесаревичъ, принявшій его съ величайшею предупредительностью, оказывалъ къ нему нѣкоторое уваженіе, котораго тотъ не могъ ожи-

дать отъ старшаго брата и которое часто вводило его въ смущеніе.

Поэтому онъ неоднократно настаивалъ на томъ, чтобы ему перестали отдавать почести, на которыя онъ не имѣлъ никакого права, но Цесаревичъ не обратилъ вниманія на эти замѣчанія и просьбы своего младшаго брата, которому продолжалъ оказывать тоже вниманіе.

— Ты знаешь, говорилъ онъ ему съ улыбкою,—это все потому, что ты царь.....Мирликійскій.

———

XVII.

Великіе Князья Николай и Михаилъ воротились въ С.-Петербургъ только въ послѣднихъ числахъ Декабря 1821 года, такъ какъ въ Императорской фамиліи существовало обыкновеніе по возможности собираться вмѣстѣ по случаю новаго года. Императоръ Александръ держался этого патріахальнаго преданія и любилъ въ первый день года собирать около себя всѣхъ членовъ своего семейства.—

Великая Княгиня Марія Павловна прибыла изъ Веймара, и Великій Князь Константинъ, котораго въ этомъ году вовсе не ждали, потому что онъ сослался на плохое состояніе своего здоровья, также прибылъ изъ Варшавы. Это было для Императора весьма пріятнымъ сюрпризомъ, на нѣсколько дней разсѣявшимъ его обычную грусть.

Кромѣ того, въ это время для Императорской фамиліи была еще причина радости, потому что въ скоромъ времени должны были еще тѣснѣе скрѣпиться узы родства, давно связывавшія ее съ королевско-Виртембергскою фамиліею. Къ этой фамиліи принадлежала Императрица мать, и въ ней же она вознамѣрилась найдти супругу для своего послѣдняго сына.

Великій Князь Михаилъ, во время своихъ путешествій по Германіи, при жизни своей сестры Екатерины, королевы Виртембергской, не разъ имѣлъ случай встрѣчаться съ принцессою Шарлоттою, старшею дочерью принца Павла, королевскаго дяди. Эта принцесса, родившаяся 9-го

Января 1807 года, была уже одною изъ прекраснѣйшихъ и умнѣйшихъ принцессъ въ Европѣ. Великій Князь Михаилъ былъ очарованъ ею, и говорилъ объ ней съ удивленіемъ съ своими братьями, въ присутствіи Императрицы матери. Генералъ Бенкендорфъ, полномочный русскій посолъ при Виртембергскомъ дворѣ, получилъ порученіе просить, отъ имени Императора Александра, руки принцессы Шарлотты для Великаго Князя Михаила.

Король Виртембергскій поспѣшилъ дать свое согласіе на этотъ союзъ. Обрученіе принцессы съ Великимъ Княземъ было совершено 8-го Января 1822 года въ Штутгартѣ, а бракосочетаніе должно было совершиться по достиженіи августѣйшими обрученными совершеннолѣтія.

Праздники новаго года были при Русскомъ дворѣ весьма блестящіе. Однако всѣ замѣтили, что Великій Князь Константинъ былъ задумчивъ и озабоченъ. Онъ открыто заявлялъ отправиться тотчасъ же въ Польшу, однако пробылъ въ С.-Петербургѣ шесть недѣль.

Онъ остановился въ мраморномъ Дворцѣ, ему принадлежавшемъ, но проводилъ всѣ вечера въ зимнемъ дворцѣ, гдѣ ужиналъ съ Императрицею матерью и съ братомъ своимъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ, который жилъ еще въ этомъ же Дворцѣ. Что касается до Великаго Князя Николая, жившаго въ своемъ Аничковскомъ дворцѣ, то онъ почти никогда не покидалъ вечеромъ свою жену и дѣтей.

Послѣ ужина у Императрицы матери, Великій Князь Константинъ увозилъ съ собою, около десяти часовъ, своего младшаго брата въ мраморный дворецъ, и тамъ часто занималъ его интимными бесѣдами большую часть ночи.

ИСТОРІЯ

ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ

НИКОЛАЯ I

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО.

Соч. ПОЛЯ ЛАКРУА.

Переводъ съ французскаго

ТОМЪ I-й, ВЫПУСКЪ II-й.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, въ домѣ Карнинской.
1877—1878.

Дозволено Цензурой. Москва, 27 апрѣля, 1877 г.

XVIII.

Со времени катастрофы 19 ноября 1824 года Александръ сдѣлался гораздо грустнѣе и разстроеннѣе, чѣмъ прежде. Онъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что онъ чувствуетъ, какъ надъ головою его виситъ роковая судьба, которую онъ напрасно старается отвратить.

На нѣжные упреки императрицы онъ отвѣчалъ увѣреніями въ преданности и признательности, но не скрывалъ отъ своей августѣйшей матери, что онъ не находитъ уже въ себѣ силъ физическихъ и нравственныхъ, чтобы нести тяжелую обязанность императора.

Его заботы и безпокойства были какъ нельзя болѣе основательны: между тѣмъ какъ революціонныя начала распространялись въ Европѣ и открыто грозили существованію правительствъ, находившихся подъ покровительствомъ Священнаго Союза Государей, онъ видѣлъ Россію влекомою неудержимо въ этотъ демагогическій вихрь, ожидающею либеральныхъ учрежденій и завидующею Польшѣ относительно конституціи, данной имъ этому королевству.

Съ другой стороны онъ видѣлъ, что Польша сильно волнуется съ цѣлью освободиться отъ русскаго владычества, и обвинялъ ее въ неблагодарности, припоминая все, что онъ уже сдѣлалъ для удовлетворенія польскихъ интересовъ. Онъ далеко не раздѣлялъ довѣрія и безпечности В. К. Константина, который ошибочно считалъ даже свое управленіе пріятнымъ для Польши, по той только причинѣ, что онъ женился на полькѣ. Константинъ, смотря на вещи глазами своей жены,

не подозрѣвалъ, не смотря на слишкомъ вѣрные признаки, что императорское правительство могло встрѣтить серьезныя препятствія въ провинціяхъ старой Польши. Александръ напротивъ зналъ, что опасность существовала и что она скоро должна обнаружиться.

Понятно, почему Императоръ, хотя и больной, хотѣлъ лично открыть Польскій сеймъ и пробыть болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Варшавѣ.

Цесаревичъ прибылъ на праздникъ Пасхи въ С.-Петербургъ. Весь дворъ замѣтилъ, что никогда оба брата не были такъ тѣсно соединены между собою: они почти не покидали другъ друга и часто вели долгія бесѣды у Императрицы-матери.

Отъѣздъ Константина предшествовалъ отъѣзду Императора, который отправлялся въ путь 4 апрѣля 1825 года, оставивъ въ столицѣ двухъ своихъ братьевъ, Вел. Князей Николая и Михаила Павловичей, съ двумя Императрицами.

Великій Князь Николай Павловичъ возвратился съ своимъ семействомъ только нѣсколько дней назадъ (9 марта): онъ привезъ съ собою изъ Берлина Великую Княгиню Александру, которая была беременна.

Они остановились мимоѣздомъ въ Варшавѣ, и Цесаревичъ сдѣлалъ имъ самый ласковый пріемъ, сопровождаемый такими знаками уваженія и вниманія, что Николай Павловичъ съ удивленіемъ принималъ ихъ отъ своего старшаго брата.

— Вы забываете, любезный братъ, говорилъ онъ съ укоромъ, что я вашъ младшій братъ, и что поэтому я обязанъ вамъ почтеніемъ и повиновеніемъ.

— Братъ! отвѣчалъ Цесаревичъ, увѣрены-ли вы, что я не продалъ вамъ своего права первородства за чечевичную похлебку, какъ Исавъ Іакову.

Императоръ, прощаясь съ Великимъ Княземъ Николаемъ, который долженъ былъ замѣнить его въ С.-Петербургѣ, и,

въ его отсутствіе, представлять его во всѣхъ оффиціальныхъ церемоніяхъ, сказалъ ему только, обнимая его съ чувствомъ:

— Я наименовалъ тебя 15-го числа прошедшаго мѣсяца шефомъ 2 дивизіи гвардейской пѣхоты, но, я думаю, что еще не пройдетъ этотъ годъ, какъ ты будешь призванъ къ болѣе высокому посту.

Александръ прибылъ 15 апрѣля въ Варшаву; движеніе и развлеченія путешествія, казалось, имѣли благодѣтельное вліяніе на его здоровье. Онъ, казалось, помолодѣлъ и выказывалъ болѣе дѣятельности.

Однако его бюро уже было завалено, какъ обыкновенно, письмами и просьбами, которыхъ онъ еще не читалъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, показывая на эту груду бумагъ графу Алексѣю Аракчееву, подневольная работа Императора.

Взоры его машинально остановились на запечатанномъ пакетѣ, котораго форма и адресъ обратили на себя его вниманіе: это было простое письмо, съ надписью на англійскомъ языкѣ: «Императору одному». Слова эти, написанныя бѣглымъ почеркомъ, казалось, принадлежали рукѣ женщины.

Онъ сломилъ печать и молча прочелъ письмо, на которомъ былъ почтовый штемпель, и которое естественно попало на столъ, на который каждый день клали адресуемыя Императору посланія изъ всѣхъ концевъ имперіи.

Трудно было ему скрыть удивленіе и печаль, которыя причинили ему чтеніе этого письма, носившаго такую подпись: «Шервудъ, унтеръ-офицеръ 3-го полка Новомиргородскихъ копейщиковъ».

Этотъ унтеръ-офицеръ, какъ онъ самъ говорилъ, считалъ своимъ долгомъ предупредить Императора, что составлялся заговоръ съ цѣлью ниспроверженія порядка, установленнаго въ государствѣ. Онъ зналъ изъ вѣрнаго источника, что въ первой и второй арміяхъ многіе офицеры принадлежали къ тайному обществу, котораго члены умножались съ каж-

дымъ днемъ. Поэтому онъ просилъ позволенія отправиться въ Курскъ, чтобы переговорить съ офицеромъ, который былъ въ сношеніяхъ съ этимъ тайнымъ обществомъ. Онъ надѣялся собрать такимъ образомъ болѣе подробныя свѣдѣнія о предметѣ и агентахъ заговора.

Александръ захотѣлъ имѣть свѣдѣнія на счетъ автора этого письма, и графъ Аракчеевъ объяснилъ ему, что этотъ унтеръ-офицеръ, англійскаго происхожденія, имѣлъ далеко не почтенныхъ предковъ. Императоръ велѣлъ позвать его и самъ разспросилъ его, но узналъ отъ него относительно заговора только то, что молодой человѣкъ скорѣе угадалъ, чѣмъ открылъ его, — живя нѣсколько недѣль у богатаго помѣщика въ Кіевской губерніи, по сосѣдству главнаго штаба 2 арміи. Тамъ-то Шервудъ засталъ сборища заговорщиковъ, узналъ имена многихъ и добился довѣрія одного изъ нихъ, нѣкоего Вадковскаго.

Вслѣдствіе своего разговора съ Императоромъ, Шервудъ получилъ извѣстную сумму денегъ и былъ посланъ въ отпускъ въ Курскую губернію. Ему обѣщали отъ имени Императора блистательно наградить его, если онъ успѣетъ въ своемъ порученіи, и наказать его въ случаѣ измѣны.

Шервудъ воротился въ С.-Петербургъ только въ первыхъ дняхъ сентября: есть основаніе думать, что онъ уже доставилъ Императору нѣкоторыя новыя подробности относительно организаціи тайныхъ обществъ въ южной арміи. Но Александръ повидимому не хотѣлъ воспользоваться сообщенными свѣдѣніями и не далъ никакой награды Шервуду, который сдѣлался прапорщикомъ въ Бужскомъ полку только въ слѣдующее царствованіе.

Однако предполагали, что открытіе, сдѣланное Шервудомъ Императору, воспрепятствовало совершенію цареубійства, потому что убить Александра I было рѣшено во многихъ центрахъ обширнаго заговора, охватившаго тогда Россію и Польшу.

Странная и почти невѣроятная вещь, что розыски, назначенные Императоромъ для открытія мѣста и элементовъ этого заговора, дали результаты только отрицательные. Была ли полиція за-одно съ заговорщиками, или же они не имѣли среди себя ни одного предателя? Какъ бы то ни было, Императоръ былъ увѣдомленъ о томъ, что замышлялось вокругъ него.

Записка, составленная прежнимъ членомъ «союза общественнаго блага», одного изъ тайныхъ обществъ, имѣвшихъ свой главный центръ въ Волыни, попала въ руки Александра, но записка эта не содержала никакого положительнаго факта, ни одного собственнаго имени. Императора только извѣщали, что его смерть была рѣшена, какъ самое вѣрное и скорое средство произвести революцію въ Россіи и освободить Польшу; въ безъименной запискѣ этой прибавлялось, что роли были распредѣлены между заговорщиками, что минута убійства уже была назначена, и что незримый кинжалъ былъ поднятъ надъ жертвою.

Это новое открытіе окончательно обезкуражило Императора, что и было цѣлью анонимной записки: онъ впалъ въ тоску, которая отражалась и въ чертахъ его лица. Онъ сознавалъ усилія, употребленныя имъ во время своего царствованія на улучшеніе нравственнаго, политическаго и матеріальнаго положенія своихъ народовъ, и потому его глубоко огорчали несправедливость и неблагодарность, которыя однѣ только и могли вооружить противъ него руку заговорщиковъ.

Не прибѣгая къ предосторожностямъ, которыхъ требовали обстоятельства для охраненія своей особы, онъ отказался подчиниться самымъ простымъ мѣрамъ благоразумія, и, казалось, напротивъ нарочно подвергался опасностямъ, грозившимъ его жизни.

Великій Князь Константинъ, еще болѣе слѣпо вѣрившій, чѣмъ Александръ, увѣрялъ его, говоря, что ему нечего боять-

ся въ Польшѣ, потому что онъ былъ благодѣтелемъ и истиннымъ возстановителемъ этого царства.

Императоръ, можетъ быть, наконецъ самъ ободрился, видя. что его безпечность не куражила убійцъ, которымъ онъ, такъ сказать, подставлялъ свою открытую грудь. Онъ положительно отвергъ предложеніе своихъ министровъ, которые побуждали его уничтожить Патріотическое Варшавское Общество, гдѣ польская молодежь распространяла сѣмена народнаго возстанія подъ видомъ земледѣльческаго, ученаго и литературнаго учрежденія.

Польскій сеймъ окончилъ свое третье засѣданіе, которое было ведено спокойно и благоразумно. 2-го іюня закрытіе сейма было совершено въ присутствіи Императора, который долженъ былъ на другой день отправиться въ С.-Петербургъ.

Александръ, сидя на своемъ тронѣ, имѣя по правую сторону себя министровъ и государственный совѣтъ царства Польскаго, по лѣвую — свою свиту, а позади себя дворъ, произнесъ на французскомъ языкѣ рѣчь, полную ободреній и обѣщаній, которую сенаторы, нунціи и депутаты слушали въ глубокомъ молчаніи. Голосъ августѣйшаго оратора былъ глухъ и печаленъ. Его благородное лицо, носившее отпечатокъ болѣзненной блѣдности, было покрыто облакомъ печали и грусти.

Рѣчь оканчивалась слѣдующими замѣчательными словами:

«Представители царства Польскаго, Я покидаю васъ съ сожалѣніемъ, но и съ удовольствіемъ, видя, что вы трудитесь для вашего блага сообразно вашимъ интересамъ и Моимъ желаніямъ. Раздѣляйте это чувство, распространяйте его между вашими согражданами, и вѣрьте, что Я съумѣю цѣнить довѣріе, котораго характеромъ запечатлѣно ваше настоящее собраніе. Глубокое впечатлѣніе этого собранія сохранится въ Моей душѣ и всегда будетъ соединено съ желаніемъ доказать вамъ, какъ искренна Моя любовь къ вамъ, и на сколько ваше поведеніе будетъ имѣть вліяніе на вашу будущность».

Александръ возвратился въ Россію съ горестью въ сердцѣ. 25-го іюня 1825 года онъ прибылъ въ царскосельскій дворецъ. Императрица Елизавета отправилась къ нему на встрѣчу съ радостью и безпокойствомъ, которыя она всегда испытывала, видя всегда августѣйшаго супруга даже послѣ самаго короткаго отсутствія: онъ нѣжно обнялъ ее и потомъ посмотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ.

Она была блѣдна, глаза ея лихорадочно блестѣли, она трудно дышала и сухо кашляла.

— Что съ вами? спросилъ ее Императоръ съ безпокойною заботливостью.

— Я очень счастлива, что снова вижу васъ, Государь, отвѣчала она, вздыхая. Я хотѣла первая сказать вамъ, что императорское семейство увеличилось....

— Великая Княгиня Александра разрѣшилась отъ бремени? живо прервалъ Императоръ. Не сыномъ-ли?

— Дочерью, отвѣчала Императрица: она счастливо явилась на свѣтъ нынѣшнюю ночь (12-го іюня по русскому календарю).

— По мнѣ лучше-бы она родила Великаго Князя.... Но скажи, ради Бога, не больна-ли ты, что у тебя такой больной видъ?

— Государь, тихо сказала она, я страдала только отъ вашего отсутствія.

Рожденіе этого ребенка, котораго Александръ обѣщалъ принимать отъ купели вмѣстѣ съ Императрицею-матерью, было ожидаемо съ нетерпѣніемъ императорскою фамиліею, которая должна была собраться для крещенія, — за исключеніемъ Великаго Князя Константина, котораго Императоръ просилъ не выѣзжать изъ Варшавы. Великая Княгиня Марія Павловна, принцесса Саксенъ-Веймарская, и Великая Княгиня Анна Павловна, принцесса Оранская, прибыли съ своими мужьями на приглашеніе своего августѣйшаго брата, который желалъ, предчувствуя свою близкую смерть, проститься съ ними.

Въ манифестѣ, которымъ Александръ I-й возвѣщалъ своимъ народамъ о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени своей возлюбленной невѣстки, супруги Великаго Князя Николая Павловича, говорилось: «Мы смотримъ на это приращеніе Нашей Императорской Фамиліи, какъ на новый знакъ благословенія, ниспосланнаго Верховнымъ Существомъ на Насъ и Нашу имперію.

Крещеніе совершено было въ Царскомъ селѣ 25-го іюля съ большою торжественностью. Императоръ и король Прусскій были воспріемниками, Императрица-мать воспріемницею новорожденнаго. На торжественномъ обѣдѣ, слѣдовавшемъ за религіозною церемоніею, когда провозглашено было здоровье Великаго Князя Николая и Великой Княгини Александры, при звукахъ трубъ, звонъ бокаловъ сопровождался залпомъ изъ 31 выстрѣла.

Празднествамъ крещенія предшествовали большіе смотры на Марсовомъ полѣ въ С.-Петербургѣ и большіе маневры въ Царскосельскомъ лагерѣ: вся пѣхота и гвардейская кавалерія участвовали въ этихъ маневрахъ, которыми начальствовали лично Великіе Князья Николай и Михаилъ въ присутствіи Императора, который въ нѣсколькихъ суточныхъ приказахъ выразилъ имъ свою полную признательность. Члены императорской фамиліи присутствовали при военныхъ упражненіяхъ, привлекшихъ громадную толпу зрителей; но всѣ были удивлены, что тамъ не было императрицы Елизаветы, которая не пропускала ни одного случая показаться вмѣстѣ съ Императоромъ.

Съ этого времени въ публикѣ началъ ходить слухъ, что она серьезно больна, и что грудная болѣзнь, которую считали неважною, съ каждымъ днемъ принимала въ ней болѣе и болѣе серьезный хроническій характеръ.

Медики казались безпокойными, и англійскій докторъ Уайлисъ, первый врачъ Императора, сказалъ, что Императрицѣ необходимо провести зиму въ Италіи или на Мальтѣ.

— Я не больна! возражала Императрица на эти слова доктора Уайлиса; да еслибы я и еще серьезнѣе была больна, грустно присовокупляла она, то тѣмъ болѣе было бы мнѣ причинъ остаться здѣсь, потому что супруга Императора должна умереть въ Россіи.

Императрицу очень старательно пользовалъ ея обыкновенный врачъ — докторъ Штроффрегенъ; но этотъ врачъ вполнѣ ошибался на счетъ состоянія больной.

Онъ на нѣсколько недѣль отправился въ отпускъ во время путешествія Императора въ Варшаву, и его замѣнили въ это время докторъ Тиніусъ, ученый ботаникъ, и докторъ Мюллеръ, — превосходный нѣмецкій врачъ. Этотъ послѣдній тотчасъ же понялъ развитіе недуга, который Императрица скрывала тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе неизлечимымъ сознавала его. Онъ рѣшился высказать ей серьезныя опасенія и предписать строгое леченіе, подъ опасеніемъ потерять всякую надежду на выздоровленіе. Императрица, печально улыбаясь, выслушала его.

— Докторъ! коротко она сказала ему, когда онъ пришелъ узнать дѣйствіе своихъ предписаній; я сожалѣю, что вы изъ-за меня безпокоитесь. Я не больна, или, лучше сказать, я не хочу быть больною.

Александръ показывалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ болѣзни Императрицы; онъ ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ и силился казаться передъ нею спокойнымъ и даже веселымъ. Но наединѣ онъ предавался своимъ мрачнымъ предчувствіямъ и иногда впадалъ какъ-бы въ отчаяніе.

— Уайлисъ, сказалъ онъ однажды своему первому доктору, я недоволенъ своимъ здоровьемъ: предпишите мнѣ путешествіе въ южную Россію, въ Крымъ или куда-нибудь еще, только чтобы путешествіе это было полезно для Императрицы, которая отправится вмѣстѣ со мною.

XIX.

Александръ I-й, съ тою изысканною деликатностью, которою характеризовались всѣ его чувства, надѣялся скрыть отъ Императрицы, что для нея предпринимаетъ путешествіе на югъ Россіи: онъ слишкомъ безпокоился на счетъ августѣйшей больной и не хотѣлъ, чтобы сама она имѣла причины безпокоиться.

Впрочемъ, онъ и во всякомъ другомъ случаѣ предпринялъ-бы, не медля ни минуты, это долгое путешествіе, которое, не смотря на три или четыре тысячи верстъ пути, едвали удовлетворило-бы потребности дѣятельности и движенія, наполнявшей все его существо.

Онъ самъ не былъ боленъ, но показалъ видъ, что боленъ вслѣдствіе той упорной рожи, которая въ предшествовавшемъ году не уступила дѣйствію лекарствъ и которая хронически появлялась черезъ извѣстные промежутки времени. Его крѣпкое сложеніе требовало на самомъ дѣлѣ только физическаго и душевнаго спокойствія.

Поэтому онъ требовалъ, чтобы его первый медикъ посовѣтовалъ ему провести зиму въ климатѣ, болѣе умѣренномъ, за пятьсотъ льё отъ столицы, и, чтобы еще лучше мотивировать это отсутствіе, которое должно было продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ, онъ выставилъ на видъ необходимость посѣтить военныя колоніи на югѣ, въ Новороссійской губерніи, Крыму и даже на Кавказѣ.

— Уайлисъ посылаетъ меня провести зиму въ теплыхъ частяхъ Россіи, сказалъ онъ, улыбаясь, императрицѣ; я полагалъ, что вы согласитесь провожать меня.

Императрица выразила ему со слезами на глазахъ всю радость, которую она чувствовала при мысли жить возлѣ него и съ нимъ въ теченіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ какъ бы въ супружескомъ уединеніи; это было такое счастіе, какого она еще не имѣла, — и она благословляла свою болѣзнь, которая дала ей это счастіе.

Она скрывала отъ самой себя развитіе снѣдавшей ее болѣзни и, можетъ быть, успѣла убѣдить себя, что находится на пути къ выздоровленію. Во всякомъ случаѣ, она часто повторяла княгинѣ Волконской и нѣкоторымъ близкимъ къ ней дамамъ:

- Я никогда не была болѣе счастлива! Дай Богъ, чтобы это счастіе было продолжительнѣе!

Императоръ употреблялъ всѣ средства, чтобы выставить даже въ глазахъ своего семейства свое путешествіе необходимымъ съ политической точки зрѣнія.

Онъ публично благодарилъ императорскимъ рескриптомъ герцога Александра Виртембергскаго, начальника корпуса путей сообщенія въ имперіи, который представилъ ему донесеніе относительно возможности установить прямое сообщеніе между Волгою и Дономъ посредствомъ рѣкъ Камышенки и Илавли, и изъявилъ желаніе самъ разсмотрѣть на мѣстѣ этотъ обширный проэктъ, котораго первая мысль принадлежала Петру Великому, и который долженъ былъ такъ много содѣйствовать торговому благоденствію Россіи. Работы для соединенія этихъ двухъ рѣкъ, казалось, уже не принадлежали къ области утопій, потому что императоръ объявилъ ихъ возможными и обѣщалъ привести ихъ къ хорошему концу одновременно съ громадными работами того-же рода, которыя должны были соединить воднымъ путемъ Архангельскій портъ съ С.-Петербургомъ.

Извѣстно, что военныя колоніи особенно интересовали Александра I, который считалъ ихъ самымъ полезнымъ и слав-

нымъ своимъ дѣломъ. Графъ Аракчеевъ былъ главнымъ начальникомъ этихъ колоній и съумѣлъ придать имъ большое значеніе въ умѣ Императора.

Суточнымъ приказомъ 29 іюля Императоръ, осмотрѣвъ военныя пѣхотныя колоніи, засвидѣтельствовалъ свое полное удовольствіе графу Аракчееву, генералу Клейнмихелю и другимъ главнымъ начальникамъ упомянутыхъ колоній: общая организація показалась ему превосходною, образованіе войскъ усовершенствованнымъ, здоровье людей замѣчательнымъ, устройство селеній великолѣпнымъ. Онъ изъявлялъ желаніе всѣми силами покровительствовать ихъ развитію въ различныхъ частяхъ имперіи, особенно на оконечностяхъ западныхъ границъ.

Поэтому, для осмотра военныхъ колоній кавалеріи у донскихъ казаковъ и въ Украйнѣ, онъ заранѣе назначилъ крайнюю цѣль своего путешествія и выбралъ для своей резиденціи маленькій городокъ Таганрогъ, расположенный на Азовскомъ морѣ противъ устья Дона.

Онъ не могъ ошибаться на счетъ существованія тайныхъ обществъ въ арміи, и, вѣроятно, имѣлъ намѣреніе такимъ образомъ естественно приблизиться къ Курску, на который Шервудъ указалъ ему, какъ на главный центръ заговора.

Какъ бы то ни было, онъ остался глухъ къ словамъ медиковъ, которые совѣтовали ему остаться въ Крыму, гдѣ климатъ здоровѣе и температура выше. Императрица не сдѣлала никакого возраженія противъ пребыванія въ Таганрогѣ, хотя ей представляли, что воздухъ тамъ былъ холоденъ и нездоровъ по причинѣ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, почти постоянно тамъ господствовавшихъ, и по причинѣ вонючихъ испареній, поднимающихся съ гавани, которую море оставляетъ сухою. Она кротко и весело отвѣчала на это:

— Такъ какъ Его Величество назначилъ Таганрогъ, то онъ и долженъ быть самою здоровою резиденціей; что касается до

меня, то я всегда съ удовольствіемъ буду дышать однимъ воздухомъ съ императоромъ.

Александру впрочемъ приходилось бороться съ своими собственными предчувствіями: онъ не приписывалъ никакого вреднаго вліянія таганротскому климату и думалъ, напротивъ, что городъ этотъ представитъ Императрицѣ по крайней мѣрѣ ровную и теплую температуру зимою; но онъ боялся, что положеніе больной уже почти отчаянно. Поэтому онъ грустно принялъ печальныя предчуствія, предшествовавшія его отъѣзду.

20 августа прекрасная церковь Преображенія въ Литейной части въ С.-Петербургѣ была разрушена до основанія пожаромъ; хотя святыя иконы и другіе религіозные предметы были спасены отъ огня, но народъ смотрѣлъ на эту катастрофу, какъ на кару небесную, которая обращена была лично на Императора за то, что онъ дозволилъ построеніе католической церкви въ Царскомъ селѣ и подарилъ на это 30 тысячъ рублей.

Народъ обвинялъ Императора въ томъ, что онъ пренебрегалъ греческою религіею и симпатизируетъ неправославнымъ религіямъ. Александръ до сихъ поръ отказывался подать помощь возстанію Грековъ, потому что онъ не могъ непризнать революціоннаго принципа, бывшаго исходною точкою этого возстанія, и думалъ, что не имѣетъ права поддерживать его оружіемъ. Но народъ видѣлъ въ дѣлѣ войны за эллинскую независимость только дѣло греческой религіи и не допускалъ, чтобы царь, природный покровитель этой религіи, могъ оставаться нейтральнымъ и равнодушнымъ, когда православные христіане падали мучениками подъ мечемъ турокъ.

— Судъ Божій близокъ, говорили между собою старые люди въ Петербургѣ и въ другихъ губерніяхъ Имперіи: знаки гнѣва небеснаго видятся всюду, потому что народъ православный оставилъ безъ помощи своихъ единовѣрцевъ, умирающихъ за вѣру христіанскую.

Понятно, что появленіе кометы окончательно экзальтировало общественное расположеніе. Эта комета, круглая и безъ хвоста, которой свѣтъ былъ ярче въ центрѣ, чѣмъ на окружности, была замѣчена на Дерптской обсерваторіи ночью 23 іюля; хотя ее нельзя было видѣть безъ телескопа, но все населеніе С.-Петербурга искало ее глазами и связывало съ нею дурное предвѣщаніе для путешествія Императора. Однако одни только астрономы могли видѣть эту комету, которая черезъ нѣсколько дней исчезла въ лучахъ солнца.

Но почти въ тоже время другая комета явилась на горизонтѣ. Она была видима въ С.-Петербургѣ въ продолженіи нѣсколькихъ ночей; замѣтили, что она медленно направлялась отъ сѣвера къ югу. Это, по мнѣнію многихъ людей, было указаніемъ относительно путешествія императора.

Россія наполнилась мрачными слухами. Казалось, ожидали великихъ политическихъ событій. Это положеніе мнѣній должно приписать вліянію тайныхъ обществъ, которыя разсчитывали на смерть или близкое отреченіе императора, не зная, можетъ быть, навѣрное, что надъ нимъ поднятъ кинжалъ.

— Теперь у насъ двѣ кометы, — ваша и моя! сказалъ Александръ Императрицѣ, усиливаясь казаться веселымъ: онѣ какъ будто путешествуютъ вмѣстѣ.

Императоръ назначилъ свой отъѣздъ на 13-е сентября; онъ не хотѣлъ покинуть свою столицу раньше, чѣмъ въ Таганрогѣ все будетъ готово къ принятію Императрицы.

Онъ самъ отдалъ распоряженія на этотъ счетъ, и его внимательная предупредительность не забыла ничего, что могло-бы сдѣлать продолжительное пребываніе въ маленькомъ торговомъ городкѣ на оконечности имперіи менѣе грустнымъ и болѣе пріятнымъ. Онъ даже учредилъ правильное почтовое сообщеніе между Таганрогомъ и С.-Петербургомъ, черезъ Москву, Тулу, Курскъ и Харьковъ, чтобы поддерживать частныя сношенія съ императорскою фамиліею и продолжать

такимъ образомъ лично завѣдывать, — во время своего продолжительнаго отсутствія, — государственными дѣлами.

Въ отсутствіе Императора, Императрица-мать по праву получала регентство; ея августѣйшій сынъ предоставлялъ ей какъ бы верховный надзоръ за исполнителями императорской власти. Но, по случаю этого послѣдняго путешествія, онъ выразилъ желаніе, чтобы Великій Князь Николай принялъ болѣе прямое участіе въ правительственныхъ дѣлахъ, и поручилъ ему въ особенности смотрѣть за ходомъ дѣлъ и за дѣйствіями министровъ и высшихъ должностныхъ лицъ Имперіи. Кромѣ того, онъ просилъ его чаще отправлять къ нему конфиденціальныя письма, въ которыхъ бы онъ излагалъ результатъ своихъ наблюденій.

— Революція теперь всюду господствуетъ въ Европѣ, сказалъ онъ ему: она точно также есть въ Россіи, хотя и скрывается здѣсь лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; поэтому мы должны удвоить бдительность и рвеніе съ помощію Божественнаго провидѣнія. Мы, Государи, отвѣчаемъ передъ Богомъ за порядокъ и хорошее управленіе народами. Тебѣ, Братъ, предстоитъ окончить великую обязанность, которую я принялъ на себя, основавъ Священный Союзъ государей подъ покровительствомъ Святаго Духа.

Эти таинственныя слова тронули и смутили Великаго Князя, который запечатлѣлъ ихъ въ своей памяти и который впослѣдствіи припоминалъ ихъ, чтобы примѣнить къ своему образу дѣйствій въ качествѣ государя. Онъ всегда считалъ ихъ послѣднимъ совѣтомъ, который данъ былъ ему Александромъ I, стоявшимъ уже на краю могилы.

Императоръ, по случаю большихъ смотровъ, происходившихъ въ С.-Петербургѣ и Царскомъ селѣ, щедро разсыпалъ почести и отличія, не только офицерамъ 2-й пѣхотно-гвардейской дивизіи, которою командовалъ В. К. Николай, но и гражданскимъ чиновникамъ двора этого Великаго Князя.

Адъютанты Великаго Князя, именно: полковники Адлербергъ, Геруа, Кавелинъ и Диллинсгаузенъ, почтены были благоволеніемъ Александра, который благодарилъ ихъ за то, что они такъ искусно содѣйствовали прекрасной организаціи полковъ, находящихся подъ начальствомъ его брата.

Тезоименитство Императрицы-матери праздновано было 22 іюля (3 августа) въ Петергофскомъ дворцѣ съ обыкновенною торжественностью и увеселеніями. По обыкновенію былъ публичный маскарадъ въ иллюминованныхъ садахъ; но въ то время, какъ народъ толпился въ этихъ великолѣпныхъ садахъ и весело предавался удовольствіямъ, для него приготовленнымъ, императорская фамилія боролась съ печальными предчувствіями: для нея можетъ-быть скоро долженъ былъ наступить часъ вѣчной разлуки.

Великій Князь Константинъ, который по приказанію Императора постоянно оставался въ Варшавѣ, написалъ ему прощальное письмо, которое произвело на Александра сильное впечатлѣніе: Цесаревичъ умолялъ его, во имя ихъ уважаемой матери, окружать себя во время путешествія всѣми предосторожностями, которыя могли защитить его отъ покушеній заговорщиковъ. Безпокойство Цесаревича, основанное безъ сомнѣнія на открытіи какихъ нибудь признаковъ, свидѣтельствующихъ о революціонныхъ дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ въ Польшѣ, хотя и не проникло въ кругъ Императорской фамиліи; но естественная грусть Императора отъ этого увеличилась и, какъ темное облако, висѣла надъ всѣми придворными празднествами.

Состояніе здоровья Императрицы, съ каждымъ днемъ слабѣющее, не было уже ни для кого тайною. Хотя она насиловала себя, чтобы появляться по крайней мѣрѣ въ торжественныхъ случаяхъ; хотя ея граціозная улыбка продолжала еще поддерживать надежду въ окружающихъ, но можно было уже счесть дни, которые ей осталось жить.

Ея невѣстки, принцесса Оранская и великая герцогиня Саксенъ-Веймарская, продолжали, по просьбѣ Императора, свое пребываніе въ Россіи, какъ будто бы онѣ предчувствовали, что, возвращаясь въ далекія страны, которыя замужество сдѣлало вторымъ ихъ отечествомъ, онѣ должны приготовиться сказать вѣчное «прощай» своему августѣйшему и возлюбленному брату.

Александръ былъ не менѣе воспріимчивъ къ предвѣстіямъ смерти, которыя, казалось, окружали его. Онъ сказалъ своей младшей сестрѣ, принцессѣ Оранской Аннѣ Павловнѣ, что въ случаѣ, если онъ умретъ, то проситъ ее считать главою императорской фамиліи брата ихъ Николая, «потому что, прибавилъ онъ, бракъ нашего брата Константина поставилъ его особнякомъ отъ насъ, и это положеніе онъ принимаетъ и признаетъ». Великая Княгиня Анна не сдѣлала на это никакого возраженія, и есть основаніе полагать, что ея мужъ тогда же объяснилъ ей намѣренія Александра I относительно наслѣдованія императорскаго престола.

Императоръ, отвѣчая на письмо Цесаревича, не намекалъ однако на опасенія, выраженныя его братомъ. Александръ напомнилъ ему только, что, какъ скоро престолъ упразднится, то онъ долженъ присягнуть назначенному наслѣднику и тотчасъ же передать Императрицѣ-матери императорскій рескриптъ отъ $^{2}/_{14}$ февраля 1822 года, въ которомъ порядокъ наслѣдованія престола опредѣленъ былъ неизмѣнно. Рескриптъ этотъ Цесаревичъ долженъ былъ держать въ секретѣ до тѣхъ поръ, когда обстоятельства заставятъ обнародовать его съ согласія Императрицы-матери.

Императоръ присовокуплялъ слѣдующія загадочныя слова: «я надѣюсь, что братъ мой исполнитъ мои приказанія и просьбы нашей матери. Ты же, любезный Константинъ, будешь по прежнему дѣлать для царства Польскаго то, что дѣлалъ для него до сихъ поръ, — по нашему взаимному соглашенію».

30 августа, за два дня до отъѣзда Александра I, Императрица-мать принимала въ Таврическомъ дворцѣ поздравленія генераловъ, придворныхъ чиновниковъ и знатныхъ лицъ, по случаю тезоименитства Императора.

Александръ, въ сопровожденіи Великихъ Князей Николая и Михаила, Великой Княгини Александры Ѳеодоровны и главныхъ сановниковъ Имперіи, отправился около 11 часовъ, по обыкновенію, въ Александро-Невскую Лавру, — предшествуемый торжественною процессіею духовенства изъ Казанскаго собора. Божественная литургія совершена была митрополитомъ Серафимомъ. Весь дипломатическій корпусъ присутствовалъ при этой церемоніи.

Послѣ службы Императоръ и Ихъ Императорскія Высочества присутствовали на завтракѣ, предложенномъ митрополитомъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и архимандритомъ Александро-Невской Лавры.

Прощаясь съ архипастыремъ, Императоръ отдѣлился на минуту отъ окружающихъ, и, отведя въ сторону митрополита, сказалъ ему по тихоньку:

– Отецъ мой, отслужи, пожалуйста, для меня одного завтра въ 4 часа утра заупокойную обѣдню, которую я хочу отслушать передъ отправленіемъ въ южныя губерніи.

— Заупокойную обѣдню? возразилъ съ удивленіемъ митрополитъ.

— Да, отвѣчалъ, вздыхая Императоръ: я имѣю обыкновеніе, отправляясь въ дорогу, молиться Казанской Божіей Матери, но теперешнее мое путешествіе не походитъ на другія... Притомъ же, двѣ мои дочери, умершія въ раннемъ возрастѣ, покоятся въ сводахъ Александро-Невской Лавры... Я хочу поставить свое путешествіе подъ покровительство этихъ блаженныхъ душъ.

Серафимъ поклонился въ знакъ уваженія и повиновенія.

Императоръ присовокупилъ, что онъ будетъ очень благодаренъ, если братія Александро-Невской Лавры будутъ присутствовать при этой заупокойной обѣднѣ; — но что считаетъ лишнимъ, чтобы кто либо зналъ объ его личномъ присутствіи. Поэтому онъ просилъ митрополита хранить это въ тайнѣ и сдѣлать такъ, чтобы тайна эта не распространялась далѣе стѣнъ лавры.

XX.

Возвратясь въ зимній дворецъ, Императоръ оставался по прежнему грустенъ, какъ будто не въ силахъ былъ отбросить свои печальныя мысли, но тѣмъ не мѣнѣе выказывалъ особенную благосклонность къ Великому Князю Николаю.

Онъ сказалъ ему, между прочимъ, что имѣлъ намѣреніе пріобрѣсти дачу Мятлева и подарить ему, но что съ него запросили неимовѣрную цѣну. Поэтому онъ рѣшился построить для Великаго Князя и его семейства другую лѣтнюю резиденцію въ окрестностяхъ Петергофа.

Великій Князь Николай долженъ былъ отправиться въ этотъ же вечеръ для осмотра гвардейскихъ полковъ, расположенныхъ лагеремъ въ Бобруйскѣ, но всетаки не преминулъ присутствовать при освященіи новаго дворца, который построенъ и отдѣланъ былъ Императоромъ по планамъ архитектора Росси для Великаго Князя Михаила.

Императорская фамилія, посѣтивъ этотъ великолѣпный дворецъ, обѣдала тамъ. Обѣдъ былъ печаленъ и скученъ. Провозгласили тосты за здоровье Императора и Императрицы.

Всѣ сердца сжались, когда увидали слезы въ глазахъ Александра, который не могъ не быть тронутымъ, и котораго голосъ такъ измѣнился, что словъ, которыя онъ хотѣлъ произнести, почти нельзя было разобрать. Онъ говорилъ объ своемъ скоромъ отъѣздѣ и просилъ для Императрицы покровительства Св. Александра Невскаго, своего патрона.

Императрица, тронутая безпокойствомъ Императора, объявила слабымъ голосомъ, что она чувствуетъ себя гораздо

лучше и что, покидая С.-Петербургъ, она унесетъ съ собою твердую надежду вскорѣ воротиться туда совершенно здоровою.

Вечеромъ Великій Князь Николай, отправлявшійся въ Бобруйскъ, простился съ Императоромъ и Императрицею; онъ еще разъ поблагодарилъ Императора за всю его доброту, называя его, — какъ и всегда, — своимъ благодѣтелемъ; онъ почтительно просилъ у него послѣднихъ инструкцій и приказаній. Александръ нѣжно два раза поцѣловалъ его, говоря:

— Да благословитъ тебя Богъ, братъ! я буду писать тебѣ изъ Таганрога, но ты знаешь, что въ случаѣ важнаго событія ты долженъ соображаться съ моими приказаніями и приказаніями нашей матери.

Великая Княгиня Александра Ѳеодоровна удалялась съ своимъ мужемъ, когда Императоръ, обращаясь къ ней съ своею обыкновенною граціею и ласковостью, похвалилъ ея портретъ, гравированный Райтомъ съ прекрасной картины Ж. Доу, который изобразилъ ее окруженною дѣтьми.

Онъ сказалъ, что видѣлъ этотъ удивительный портретъ на выставкѣ у одного продавца эстамповъ на Невскомъ проспектѣ, и остановился, какъ и всѣ прохожіе, чтобы посмотрѣть на него.

— Я увезу эту гравюру, присовокупилъ онъ: и поставлю ее въ комнатѣ Императрицы въ Таганрогѣ: такимъ образомъ вы будете съ нами, и мы будемъ просить Бога, чтобы Онъ хранилъ Вашего сына, въ которомъ заключается будущность императорской фамиліи.

На другой день въ Петербургскомъ обществѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Императоръ похвалилъ новый портретъ Великой Княгини Александры, и этотъ портретъ скоро былъ распроданъ въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Великій Князь Михаилъ предполагалъ также отправиться въ одно время съ братомъ своимъ Николаемъ въ Варшаву, гдѣ ожидалъ его Цесаревичъ, ибо дружба между этими дву-

мя братьями была такова, что они какъ будто не могли жить порознь, и что Великій Князь Михаилъ проводилъ половину своей жизни на дорогѣ въ Польшу.

Императоръ просилъ его не ѣздить въ Варшаву, пока Великій Князь Николай не возвратится изъ Бобруйска.

— Не слѣдуетъ, чтобы наша мать оставалась одна, говорилъ онъ ему. Неизвѣстно, что можетъ случиться; я слыхалъ, что во многихъ гвардейскихъ полкахъ есть революціонеры. Я хотѣлъ бы вѣрить, что донесенія, сдѣланныя мнѣ на этотъ счетъ, ложны или по крайней мѣрѣ преувеличены, но надобно быть ко всему готовымъ и не давать застать себя въ расплохъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Великій Князь Михаилъ: Великій Князь Константинъ увѣдомилъ меня о существованіи въ арміи тайныхъ обществъ. Но я ничего не знаю на этотъ счетъ относительно первой пѣхотно-гвардейской дивизіи, состоящей подъ моимъ начальствомъ. Изъ этого я долженъ заключить, что эти тайныя общества не существуютъ, или что они очень мало распространены.

13-го сентября до разсвѣта митрополитъ Серафимъ, во главѣ братіи Александро-Невской Лавры, въ траурномъ облаченіи ожидалъ Императора у воротъ монастыря.

Экипажъ, запряженный тремя лошадьми, вдругъ остановился у входа въ монастырь.

Александръ былъ одинъ въ этомъ дорожномъ экипажѣ, одѣтый въ форменную шинель и въ военной фуражкѣ. Онъ вышелъ изъ экипажа, смиренно приложился къ кресту, вынесенному митрополитомъ, и подошелъ подъ благословеніе этого архипастыря. Монахи, его окружавшіе, съ пѣніемъ повели его въ церковь.

Наружныя врата были заперты, и рѣдкіе прохожіе, которые въ этотъ ранній часъ проходили мимо монастыря, не подозрѣвали, что Императоръ слушаетъ тамъ заупокойную обѣдню.

Эта обѣдня была совершена съ торжественнымъ благоговѣніемъ; всѣ присутствующіе, казалось, раздѣляли мысль молившагося Императора: во время чтенія Евангелія онъ сталъ на колѣна около алтаря, и митрополитъ положилъ ему на голову святую книгу.

Послѣ обѣдни Серафимъ подалъ ему образъ Спасителя, предназначавшійся имъ для того, чтобы служить ему защитою во время путешествія, и Императоръ приказалъ протодіакону отнести его къ себѣ въ коляску. Потомъ онъ простоялъ нѣкоторое время на молитвѣ предъ мощами св. Александра-Невскаго, послѣ этого хоръ иноковъ проводилъ его до дверей церкви, съ пѣніемъ тропаря: Спаси, Господи, люди твоя.

Александръ былъ уже на дворѣ монастыря, когда митрополитъ, видѣвшій слезы на глазахъ Императора, попросилъ его отдохнуть къ себѣ въ келью.

— Хорошо! отвѣчалъ Александръ: но только на нѣсколько минутъ, потому что я уже на полчаса опоздалъ.

Онъ пошелъ за Серафимомъ, который ввелъ его въ первую комнату и потомъ провелъ въ моленную, гдѣ они и затворились. Онъ сѣлъ на скамью и пригласилъ митрополита сѣсть рядомъ съ собою.

Такъ какъ Императоръ не говорилъ и казался задумчивымъ, то Серафимъ началъ искать предмета разговора, который бы могъ заинтересовать его, разогнать его печальныя мысли. Онъ зналъ, что Императоръ всегда выказывалъ большое расположеніе къ схимникамъ, которые вели самую строгую аскетическую жизнь и старались подражать древнимъ пустынникамъ.

— У насъ съ нѣкотораго времени, сказалъ вдругъ Серафимъ: живетъ почтенный схимникъ. Не угодно-ли Вашему Величеству, чтобы я позвалъ его?

— Хорошо! сказалъ Императоръ: я съ удовольствіемъ взгляну на него и попрошу его помолиться за меня.

Минуту спустя, явился почтенный старецъ съ пророческимъ взглядомъ, истощенный строгою жизнью, которая преждевременно провела морщины на его лицѣ.

Александръ ласково принялъ его, поговорилъ нѣсколько минутъ и попросилъ его благословенія. Онъ хотѣлъ уже отправиться, когда схимникъ, идя впереди его, попросилъ его удостоить посѣщеніемъ бѣдную его келью.

Эта келья находилась тутъ же на дворѣ, — на пути Императора, который не могъ отказать схимнику въ его просьбѣ. Александръ былъ пораженъ изумленіемъ, проникнувъ въ узкое жилище стараго отшельника.

Келья его была вся обтянута чернымъ сукномъ; деревянныя почернѣвшія скамьи стояли кругомъ; огромное распятіе стояло на заднемъ фонѣ противъ стѣны, и лампада, горѣвшая день и ночь передъ образами святыхъ, одна освѣщала эту преждевременную могилу.

Схимникъ, повергнувшись ницъ предъ распятіемъ, важнымъ и торжественнымъ тономъ сказалъ Императору: « Государь, помолимся! » Послѣ произнесенной тихимъ голосомъ молитвы, онъ пригласилъ Императора и митрополита сѣсть на скамьяхъ и предаться краткому размышленію предъ распятіемъ. Александръ съ трудомъ уговорилъ отшельника самого сѣсть на почтительномъ отъ него разстояніи.

— Какъ его зовутъ? спросилъ Императоръ на ухо у митрополита.

— Александръ! отвѣчалъ тихо Серафимъ: онъ безпрестанно постится и молится; просто чудо, что онъ живетъ такъ, почти безъ пищи, воздуха и сна.

— Въ самомъ дѣлѣ, возразилъ Императоръ: если онъ и спитъ здѣсь, то я не вижу постели.... Здѣсь нѣтъ даже соломы, чтобы лечь на полу!...

— Государь, — прервалъ монахъ, слышавшій разговоръ Александра съ митрополитомъ: у меня есть постель, ко-

торая стоитъ другой: подойди, я покажу тебѣ ее, прежде чѣмъ Богъ пошлетъ тебѣ подобную.

Произнеся эти слова гробовымъ голосомъ, онъ направился къ одному изъ угловъ своей кельи и приподнялъ черное сукно, скрывавшее маленькій уголокъ, въ которомъ находился черный полуоткрытый гробъ, содержащій въ себѣ саванъ и окруженный зажженными свѣчами. Императоръ отступилъ шагъ назадъ при этомъ печальномъ зрѣлищѣ.

— Вотъ моя постель, Государь! вскричалъ монахъ, котораго благочестивая экзальтація болѣе уже не сдерживалась. Это не только моя постель, Государь, но и всѣхъ насъ. Всѣ мы, Государь, рано или поздно ляжемъ въ нее на долгій и послѣдній сонъ.

Александръ, на котораго эта неожиданная сцена произвела сильное впечатлѣніе, хранилъ молчаніе. Схимникъ, который постепенно доходилъ до экстаза, съ блуждающими глазами, ударяя себя въ грудь кулакомъ, обратился къ Императору съ слѣдующею странною рѣчью:

— Государь, я старъ и видалъ разныя вещи на этомъ свѣтѣ: поэтому слушай слова мои. До большой моровой язвы въ Москвѣ въ 1771 году, нравы были чисты и народъ былъ благочестивѣе. Послѣ моровой язвы, святая Русь развратилась. 1812 годъ привелъ съ собою время покаянія и исправленія; но по окончаніи войны зло еще болѣе усилилось. Ты нашъ государь и господинъ; тебѣ ввѣрено охраненіе общественныхъ нравовъ; ты сынъ православной церкви и защитникъ святой вѣры, и потому долженъ охранять ее отъ всѣхъ нападеній. Такова воля Бога, Царя Царей.

Эта безсвязная рѣчь, произнесенная съ дикимъ краснорѣчіемъ, произвела сильное дѣйствіе на мистическое и суевѣрное воображеніе Александра. Онъ чувствовалъ, что, вопреки своему желанію, перешелъ въ эпоху г-жи Крюденеръ, и воспоминанія этой эпохи, уже очень отдаленной, возбудили всю

его религіозную чувствительность. Онъ оставилъ келью Александра, еще разъ испросивъ его благословенія.

— Этотъ схимникъ пророкъ, сказалъ онъ митрополиту. Какъ я жалѣю, что раньше его не встрѣтилъ. Онъ далъ бы мнѣ мудрые и драгоцѣнные совѣты; онъ помолился бы за меня.... Никогда торжественныя рѣчи не приносили мнѣ такого удовольствія, какъ простая и наивная рѣчь этого старца!... Эти слова исходятъ съ неба.... О! я возвращусь послушать его, если Богъ поможетъ!....

Онъ перешелъ черезъ дворъ между двумя рядами монаховъ, молившихся за него; онъ вошелъ въ свою коляску и, стоя прямо, съ открытою головою, поднявъ глаза къ небу, сказалъ присутствующимъ:

— Любезные братья мои въ Іисусѣ Христѣ, молитесь за меня, молитесь за Императрицу!

Онъ далъ, какъ бы противъ воли, своему кучеру Ильѣ знакъ ѣхать, и коляска удалилась отъ монастыря въ ту минуту, какъ на монастырскихъ часахъ пробило 5 часовъ.

День насталъ, и куполы церквей блестѣли при первыхъ лучахъ солнца. Александръ оборотился еще разъ къ большому городу, который убѣгалъ позади его, и искалъ взорами между этого множества куполовъ и позолоченныхъ шпицовъ колокольню Петропавловскаго Собора, въ которомъ погребены были всѣ его предки, начиная съ Петра Великаго, который основалъ эту церковь посреди крѣпости, чтобы сдѣлать ее мѣстомъ погребенія Русскихъ царей.

Онъ предчувствовалъ тогда, съ спокойнымъ и кроткимъ самоотверженіемъ, что не замедлитъ воротиться въ свою столицу, чтобы занять тамъ около своего отца, Павла I, постель, подобную той, какую показалъ ему монахъ Александръ. Ему чудилось, что онъ слышитъ похоронный звонъ колоколовъ Петропавловскаго Собора.

Онъ прибылъ утромъ въ Царскосельскій дворецъ, гдѣ собрались всѣ члены Императорской фамиліи, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ нимъ, но онъ старался какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ этихъ прощаній, сильно волновавшихъ его. Онъ ввѣрялъ свою Августѣйшую мать внимательнымъ попеченіямъ своихъ братьевъ и невѣстокъ и въ тоже время просилъ Императрицу-мать держать въ своихъ рукахъ государственную власть и замѣнять его въ случаѣ нужды.

Императрица Елисавета должна была отправиться только чрезъ два дня послѣ него: онъ нѣжно просилъ ее, какъ можно менѣе утомляться во время этого долгаго путешествія и чаще отдыхать на дорогѣ.

Онъ выразилъ самую искреннюю привязанность Великой Княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

—Вы, конечно, будете писать брату Николаю прежде моего, дружески сказалъ онъ ей: напомните ему, что я на него разсчитываю.

Онъ казался разсѣяннымъ: постоянная идея, болѣе прежняго его занимавшая, казалось, отражалась во всѣхъ его словахъ, какъ предвѣстіе близкой смерти.

Еще наканунѣ, когда солнце вдругъ померкло, Александръ, писавшій письмо, спросилъ огня; его камердинеръ заставилъ его нѣсколько разъ повторить это приказаніе, прежде чѣмъ принесъ двѣ зажженныя свѣчи; но, когда солнце снова появилось во всемъ своемъ блескѣ, камердинеръ быстро вошелъ въ кабинетъ Императора и снялъ свѣчи, не получивъ на это приказанія.

— Что ты дѣлаешь, Ѳедоръ? сказалъ ему съ удивленіемъ Императоръ: ты долженъ былъ по крайней мѣрѣ подождать, пока я кончу писать!

— Государь! возразилъ старый слуга, который привыкъ смѣло говорить съ своимъ Августѣйшимъ Господиномъ: этого не должно быть. Наши отцы считали дурною примѣтою употребленіе свѣчей среди дня.

— Хорошо; я этого не зналъ, но почему же ты видишь въ этихъ зажженныхъ свѣчахъ дурную примѣту?

— Потому что комната, такимъ образомъ освѣщенная во время дня, походитъ на комнату покойника.

Императоръ наклонилъ голову и не отвѣчалъ; камердинеръ поспѣшилъ унести свѣчи.

Александръ не хотѣлъ брать съ собою многочисленную свиту: онъ сѣлъ въ свою коляску съ докторомъ Уайлисомъ, котораго онъ избралъ своимъ спутникомъ.

Позади его ѣхала другая коляска, въ которой находились: князь Петръ Волконскій, одинъ изъ друзей дѣтства Императора, и баронъ Дибичъ, его первый генералъ-адъютантъ; но Александръ, въ своихъ путешествіяхъ по степямъ Россіи, требовалъ отъ своихъ кучеровъ столь необыкновенной быстроты, что его экипажъ всегда на нѣсколько верстъ опережалъ экипажи его свиты.

Немногіе генералы и придворные Императора получили позволеніе сопровождать его. Графъ Михаилъ Воронцовъ, генералъ-губернаторъ Новой Россіи, отправился впередъ, чтобы приготовить пріемъ Императору въ Таганрогѣ.

Императрица отправилась въ путь только 15-го сентября и хотя обѣщала своему супругу путешествовать не слишкомъ скоро, однако проѣхала 456 лье въ 18 дней: такъ она спѣшила соединиться и болѣе не разлучаться съ нимъ.

XXI.

Императоръ Александръ прибылъ въ Таганрогъ 26 сентября, за 8 дней прежде Императрицы; онъ имѣлъ время окончить на своихъ глазахъ работы, которыя онъ приказалъ исполнить въ видахъ предусмотрительности, чтобы его Августѣйшая супруга имѣла удобное и пріятное помѣщеніе, гдѣ бы она могла провести зиму, не слишкомъ сожалѣя о своемъ С.-Петербургскомъ дворцѣ.

Императрица, входя въ это новое жилище, которое отдѣлано было по образцу ея жилища въ Царскомъ Селѣ, могла воображать, что находится все въ томъ же императорскомъ дворцѣ, котораго ей не суждено было болѣе видѣть. Она была такъ счастлива, что «Императоръ теперь принадлежитъ ей одной», что уже не чувствовала себя больною, и что ея медики могли льстить себя надеждою вылечить ее.

Императоръ съ своей стороны чувствовалъ себя какъ нельзя лучше отъ этой перемѣны воздуха, діэты и образа жизни; онъ всегда былъ меланхолически настроенъ, но почти всегда побѣждалъ свои предчувствія и уже начиналъ надѣяться на хорошіе результаты своего путешествія.

Его физическія силы замѣтно поправлялись; онъ чувствовалъ себя въ состояніи предпринимать продолжительныя прогулки пѣшкомъ или верхомъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости. Онъ съ жаромъ принялся снова за работу и посвящалъ вечеромъ и утромъ по нѣскольку часовъ на занятіе государственными дѣлами, потому что каждый день получалъ черезъ курьера портфель, содержавшій корреспонденцію его министровъ.

Мысль о смерти, которую онъ силился отогнать отъ себя, однако не разъ посѣщала его во время путешествія; онъ узналъ почти въ одно и тоже время, что министръ народнаго просвѣщенія, старый адмиралъ Шишковъ, лишился жены, и что графъ Гурьевъ, министръ удѣловъ, умеръ вслѣдствіе тяжкой болѣзни. Онъ поспѣшилъ написать соболѣзновательныя письма обоимъ семействамъ покойныхъ.

Только рескриптъ на имя адмирала Шишкова былъ обнародованъ; онъ проникнутъ религіозными чувствами, наполнявшими душу Александра:

«Съ живѣйшею горестью узналъ Я о смерти Вашей супруги. Я искренно раздѣляю Вашу печаль, желая, чтобы Вы переносили ее терпѣливо, покоряясь святой волѣ Всемогущаго, и чтобы увѣренность въ Его милосердіи служила Вамъ утѣшеніемъ.

«Вамъ преданный

Александръ».

«Таганрогъ, 25 сентября 1825 года».

Пребываніе въ Таганрогѣ, какъ ни было оно однообразно, нравилось Императору и Императрицѣ. Она каждый день прогуливалась въ каретѣ съ своимъ Августѣйшимъ супругомъ и любила принимать на пути знаки искренней симпатіи русскихъ и иностранныхъ жителей.

Городъ этотъ, котораго народонаселеніе простиралось тогда до 10,000 человѣкъ, имѣлъ оживленный и веселый видъ. Климатъ былъ бы очень благопріятенъ для здоровья Императрицы, еслибы осеннее время не привело съ собою дождей и тумановъ, за которыми слѣдовали еще болѣе нездоровые восточные вѣтры.

Императоръ скоро началъ скучать въ стѣнахъ этого маленькаго городка, гдѣ вмѣсто всѣхъ удовольствій занимался разбивкою общественнаго сада по плану англійскаго архитектора, котораго выписалъ изъ С.-Петербурга. Не смотря на

просьбы Императрицы, которая хотѣла осудить его на сидячую жизнь, онъ дѣлалъ въ октябрѣ различныя поѣздки за пятьдесятъ или шестьдесятъ лье отъ Таганрога.

Онъ объѣхалъ берега Азовскаго моря до устья Дона и, поднявшись вверхъ по этой рѣкѣ, посѣтилъ Ростовъ и Нахичевань, проѣхалъ землю донскихъ казаковъ, останавливался въ главныхъ селеніяхъ или станицахъ этихъ воиновъ-земледѣльцевъ и возвратился черезъ старый Черкасскъ въ крѣпость Азовъ.

Эта поѣздка принесла ему весьма большое удовольствіе: вездѣ принимали его съ восторгомъ и уваженіемъ; онъ путешествовалъ одинъ въ телѣгѣ или тарантасѣ со своимъ медикомъ Уайлисомъ, и ни разу не подумалъ, что на дорогѣ можетъ встрѣтить угрожавшихъ ему заговорщиковъ. Онъ все таки предполагалъ отправиться въ Курскъ и лично искать тамъ слѣды тайныхъ обществъ, обозначенныхъ въ донесеніяхъ Шервуда.

Послѣ его возвращенія въ Таганрогъ, графу Михаилу Воронцову не трудно было убѣдить его поѣхать въ Крымъ, самую прекрасную, плодородную и богатую провинцію Имперіи, которую онъ вовсе не посѣщалъ во время своего быстраго путешествія въ 1818 году, и которая съ того времени почти преобразилась подъ дѣятельнымъ и отеческимъ управленіемъ графа Михаила Воронцова.

Это путешествіе Императоръ предположилъ, не говоря ни кому, еще тогда, когда рѣшился ѣхать въ Таганрогъ: онъ хотѣлъ помолиться на могилѣ г-жи Крюденеръ, которая умерла въ Карасу-базарѣ въ декабрѣ 1824 года; онъ хотѣлъ также распросить княгиню Анну Голицыну, которая жила въ Курейсѣ и которая слышала послѣднія слова умирающей предсказательницы.

Императрица напрасно старалась воспрепятствовать этому путешествію, которое вызывало въ ней сильнѣйшія безпокой-

ства, ибо она знала, какъ опасно находиться осенью въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крыма, по причинѣ господствующихъ тамъ въ это время года эпидемическихъ лихорадокъ. Ея просьба и слезы не поколебали рѣшенія Императора, который обѣщалъ только сократить срокъ своего отсутствія и ограничить его 17-ю днями. Князь Петръ Волконскій долженъ былъ оставаться около Императрицы, а графъ Михаилъ Воронцовъ сопровождать Императора, который взялъ съ собою только своего врача Уайлиса и нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты.

Изъ Таганрога отправились 1 ноября (20 окт. ст. стиля). Таврическій гражданскій губернаторъ, Нарышкинъ, едва успѣлъ приготовить подставныхъ лошадей на пути Императора. Должно было провести нѣсколько ночей въ степи и принять гостепріимство нѣмецкихъ анабаптистскихъ колоній, обратившихъ эти пустыни въ плодородныя поля.

Только 5 ноября (25 окт.) прибыли въ Симферополь, — правительственный центръ Тавриды, гдѣ Императоръ провелъ ночь.

Александръ уже утомился отъ своего путешествія по громаднымъ равнинамъ, которыя дѣлаются въ это время года особенно нездоровыми отъ испареній Гнилаго моря; онъ спѣшилъ прибыть въ тотъ земной рай, который называется южнымъ берегомъ, и который, будучи защищенъ отъ сѣверныхъ восточныхъ вѣтровъ и усаженъ виноградниками, походитъ на самыя лучшія мѣстности Греціи и Италіи.

Но особенно онъ желалъ видѣть старую княгиню Голицыну, подругу покойной г-жи Крюденеръ.

Императоръ, чтобы выиграть время, проѣхалъ 35 верстъ верхомъ по дорогамъ, едва проложеннымъ въ горахъ, тогда какъ его карета и свита отправились дожидаться его въ Байдаръ, гдѣ онъ могъ соединиться съ ними только четыре дня спустя.

Эта долгая дорога, на которой нужно было безпрестанно взбираться и спускаться по краю пропастей, была трудна для

Августѣйшаго путешественника, который страдалъ отъ зноя и жажды: онъ освѣжался плодами, которые причинили у него потомъ разстройство желудка.

Остановились очень поздно въ Юрсуфѣ, имѣніи графа Воронцова, и остались тамъ до утра. Александръ уже былъ утомленъ, когда отправился въ великолѣпный дворецъ, построенный графомъ Воронцовымъ на берегу моря около селенія Алушки. Графъ по царски принялъ его въ этомъ очаровательномъ жилищѣ, которое справедливо называли чудомъ Крыма.

Нѣсколькихъ дней отдыха было бы достаточно для полнаго возстановленія здоровья Императора, но онъ началъ тотчасъ же прогулки пѣшкомъ и верхомъ, по окрестностямъ Алупки; прежде всего онъ посѣтилъ лежащія по сосѣдству съ Алупкою татарскія селенія: Мискоръ, имѣніе Нарышкиныхъ; Ливадію, принадлежащую графу Потоцкому, и очаровательное помѣстье Оріанду, которую онъ обмѣнялъ съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, чтобы подарить ее Императрицѣ. Графъ Воронцовъ всюду сопровождалъ его.

Императоръ съ нетерпѣніемъ желалъ видѣть себя вполнѣ свободнымъ: онъ объявилъ, что отправится одинъ къ княгинѣ Голицыной, которая основала въ горахъ земледѣльческую колонію и жила тамъ среди своихъ швейцарскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Ему возражали, что въ это время въ имѣніи Княгини свирѣпствуетъ губительная лихорадка. но онъ ничего не слушалъ и взялъ съ собою только одного слугу, чтобы тотъ показывалъ ему дорогу; отправляясь, онъ объявилъ, что пробудетъ въ дорогѣ два, три дня.

Въ самомъ дѣлѣ, княгиня Анна Голицына, которую онъ предупредилъ на счетъ своего посѣщенія, приняла его въ Курейсѣ, гдѣ она предполагала провести свою жизнь въ упражненіяхъ мистической религіи, подобной квіетизму г-жи Гюйонъ. Онъ пробылъ съ нею наединѣ нѣсколько часовъ; княгиня долго говорила ему объ г-жѣ Крюденеръ. передала ему по-

слѣднія слова этой иллюминатки и оставленныя ею бумаги. Г-жа Крюденеръ умерла въ Карасубазарѣ и похоронена была тамъ же. Александръ далъ обѣщаніе пойдти помолиться на ея могилѣ, и дѣйствительно отправился туда, не смотря на дальнее разстояніе.

Онъ прибылъ въ этотъ маленькій татарскій городокъ вечеромъ, инкогнито, — съ туземцемъ, которому княгиня Голицына поручила быть его проводникомъ; онъ заставилъ отворить себѣ церковь и показать мѣсто, и пробылъ около часу на молитвѣ въ этой холодной и сырой церкви.

Выйдя оттуда, онъ почувствовалъ первый припадокъ лихорадки; онъ отправился однако снова въ дорогу и ѣхалъ часъ ночи при свѣтѣ луны, но потомъ, утомленный и истощенный, принужденъ былъ остановиться въ хижинѣ горца.

Онъ былъ взволнованъ и потому не могъ заснуть, всталъ рано и поспѣшилъ возвратиться въ Курейсъ къ княгинѣ Голицыной, съ которою имѣлъ опять продолжительный разговоръ. Понятно, что главною его темою была г-жа Крюденеръ.

Когда Императоръ возвратился наконецъ во дворецъ графа Воронцова, всѣ очень обезпокоились; его врачъ Уайлисъ, отъ имени Императрицы Елисаветы, упрекалъ его въ неосторожномъ обращеніи съ своимъ здоровьемъ. Александръ много и съ удовольствіемъ говорилъ о своей прогулкѣ въ Курейсъ, но умолчалъ о своемъ путешествіи въ Карасубазаръ.

Затѣмъ отправился онъ въ каретѣ въ Севастополь съ барономъ Дибичемъ, который присоединился къ нему для того, чтобы посѣтить съ нимъ этотъ большой строющійся военный портъ. Не смотря на свою усталость и плохое здоровье, онъ пожелалъ видѣть мимоѣздомъ гавань Балаклаву и посѣтить знаменитый монастырь Св. Георгія. 12-го ноября (1-го ноября) онъ прибылъ въ 9 часовъ вечера въ Севастополь и отправился, по своему обыкновенію, помолиться въ соборъ.

Другой день былъ утомителенъ, но Императоръ довольно хорошо вынесъ его, подъ вліяніемъ лихорадочной экзальтаціи. Онъ присутствовалъ при спускѣ на море новаго корабля, дѣлалъ смотръ, осмотрѣлъ казармы и госпитали, обѣдалъ со всѣми флотскими офицерами, и потомъ, до поздней ночи, работалъ съ барономъ Дибичемъ. На слѣдующій день онъ посѣтилъ крѣпость и тщательно осмотрѣлъ укрѣпленія, назначенныя защищать входъ въ эту прекрасную гавань.

Императоръ скрывалъ свою слабость и болѣзнь, но ея знаки видны были на его лицѣ.

Онъ отправился въ Бахчисарай, прежнюю столицу Крымскихъ хановъ, намѣреваясь одинъ день отдохнуть тамъ, но, вопреки своему желанію, пустился посѣщать синагоги, монастыри, церкви. Вечеромъ онъ ослабъ и былъ какъ бы неспособенъ тронуться съ мѣста.

— Я хотѣлъ бы теперь быть въ Таганрогѣ, сказалъ онъ доктору Уайлису: Императрица теперь извѣщена о смерти своего зятя Максимиліана, короля Баварскаго, и я боюсь, чтобъ эта непріятная новость не слишкомъ сильно ее тронула; при томъ же я самъ чувствую себя не слишкомъ хорошо....

Докторъ воспользовался этимъ открытіемъ со стороны Императора для того, чтобы понудить его слѣдовать діэтѣ, которая бы могла въ скоромъ времени возстановить его здоровье, истощенное путешествіемъ.

— Я не вѣрю вашимъ микстурамъ, Уайлисъ, отвѣчалъ Императоръ, который сдѣлался задумчивымъ и безпокойнымъ. Впрочемъ, моя жизнь въ рукахъ Божіихъ, и ничто не отвратитъ отъ меня его волю. Поэтому не говорите мнѣ больше о леченіи.

Недугъ развивался медленно, но серьезно; Императоръ безпрестанно дремалъ въ своей каретѣ, или погруженъ былъ въ безмолвное размышленіе. Онъ продолжалъ однакоже свое путешествіе, не стараясь избѣгать скучныхъ оффиціальныхъ

пріемовъ въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ останавливался на западномъ берегу Крыма.

Прибывъ въ Перекопъ, онъ понялъ, что у него не хватитъ силъ доѣхать до Таганрога, если онъ не поспѣшитъ возвращеніемъ. Поэтому онъ нигдѣ болѣе не останавливался, проѣзжая съ чрезвычайною быстротою Ногайскую степь и землю Донскихъ казаковъ. Онъ полулежалъ въ каретѣ и постоянно дремалъ, погруженный въ свои мрачныя мысли.

— Слава Богу! сказалъ онъ своему врачу, приближаясь къ Таганрогу: я доѣду!

Онъ пріѣхалъ въ Таганрогъ 17-го ноября; въ тоже утро своею рукою написалъ онъ Императрицѣ-матери, что окончилъ свое путешествіе по Крыму, но что получилъ лихорадку, отъ которой впрочемъ при нѣкоторой заботливости можетъ легко избавиться. Императрица Елисавета послала къ нему на встрѣчу князя Волконскаго.

— Каково здоровье Вашего Величества? спросилъ съ безпокойною заботливостью князь.

— Довольно хорошо! отвѣчалъ Императоръ, котораго лицо разувѣряло въ справедливости его словъ. Впрочемъ, я схватилъ въ Крыму небольшую лихорадку, и, не смотря на столь хваленый климатъ этой прекрасной страны, я радуюсь, что избралъ Таганрогъ мѣстопребываніемъ Императрицы.

Императрица Елисавета была очень рада, что снова видитъ Императора, но нашла, что онъ перемѣнился, и нѣжно упрекала его за то, что не заботился, какъ слѣдуетъ, о своемъ здоровьѣ.

Они провели вечеръ вмѣстѣ. Удовольствіе быть вмѣстѣ съ своей дорогой больною заставило Императора забыть, что онъ больше ея боленъ.

На другой день онъ подумалъ, что его крѣпкое сложеніе восторжествуетъ надъ болѣзнью, онъ проработалъ часть дня въ своемъ кабинетѣ; но вечеромъ явился сильный лихорадочный припадокъ.

На слѣдующій день онъ былъ довольно спокоенъ и принималъ генералъ-лейтенанта графа Витта, который только что прибылъ изъ военныхъ поселеній Малороссіи.

Графъ Виттъ, потомокъ знаменитаго голландскаго Витта, былъ одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ русской арміи: онъ былъ главнымъ начальникомъ кавалерійскихъ полковъ, колонизованныхъ въ Малороссіи, и, благодаря его прекрасному управленію, эти военныя колоніи процвѣтали гораздо болѣе, чѣмъ колоніи пѣхотныхъ полковъ, находившихся подъ начальствомъ графа Аракчеева.

Этотъ генералъ открылъ существованіе обширнаго заговора, составлявшагося въ арміи противъ Императорскаго правительства, и донесъ объ немъ Императору.

Вслѣдствіе этихъ переговоровъ съ графомъ Виттомъ Александръ пришелъ въ сильное волненіе, которое усилилось до того, что лихорадка явилась еще сильнѣе, чѣмъ наканунѣ. Уайлисъ непремѣнно хотѣлъ дѣйствовать противъ этой лихорадки хининомъ.

— Другъ мой, сказалъ ему Императоръ: намъ нужно заняться моими нервами, потому что они находятся въ ужасномъ безпорядкѣ.

— Увы! печально отвѣчалъ докторъ: у царей это бываетъ чаще, чѣмъ у самаго простаго человѣка.

— Да, въ особенности у меня, возразилъ Императоръ: причинъ на это очень много, и въ эту минуту больше, чѣмъ во всякую другую.

Вечеромъ генералъ-майоръ артиллеріи Арнольди, который былъ военнымъ начальникомъ въ Таганрогѣ, пришелъ во дворецъ, чтобы узнать пароль. Императора, который, казалось, заснулъ, не смѣли разбудить. Вокругъ него говорили тихо; онъ услыхалъ, что говорили, и назначилъ пароль: «Таганрогъ».

Вдругъ онъ открылъ глаза и приказалъ подозвать къ дивану, на которомъ лежалъ, генералъ-майора Арнольди.

— Знаешь ты полковника Пестеля? спросилъ онъ у него.

— Государь, это мой шуринъ, отвѣчалъ заминаясь Арнольди: онъ весьма храбрый офицеръ.

— Это революціонеръ, прервалъ Императоръ: онъ скрываетъ преступные замыслы; я за нимъ смотрю!

Начиная съ 19 ноября, роковой годовщины ужаснаго наводненія, бывшаго въ предыдущемъ году въ С.-Петербургѣ, болѣзнь развивалась сильно, и медики напрасно старались ее остановить. Это была тифозная горячка, и докторъ Уайлисъ не скрывалъ отъ Императрицы, что катастрофа была близка.

Императоръ не имѣлъ болѣе силы написать и продиктовать письмо: онъ уполномочилъ князя Волконскаго написать Императрицѣ-матери, а барона Дибича Великому Князю Константину, чтобы извѣстить ихъ о его положеніи, которое съ каждымъ днемъ становилось хуже.

Императрица имѣла мужество предложить Августѣйшему больному принять напутствіе. Императоръ нѣжно поблагодарилъ ее и отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ послѣдуетъ ея совѣту.

Онъ снова сдѣлался спокойнымъ и твердымъ и велѣлъ позвать своего врача.

— Мнѣ совѣтуютъ пріобщиться! важно сказалъ онъ ему. Дѣйствительно-ли болѣзнь такъ серьезна?

— Да, государь, отвѣчалъ Уайлисъ, залившись слезами. Въ эту минуту я говорю съ Вами не какъ врачъ, а какъ христіанинъ; мой долгъ объявить Вамъ, что мы не можемъ терять ни минуты.

Императоръ взялъ его за руки и сжалъ ихъ въ своихъ рукахъ, которыхъ влажность возвѣщала приближеніе лихорадочнаго припадка. Пріобщеніе отложили до слѣдующаго дня.

Императрица не покидала изголовья постели Императора, который по временамъ былъ въ бреду; онъ вскрикивалъ со стономъ: «Ахъ, чудовища, неблагодарные! Я хотѣлъ только ихъ же счастія!» Иногда, обращаясь къ доктору Уайлису,

онъ говорилъ ему съ огорченіемъ: «другъ мой, такъ какъ они поклялись въ моей смерти, то пусть дѣлаютъ, что хотятъ».

Къ утру состояніе больнаго до того ухудшилось, что Императрица послала за священникомъ. Вскорѣ протоіерей Федотовъ вошелъ въ комнату съ крестомъ въ рукѣ.

Александръ, увидавъ его, удалилъ Императрицу, сказавъ ей: «Я долженъ остаться одинъ».

Когда всѣ удалились, онъ сказалъ: «Потрудитесь сѣсть, батюшка, забудьте здѣсь о Величествѣ и обращайтесь со мною просто, какъ съ кающимся». Исповѣдь продолжалась болѣе часа. Императоръ пожелалъ пріобщиться въ присутствіи своей жены.

Этотъ трогательный обрядъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

— Никогда не чувствовалъ я, сказалъ онъ, обращаясь къ Елисаветѣ: такого внутренняго довольства; я отъ души благодарю васъ за это.

Докторъ Уайлисъ не имѣлъ болѣе надежды; однако, вмѣстѣ съ докторомъ Штроффрегеномъ, врачемъ Императрицы, и съ врачемъ главнаго штаба Александровичемъ, онъ попытался еще произвести благопріятный кризисъ посредствомъ употребленія піявокъ.

Императоръ рѣшился на это съ неохотою, только по просьбѣ Императрицы; онъ вдругъ примѣтилъ, что рожа, которая была у него на ногѣ и которой слѣды всегда были замѣтны, наканунѣ совсѣмъ исчезла. Тогда онъ прошепталъ: «Я умру такъ-же, какъ и сестра!» Онъ намекалъ этимъ на смерть великой княгини Екатерины, королевы Виртембергской, воспослѣдовавшую въ 1819 году.

Онъ оставался почти безъ сознанія весь день 28 числа (16-го) и не подавалъ признака жизни; пульсъ у него бился 125 разъ въ минуту. Къ вечеру онъ открылъ глаза и искалъ около себя жену, и, найдя ее, пожалъ ей улыбаясь руки.

— Какой прекрасный день! со вздохомъ сказалъ онъ ей. Должно быть, вы очень устали! прибавилъ онъ, смотря на нее съ нѣжностью.

Тогда блеснулъ для всѣхъ лучъ надежды. Доктора стали думать, что природа взяла верхъ надъ болѣзнью. Эта хорошая новость наполнила радостью Императрицу Елисавету, и она тотчасъ же сообщила ее Императрицѣ-матери, къ которой каждый день отправляла въ С.-Петербургъ нарочнаго курьера.

Вотъ конецъ трогательнаго письма, которое Императрица написала на глазахъ Императора: «Милая Maman, я воображаю себѣ Ваши безпокойства; Вы видѣли изъ получаемыхъ Вами извѣстій, что было съ нами вчера и даже нынѣшнею ночь!... Самъ г. Уайлисъ говоритъ, что состояніе нашего больнаго удовлетворительно, но онъ до чрезвычайности слабъ. Признаюсь Вамъ, что я совсѣмъ потеряла голову!... Не могу писать Вамъ болѣе. Молитесь съ нами, молитесь съ 50-ю милліонами человѣкъ, чтобы Богъ соблаговолилъ исцѣлить нашего любезнаго больнаго!»

Ночью появилось опять забытье, сопровождаемое конвульсивными движеніями и прерывистыми словами. Угрожающіе симптомы снова появились. Врачи объявили, что смерть неизбѣжна.

Князь Волконскій почтительно старался удалить Императрицу отъ столь печальнаго зрѣлища; онъ хотѣлъ, отъ имени Императора, увести ее въ другой домъ, для нея приготовленный.

— Я убѣждена, что вы сострадаете моему горю, сказала она ему рыдая: вы понимаете все, что я терплю, потому что знаете мои чувства къ Императору.... Поэтому, умоляю васъ, не разлучайте меня съ нимъ, пока все не будетъ кончено!

Баронъ Дибичъ былъ единственный человѣкъ, которому Александръ передалъ, въ началѣ своей болѣзни, все то, что

узналъ объ ужасномъ заговорѣ, грозившемъ вмѣстѣ и его жизни и его коронѣ. Драгоцѣнныя свѣдѣнія, изустно сообщенныя графомъ Виттомъ Императору, были подтверждены почти немедленно прибытіемъ различныхъ донесеній полиціи, сообщавшихъ подробныя свѣдѣнія о планахъ заговорщиковъ и объ ихъ средствахъ. По словамъ этихъ донесеній, прибывшихъ съ различныхъ концовъ Имперіи, Императора рѣшено было убить въ Таганрогѣ же.

Александръ былъ слишкомъ боленъ, и потому Дибичъ не могъ посовѣтоваться съ нимъ на счетъ мѣръ, которыя должно было бы принять въ этомъ рѣшительномъ обстоятельствѣ. Этотъ вѣрной слуга немедленно распорядился, подъ своею личною отвѣтственностью, всѣмъ тѣмъ, что могло воспрепятствовать дѣйствію тайныхъ обществъ и произвести замѣшательство между заговорщиками. Однако онъ не рѣшился до смерти Императора уѣхать изъ Таганрога.

Утромъ 1-го декабря (19 ноября стар. стиля) онъ находился, вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ, возлѣ смертнаго одра Августѣйшаго больнаго, который уже не говорилъ, но казалось, былъ въ полномъ сознаніи. Угасающіе взоры Императора оживились и съ особеннымъ выраженіемъ остановились на Дибичѣ, державшемъ въ рукахъ пакетъ писемъ: этими взорами онъ какъ бы спрашивалъ генерала и понималъ его безмолвный отвѣтъ.

Ему оставалось жить только нѣсколько минутъ; онъ далъ знакъ Императрицѣ приблизиться, поцѣловалъ еще разъ ея руку, потомъ его вѣки закрылись, и онъ снова впалъ въ летаргію. Въ 10 часовъ 50 минутъ слабый вздохъ возвѣстилъ, что онъ испустилъ духъ.

Императрица Елисавета, задушаемая рыданіями, закрыла ему глаза, перекрестила, поцѣловала его въ послѣдній разъ, и, устремивъ взоры на святую икону, сказала: «Господи, прости мнѣ грѣхи мои! Твоему всемогуществу угодно было отнять

его у меня!» Потомъ она закрыла лицо руками и твердымъ, но медленнымъ, шагомъ отправилась въ свои покои.

Черезъ нѣсколько минутъ она писала Императрицѣ-матери слѣдующее трогательное письмо:

«Maman, нашъ ангелъ на небесахъ, а я еще прозябаю на землѣ! Кто могъ подумать, что я, слабая, больная, переживу его? Не оставляйте меня потому, что я совершенно одинока въ этомъ мірѣ скорбей.... Нашъ любезный усопшій лежитъ съ своимъ добрымъ выраженіемъ лица; его улыбка доказываетъ мнѣ, что онъ счастливъ и видитъ вещи лучшія, чѣмъ здѣсь.... Единственное мое утѣшеніе въ этой невозвратной потерѣ состоитъ въ томъ, что я не переживу своего возлюбленнаго супруга. Я надѣюсь вскорѣ соединиться съ нимъ!»

XXII.

Великій Князь Михаилъ былъ въ Варшавѣ у своего брата Константина съ 20 (8-го) ноября.

Согласно желанію Императора, онъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга только тогда, когда Великій Князь Николай и Императрица-мать возвратились въ эту столицу. Онъ разсчитывалъ пробыть въ Польшѣ до конца года, а можетъ быть и больше, не смотря на искреннюю привязанность къ своему семейному кружку. Его восторженная любовь къ Цесаревичу была сильнѣе всего, и онъ нигдѣ не чувствовалъ себя такъ счастливымъ, какъ въ обществѣ этого достойнаго брата.

Константинъ, возвратившійся изъ Дрездена, чтобы принять брата, встрѣтилъ его еще съ большимъ радушіемъ чѣмъ обыкновенно. Онъ не щадилъ ничего, чтобы засвидѣтельствовать ему удовольствіе, доставляемое его присутствіемъ.

Каждый день были смотры и парады, на которыхъ они присутствовали вмѣстѣ, раздѣляя между собой команду; каждый вечеръ были праздники, балы и концерты въ Бельведерскомъ дворцѣ.

Княгиня Ловичъ предпочитала этимъ блестящимъ оффиціальнымъ пріемамъ интимныя собранія небольшаго кружка, гдѣ она высказывала всѣ прекрасныя качества своего ума и сердца. Ей не трудно было вызвать въ Великомъ Князѣ Михаилѣ симпатію и удивленіе къ себѣ. Онъ любилъ ее какъ сестру.

— Вы въ самомъ дѣлѣ царица Польши, говорилъ онъ ей: чѣмъ болѣе вы скрываетесь, тѣмъ болѣе угадываешь

ваше существованіе и ваши труды на пользу вашихъ подданныхъ.

Но Великій Князь Константинъ казался озабоченнымъ и сосредоточеннымъ; онъ часто избѣгалъ отвѣтовъ на вопросы своего брата, или отговаривался какимъ нибудь правительственнымъ затрудненіемъ.

Великій Князь Михаилъ приписывалъ это мрачное и печальное настроеніе брата донесеніямъ полиціи, открывшимъ Цесаревичу существованіе тайныхъ обществъ въ польской арміи, но не давшихъ ему точнаго понятія объ ихъ организаціи и начальникахъ.

Княгиня Ловичъ замѣтила, съ своей стороны, печаль, внезапно овладѣвшую Великимъ Княземъ Константиномъ; она не спрашивала у него объ ея причинѣ, но напрасно пыталась угадать ее.

Между тѣмъ Цесаревичъ, болѣе прежняго блѣдный и разстроенный, вдругъ объявилъ Великому Князю Михаилу, что не будетъ въ этотъ день обѣдать за столомъ, и удалился въ свои покои.

Это намѣреніе удивило Великаго Князя Михаила, который дружески взялъ за руку Цесаревича, спрашивая у него, что съ нимъ сдѣлалось.

— Ничего! отвѣчалъ Константинъ, который поспѣшилъ укрыться отъ взоровъ и распросовъ своего брата. Я не хорошо себя чувствую... но это пройдетъ... До завтра!

На другой день, Великій Князь Михаилъ, безпокоившійся на счетъ здоровья Цесаревича, очень рано отправился къ нему, и въ ожиданіи, пока онъ встанетъ, пробѣгалъ суточныя донесенія коменданта Варшавы: его удивило, что въ теченіи трехъ послѣднихъ дней изъ Таганрога курьеры пріѣзжали одинъ за другимъ. Его поразило это тѣмъ болѣе, что до его ушей дошли слухи о заговорѣ противъ Императора.

— Константинъ, что это значитъ? сказалъ онъ вошедшему въ это время своему брату: каждый день курьеръ изъ Таганрога! Что такое случилось?..

— Ничего особенно важнаго, отвѣчалъ Цесаревичъ, усиливаясь казаться спокойнымъ и равнодушнымъ: Императоръ утвердилъ награды, которыхъ я просилъ для своихъ чиновниковъ. Не хочешь ли ты разсмотрѣть длинный списокъ?...

Великій Князь Михаилъ успокоился, спросивъ объ Императорѣ, и Цесаревичъ, замѣтно смутившійся и растерявшійся, отвѣчалъ, что Его Величество должно быть поправился послѣ нездоровья, случившагося съ нимъ въ Крыму, но что новостей надо ждать отъ слѣдующаго курьера.

Два дня спустя, 7-го декабря (25 ноября ст. ст.), въ 7 часовъ вечера, курьеръ прибылъ въ ту минуту, какъ Великій Князь Константинъ садился за столъ. Онъ велѣлъ сказать своей женѣ, что обѣдать не будетъ.

Княгиня Ловичъ обѣдала одна съ Великимъ Княземъ Михаиломъ, но ни тотъ, ни другая не понимали причины, побудившей Цесаревича остаться въ своемъ кабинетѣ. Обѣдъ прошелъ въ молчаніи и скоро кончился.

Выходя изъ-за стола, Великій Князь Михаилъ сослался на усталость, чтобы имѣть возможность удалиться въ свои комнаты; онъ только что узналъ, что изъ Таганрога прибылъ курьеръ, и нетерпѣливо ожидалъ, чтобы братъ позвалъ его, а между тѣмъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, подъ вліяніемъ тягостнаго предчувствія; наконецъ бросился на диванъ и впалъ въ забытье.

Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется; онъ просыпается и видитъ входящаго Великаго Князя Константина, который подходитъ къ нему съ разстроеннымъ лицомъ и полными слезъ глазами.

— Что съ тобой? спросилъ Великій Князь Михаилъ въ безпокойствѣ. Что такое случилось?

— Приготовься, Мишель, отвѣчалъ торжественнымъ тономъ Цесаревичъ: приготовься услыхать извѣстіе о великомъ несчастіи!

— О Боже мой! не случилось-ли чего съ нашею матерью?

— Нѣтъ не съ нею.... Великое несчастіе обрушилось надъ нами, надъ всею Россіею.... Мы потеряли нашего благодѣтеля!... Императоръ умеръ.

Они бросились другъ другу въ объятія и слили вмѣстѣ свои слезы. Потомъ они отправились къ княгинѣ Ловичъ, чтобы раздѣлить съ нею свою братскую скорбь.

Послѣ первыхъ изліяній этой скорби, Цесаревичъ со слезами прочелъ имъ подробное донесеніе о кончинѣ Императора Александра, составленное въ присутствіи Императрицы княземъ Волконскимъ и барономъ Дибичемъ; онъ прочелъ имъ также два оффиціальныя письма, адресованныя ему также обоими этими лицами, чтобы извѣстить его объ упраздненіи трона и просить его занять этотъ тронъ. Онъ, безъ сомнѣнія, сообщилъ имъ также и другое конфиденціальное письмо, которое князь Волконскій просилъ его держать въ секретѣ.

Это письмо, не дошедшее до насъ, кажется, имѣло цѣлью предупредить Великаго Князя Константина, что покойный Императоръ передъ смертью не сказалъ и не писалъ ничего относительно какого бы то ни было измѣненія въ естественномъ порядкѣ наслѣдованія престола, потому что князь Волконскій вѣрно зналъ, что Александръ I нѣсколько лѣтъ тому назадъ занятъ былъ необходимостью самому назначить себѣ преемника и такимъ образомъ предупредить опасныя случайности, которыя могло породить восшествіе на престолъ законнаго наслѣдника. Въ Государственномъ Совѣтѣ всѣмъ было извѣстно, что Великій Князь Николай долженъ былъ получить наслѣдственныя права Цесаревича, съ согласія послѣдняго. Вслѣдствіе этого князь Волконскій считалъ нужнымъ увѣдомить Великаго Князя Константина, что его Августѣйшій братъ умеръ, не произнеся ни одного слова, которое бы выражало волю или даже желаніе относительно наслѣдованія престола. Кромѣ того, онъ писалъ ему, что когда онъ спра-

шивалъ Императрицу, выражены ли были намѣренія покойнаго Императора на этотъ счетъ въ завѣщаніи или въ какомъ нибудь рескриптѣ, то Императрица отвѣчала, что не знаетъ объ этомъ ничего положительнаго, но что она во всякомъ случаѣ совѣтуетъ отнестись къ Цесаревичу.

Князь Волконскій, вспомнивъ, что Императоръ всегда носилъ на себѣ запечатанный пакетъ, котораго содержаніе можетъ быть было государственною тайною, отъискалъ этотъ таинственный пакетъ въ карманѣ мундира, который былъ надѣтъ въ послѣдній разъ на Императорѣ. По просьбѣ князя, Императрица сломила печать, и они увидали, что въ конвертѣ вложены двѣ молитвы съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ текстовъ Свящ. Писанія. Императрица пожелала, чтобы эти бумаги были снова положены въ тотъ же карманъ мундира, въ которомъ Императоръ долженъ былъ быть похороненъ.

Великій Князь Константинъ не думалъ воспользоваться выгодами положенія, которыя князь Волконскій объяснялъ ему, можетъ быть для того, чтобы обратить ихъ въ свою собственную пользу, и оставался при твердомъ рѣшеніи не измѣнять торжественнаго рѣшенія, одобреннаго и освященнаго Императоромъ Александромъ. Онъ сказалъ Великому Князю Михаилу, въ присутствіи княгини Ловичъ:

— Теперь наступила минута, когда я долженъ доказать всѣмъ, что мой образъ дѣйствія изъятъ отъ лицемѣрія и двоедушія. Теперь нужно окончить дѣло съ такою же и я искренностью, увѣренъ, что мои намѣренія не измѣнились, и мое рѣшеніе отказаться отъ престола непоколебимо.

— Братъ мой, возразилъ Великій Князь Михаилъ: покойный Императоръ имѣлъ основаніе говорить, что вѣритъ вамъ болѣе, чѣмъ себѣ самому. Мы должны сожалѣть, что Россія теряетъ въ васъ достойнаго и прекраснаго государя!

Великій Князь Константинъ созвалъ во дворецъ главныхъ сановниковъ правительства; они явились съ поспѣшностью,

удивленные этимъ внезапнымъ приглашеніемъ въ поздній часъ вечера. Когда они собрались, онъ печально объявилъ имъ, что Императоръ Александръ кончилъ жизнь.

— Каковы же будутъ приказанія Вашего Императорскаго Величества? быстро спросилъ его Николай Новосильцевъ, одинъ изъ главныхъ сановниковъ Польши, наиболѣе любимыхъ покойнымъ Императоромъ.

— Прошу васъ не давать мнѣ титула, который мнѣ не принадлежитъ! строго отвѣчалъ Цесаревичъ.

И онъ объявилъ тотчасъ же присутствующимъ, что передалъ всѣ свои права брату своему Николаю, съ согласія Императора Александра, и что теперь Николай сдѣлался законнымъ Монархомъ Россіи.

Въ собраніи послышалось нѣсколько почтительныхъ возраженій, и Новосильцевъ снова началъ было говорить, давая второй разъ Цесаревичу титулъ величества.

— Опять прошу васъ не давать мнѣ этого титула! съ сердцемъ вскричалъ Великій Князь. Помните, что Николай Павловичъ долженъ быть нашимъ Императоромъ.

Онъ вошелъ затѣмъ въ подробности на счетъ причинъ своего отреченія и представилъ копію съ письма, написаннаго имъ въ января 1822 года Императору Александру, и рескриптъ, адресованный ему Императоромъ отъ $^2/_{14}$ февраля того же года, которымъ принималось и утверждалось его отреченіе отъ Россійскаго престола. Послѣ того онъ заставилъ собравшихся присягнуть новому Императору и самъ первый присягнулъ въ обычный формѣ на Крестѣ и Евангеліи.

Онъ отдалъ приказаніе приготовить немедленно въ своей канцеляріи оффиціальныя письма къ Императрицѣ-матери и Великому Князю Николаю Павловичу, а также къ князю Волконскому и къ барону Дибичу. Вся ночь прошла въ составленіи и въ отправленіи этихъ важныхъ писемъ. Вотъ письма его къ матери и брату.

«Всемилостивѣйшая Государыня и любезнѣйшая мать!

«Съ глубокою скорбію получилъ я вчера въ семь часовъ вечера отъ барона Дибича и отъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго извѣщеніе и актъ, прилагаемые здѣсь въ подлинникѣ, о кончинѣ Нашего обожаемаго Государя, а моего Благодѣтеля, Императора Александра. Раздѣляя съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ удручающую насъ скорбь, я молю Всевышняго, чтобы онъ, въ своемъ Всемогущемъ Милосердіи, благоволилъ поддержать наши силы.

«Положеніе, въ которое ставитъ меня это несчастіе, налагаетъ на меня обязанность излить въ сердце Вашего Императорскаго Величества съ полною откровенностью мои истинныя чувства на этотъ счетъ.

«Вашему Императорскому Величеству не безъизвѣстно, что, слѣдуя моему собственному влеченію сердца, я просилъ у блаженной памяти Императора Александра позволенія отказаться отъ права наслѣдованія престола, и что я вслѣдствіе этого получилъ собственноручный Императорскій рескриптъ, данный 2-го февраля 1822 года, которымъ Императоръ выражалъ свое Высочайшее согласіе на эту просьбу, присовокупляя, что Ваше Императорское Величество также дали на него свое согласіе. Покойный Императоръ также повелѣлъ, чтобы Высочайшій рескриптъ, выше упомянутый, оставался у меня на храненіи до кончины Его Величества.

«Привыкнувъ съ дѣтства свято исполнять волю какъ покойнаго моего родителя, такъ и покойнаго Императора, также какъ и Вашего Императорскаго Величества, я считаю долгомъ уступить мое право на корону Его Императорскому Высочеству Великому князю Николаю и его наслѣдникамъ.

«Съ тою же откровенностью я вмѣняю себѣ въ обязанность объявить, что, не простирая далеко своихъ желаній, я почту себя весьма счастливымъ, если, послѣ болѣе чѣмъ тридцатилѣтней службы Императорамъ, моему отцу и брату, мнѣ

будетъ позволено только продолжать эту службу Его Величеству Императору Николаю, съ тѣмъ же глубокимъ почтеніемъ, рвеніемъ и безграничною предапностью, которыя одушевляли меня во всѣхъ случаяхъ.

«Выразивъ мои вѣрныя и непоколебимыя чувства, я повергаю себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, прося Васъ почтить это письмо благосклоннымъ пріемомъ и даровать мнѣ милость объявить его содержаніе кому слѣдуетъ, чтобы привести его въ исполненіе, чѣмъ осуществится во всей обширности воля Его Величества Императора, моего покойнаго Государя и благодѣтеля. Принимаю смѣлость препроводить Вашему Императорскому Величеству прилагаемую копію съ письма, которое посылаю вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству Императору Николаю.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, Всемилостивѣйшая Государыня и Любезнѣйшая Родительница,

«Вашего Императорскаго Величества,

«нижайшій и покорнѣйшій сынъ,

«Константинъ.

«Варшава, 26-го ноября (8-го декабря нов. ст.) 1825».

«Любезнѣйшій братъ!

«Съ невыразимымъ прискорбіемъ получилъ я, въ семь часовъ вечера, горестное извѣстіе о кончинѣ нашего обожаемаго Государя и моего благодѣтеля — Императора Александра.

«Спѣша выразить Вамъ чувства, которыя внушаетъ мнѣ ужасное несчастіе, насъ поразившее, я считаю долгомъ увѣдомить Васъ, что вмѣстѣ съ прилагаемымъ письмомъ я написалъ Ея Величеству Императрицѣ, нашей возлюбленной матери, письмо, которымъ возвѣщается ей, что въ силу собственноручнаго рескрипта, полученнаго мною отъ покойнаго Императора 2-го февраля 1822 года въ отвѣтъ на письмо,

написанное мною Ему съ цѣлію отказаться отъ наслѣдованія Императорскаго трона, письмо, почтенное согласіемъ со стороны нашей матери; мое непоколебимое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы уступить Вамъ мои права на наслѣдованіе Императорскаго Всероссійскаго престола. Въ тоже время я прошу нашу возлюбленную родительницу объявить, кому слѣдуетъ, о моей неизмѣнной волѣ, чтобы привести ее надлежащимъ образомъ въ исполненіе.

«Послѣ этого объявленія я считаю обязанностью нижайше просить Ваше Императорское Величество принять отъ меня перваго присягу въ подданствѣ и вѣрности и объяснить, что я, не стремясь ни къ какому новому достоинству и титулу, желаю только сохранить титулъ Цесаревича, которымъ почтилъ меня за мои заслуги покойный мой родитель.

«Единственное мое счастіе заключается въ томъ, чтобы Ваше Императорское Величество благоволили принять чувства моего глубочайшаго почтенія и безграничной преданности, — чувства, которыя я представляю залогомъ тридцатилѣтней службы и чистѣйшаго усердія. Съ тѣми же чувствами я не перестану, до конца моей жизни, служить Вашему Императорскому Величеству и наслѣдникамъ Вашимъ.

«Имѣю честь быть, съ глубочайшимъ почтеніемъ,

«Государь,

«Вашего Императорскаго Величества,

вѣрнѣйшимъ подданнымъ.

«Константинъ.

«Варшава 26 ноября (8 декабря нов. ст.) 1825 года».

Къ этому послѣднему письму Цесаревичъ приложилъ другое, интимное, написанное собственноручно.

«Ты можешь судить по собственнымъ чувствамъ, любезный Николай, какъ горестна потеря благодѣтеля, обожаемаго Государя и нѣжно любимаго брата, особенно для меня, тѣсно

связаннаго съ нимъ съ самаго нѣжнаго возраста. Ты знаешь, что я полагалъ все свое счастіе въ томъ, чтобы служить ему, исполнять его волю. Его намѣренія и приказанія всегда были для меня священны, и, не смотря на его смерть, я не перестану считать ихъ такими до конца моей жизни. Перейдемъ къ дѣлу. Я предупреждаю тебя, что, по волѣ нашего Государя, я послалъ нашей матери письмо, въ которомъ объявляю ей о непоколебимомъ намѣреніи, предварительно утвержденномъ какъ покойнымъ Государемъ, такъ и возлюбленною нашею матерью. Я не сомнѣваюсь, любезный братъ, что ты, любившій сердечно нашего любезнаго покойнаго, буквально выполнишь его волю; поэтому прошу тебя принять сообразно съ этимъ свои мѣры, чтобы почтить память обожаемаго брата, который съ своей стороны также нѣжно любилъ тебя, и которому наше отечество обязано своею настоящею славою и величіемъ. Сохрани, любезный братъ, дружбу и довѣріе ко мнѣ, и будь твердо убѣжденъ, что моя преданность и вѣрность тебѣ неизмѣнны. Остальное узнаешь изъ моего оффиціальнаго письма. Братъ нашъ Михаилъ, податель этого письма, сообщитъ тебѣ необходимыя подробности. Не забывай меня, любезный другъ, и вѣрь въ усердіе и преданность вѣрнѣйшаго изъ братьевъ и друзей».

Въ оффиціальныхъ отвѣтахъ, адресованныхъ князю Волконскому и барону Дибичу, Великій Князь Константинъ выражался такъ: «Спѣшу увѣдомить Васъ, что я удерживаю прежнія должности и остаюсь, какъ и прежде, Вашимъ товарищемъ. Приказаній Вы должны ожидать изъ Петербурга, отъ кого слѣдуетъ. Впрочемъ если Вы хотите по этому случаю принять дружескій совѣтъ, то я предложу Вамъ обращаться въ С.-Петербургъ по всякому дѣлу, относящемуся къ Верховной власти, и не посылать мнѣ болѣе никакихъ предложеній въ этомъ родѣ».

Но въ конфиденціальномъ письмѣ, собственноручно писанномъ имъ князю Волконскому, онъ говорилъ: «Для Вашего увѣдомленія,

равно какъ и для увѣдомленія барона Дибича, посылаю Вамъ копію съ собственноручнаго рескрипта покойнаго Императора Александра, 2-го февраля 1822 года, присовокупляя къ этому, что я, по желанію покойнаго, хранилъ это дѣло въ глубочайшей тайнѣ до смерти Его Величества, и что теперь я послалъ моей любезнѣйшей родительницѣ, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, письмо съ просьбою принять мѣры, сообразныя съ неизмѣннымъ рѣшеніемъ, о которомъ говорится въ этомъ рескриптѣ. Великій Князь Михаилъ только-что отправился изъ Варшавы съ выраженіемъ моихъ непремѣнныхъ желаній на этотъ счетъ. Вполнѣ вѣря вашей дружбѣ и дружбѣ барона Дибича, я убѣжденъ, что этотъ рескриптъ останется въ тайнѣ до надлежащаго времени».

Было пять часовъ утра, когда Цесаревичъ окончилъ конфиденціальныя письма къ Великому князю Николаю и къ князю Волконскому; что касается оффиціальныхъ писемъ, то они были составлены и приготовлены у него на глазахъ, въ присутствіи Великаго князя Михаила, который, казалось, былъ безмолвнымъ свидѣтелямъ этого великаго подвига самоотверженія и политической честности.

— Я сдержалъ свое обѣщаніе и исполнилъ свой долгъ! сказалъ ему Великій Князь Константинъ, передавая ему пакеты, назначенные Императрицѣ-матери и Великому Князю Николаю. Теперь я вполнѣ предамся скорби о потерѣ моего благодѣтеля! Я по крайней мѣрѣ не остался въ долгу передъ его священною памятью, равно какъ и передъ своею собственною совѣстью! Ты понимаешь, что ничто въ мірѣ не можетъ поколебать моего рѣшенія! Чтобы моя мать и братъ не имѣли на этотъ счетъ никакого сомнѣнія, ты отвезешь имъ эти письма. Приготовься отправиться сегодня же.

Часъ спустя, Великій князь Михаилъ выѣхалъ изъ Варшавы.

Цесаревичъ же, опасаясь безпокойствъ и усложненій всякаго рода, которыя могли повести за собою смерть Императора Александра, принялъ чрезвычайныя мѣры для обезпеченія спокойствія въ Царствѣ Польскомъ, которое было ему въ особенности ввѣрено, и приготовился подавить силою всякое покушеніе противъ порядка. Впрочемъ, онъ имѣлъ намѣреніе оставаться въ своемъ дворцѣ, укрываясь отъ взоровъ даже вѣрнѣйшихъ своихъ слугъ, и въ молчаніи ожидать повелѣній новаго Императора.

XXIII.

Въ тотъ же день, какъ въ Варшаву пришло извѣстіе о смерти Александра, прибыли въ С.-Петербургъ письма изъ Таганрога, возвѣщавшіе объ опасной болѣзни Императора.

Въ этотъ вечеръ, 7-го декабря (25 ноября ст. ст.), было семейное собраніе во дворцѣ Великаго Князя Николая, въ комнатахъ его дѣтей, которыя принимали у себя своихъ сверстниковъ. Великій Князь вмѣшивался въ ихъ игры, точно также и Великая Княгиня въ нихъ участвовала.

Вдругъ пришли потихоньку доложить Великому Князю, что графъ Милорадовичъ, С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ, проситъ у него позволенія поговорить съ нимъ наединѣ. Великій Князь, удивленный этою необычайною просьбою, переданною ему съ таинственнымъ видомъ, поспѣшилъ перейти въ пріемную залу и нашелъ тамъ стараго генерала, сильно взволнованнаго и разстроеннаго.

— Что такое? съ безпокойствомъ спросилъ Великій Князь. Что такое случилось?

— Ужасная новость, Ваше Высочество! отвѣчалъ Милорадовичъ, котораго глаза были влажны отъ слезъ. Императоръ умираетъ! осталась только слабая надежда....

Великій Князь увелъ въ свой кабинетъ генерала, который представилъ ему депеши, полученныя изъ Таганрога: онъ чувствовалъ, что ноги его подгибаются, и поспѣшилъ сѣсть, чтобы не упасть; глаза его были влажны отъ слезъ, такъ что онъ едва могъ прочесть письма, въ которыхъ князь Волконскій и баронъ Дибичъ отдавали отчетъ о болѣзни

Императора, не скрывая, что врачи не надѣялись болѣе спасти его, если только не случится чудо. Однако Волконскій въ postscriptum своего письма намекалъ, что можетъ быть не вся недежда еще потеряна.

— Да хранитъ Богъ святую Россію! проговорилъ Великій Князь: да сохранитъ намъ Его провидѣніе Императора!

Онъ усиливался казаться спокойнымъ и, сообщивъ эти печальныя письма Великой Княгинѣ Александрѣ, которая тотчасъ же начала молиться, онъ хотѣлъ уже отправиться къ Императрицѣ-матери, какъ вдругъ поспѣшно пришли за нимъ отъ нея, потому что она уже узнала, по нескромности своего секретаря Вильямова, роковую новость, которую отъ нея хотѣли скрывать какъ можно долѣе.

Великій Князь Николай побѣжалъ въ Зимній Дворецъ въ сопровожденіи своего адъютанта, Адлерберга, и нашелъ тамъ свою несчастную мать въ такомъ отчаяніи, что всѣ его попытки успокоить и утѣшить ее были напрасны. Она была убѣждена, что ее обманываютъ, и что ея возлюбленный сынъ уже не существуетъ.

Великій Князь Николай не имѣлъ духа отойти отъ нея, пока она немного не успокоится, и провелъ ночь въ сосѣдней съ нею комнатѣ, готовый отвѣчать на ея зовъ, постоянно прислушиваясь, чтобы увѣриться, дѣйствительно ли она спитъ, и въ полголоса молясь за Августѣйшаго больнаго и за Россію.

Его адъютантъ, г. Адлербергъ, сидѣлъ возлѣ него, и, такъ какъ Великій Князь не имѣлъ секретовъ отъ этого честнаго товарища своего дѣтства, то давалъ волю своимъ мыслямъ, безъ порядка и послѣдовательности пробѣгавшимъ въ его умѣ. По временамъ онъ предавался мрачному и безмолвному размышленію.

— Какое несчастіе, что Константина съ нами нѣтъ, сказала Императрица-мать. Слѣдовало бы предупредить его! Не

послали-ли курьера въ Варшаву? Я сама напишу ему и позову его къ намъ на помощь.

Великій Князь Николай понималъ, можетъ быть, тайныя мысли своей матери, но не показывалъ, что подозрѣваетъ ихъ причину, и перемѣнилъ тему разговора. Но передъ Адлербергомъ Великій Князь не скрывался: ему онъ, напротивъ, открывался, признаваясь, что не ошибается на счетъ роковаго исхода болѣзни Императора и уже оплакиваетъ его какъ мертваго.

— Если Господь хочетъ жестоко испытать насъ, сказалъ онъ, проливая обильныя слезы: и если мы будемъ имѣть несчастіе потерять нашего отца и благодѣтеля, то не нужно будетъ терять минуты: должно будетъ тотчасъ же присягнуть брату Константину, какъ законному наслѣднику престола.

Около 7 часовъ утра курьеръ привезъ новость изъ Таганрога. Состояніе больнаго измѣнилось къ лучшему. Письмо Императрицы Елисаветы говорило, что еще можно надѣяться.

Великій Князь Николай пытался поселить эту надежду въ сердцѣ своей матери, оставаясь самъ подъ бременемъ тяжелыхъ предчувствій. Однако же онъ разсчитывалъ на завтра на лучшія извѣстія, и ему не трудно было убѣдить Императрицу Марію, что за жизнь Императора уже нечего бояться. Эта нѣжная мать пожелала возблагодарить небо за сохраненіе ей Августѣйшаго сына. По ея приказанію въ домовой церкви была отслужена обѣдня и благодарственный молебенъ.

День 8 декабря (26 ноября) прошелъ между страхомъ и надеждою; съ часу на часъ ждали новаго курьера, который однако не пріѣхалъ.

Слухъ о болѣзни Александра распространился въ городѣ и произвелъ всеобщую горесть; народъ толпами стремился въ храмы молиться, но когда узнали, что въ Зимнемъ Дворцѣ было совершено благодарственное молебствіе, и что утромъ

было получено изъ Таганрога отъ Императрицы Елисаветы письмо, то изъ этого заключили, что Императоръ находится внѣ опасности. Горесть замѣнилась весельемъ, и жители С.-Петербурга обнимали другъ друга на улицахъ, съ восторгомъ, повторяя: «Богъ сотворилъ чудо! Императоръ выздоравливаетъ!» . . .

На другой день, 9 декабря (27 ноября), въ обычайный часъ не было курьера, но это замедленіе не сочтено было за дурной знакъ. Всѣ ожидали хорошихъ извѣстій.

Литургія съ благодарственнымъ молебствіемъ должна была совершиться въ Зимнемъ Дворцѣ для Императорской фамиліи. Главные сановники Имперіи были созваны въ Александро-Невскую Лавру, гдѣ также должно было совершиться благодарственное служеніе за поправленіе здоровья Императора.

Служба началась около 11 часовъ въ Зимнемъ Дворцѣ; въ церкви было только нѣсколько человѣкъ, изъ свиты Императрицы-матери и Великихъ Князей. Императрица-мать стояла на колѣняхъ около алтаря и съ жаромъ молилась. Великій Князь Николай молился рядомъ съ нею.

Старому камердинеру Императрицы было приказано знакомъ предупредить Великаго Князя, въ случаѣ если прибудетъ курьеръ изъ Таганрога. При условномъ знакѣ Великій Князь вышелъ безъ шума въ ту минуту, какъ начиналось «Тебѣ Бога хвалимъ». Графъ Милорадовичъ ожидалъ его въ залѣ библіотеки: на его смущенномъ лицѣ какъ бы напечатана была ужасная новость.

— Кончено, Государь! сказалъ онъ ему, взявъ его за руку, чтобы увести изъ залы. Теперь мужайтесь и давайте собою всѣмъ примѣръ.

Великій Князь, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, почувствовалъ, что силы оставляютъ его, и опустился на стулъ. Онъ какъ бы изнемогъ подъ поразившимъ его ударомъ, но вскорѣ снова возвратилась къ нему твердость и присутствіе духа.

Онъ велѣлъ позвать Риля, врача Императрицы-матери, и тихо вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ ризницу. Пѣли все еще «Тебѣ, Бога хвалимъ».

Императрица-мать замѣтила отсутствіе своего сына и уже начинала безпокоиться, какъ вдругъ увидала его входящаго вмѣстѣ съ Рилемъ. Великій Князь былъ блѣденъ и имѣлъ мрачную разстроенную физіономію; войдя, онъ повергся ницъ на землю, не говоря ни слова.

Императрица-мать поняла все несчастіе; она не находила ни словъ, ни слезъ, чтобы выразить все, ею испытываемое: она оставалась неподвижною. «Тебѣ, Бога хвалимъ» все-таки продолжалось.

Великій Князь Николай всталъ, вошелъ въ алтарь и переговорилъ потихоньку съ духовникомъ Императрицы-матери, Криницкимъ, который тотчасъ же направился медленными шагами къ своей Августѣшей духовной дочери и сказалъ ей, подавая ей крестъ:

— Государыня, человѣкъ долженъ преклоняться предъ судьбами провидѣнія.

Императрица-мать поцѣловала изображеніе Христа съ горестнымъ самоотверженіемъ, пролила нѣсколько слезъ и вскорѣ разразилась рыданіями.

Великій Князь Николай велѣлъ перестать пѣть «Тебѣ, Бога хвалимъ». Произошло молчаніе, во время котораго ясно слышаны были три удара въ главную дверь церкви, которая была заперта; эти три удара, причина которыхъ была неизвѣстна, отозвались, какъ похоронный звонъ, въ сердцѣ присутствующихъ. Каждый сказалъ самъ себѣ, что Императоръ умеръ.

Все собраніе испустило долгій стонъ, сопровождавшійся подавляемыми рыданіями и безмолвными слезами.

Императрица-мать упала безъ чувствъ на руки Великаго Князя Николая, который началъ утѣшать ее; Великая Кня-

гиня Александра, стоя на колѣняхъ передъ нею, цѣловала ей руки и орошала ихъ слезами, заклиная ее не предаваться скорби.

— Матушка, любезная матушка, говорила она: успокойтесь, ради Бога! Берегите себя для дѣтей, у васъ остающихся, которыя постараются замѣнить вамъ того, котораго вы потеряли!

Великій Князь предоставилъ свою Августѣйшую мать попеченіямъ Великой Княгини и отправился на воинскій постъ дворца съ своимъ адъютантомъ, г. Адлербергомъ, между тѣмъ какъ Императрицу безъ чувствъ отнесли въ ея покои.

Постъ этотъ былъ занятъ ротою Преображенскаго полка подъ командою капитана Граве. Великій Князь вдругъ объявилъ солдатамъ и офицерамъ этой роты, что Императоръ Александръ скончался въ Таганрогѣ, и что обязанность каждаго теперь присягнуть новому Императору Константину Павловичу, законному наслѣднику Русскаго престола.

Затѣмъ онъ отправился на другіе два внутренніе дворцовые караулы, занятые конно-гвардейцами: онъ объявилъ имъ также о смерти Императора Александра и пригласилъ ихъ присягнуть Великому Князю Константину. Съ этою цѣлью онъ немедленно приказалъ дежурному генералу Потапову принять присягу отъ наружныхъ карауловъ дворца и послалъ для этой же цѣли своего адъютанта, г. Адлерберга, въ казармы корпуса инженеровъ, состоявшаго подъ его непосредственнымъ начальствомъ.

Самъ же, въ сопровожденіи графа Милорадовича, генералъ-адъютанта Князя Трубецкаго, и другихъ важныхъ лицъ, отправился въ дворцовую церковь, гдѣ нашелъ еще духовенство, отправлявшее службу, и тамъ, положивъ руку на евангеліе, далъ присягу въ вѣрности Императору Константину, и по его примѣру присягнули всѣ сановники и должностныя лица, находившіяся во дворцѣ.

Выходя изъ церкви, онъ отправился къ Императрицѣ-матери, которую не покидала Великая Княгиня Александра; онъ нашелъ ее погруженною въ печаль, но полною покорности судьбамъ провидѣнія. Онъ сказалъ ей, что произошло и какимъ образомъ онъ исполнилъ свой долгъ въ отношеніи къ новому Императору, подавъ всѣмъ примѣръ и заставивъ дать присягу въ вѣрности Константину.

— Николай, что ты сдѣлалъ! вскричала Императрица Марія, пораженная этой новостью. Развѣ ты не знаешь, что существуетъ Императорскій рескриптъ, назначающій тебя наслѣдникомъ!

— Я этого не зналъ! отвѣчалъ откровенно Великій Князь. Впрочемъ, если Императорскій рескриптъ и существуетъ, то, мнѣ кажется, никто не знаетъ объ немъ. Но мы всѣ знаемъ, что нашъ законный государь, послѣ Императора Александра, — есть мой братъ — Константинъ, слѣдовательно мы исполнили долгъ, давъ ему присягу. Пусть же будетъ, что Богу угодно!

— Николай, торжественно возразила Императрица-мать: Константинъ знаетъ также свой долгъ и выполнитъ его, отказавшись принять корону, которую покойный мой сынъ, Александръ, пожелалъ передать тебѣ.

Между тѣмъ должностныя лица, собравшіяся въ Александро-Невскую Лавру, чтобы присутствовать при благодарственной службѣ, были извѣщены о печальной новости, привезенной курьеромъ изъ Таганрога. Они не дождались окончанія службы и поспѣшили одинъ за другимъ въ Зимній Дворецъ.

Князь Александръ Голицынъ, министръ духовныхъ дѣлъ, прибылъ туда одинъ изъ первыхъ. Онъ съ изумленіемъ узналъ о событіяхъ, совершившихся часъ тому назадъ. Онъ отправился къ Великому Князю Николаю и не побоялся упрекнуть его за присягу, данную Константину, который торжественно

отрекся отъ всѣхъ своихъ правъ на престолъ. Онъ самымъ энергическимъ образомъ настаивалъ на томъ, чтобы Великій Князь сообразовался съ волею покойнаго Императора и принялъ принадлежавшую ему корону.

Великій Князь отвѣчалъ спокойно, что воля Императора на этотъ счетъ никогда не была обнародована; что онъ самъ даже не зналъ ея, и что, давая присягу своему брату Константину, онъ почтительно подчинялся основнымъ законамъ. Онъ присовокупилъ къ этому, что, признавая права законнаго наслѣдника престола, желалъ, чтобы Россія ни одной минуты не оставалась въ неизвѣстности на счетъ особы своего Государя, и что образъ дѣйствій его въ этомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о чистотѣ его намѣреній.

Но такъ какъ князь Александръ Голицынъ снова настаивалъ, то Великій Князь заставилъ его молчать, съ твердостью сказавъ ему, что эти настоянія съ его стороны даже неумѣстны, и что онъ не только не раскаявается въ томъ, что сдѣлалъ, но и поступилъ бы въ другой разъ точно также.

Затѣмъ вдругъ удалился и отправился къ Императрицѣ-матери.

Государственный Совѣтъ былъ созванъ въ чрезвычайное засѣданіе къ двумъ часамъ пополудни.

Князь Александръ Голицынъ опередилъ всѣхъ своихъ сотоварищей, рѣшившись заставить выполнить волю покойнаго Императора; по мѣрѣ того, какъ члены Совѣта входили въ залу, онъ отводилъ ихъ въ сторону и разсказывалъ имъ, какое объясненіе имѣлъ онъ съ Великимъ Княземъ Николаемъ по поводу присяги, данной Константину.

Когда на Совѣтъ собралось надлежащее число членовъ, князь Голицынъ изложилъ со всѣми подробностями, что произошло четыре года тому назадъ между покойнымъ Императоромъ и его братомъ Константиномъ, когда этотъ послѣдній отказался отъ всѣхъ своихъ правъ на Россійскій пре-

столъ въ пользу Великаго Князя Николая. Онъ порицалъ поспѣшность, съ которою дана была присяга Цесаревичу, когда манифестъ Императора Александра, относительно наслѣдованія престола, существовалъ не только въ архивахъ Государственнаго Совѣта, но и въ архивахъ Сената и Святѣйшаго Сѵнода. Онъ присовокупилъ, что этотъ документъ положенъ также въ Успенскій соборъ въ Москвѣ, и что генералъ-губернаторъ этого города имѣлъ приказаніе взять его оттуда тотчасъ послѣ кончины Императора.

Слѣдовательно нужно было отмѣнить совершившіеся факты и дать силу манифесту Александра I. Князь Лобановъ, министръ юстиціи, уже давшій присягу новому Императору, энергически возсталъ противъ вскрытія запечатаннаго пакета, положеннаго въ архивахъ Совѣта; онъ выразилъ мнѣніе, что посмертный актъ покойнаго Императора не имѣетъ силы наряду съ основнымъ закономъ Имперіи, потому что мертвые не имѣютъ воли.

Адмиралъ Шишковъ, министръ народнаго просвѣщенія, говорилъ въ томъ же смыслѣ, съ тѣмъ горячимъ краснорѣчіемъ, которое онъ умѣлъ сдѣлать столь убѣдительнымъ: онъ сказалъ, что государство не можетъ ни одного дня оставаться безъ Императора, и что присягу прежде всего должно дать Великому Князю Константину, а онъ можетъ принять корону или же отказаться отъ нея.

Но всѣ присутствующіе члены потребовали предварительно вскрытія запечатаннаго пакета, находившагося въ архивахъ, и, по приказанію предсѣдателя Совѣта, статсъ-секретарь г. Оленинъ принесъ этотъ пакетъ, послѣ чего удостовѣрились въ цѣлости печатей и вскрыли его.

Когда прочли документы, находившіеся въ конвертѣ, то начали уже составлять протоколъ засѣданія, какъ вдругъ быстро вошелъ графъ Милорадовичъ. Онъ пришелъ отъ Великаго Князя Николая объявить Совѣту, что Его Император-

ское Высочество, отказываясь напередъ отъ правъ, дарованныхъ Ему манифестомъ Императора Александра, далъ присягу въ вѣрности законному Государю, — Его Величеству Константину Павловичу.

Это торжественное объявленіе повергло Совѣтъ въ величайшее затрудненіе. Противорѣчіе возникло между всѣми присутствующими. Князь Лобановъ продолжалъ утверждать, что собраніе облечено какъ бы верховною властью и что слѣдовательно оно должно отмѣнить манифестъ Александра I.

Однако рѣшили почтительно обратиться къ Великому Князю Николаю, и Совѣтъ послалъ просить у него позволенія предстать предъ него, чтобы отъ него самого узнать его окончательное рѣшеніе.

Великій Князь поспѣшилъ удовлетворить желаніе членовъ Совѣта, которые были введены къ нему въ комнаты Вел. Князя Михаила; онъ принялъ ихъ съ печальнымъ и недовольнымъ видомъ и повторилъ тоже самое, что поручилъ прежде сказать имъ графу Милорадовичу, объявивъ, что рѣшеніе его неизмѣнно.

Тогда члены Совѣта попросили его, не смотря на это положительное рѣшеніе, разсмотрѣть документы, заключающіеся въ распечатанномъ пакетѣ.

Великій Князь согласился, но, прочитавъ ихъ со вниманіемъ, объявилъ, что они нисколько не измѣняютъ его мыслей, и что онъ болѣе, чѣмъ когда либо, остается при своемъ образѣ дѣйствія.

Послѣ этого формальнаго рѣшенія, князь Лобановъ, министръ юстиціи, объявилъ, что онъ не будетъ вскрывать пакета, положеннаго въ Сенатѣ, такъ какъ документы, въ немъ содержащіеся, тождественны съ тѣми, которые сейчасъ видѣлъ Великій Князь.

— Ваше Высочество! сказалъ графъ Литта, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ Совѣта: тѣ, которые еще не дали присяги въ вѣрности вашему брату Константину, увѣрены,

что сообразуются съ волею покойнаго Императора, признавъ васъ своимъ Государемъ. Вамъ одному они могутъ повиноноваться. Итакъ, если ваше рѣшеніе непоколебимо, то оно есть приказаніе, которому мы должны подчиняться. Ведите же насъ сами къ присягѣ, и мы будемъ повиноваться.

Великій Князь Николай сталъ во главѣ членовъ Государственнаго Совѣта и молча повелъ ихъ въ дворцовую церковь, гдѣ они присягнули, въ его присутствіи, Цесаревичу; потомъ, также молча, повелъ ихъ къ комнаты Императрицы-матери, гдѣ находились всѣ присутствующіе въ Петербургѣ члены Императорской фамиліи.

Императрица-мать, оставивъ на минуту свою скорбь, пожелала лично объявить членамъ Совѣта, что знала о существованіи актовъ, которыми Императоръ Александръ измѣнялъ, съ согласія Цесаревича, порядокъ престолонаслѣдія: она не выразила своего личнаго мнѣнія на счетъ проэкта, повидимому лишеннаго силы, но вполнѣ одобрила столь благородный и безкорыстный образъ дѣйствія Великаго Князя Николая относительно присяги брату своему Константину. Она наконецъ просила членовъ Совѣта вѣрно и честно служить новому Государю.

Члены Государственнаго Совѣта вошли опять въ залу засѣданія, чтобы окончить протоколъ, подписанный потомъ 22-мя присутствующими членами и адресованный непосредственно Великому Князю Константину съ нарочнымъ курьеромъ.

Между тѣмъ Великій Князь Николай отправился къ митрополиту Серафиму и условился съ нимъ, чтобы не открывать до новаго приказанія запечатанный пакетъ, который Александръ I положилъ въ архивъ Святѣйшаго Сунода.

Затѣмъ онъ отправился съ митрополитомъ въ дворцовую церковь, гдѣ въ его присутствіи были отслужены благодарственный молебенъ въ честь Императора Константина и панихида по Императорѣ Александрѣ.

Сенатъ собрался поспѣшно, и, давъ присягу Императору Константину Павловичу, какъ преемнику, назначенному государственными законами, опредѣлилъ указомъ отъ имени новаго Императора дать туже присягу по всей Имперіи. Этотъ указъ былъ приведенъ въ исполненіе въ одно время въ различныхъ частяхъ Россіи.

Въ этотъ же день дали присягу въ вѣрности Императору Константину всѣ войска С.-Петербургскаго гарнизона и всѣ гражданскіе чиновники.

Великій Князь Николай отправлялъ въ Варшаву нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ поочередно и, между прочимъ, своего адъютанта Лазарева, — и г. Опочинина, бывшаго адъютанта Цесаревича, которые должны были дать отчетъ новому Императору во всемъ совершившемся въ этотъ достопамятный день.

Г. Опочинину поручено было передать Цесаревичу собственноручное письмо, написанное въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Любезный Константинъ,

«Я предстаю передъ своимъ Государемъ, произнеся присягу ему въ вѣрности, вмѣстѣ съ особами, находившимися около меня, — и притомъ въ ту самую минуту, когда насъ поразила ужасная новость о величайшемъ несчастіи, какое только могло насъ постигнуть. Какъ я сострадаю твоему горю и какъ всѣ мы несчастны! Ради Бога не оставляй и не покидай насъ!»

«Твой братъ и вѣрный подданный на жизнь и смерть

«Николай».

Оффиціальное провозглашеніе Императора Константина было фактомъ уже совершившимся. Принесеніе присяги не встрѣтило въ С.-Петербургѣ ни сопротивленія, ни ропота. Итакъ новое царствованіе началось съ 8 декабря (27 ноября по русск. ка-

лендарю), и имя Константина замѣнило во главѣ всѣхъ правительственныхъ актовъ имя Александра.

Благодарственное молебствіе было отправлено во всѣхъ церквахъ столицы по случаю восшествія на престолъ Константина I, но народъ, подавленный печалью о потерѣ своего любимаго Императора, оставался равнодушнымъ и какъ бы чуждымъ этому непредвидѣнному восшествію, которое было ему возвѣщено во время заупокойной службы по усопшемъ Императорѣ. Народъ едва зналъ Великаго Князя Константина, который почти всегда жилъ, въ продолженіи 11 лѣтъ, въ Польшѣ.

Эти обстоятельства достаточно объясняютъ, почему жители столицы не занимались, въ теченіи нѣсколькихъ дней, политическими дѣлами и не старались даже узнавать, что происходило въ зимнемъ дворцѣ. Смерть Александра I была единственнымъ событіемъ, которое казалось достойнымъ вниманія и интереса.

Во всѣхъ глазахъ были слезы, во всѣхъ сердцахъ сожалѣнія и у всѣхъ на языкѣ выраженія почтенія и удивленія. Это было громадное семейство въ траурѣ, сироты, оплакивающія своего отца.

XXIV.

Великій князь Николай, узнавъ, что документы, одинаковые съ тѣми, которые заключались въ запечатанномъ пакетѣ, вскрытомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, находились въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ, счелъ своею обязанностью предупредить, — если есть еще время, — опасное употребленіе, которое могли сдѣлать изъ этихъ государственныхъ бумагъ въ древней столицѣ Россіи.

Однакожъ опасаясь, чтобы не породить еще опасности непосредственнымъ и личнымъ вмѣшательствомъ, онъ велѣлъ графу Милорадовичу написать частное письмо къ московскому губернатору, князю Дмитрію Голицыну, чтобы увѣдомить его, что всѣ сановники Имперіи въ С.-Петербургѣ уже присягнули Цесаревичу, и что Великій Князь Николай, подавшій имъ примѣръ, желалъ, чтобы эта же присяга дана была въ Москвѣ, не приступая къ вскрытію пакета, положеннаго Императоромъ Александромъ въ 1823 году въ Успенскомъ Соборѣ.

Съ этимъ письмомъ 9-го декабря отправился адъютантъ графа Милорадовича, г. Мантейфель, который прибылъ въ Москву только на 3-й день вечеромъ.

Слухъ о смерти Александра I распространился въ этомъ городѣ уже наканунѣ, но ни одинъ курьеръ еще не пріѣзжалъ изъ Таганрога, С.-Петербурга или Варшавы съ этою печальною новостью. Однако всѣ уже вѣрили этой новости, и уже говорили о важныхъ неурядицахъ, могущихъ произойти по случаю наслѣдованія престола.

Архіепископъ Филаретъ отправился къ генералъ-губернатору, чтобы узнать, дѣйствительно-ли совершилось печальное событіе, служившее темою для всѣхъ разговоровъ; на слѣдующій день онъ снова отправился туда съ княземъ Голицынымъ, и въ присутствіи этого князя, одного изъ первыхъ московскихъ вельможъ, открылъ генералъ-губернатору распоряженія Императора Александра, предпринятыя имъ съ согласія брата его Константина, на счетъ передачи наслѣдственныхъ правъ Великому Князю Николаю.

Князь Дмитрій Голицынъ совсѣмъ не зналъ всѣхъ этихъ частностей и предложилъ Архіепископу отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ соборъ, чтобы разсмотрѣть пакетъ, положенный туда по повелѣнію покойнаго Императора. Архіепископъ Филаретъ отсовѣтовалъ ему это, говоря, что всего благоразумнѣе подождать приказаній изъ С.-Петербурга, тѣмъ болѣе, что копіи съ документовъ, заключающихся въ этомъ пакетѣ, были единовременно положены въ архивахъ Государственнаго Совѣта, Сената и Святѣйшаго Синода.

Прибытіе г. Мантейфеля и письмо графа Милорадовича только увеличили затрудненіе, смерть Александра къ несчастію была несомнѣнна; Великій Князь Николай и главные сановники Имперіи присягнули Императору Константину, но письмо С.-Петербургскаго губернатора и личное свидѣтельство его адъютанта могли ли замѣнить оффиціальный актъ Государственнаго Совѣта?

Архіепископъ Филаретъ впрочемъ былъ довѣреннымъ органомъ Императора Александра въ этомъ великомъ дѣлѣ наслѣдованія престола; онъ основательно считалъ себя душеприкащикомъ покойнаго Императора. Поэтому онъ, насколько могъ, противился рѣшенію генералъ-губернатора, который считалъ необходимымъ дать присягу въ вѣрности Императору Константину.

Архіепископъ уступилъ только изъ опасенія нарушить общественное спокойствіе. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ объяснить

себѣ, какимъ образомъ не возъимѣла силы воля Императора Александра, и рѣшился, не безъ угрызеній совѣсти, оставить въ соборѣ запечатанный пакетъ, ввѣренный ему покойнымъ Императоромъ.

Генералъ-Губернаторъ съ своей стороны руководствовался положительными приказаніями Великаго Князя Николая; въ самый же вечеръ прибытія г. Мантейфеля онъ совѣтовался съ княземъ Павломъ Гагаринымъ, оберъ-прокуроромъ Московскаго Сената, — и они сообща приготовили проэктъ декрета относительно присяги новому Императору.

Этотъ декретъ былъ на другой же день представленъ Сенату, собравшемуся въ чрезвычайное засѣданіе. Нѣкоторые сенаторы выставили было возраженія противъ декрета и противъ присяги, но генералъ-губернаторъ объявилъ имъ, что, за отсутствіемъ сенатскаго декрета, онъ непосредственно распорядится, подъ своею собственною отвѣтственностью, принесеніемъ присяги. Вся нерѣшительность и всѣ сопротивленія устранились этою угрозою, и декретъ былъ подписанъ.

Архіепископъ Филаретъ непосредственно былъ извѣщенъ объ этомъ, и долженъ былъ рѣшиться присутствовать при обрядѣ присяги. Духовенство было созвано наканунѣ подъ предлогомъ присутствованія при благодарственномъ молебнѣ, обыкновенно отправляемомъ въ день Св. Андрея. По приказанію Архіепископа начался звонъ въ большой колоколъ собора, чтобы возвѣстить о смерти Императора. Народъ толпою отправился въ Кремль, гдѣ узналъ со слезами и стонами, что означалъ этотъ погребальный звонъ: онъ шумно толпился у дверей Успенскаго Собора, гдѣ князь Павелъ Гагаринъ громко прочелъ декретъ Сената относительно присяги, къ которой Архіепископъ привелъ потомъ Сенаторовъ и главныхъ московскихъ сановниковъ.

Часъ спустя, прибылъ курьеръ съ указомъ С.-Петербургскаго Сената, которымъ повелѣвалось всѣмъ русскимъ поддан-

нымъ дать присягу законному государю, Его Величеству Константину Павловичу.

Однако въ С.-Петербургѣ все еще не получали извѣстій изъ Варшавы.

Императрица-мать и Великій князь Николай начинали удивляться и безпокоиться на счетъ молчанія Цесаревича: они спрашивали себя, не покинулъ-ли онъ поспѣшно управленіе Польшею, предвидя смерть Императора, чтобы лично отправиться въ Таганрогъ.

Это путешествіе въ самомъ дѣлѣ было довольно вѣроятно, и Великій Князь Николай не могъ объяснить себѣ иначе продолжительнаго молчанія своего брата. Онъ написалъ ему новое письмо, которое отправилъ не въ Варшаву, а уже въ Таганрогъ: «Мы ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ», — говорилъ онъ ему. «Неизвѣстность относительно твоего мѣстонахожденія сильно безпокоитъ насъ. Твое присутствіе здѣсь необходимо, — хотя бы только для успокоенія нашей матери».

Онъ написалъ также князю Волконскому: «Скажите моему брату Константину, что онъ не долженъ покидать насъ, что мы всѣ, — его вѣрные подданные, — ждемъ его съ нетерпѣніемъ.»

Онъ надѣялся, что тотъ скоро прибудетъ, и однако говорилъ самъ себѣ, что его братъ, котораго упрямый и непреклонный характеръ былъ ему извѣстенъ, не пріѣдетъ въ С.-Петербургъ.

Шесть дней прошло съ того времени, какъ Константинъ былъ провозглашенъ Императоромъ, и какъ правительственные акты давались отъ его имени. Великій Князь Николай не безъ сильнаго сопротивленія согласился принять на себя управленіе государственными дѣлами во время этого междуцарствія, однако уступилъ просьбамъ и даже приказаніямъ своей матери.

Поэтому онъ не покидалъ зимняго дворца, куда съ 8 декабря (27 ноября) перенесъ свою резиденцію, чтобы быть всегда въ распоряженіи Императрицы-матери. Онъ заперся въ своихъ комнатахъ, и только немногія лица имѣли къ нему доступъ; онъ не хотѣлъ, показываясь въ обществѣ, обнаружить свое безпокойство, которое онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, исключая своего адъютанта, г. Адлерберга. Онъ часто принималъ графа Милорадовича, который приходилъ къ нему отдавать отчетъ въ настроеніи умовъ въ столицѣ,— и радовался, видя тамъ полнѣйшее спокойствіе.

Это спокойствіе было только очевидное и не могло быть продолжительно.

Народъ, особенно низшіе классы, еще занятъ былъ только одною смертью Императора Александра; но уже странные слухи, преднамѣренно разсѣеваемые въ толпѣ, по поводу этой внезапной и непредвидѣнной смерти, начали ходить изъ устъ въ уста и порождать недовѣріе и глухое раздраженіе. Это было очевидно результатомъ систематической злонамѣренности, старавшейся подѣйствовать на общественное мнѣніе.

Донесенія полиціи говорили о скрытномъ и необъяснимомъ волненіи па нѣсколькихъ пунктахъ города, но они приписывали его сильному волненію, произведенному смертью Александра.

Великій Князь Николай, тщательно разсматривавшій всѣ правительственные акты и всѣ бумаги, присылаемые изъ различныхъ министерствъ, самъ пробѣжалъ эти донесенія полиціи и былъ удивленъ, что каждый день собиралось по 20 — 30 человѣкъ въ различныхъ кварталахъ съ дозволенія генералъ-губернатора.

Эти сборища прикрывались литературнымъ предлогомъ, и между самыми частыми посѣтителями этихъ сборищъ были два или три извѣстные поэта, — друзья или пріятели Пушкина, — между прочимъ Конрадъ Рылѣевъ и капитанъ Але-

ксандръ Бестужевъ, и многіе гвардейскіе офицеры, болѣе или менѣе извѣстные за любителей поэзіи и большихъ любителей романовъ.

Великій Князь Николай съ недовѣрчивостью смотрѣлъ на то, что литература возбуждаетъ столько соревнованія при политическихъ обстоятельствахъ, мало имѣющихъ съ нею соотношенія; онъ зналъ также изъ донесеній тайной полиціи, что молодые люди, посѣщавшіе эти академическія собранія, принадлежали къ либеральной молодежи, называвшейся «Молодою Россіею».

Когда Великій Князь Николай спросилъ у графа Милорадовича, что онъ думалъ объ этихъ подозрительныхъ сходкахъ, то старый генералъ отвѣчалъ, улыбаясь, что дозволилъ ихъ назадъ тому пять или шесть мѣсяцевъ и что знаетъ обо всемъ, тамъ происходящемъ. Великій Князь, руководимый своимъ здравымъ смысломъ и природнымъ тактомъ, казалось, не убѣдился этими доводами и просилъ генералъ-губернатора наблюдать попристальнѣе за этими молодыми людьми и ихъ сходками.

— Я васъ увѣряю, Ваше Высочество, возразилъ графъ Милорадовичъ: что это не стоитъ вниманія; это просто дѣтскія забавы. Я полагаю, что ихъ надо оставить въ покоѣ, потому что они не дѣлаютъ зла, и не мѣшать собираться, чтобы читать свои стишки и говорить о поэзіи, театрѣ и романахъ.

— Время-то для этого выбрано не кстати, возразилъ Великій Князь: теперь Россія только что понесла невозвратимую потерю, и всѣ мы еще находимся подъ ужаснымъ ударомъ этой катастрофы!...

— Ваша правда, Ваше Высочество, — сказалъ генералъ-губернаторъ: это какіе-то взбалмошные вертопрахи. Я сейчасъ сдѣлаю нужныя распоряженія, но мнѣ кажется, что поэты неопасны.

Въ ночь съ 13-го (1-го) на 14-е (2-е) декабря Великій Князь Михаилъ прибылъ наконецъ въ С.-Петербургъ. Дурное состояніе дорогъ отъ Ковно до Риги замедлило его не безопасное и трудное путешествіе.

Проѣзжая черезъ Митаву, гдѣ онъ остановился на нѣсколько часовъ у генерала Паскевича, командующаго первымъ армейскимъ корпусомъ, онъ узналъ, что смерть Императора Александра была уже извѣстна въ С.-Петербургѣ, и что тамъ уже присягнули Константину.

— О, Боже мой! воскликнулъ онъ, пораженный этою новостью: что же будетъ, когда придется давать вторую присягу!

Онъ прибылъ въ свой дворецъ, и съ ранняго утра переговоривъ съ своею супругою, Великою Княгинею Еленою, которой онъ сообщилъ о своихъ безпокойствахъ и о положеніи дѣлъ, поспѣшно отправился въ Зимній Дворецъ.

Императрица-мать, предупрежденная о возвращеніи своего сына въ С.-Петербургъ, съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидала его. Никто не присутствовалъ при ихъ свиданіи.

Великій Князь Николай, котораго извѣстили о томъ, что Великій Князь Михаилъ находится у Императрицы-матери, тотчасъ пришелъ туда и нашелъ дверь запертою. Черезъ полчаса дверь отворилась, и Императрица сама вышла къ нему на встрѣчу со слезами на глазахъ.

— Ну, Николай, — торжественно сказала она, — преклонись предъ твоимъ братомъ Константиномъ, — потому что онъ достоинъ уваженія за свое непреклонное рѣшеніе предоставить тебѣ престолъ.

— Прежде чѣмъ я преклонюсь предъ нимъ, матушка, — отвѣчалъ Великій Князь, — позвольте мнѣ знать причину этого, потому что я не знаю, съ какой стороны здѣсь жертва: со стороны того, отказывается, или-же со стороны того, кто принимаетъ?

Тогда между Императрицею и ея двумя дѣтьми произошелъ продолжительный и интимный разговоръ. Прочтены были

письма, присланныя Константиномъ матери и брату. Великій Князь Николай не считалъ ихъ достаточными для того, чтобы опредѣлять ими свой образъ дѣйствій.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ письмахъ можно было видѣть нѣкоторое колебаніе и даже заднюю мысль. Великій Князь Михаилъ старался оправдать въ этомъ отношеніи Константина, но не могъ выразить сожалѣній и опасностей относительно этой неумѣстной присяги, которую слишкомъ поспѣшили дать и которую рано или поздно придется отмѣнить новою присягою. Онъ упрекалъ даже самого брата Николая за то, что онъ велѣлъ провозгласить Цесаревича Императорамъ и не сообразовался съ желаніемъ Александра I.

Великій Князь отвѣчалъ, что эти желанія никогда не были ему высказаны, по крайней мѣрѣ категорическимъ и положительнымъ образомъ, и что секретъ, въ которомъ держали отъ него эти желанія, не позволялъ ему дѣйствовать иначе. — «Впрочемъ», присовокупилъ онъ печально, «все можно еще поправить, если мой братъ Константинъ рѣшится пріѣхать въ С.-Петербургъ». По совѣту своей матери онъ объявилъ, что приметъ корону въ томъ случаѣ, если Цесаревичъ еще разъ положительнымъ образомъ объявитъ свое формальное рѣшеніе отказаться отъ Россійскаго престола.

Поэтому онъ написалъ ему длинное письмо, объясняя побудительныя причины своего образа дѣйствій и открывая свою душу какъ предъ отцемъ духовнымъ. Онъ просилъ у него благословенія и рѣшенія своей судьбы, но еще не отказывался отъ надежды видѣть его въ С.-Петербургѣ, гдѣ его отсутствіе могло служить предлогомъ къ большимъ непріятностямъ.

Императрица-мать написала письмо въ томъ же смыслѣ. Оба эти письма отправлены были только на другой день утромъ.

Это семейное собраніе, происходившее въ комнатахъ Императрицы-матери, продолжалось болѣе двухъ часовъ.

Зимній дворецъ былъ полонъ народа. Слухъ о прибытіи Великаго Князя Михаила съ утра распространился въ столицѣ, и всѣ имѣвшіе доступъ во дворецъ съ поспѣшностью направлялись туда. Говорили, что Великій Князь Михаилъ не давалъ присяги Императору Константину и не дастъ ее. Особенно занимало всѣхъ то, что происходило у Императрицы-матери, гдѣ присутствовали оба Великіе Князья — Николай и Михаилъ.

Когда Великій Князь Михаилъ вышелъ оттуда, тогда бросились по его слѣдамъ; каждый старался прочесть на его лицѣ извѣстія, привезенныя имъ изъ Варшавы, многіе предлагали даже ему вопросы относительно этого.

Великій Князь отвѣчалъ всѣмъ уклончиво, ссылаясь на усталость, и тотчасъ же удалился въ свой дворецъ. Онъ пробылъ тамъ три дня, не принимая никакихъ посѣщеній и не давая присяги. Узнали только, что онъ велѣлъ отслужить въ своей дворцовой церкви заупокойную обѣдню по Императорѣ Александрѣ, и что эта обѣдня не была сопровождаема благодарственнымъ молебствіемъ въ честь новаго Императора.

Великій Князь Николай разсчиталъ, что долженъ непремѣнно на дняхъ получить извѣстія изъ Варшавы, и что Цесаревичъ долженъ ясно и рѣшительно отвѣтить на письма, посланныя ему съ Лазаревымъ и Опочининымъ, но 2, 3 и 4 числа прошли безъ всякихъ извѣстій.

Хотя Великій Князь Михаилъ сказалъ, что состояніе дорогъ, въ особенности между Шавли и Митавою, таково, что сообщенія почти прерваны; но такъ какъ за дождями послѣдовали морозы, то курьеръ долженъ былъ доѣхать отъ Варшавы до С.-Петербурга въ 60 часовъ.

Императрица-мать не отказывалась отъ надежды видѣть лично Великаго Князя Константина. Великій же Князь Николай, хотя и не надѣялся на это, но подавалъ видъ, что считаетъ это возможнымъ.

Онъ писалъ въ этомъ смыслѣ письмо за письмомъ Князю Волконскому, чтобы успокоить Императрицу Елисавету, которой глубокая печаль еще усугублялась, какъ говорили ему, страшнымъ безпокойствомъ на счетъ ожидаемыхъ важныхъ событій.

Императрица-мать выразила желаніе, чтобы Великій Князь Михаилъ снова отправился въ Варшаву. Онъ тѣмъ охотнѣе согласился на желаніе своей матери, что его положеніе въ С.-Петербургѣ становилось съ каждымъ днемъ болѣе щекотливымъ. Онъ можетъ быть самъ готовъ быть вѣрить, что

въ мысляхъ и намѣреніяхъ его брата Константина произошла перемѣна.

Ему поручено было въ особенности употреблять всѣ свои усилія для того, чтобы побудить Цесаревича немедленно пріѣхать. Но такъ какъ рѣшительный отвѣтъ, котораго ожидали изъ Варшавы, уже могъ быть отправленъ оттуда, а потому его путешествіе тогда было бы безполезно, то онъ запасся приказомъ, написаннымъ и подписаннымъ его матерью, который уполномочивалъ его задерживать на дорогѣ всѣхъ ѣдущихъ изъ Польши курьеровъ и вскрывать всѣ депеши, адресованныя Константиномъ какъ къ Императрицѣ Маріи, такъ и къ Великому Князю Николаю.

При прощаніи его съ Августѣйшею его матерью она сказала ему:

— Когда ты увидишь Константина, повтори ему, что все, сдѣланное нами здѣсь, произошло отъ опасенія кровопролитія.

— Кровь еще не лилась, — печально возразилъ Великій Князь Михаилъ подъ вліяніемъ своихъ тяжелыхъ предчувствій: но, что бы ни дѣлали, она будетъ литься!

Въ тотъ же день Великій Князь Николай написалъ князю Волконскому слѣдующее письмо, полное умолчаній и какихъ-то мрачныхъ предвѣщаній: «Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ новостей отъ Императора, потому что все зависитъ отъ него одного. Если мы долго будемъ оставаться въ неизвѣстности на счетъ его прибытія, то намъ будетъ невозможно отвѣчать за общественное спокойствіе, которое до сихъ поръ, благодаря Бога, совершенно. Братъ мой Михаилъ, прибывшій третьяго дня изъ Варшавы, увѣдомилъ насъ, что Императоръ уже узналъ о постигшемъ насъ несчастіи, но онъ не привезъ намъ ничего рѣшительнаго. Поэтому моя Родительница снова отправила его сегодня съ настоятельною просьбою къ Императору, чтобы онъ прибылъ сюда, гдѣ его присут-

ствіе необходимо. Здоровье Императрицы удовлетворительно; важность обстоятельствъ не позволяетъ ей предаваться исключительно своему горю. Будемъ надѣяться па Милосердіе Божіе!»

На другой день, 18 декабря, адъютантъ Лазаревъ возвратился изъ Варшавы съ слѣдующимъ письмомъ Цесаревича къ брату его Николаю:

«Твой адъютантъ, любезный Николай, передалъ мнѣ твое письмо, которое я прочелъ съ живѣйшимъ огорченіемъ. Мое рѣшеніе, освященное тѣмъ, кто былъ моимъ благодѣтелемъ и государемъ, — непоколебимо. Я не могу принять твоего предложенія поспѣшить выѣздомъ въ С.-Петербургъ, и предупреждаю тебя, что покину даже Варшаву и удалюсь еще дальше, если все не устроится по волѣ нашего покойнаго Императора.

«Твой вѣрный братъ и искренній другъ,

«Константинъ.»

Лазаревъ разсказалъ о пріемѣ, сдѣланномъ ему Цесаревичемъ по пріѣздѣ его въ Варшаву: сначала Константинъ нахмурилъ брови при титулѣ «Величества», — данномъ ему адъютантомъ, и выразилъ живѣйшее огорченіе, узнавъ о принесеніи ему присяги; онъ хотѣлъ, чтобы Лазаревъ тотчасъ же отправился обратно въ С.-Петербургъ, но, когда этотъ извинился состояніемъ своего здоровья и просилъ позволенія отдохнуть нѣсколько часовъ, то Великій Князь держалъ его, какъ плѣнника, въ Бельведерскомъ дворцѣ, строго приказавъ ему не сноситься ни съ кѣмъ.

Поэтому Лазаревъ отправился только на другой день, съ приказаніемъ нигдѣ на дорогѣ не останавливаться и не говорить ни съ кѣмъ о письмѣ, которое онъ долженъ былъ передать въ собственныя руки Великому Князю Николаю. Однако Лазаревъ встрѣтилъ въ Неппалѣ Великаго Князя Михаила, который остановился тамъ наканунѣ и, казалось, не распо-

лагалъ продолжать свое путешествіе до Варшавы. Великій Князь Михаилъ долженъ былъ, слѣдуя своимъ инструкціямъ, разсмотрѣть письмо, написанное Константиномъ къ Великому Князю Николаю, но не счелъ себя уполномоченнымъ вскрыть другое письмо, адресованное князю Лопухину съ подписью «отъ Цесаревича,» и порученное курьеру, который проѣхалъ нѣсколькими часами раньше Лазарева.

Великій Князь Николай не старался узнать содержаніе письма, адресованнаго Цесаревичемъ Предсѣдателю Совѣта, — письмо, которое, казалось, противорѣчило письму, привезенному Лазаревымъ; онъ подавалъ видъ, что одобряетъ рѣшеніе брата своего Михаила оставаться въ Неннадѣ, почтовой станціи въ 260 верстахъ отъ С.-П.-Бурга, и надсматривать тамъ за проѣздомъ курьеровъ изъ Польши.

Лазаревъ, хотя и находился подъ присмотромъ во время своего краткаго пребыванія въ Варшавѣ, успѣлъ однако-же освѣдомиться на счетъ болѣе или менѣе дѣйствительныхъ побудительныхъ причинъ, которымъ приписывали отреченіе Великаго Князя Константина отъ Россійскаго престола. Ему сказали, что Великій Князь давно видѣлъ, что ему грозятъ опасности со стороны тайныхъ польскихъ обществъ, которыя угрожали отравить или убить его, если онъ когда либо дерзнетъ сдѣлаться Россійскимъ Императоромъ.

Утромъ 20 (8 декабря) декабря генералъ Толль, начальникъ главнаго штаба первой арміи, которой главная квартира находилась въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, прибылъ въ столицу. Графъ Сакенъ, главнокомандующій этой арміи, послалъ поспѣшно этого генерала съ тайнымъ порученіемъ къ новому Императору.

За отсутствіемъ Императора, генералъ Толль счелъ необходимымъ получить приказанія Императрицы-матери, которая однакожъ даже не спросила его о сущности его порученія. Впрочемъ она сказала ему, чтобы онъ не отправлялся

въ Варшаву, не повидавшись съ Великимъ Княземъ Николаемъ.

Великій Князь ласково принялъ его, и, казалось, съ удовольствіемъ узналъ, что первая армія присягнула Император Константину; но онъ не спросилъ его о сущности его тайныхъ инструкцій, и простился съ нимъ, съ таинственностью сказавъ ему:

— Каждый изъ насъ добросовѣстно выполнилъ свой долгъ.

Генералъ Толль не могъ даже узнать, находится-ли Императоръ въ Варшавѣ или нѣтъ, тѣмъ не менѣе отправился туда, но не поѣхалъ далѣе Ненналь. Великій Князь Михаилъ, не покидавшій этой почтовой станціи, удержалъ его, передавъ ему собственноручную записку Великаго Князя Николая, привезенную въ тоже утро опередившимъ его курьеромъ. «Обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь, не позволили мнѣ изустно объяснить Вамъ, что Ваше путешествіе въ Варшаву безполезно. Братъ мой Михаилъ объяснитъ Вамъ причину этого. Я прибавлю только съ своей стороны, что желалъ бы, чтобы Вы оставались съ моимъ братомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ожидаете Императора.»

Генералу Толлю было поручено графомъ Саксеномъ увѣдомить Императора, что въ арміи существуетъ большой заговоръ, и что заговорщики, коихъ начальники еще неизвѣстны, повидимому имѣютъ намѣреніе измѣнить форму правленія. Генералъ напрасно просилъ позволенія продолжать путь; Великій Князь Михаилъ ограничился тѣмъ, что сказалъ ему просто, — что Императора нѣтъ въ Варшавѣ.

Великій Князь Михаилъ очевидно ждалъ въ Ненналѣ депешъ изъ Варшавы, и удивлялся ихъ замедленію. Ему не пришло на умъ, что курьеръ могъ проѣхать другою дорогою и что тогда депеши попадутъ въ С.-Петербургъ, не проходя черезъ Ненналь.

20-го декабря онъ написалъ своему брату Николаю: «Не зная еще, какія мѣры будутъ приняты въ С.-Петербургѣ, я почелъ за лучшее остаться здѣсь, чтобы ожидать твоихъ приказаній. Я могу скоро воротиться въ С.-Петербургъ, если ты позовешь меня, или продолжать свой путь въ Варшаву, если ты считаешь это нужнымъ. Можетъ быть, вы захотите, — матушка и ты, — дать мнѣ новыя порученія къ Константину? Я готовъ сдѣлать все, что вы мнѣ прикажете. Постарайтесь только, чтобы твои приказанія доходили до меня какъ можно скорѣе».

Въ С.-Петербургѣ положеніе дѣлъ было тоже самое, и спокойствіе, по видимому царствовавшее въ общественной жизни, не существовало въ настроеніи умовъ. Къ общей печали примѣшивалось живое безпокойство. Присяга Императору Константину была дана безъ замедленія; гравированный портретъ его, съ титуломъ Императора, былъ выставленъ всюду, но никто не считалъ еще его восшествія на престолъ дѣломъ рѣшеннымъ.

Ожидали какого нибудь придворнаго переворота, въ которомъ армія должна будетъ играть важную роль. Это опасеніе было основано на слухахъ о заговорѣ и возстаніи, которые начали появляться въ войскахъ и имѣли отголосокъ въ народѣ. Каждый старался по возможности не выходить изъ дома; улицы были почти пусты, и всѣ торговыя или общественныя сношенія были прерваны.

Въ субботу 24-го (12-го) декабря въ шесть часовъ утра разбудили Великаго Князя Николая.

Баронъ Фридериксъ, полковникъ Измайловскаго полка, прибылъ изъ Таганрога съ депешею генерала Дибича; эта депеша, адресованная «Его Величеству Императору въ собственныя руки,» — имѣла на конвертѣ надпись «очень нужно».

Великій Князь спросилъ полковника, знаетъ ли онъ содержаніе запечатаннаго пакета; баронъ Фридериксъ отвѣчалъ, что совсѣмъ не знаетъ его, но что имѣетъ приказаніе пере-

дать письмо въ его руки, въ случаѣ если Императора еще нѣтъ въ С.-Петербургѣ; онъ присовокупилъ, что такая же депеша послана въ Варшаву.

Великій Князь не соглашался распечатать письмо, назначенное Императору, но, заставивъ повторить себѣ точныя инструкціи, данныя Дибичемъ своему посланному, сломилъ печать, потому что дѣло можетъ быть касалось благосостоянія государства. Онъ былъ пораженъ изумленіемъ, пробѣжавъ глазами это важное посланіе.

— Хорошо! сказалъ онъ барону Фридериксу, усиливаясь казаться спокойнымъ и равнодушнымъ: Императоръ уже безъ сомнѣнія далъ свои приказанія барону Дибичу. Впрочемъ Императоръ завтра можетъ быть будетъ здѣсь. Я совѣтую вамъ подождать его.

Когда Великій Князь остался одинъ, то внимательно прочелъ депешу, которую Баронъ Дибичъ велѣлъ написать генералу Чернышеву.

Это было подробное донесеніе на счетъ обширнаго революціоннаго заговора, съ давняго времени готовившагося противъ Императорскаго Правительства. Вся Россія была охвачена тайными обществами, которыя намѣревались провозгласить республику или установить конституціонное правленіе на мѣсто Имперіи. Эти тайныя общества имѣли сильныя развѣтвленія въ арміи, не только въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, но и во всѣхъ военныхъ округахъ. Многіе офицеры состояли въ сношеніяхъ съ заговорщиками.

Покойному Императору не безъизвѣстно было это положеніе дѣлъ, но онъ ограничивался нѣкоторыми мѣрами предосторожности, вмѣсто того, чтобы отъискать виновныхъ и наказать ихъ. Онъ все еще надѣялся, что его великодушіе и милосердіе обратятъ на истинный путь этихъ заблуждающихся людей, и едва только охранялъ свою собственную жизнь противъ преступныхъ покушеній на нее.

За нѣсколько дней до своей смерти онъ однако же рѣшился наконецъ дѣйствовать строго; онъ приказалъ даже произвести нѣсколько арестовъ, которые не были впрочемъ произведены. Такъ напр. полковнику казачьяго полка Николаеву поручено было арестовать Вадковскаго, отставнаго офицера, который оказывалъ самое опасное вліяніе на офицеровъ, — кавалергардовъ, — своихъ прежнихъ товарищей.

По смерти Императора въ его бумагахъ нашли списки главныхъ начальниковъ заговора, и баронъ Дибичъ, убѣжденный, что этотъ заговоръ могъ, не сегодня, такъ завтра, вспыхнуть, счелъ себя вправѣ привести въ исполненіе послѣднія приказанія своего Августѣйшаго господина. Поэтому онъ послалъ въ Тульчинъ генерала Чернышева, чтобы увѣдомить обо всемъ Князя Витгенштейна, главнокомандующаго южной арміи, и чтобы арестовать нѣсколькихъ штабъ-офицеровъ, — между прочимъ и Павла Пестеля, — полковника Вятскаго полка.

Баронъ Дибичъ, въ своей депешѣ, умолялъ Императора какъ можно скорѣе обратить вниманіе на опасность положенія и называлъ ему поименно нѣкоторыхъ заговорщиковъ, большая часть коихъ принадлежали къ арміи и въ это время должны были находиться въ С.-Петербургѣ.

Чтеніе этой депеши повергло Великаго Князя Николая въ затрудненіе: онъ долженъ былъ дѣйствовать энергически, не теряя ни минуты, чтобы предупредить великія бѣдствія, а въ отсутствіе своего брата Константина онъ не имѣлъ въ рукахъ необходимой власти, чтобы принять, отъ имени Императора, быстрыя и рѣшительныя мѣры, которыхъ требовали обстоятельства.

Великій Князь почелъ благоразумнымъ во всякомъ случаѣ избѣгать всего, что бы могло встревожить виновниковъ заговора, и, такъ какъ онъ подозрѣвалъ, что они имѣли связи внутри дворца, то не сообщилъ даже Императрицѣ-

матери непріятныхъ извѣстій, имъ полученныхъ. Онъ призвалъ только къ себѣ графа Милорадовича, который, въ качествѣ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора, долженъ былъ знать о существованіи заговора, — и князя Александра Голицына, главнаго начальника почтоваго вѣдомства, который всегда пользовался довѣріемъ покойнаго Императора. Онъ показалъ имъ депешу барона Дибича и совѣтовался съ нимъ на счетъ средствъ сдерживать заговорщиковъ, если уже не уничтожить самый загороръ.

Прежде всего нужно было наложить руку на подозрительныхъ лицъ, обозначенныхъ въ донесеніи Дибича; но странная вещь! ни одного изъ нихъ не осталось въ С.-П.-Бургѣ; эти личности взяли отпуски подъ разными предлогами, чтобы соединиться съ единомышленниками въ провинціяхъ и разсѣвать тамъ возстаніе.

Безъ сомнѣнія были еще и другіе заговорщики, которые были еще неизвѣстны. Графъ Милорадовичъ обѣщалъ не щадить трудовъ для разъисканія ихъ, хотя извѣстія, сообщенныя изъ Таганрога, казались ему преувеличенными, и князь Александръ Голицынъ въ тоже время обѣщалъ имѣть самый бдительный надзоръ за почтами въ Имперіи.

Великій Князь самъ не совсѣмъ убѣжденъ былъ въ точности свѣдѣній, сообщенныхъ барономъ Дибичемъ. Онъ опасался, чтобы этотъ генералъ-аншефъ, съ которымъ онъ имѣлъ нѣкоторыя личности, не воспользовался этимъ, какъ средствомъ выставить свою преданность новому Императору.

Онъ понялъ однако, что если Дибичъ послалъ тѣ же свѣдѣнія въ Варшаву, — то благоразуміе требовало отъ Цесаревича не покидать Польшу и быть готовымъ на всякій случай. Онъ самъ съ своей стороны долженъ былъ подождать результата полицейскихъ мѣръ, принятыхъ графомъ Милорадовичемъ для арестованія нѣкоторыхъ заговорщиковъ, — въ особенности же нѣкоего капитана Майбороды.

Графъ Милорадовичъ вскорѣ возвратился въ зимній дворецъ, чтобы успокоить Великаго Князя: онъ уже собралъ точныя свѣдѣнія и считалъ себя въ правѣ объявить мнимыя открытія барона Дибича несправедливыми. Офицеры, которыхъ Дибичъ поименовалъ, какъ принадлежащихъ къ тайнымъ обществамъ, всѣ были, по словамъ Милорадовича, чисты отъ подозрѣнія; они выѣхали изъ С.-П.-Бурга по законнымъ отпускамъ и по дѣламъ службы. Капитанъ Майборода также былъ въ отлучкѣ, но долженъ былъ на дняхъ воротиться въ городъ. Графъ Милорадовичъ поэтому считалъ себя въ правѣ объявить, что спокойствіе столицы обезпечено, и что армія останется вѣрною правительству.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ: я спрашивалъ не однихъ начальниковъ полиціи. Самыя лучшія свѣдѣнія я получилъ отъ Нижегородскаго капитана драгуновъ Якубовича, который лучше всякаго другаго знаетъ храбрыхъ офицеровъ, несправедливо обвиняемыхъ предъ Императоромъ.

Великій Князь Николай въ этотъ день молча обѣдалъ наединѣ съ Великою Княгинею, которая, изъ уваженія къ его грусти, не пыталась измѣнить ходъ его мыслей.

Ему сказали, что воротился фельдъегерь Бѣлоусовъ, отправленный имъ 3-го декабря съ письмами къ Цесаревичу. Онъ удивился, что этотъ курьеръ не встрѣтилъ въ Неннalѣ Великаго Князя Михаила, но узналъ, что этотъ фельдъегерь вмѣсто Рижской дороги поѣхалъ по Брестъ-Литовской, какъ болѣе безопасной и легкой.

Вотъ отвѣтъ отъ 7 декабря, присланный Великимъ Княземъ Константиномъ.

«Я получилъ, любезный Николай, твое письмо отъ $^{3}/_{15}$ декабря, вчера вечеромъ, въ семь часовъ, и спѣшу выразить тебѣ мою живѣйшую признательность, какъ за добрыя слова, такъ и за чувства довѣрія и дружбы, которыя ты мнѣ высказываешь. Будь увѣренъ, любезный другъ, что я умѣю понимать

и цѣнить ихъ, и что моя жизнь будетъ посвящена на то, чтобы доказать тебѣ, что я ихъ достоинъ.

«Довѣріе, могу сказать безграничное, которымъ почтилъ меня нашъ покойный благодѣтель, должно служить тебѣ ручательствомъ въ искренности моихъ принциповъ».

Цесаревичъ повторялъ затѣмъ, самымъ формальнымъ образомъ и въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ, свое отреченіе отъ короны и неизмѣнное намѣреніе сообразоваться съ волею Александра I. Поэтому онъ просилъ своего брата Николая немедленно занять престолъ, принадлежавшій ему по праву, и ограничивался тѣмъ, что давалъ ему на этотъ счетъ нѣкоторые конфиденціальные совѣты.

Письмо оканчивалась такъ: «Я передаю тебѣ отъ души благословеніе старшаго брата, который становится твоимъ вѣрнымъ подданнымъ, и прошу тебя разсчитывать на безграничную преданность, съ которою я не перестану быть твоимъ лучшимъ твоимъ другомъ.

«Константинъ».

Великій Князь Николай молча прочелъ это письмо, но волненіе, имъ испытываемое, не смотря на всѣ усилія скрыть его, отражалось на его лицѣ. Великая Княгиня съ безпокойствомъ ожидала, чтобы ея супругъ сообщилъ ей извѣстія, полученныя изъ Варшавы.

— Должно преклониться предъ судьбами провидѣнія, сказалъ онъ глухимъ голосомъ: небо повелѣваетъ. и я противъ воли повинуюсь: теперь я Императоръ!

XXVI.

Письмо Цесаревича, столь искреннее и откровенное, уничтожило послѣднія сомнѣнія Великаго Князя Николая. Онъ понялъ, — какъ послѣ говорилъ самъ, — что ему предстояло твердою рукою взять бразды правленія, и съ той поры приготовился принять на себя обязанности Императора.

Онъ тотчасъ отправился къ Императрицѣ-матери и представилъ ей частное письмо, адресованное ей лично ея сыномъ Константиномъ.

Цесаревичъ въ этомъ письмѣ, которое Императрица Марія тотчасъ же сообщила Великому Князю Николаю, положительно объявлялъ, что не можетъ отправиться въ С.-Петербургъ по желанію своей матери; онъ присовокуплялъ, что, такъ какъ онъ не Императоръ и не желаетъ быть Императоромъ, то считаетъ присягу, ему данную, — незаконною, и потому умоляетъ свою мать не оставлять болѣе престолъ празднымъ, — подъ опасеніемъ опаснѣйшихъ затрудненій. Онъ совѣтовалъ обнародовать немедленно манифестъ Императора Александра съ актомъ, къ нему относящимся, въ коихъ отреченіе законнаго наслѣдника было признано неизмѣннымъ съ 1822 года.

Великій Князь, показавъ тогда Императрицѣ-матери письмо, полученное имъ самимъ отъ Цесаревича, формально объявилъ, что не колеблется болѣе принять престолъ. Его Августѣйшая мать одобрила его рѣшеніе и дала ему свое благословеніе.

Затѣмъ онъ удалился въ свой кабинетъ съ своимъ адъютантомъ, г. Адлербергомъ, которому онъ быстро продиктовалъ

замѣтки, назначенныя служить основаніемъ манифесту, который онъ намѣревался обнародовать по поводу своего восшествія на престолъ, манифесту, въ которомъ были подробно изложены всѣ обстоятельства, предшествовавшія этому важному политическому дѣлу и обусловившія его.

Г. Адлербергъ началъ набрасывать очеркъ этого политическаго акта, какъ вдругъ Великому Князю пришла мысль — поручить редакцію его знаменитому историку Карамзину, который находился въ это время въ зимнемъ дворцѣ. Карамзинъ часто приходилъ туда послѣ смерти Императора Александра, — и Великій Князь Николай, который цѣнилъ какъ его характеръ, такъ и его талантъ, — имѣлъ съ нимъ частыя бесѣды. Поэтому онъ велѣлъ позвать его и передалъ ему необходимыя замѣтки и инструкціи.

Когда Карамзинъ полчаса спустя принесъ свою работу, то нашелъ Великаго Князя разговаривающаго съ княземъ Александромъ Голицынымъ и графомъ Милорадовичемъ, которые сообща настаивали на томъ, чтобы оффиціальный актъ былъ составленъ ученымъ юристомъ Михаиломъ Сперанскимъ, членомъ Государственнаго Совѣта, которому не разъ дѣлаемы были подобныя порученія. Карамзинъ поспѣшилъ одобрить этотъ выборъ и отклонилъ всякое соперничество съ этимъ знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ.

Этотъ манифестъ, который Михаилъ Сперанскій обѣщался въ этотъ же вечеръ представить на одобреніе Великаго Князя Николая, — долженъ былъ быть прочтеннымъ въ торжественномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, — въ присутствіи Великаго Князя Михаила, какъ довѣреннаго лица Цесаревича. Но Великій Князь Михаилъ все еще находился въ Нейналѣ съ генераломъ Толлемъ, ожидая новыхъ инструкцій отъ своего брата Николая.

Великій Князь Николай тотчасъ отправилъ нарочнаго съ приказаніемъ ему возвратиться. «Наконецъ всѣ рѣшено»,

писалъ ему будущій Императоръ, «и я принужденъ принять на себя бремя власти. Поспѣши пріѣхать сюда съ генераломъ Толлемъ. Здѣсь пока все спокойно».

Митрополитъ Серафимъ, князь Лопухинъ, президентъ Государственнаго Совѣта, и генералъ Воиновъ, главнокомандующій гвардейскаго корпуса, — были призваны во дворецъ.

Великій Князь Николай далъ имъ весьма подробныя объясненія на счетъ обстоятельствъ, заставившихъ его подчиниться волѣ брата его Константина и волѣ покойнаго Императора. Митрополиту поручено было искусно подготовить духовенство къ тому, чтобы оно поддержало восшествіе на престолъ Николая I, князь Лопухинъ получилъ приказаніе созвать завтра къ восьми часамъ вечера Государственный Совѣтъ, такъ какъ разсчитывали, что Великій Князь Михаилъ воротится къ этому времени; генералъ Воиновъ обязался собрать передъ зимнимъ дворцомъ утромъ $^{14}/_{26}$ декабря всѣ гвардейскіе полки. Императорскій манифестъ долженъ былъ быть обнародованнымъ въ тотъ же день, за нѣсколько часовъ до принесенія второй присяги.

Эти тайныя распоряженія, какъ ни старались скрыть ихъ, сдѣлались почти немедленно извѣстны для всѣхъ тѣхъ, кто интересовался знать ихъ.

Великій Князь Николай, который въ продолженіи послѣднихъ трехъ часовъ выказывалъ изумительную дѣятельность, потомъ счелъ долгомъ и удовольствіемъ исполнить трогательную просьбу своей возлюбленной супруги: онъ отправился съ Великою Княгинею въ Аничковъ дворецъ, который въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ ихъ убѣжищемъ и свидѣтелемъ ихъ домашняго счастія, и который теперь они должны были покинуть, чтобы поселиться въ Императорскомъ дворцѣ. Они вмѣстѣ посѣтили своихъ спящихъ дѣтей, стараясь не разбудить ихъ, прошли вмѣстѣ черезъ тѣ комнаты, которыя напоминали имъ о столькихъ счастливыхъ дняхъ, —

и, войдя въ маленькую залу, гдѣ обыкновеннно любила находиться Великая Княгиня, остановились передъ бюстомъ покойной королевы Прусской, которая не разъ высказывала свое желаніе, чтобы ея дочери не пришлось стенать, подобно ей, подъ тяжестью короны.

Они рука объ руку стали на колѣна передъ этимъ бюстомъ, съ глазами полными слезъ.

— О, моя матушка, — восторженно воскликнула Великая Княгиня: не мы пожелали этого; ты знаешь, что мы гораздо лучше предпочли бы никогда не перемѣнять ни своего положенія, ни образа жизни! Дай Богъ, чтобы и на тронѣ было счастіе!

Было 9 часовъ вечера: Великій Князь Николай, запершись въ рабочемъ кабинетѣ Императора въ зимнемъ дворцѣ, просматривалъ государственныя бумаги, которымъ реэстра не было еще сдѣлано съ самой смерти Александра I.

Ему доложили, что адъютантъ генерала Бистрома, начальника гвардейской пѣхоты, проситъ позволенія передать ему въ собственныя руки важное письмо.

Великій Князь, предполагая, что это письмо адресовано ему генераломъ, приказалъ, чтобы ему передали его и чтобы офицеръ подождалъ отвѣта. Когда это письмо было ему принесено, онъ пробѣжалъ его съ удивленіемъ и волненіемъ, усиливавшимся съ каждою дальнѣйшею строкою. Вотъ содержаніе этого письма:

«Въ продолженіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ я чувствую съ живѣйшею признательностью Ваше ко мнѣ расположеніе. Полагая, что окружающіе Васъ люди не скажутъ Вамъ всей истины въ рѣшительную минуту, и горя желаніемъ споспѣшествовать спокойствію и славѣ Россіи, я рѣшился на смѣлую попытку, будучи впрочемъ убѣжденъ, что человѣкъ, который былъ на столько благороденъ и высокъ, что отказался отъ короны, пойметъ побужденіе, заставившее меня дѣйствовать такимъ

образомъ. Не принимайте меня за низкаго доносчика; не думайте, что я служу орудіемъ какому нибудь интригану, или что я дѣйствую изъ низкихъ личныхъ видовъ. Нѣтъ! я пришелъ сказать Вамъ истину съ чистою совѣстью.

«Ваше безкорыстіе и самоотверженіе, не имѣющее себѣ подобныхъ въ лѣтописяхъ исторіи, сдѣлали Васъ предметомъ всеобщаго почтенія, и даже въ томъ случаѣ, если бы Вы не были призваны царствовать, — исторія поставила бы Васъ выше толпы знаменитыхъ честолюбцевъ; но Вы еще только положили начало славному дѣлу: чтобы быть истинно великимъ, нужно довести его до конца.

«Уже распространился слухъ, что вашъ братъ Константинъ отказывается отъ престола. Рѣдко слѣдуя внушеніямъ Вашего прекраснаго сердца и слишкомъ много ввѣряясь Вашимъ льстецамъ и шпіонамъ, Вы уже раздражили многихъ. Поэтому Ваша же собственная слава требуетъ, чтобы вы отложили Ваше восшествіе на престолъ. Противъ Васъ есть заговоръ; онъ вспыхнетъ вѣроятно въ день принесенія новой присяги и будетъ, можетъ быть, знакомъ къ гибели государства.

«Пользуясь внутренними смутами, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша и, можетъ быть, и Литва отдѣлятся отъ имперіи; Европа изгладитъ имя Россіи изъ числа великихъ державъ и отнесетъ ее къ Азіи; тогда удѣломъ Вашимъ будутъ незаслуженныя проклятія вмѣсто должныхъ Вамъ благословеній.

«Государь! мои заключенія можетъ быть и ошибочны; я можетъ быть увлекся восторженною привязанностію къ Вамъ и желаніемъ видѣть Россію спокойною и счастливою; но я осмѣливаюсь умолять Васъ отъ имени Вашего отечества, — чтобы Вы упросили брата Вашего Константина принять корону!

«Не ограничиваясь посылкою къ нему курьеровъ: это только продолжитъ междуцарствіе, могущее быть для васъ ги-

бельнымъ, — отправляйтесь сами въ Варшаву, или же сдѣлайте такъ, чтобы Вашъ братъ прибылъ въ С.-Петербургъ; излейте передъ нимъ Ваши чувства и мысли! Если онъ согласится быть Императоромъ, — тѣмъ лучше! Если же нѣтъ, то пусть онъ провозгласитъ Васъ публично, предъ лицемъ всего народа, своимъ законнымъ государемъ.

«Если Ваше Высочество найдете мой поступокъ дерзкимъ, то осудите меня на смерть, я буду счастливъ, что принесу свою жизнь въ жертву для счастія Россіи, и умру, благословляя небо. Но если Вы найдете мой поступокъ похвальнымъ, то умоляю Васъ не давайте мнѣ никакой награды. Я осмѣливаюсь впрочемъ просить у Васъ милости: — прикажите арестовать меня.

«Если Ваше восшествіе на престолъ пройдетъ благополучно и мирно, то прикажите наказать меня, какъ человѣка злонамѣреннаго, который хотѣлъ изъ личныхъ видовъ возмутить Ваше спокойствіе; но если къ несчастью моего отечества мои печальныя предсказанія осуществятся, то удостойте почтить меня Вашимъ довѣріемъ и позвольте мнѣ умереть за Васъ».

Авторъ этого восторженнаго, но полнаго благородныхъ чувствъ письма, былъ подпоручикъ егерскаго полка, Яковъ Ростовцовъ, адъютантъ генерала Бистрома.

Великій Князь Николай въ самомъ дѣлѣ вспомнилъ, что нѣсколько разъ замѣчалъ его усердіе и умъ. Онъ размышлялъ, что слѣдуетъ ему дѣлать въ этомъ критическомъ обстоятельствѣ и просидѣлъ болѣе десяти минутъ, задумавшись и подперши рукою лобъ.

Вдругъ онъ всталъ, вышелъ изъ кабинета, чтобы позвать Ростовцова, и, введя его за собою въ кабинетъ, затворилъ дверь.

— Вотъ ты чего заслуживаешь! воскликнулъ онъ, нѣсколько разъ поцѣловавъ его. До тебя никто еще не говорилъ мнѣ подобныхъ истинъ!

— Государь, — отвѣчалъ молодой офицеръ съ почтительнымъ достоинствомъ: не смотрите на меня, пожалуйста, какъ на доносчика, и не думайте, что я пришелъ искать награды.

— Подобная мысль недостойна тебя и меня, возразилъ Великій Князь. Я понимаю тебя, и твой поступокъ внушаетъ мнѣ чувства уваженія и признательности.

Великій Князь началъ разспрашивать о болѣе обстоятельныхъ подробностяхъ на счетъ заговора, о существованіи котораго его извѣщали; но Ростовцовъ, сдѣлавшись холоднымъ и скрытнымъ, объявилъ, что не назоветъ по имени никого, что и самъ имѣетъ смутныя и можетъ быть ошибочныя свѣдѣнія, но что Великій Князь долженъ знать, что число приверженцевъ политическихъ реформъ въ Россіи весьма велико.

— Спокойствіе, царствовавшее здѣсь, — присовокупилъ онъ, — можетъ быть есть только кажущееся: либеральныя страсти волнуются здѣсь такъ-же, какъ и во всей Европѣ, и можетъ быть наступила пора перемѣнить форму правленія, — когда на мѣстѣ престола видимъ только одинъ гробъ.

Великій Князь, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, счелъ нужнымъ войдти въ болѣе откровенныя и искреннія объясненія по поводу положенія, въ которое поставили его обстоятельства, потому что онъ еще подозрѣвалъ, что подпоручикъ Ростовцовъ подосланъ къ нему самими заговорщиками. Поэтому онъ объяснилъ этому молодому офицеру тотъ образъ дѣйствій, котораго намѣренъ держаться, не желая короны, долго отрекаясь отъ нея и принявъ ее только послѣ формальнаго отреченія своего брата Константина, по повелѣнію покойнаго Императора и съ торжественнаго согласія Императрицы-матери.

— Ты безъ сомнѣнія знаешь имена нѣкоторыхъ заговорщиковъ? сказалъ онъ, устремивъ на Ростовцова проницательный взглядъ. Но такъ какъ ты не хочешь назвать ихъ, опасаясь нарушить долгъ чести, то я уважаю твое молчаніе.

Теперь довѣріе за довѣріе! я скажу тебѣ, другъ мой, что ни просьбы моей матери, ни мои собственныя не могли склонить Цесаревича принять корону. Онъ положительно отвергаетъ ее и даже въ письмѣ, которое я сейчасъ получилъ, обращается ко мнѣ съ сильными упреками за то, что я велѣлъ присягнуть ему въ вѣрности.

Ростовцовъ все еще продолжалъ утверждать, что присутствіе Великаго Князя необходимо и что ему одному принадлежитъ право провозгласить своего брата Николая наслѣдникомъ Александра I-го и Императоромъ Всероссійскимъ.

— Что же дѣлать? возразилъ Великій Князь съ нетерпѣніемъ и печалью. Константинъ не пріѣдетъ и можетъ быть имѣетъ важныя причины оставаться въ Варшавѣ. Я не могу заставить его поѣхать въ С.-Петербургъ. Но что бы ни случилось, я исполню свой долгъ, — и, если нужно, буду защищать свое дѣло оружіемъ. Престолъ остается празднымъ, потому что старшій братъ не желаетъ сѣсть на него, потому что онъ отрекается отъ всѣхъ своихъ правъ въ мою пользу. Я, — одинъ я, его законный и прямой наслѣдникъ; такъ какъ Россія не можетъ долго оставаться безъ государя.

— Государь, отвѣчалъ поклонившись молодой человѣкъ, — Вы нашъ Императоръ. Но Ваши враги, враги Императорскаго Правительства, — имѣютъ злобные замыслы, я опасаюсь всего, — возстанія, убійства!...

— Ну, такъ что же!... прервалъ Великій Князь: я умру съ мечемъ въ рукѣ, если это угодно Богу, и предстану предъ нимъ съ чистою и спокойною совѣстью.

Ростовцевъ, наэлектризованный этими благородными и трогательными словами, хотѣлъ упасть къ ногамъ Великаго Князя, но онъ протянулъ свои руки къ нему, проливая слезы отъ избытка чувствъ. Великій Князь не сталъ болѣе разспрашивать его на счетъ заговора; но, принявъ холодный и почти строгій видъ, спросилъ его, знаетъ-ли объ его поступкѣ гене-

ралъ Бистромъ? Ростовцевъ, покраснѣвъ, извинился, что не сообщилъ своему начальнику такой государственной тайны, которую Великій Князь долженъ былъ узнать первый.

— Кромѣ того, присовокупилъ онъ, — только въ Вашемъ присутствіи и только съ Вами я могъ быть откровеннымъ и сказать всю истину...

— Хорошо, — прервалъ Великій Князь — я одобряю твою скромность, и, когда будетъ время, лично поблагодарю генерала Бистрома за то, что съумѣлъ выбрать себѣ въ адъютанты честнаго человѣка, достойнаго его.

Ростовцовъ, — въ ту минуту, какъ уходилъ отъ Великаго Князя, вдругъ остановился и сказалъ почти умоляющимъ тономъ:

— Государь, всякая награда уничтожитъ въ моихъ глазахъ достоинство моего поступка...

— Будь покоенъ! прервалъ его Великій Князь, второй разъ поцѣловавъ его: твоею наградою будетъ моя дружба!

Подпоручикъ Ростовцевъ, открывшій такимъ образомъ Великому Князю Николаю существованіе готоваго вспыхнуть заговора, былъ совершенно чуждъ этому заговору и не зналъ ни его цѣли, ни его развѣтвленій: онъ угадалъ только, что заговоръ давно существовалъ въ гвардейскихъ полкахъ, и что обстоятельства давали ему въ руки опасное оружіе противъ Императорскаго Правительства. Онъ открылъ также, по одному счастливому случаю, имена главныхъ заговорщиковъ. Его поступокъ, внушенный самою искреннею преданностью, — не былъ измѣною.

Одинъ изъ его товарищей по службѣ, и его лучшій другъ, — графъ Коновницынъ, поручикъ главнаго штаба гвардейской пѣхоты, не передавалъ ему непосредственно никакихъ свѣдѣній на счетъ этого заговора. Но этотъ молодой человѣкъ, позволившій увлечь себя въ тайныя общества и со всѣмъ жаромъ своего возраста усвоившій ихъ убѣжденія, не скрывалъ

передъ своими друзьями своихъ стремленій и политическихъ надеждъ; онъ часто говорилъ о необходимости полнаго преобразованія Русской Имперіи и ревностно излагалъ революціонные принципы, по которымъ должно было ниспровергнуть самодержавную власть царей и принять конституціонное или республиканское правленіе.

Ростовцевъ съ какимъ-то энтузіазмомъ привязался къ графу Коновницыну, но не раздѣлялъ его политическихъ убѣжденій: онъ употребилъ всю силу своей взаимной дружбы для того, чтобы противодѣйствовать пагубному вліянію, которое оказывали на этого молодаго человѣка многіе офицеры главнаго штаба, извѣстные по своимъ демагогическимъ идеямъ.

Князь Оболенскій, также поручикъ гвардіи и адъютантъ генерала Бистрома, — Конрадъ Рылѣевъ, бывшій поручикъ этого же корпуса, и два три другихъ приверженца тайныхъ обществъ главнымъ образомъ окружали Коновницына и оказывали на него сильное вліяніе. Ростовцевъ напрасно старался удалить ихъ отъ него, и хотя безпрестанно встрѣчался съ ними у Коновницына, но однако не сблизился съ ними. Онъ понималъ, что знакомство съ этими людьми должно быть гибелью для Коновницына.

Поэтому онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ своего друга и старался, какъ можно меньше разлучаться съ нимъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ С.-Петербургѣ сдѣлалась извѣстна смерть Александра I, Коновницынъ сдѣлался болѣе мрачнымъ и задумчивымъ; онъ безпрестанно ускользалъ отъ присмотра Ростовцева и отправлялся на тайныя сходки къ офицерамъ, враждебнымъ правительству. Сходки эти имѣли подозрительный характеръ, изумившій Ростовцева; онъ откровенно передалъ свою мысль другу и остался неудовлетвореннымъ неясными и сбивчивыми его объясненіями.

Графъ Коновницынъ не скрывалъ впрочемъ своихъ личныхъ чувствъ: онъ безпрестанно повторялъ, что Великій Князь

Николай не можетъ ни въ какомъ случаѣ наслѣдовать Императору Александру, что, такъ какъ престолъ принадлежитъ исключительно Цесаревичу, то должно позвать на совѣтъ всю Россію, если онъ откажется отъ своего наслѣдственнаго права. Онъ прибавилъ, что съ своей стороны готовъ пожертвовать своею жизнью, лишь бы не дать Великому Князю Николаю сдѣлаться Императоромъ.

Ростовцовъ удивлялся и огорчался этими словами, хотя и могъ приписывать ихъ личной непріязни, которую его другъ питалъ къ Великому Князю. Но $^{12}/_{24}$ декабря, отправившись къ Коновницыну, онъ немало удивился, найдя у него до двадцати офицеровъ разныхъ полковъ; увидя его, они всѣ замолчали и недовѣрчиво посмотрѣли на него.

Коновницынъ, смущенный этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, подалъ ему руку, говоря:

— Господа, тѣ изъ васъ, которые не знаютъ Ростовцова, могутъ повѣрить мнѣ, что, говоря въ его присутствіи, намъ нечего бояться. Это мой лучшій другъ, и хотя онъ еще не изъ числа нашихъ, но человѣкъ, какъ нельзя болѣе, либеральный.

— Прошу извиненія, гг., что я обезпокоилъ васъ! прервалъ Ростовцовъ, узнавшій въ числѣ присутствующихъ Рылѣева, Каховскаго, князя Оболенскаго и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ онъ уже прежде заподозрилъ въ политическомъ заговорѣ; я понимаю, что мое мѣсто не здѣсь, и удаляюсь.

Выходя съ этой сходки, онъ рѣшился, изъ благороднаго патріотизма, сдѣлаться доносчикомъ, чтобы спасти Имперію и Императорскую Фамилію. Онъ болѣе уже не сомнѣвался въ существованіи ужаснаго заговора, который въ первую удобную минуту готовъ вспыхнуть, — и написалъ свое письмо къ Великому Князю Николаю, въ надеждѣ предупредить намѣренія заговорщиковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ мысль о другѣ была самою главною его мыслью; на другой день, — $^{13}/_{25}$ декабря,

проведя все утро въ дѣлахъ службы, онъ воротился домой и началъ записывать разговоръ, который имѣлъ наканунѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ; потомъ, присоединивъ къ этому, такъ сказать, протоколу, копію съ письма своего къ Великому Князю, онъ вложилъ эти два документа въ пакетъ и отправился къ графу Коновницыну. Онъ встрѣтилъ тамъ опять Рылѣева и многихъ другихъ заговорщиковъ.

— Господа, сказалъ онъ обращаясь къ нимъ съ холодно-вѣжливымъ тономъ: позвольте дать вамъ совѣтъ: откажитесь отъ проэктовъ, которые ни для кого не тайна....

— Такъ между нами есть измѣнники! вскричалъ Рылѣевъ, бросивъ вопросительный взглядъ на графа Коновницына, который поблѣднѣлъ и казался смущеннымъ.

— Вы не ввѣряли мнѣ вашихъ тайнъ, — возразилъ Ростовцовъ: и благодарю васъ за то, что вы оставили мнѣ свободу дѣйствовать. Знайте только, что Великій Князь Николай обо всемъ извѣщенъ....

Рылѣевъ бросился на Ростовцова, котораго заслонилъ собою Коновницынъ. Всѣ присутствующіе встали разомъ и окружили двухъ друзей съ ужасными угрозами.

— Смерть измѣнникамъ! сказалъ Каховскій, взмахивая кинжаломъ.

— Клянусь вамъ честью, возразилъ Ростовцовъ спокойно: что Коновницынъ совершенно не участвовалъ во всемъ томъ, что произошло между Великимъ Княземъ Николаемъ и мною. Я сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать хорошій гражданинъ, преданный своей странѣ и своему государю. Я ни на кого не доносилъ, но предупредилъ Императора, чтобы онъ принялъ надлежащія мѣры....

— Господа, Ростовцовъ у меня! сказалъ графъ Коновницынъ, удержавъ руку Каховскаго, который хотѣлъ поразить Ростовцова кинжаломъ: онъ подъ моимъ покровительствомъ, и я надѣюсь, что вы не заставите меня защищать его до смерти....

— Подумайте, господа, о совѣтѣ, который я позволилъ себѣ дать вамъ, сказалъ Ростовцовъ, пожавъ руку своего друга. Коновницынъ, ты найдешь въ этомъ запечатанномъ пакетѣ мое и свое оправданіе.

Онъ гордо вышелъ при этихъ словахъ, а Коновницынъ удержалъ свидѣтелей этой сцены, которые хотѣли броситься за Ростовцовымъ.

Неизвѣстно, что произошло между ними по отъѣздѣ Ростовцова; но въ послѣдствіи бумаги, переданныя имъ своему другу, были найдены между бумагами заговорщиковъ.

XXVII.

Великій князь Николай не могъ сомнѣваться въ достовѣрности свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ подпоручика Ростовцова, и однакоже графъ Милорадовичъ не открылъ ничего такого, что бы подтверждало эти свѣдѣнія. Полиція не знала о существованіи заговора, тогда какъ столица полна была зловѣщими слухами, распространяемыми самими заговорщиками, которые имѣли связи въ самомъ императорскомъ дворцѣ.

Великій Князь узналъ по этимъ вѣрнымъ признакамъ, что этотъ скрывающійся заговоръ, которымъ онъ былъ окруженъ, ожидалъ только дня принесенія присяги новому Императору, чтобы вспыхнуть. Этотъ день былъ назначенъ $^{14}/_{26}$ декабря, потому что $^{13}/_{25}$ было воскресенье, и потому Великій Князь считалъ неумѣстнымъ присоединить къ религіознымъ занятіямъ этого дня политическія дѣла. Онъ впрочемъ вполнѣ предвидѣлъ, съ какими ужасными затрудненіями придется ему бороться, и опасался, что ему по неволѣ придется поднять мечъ противъ своихъ собственныхъ подданныхъ.

Онъ провелъ ночь съ субботы на воскресенье, не ложась въ постель, и не смыкая ни на минуту глазъ, мучимый ужаснымъ безпокойствомъ.

Въ эту ночь онъ написалъ нѣсколько писемъ, которыя не были обнародованы и которыя должны быть были проникнуты болѣе или менѣе волненіемъ, царствовавшимъ въ его душѣ. Одно письмо, адресованное князю Волконскому и предназна-

чавшееся безъ сомнѣнія быть представленнымъ Императрицѣ Елисаветѣ, можетъ дать понятіе о томъ, каковы должны были быть письма его къ Великому Князю Константину, къ Великому Князю Михаилу и къ другимъ близкимъ лицамъ.

«Рѣшеніе моего брата есть воля Божія, — говорилъ онъ князю Волконскому: $^{14}/_{23}$ декабря я буду или Императоромъ Всероссійскимъ или же бездушнымъ трупомъ! Я не могу описать, что во мнѣ дѣлается. Конечно, вы сжалились бы надъ моими нравственными страданіями, если бы могли понять ихъ. Да, любезный братъ, мы теперь всѣ несчастны, но я болѣе всѣхъ. Пусть же будетъ воля Божія!» Воскресенье не ознаменовалось никакимъ особенно важнымъ событіемъ, только народъ въ большемъ, противъ обыкновеннаго, числѣ стремился въ церкви. Впрочемъ въ проповѣдяхъ священниковъ не было ни малѣйшаго намека на настоящія обстоятельства, на которыя каждый смотрѣлъ по своему.

На всѣхъ лицахъ замѣтно было безпокойство, свидѣтельствовавшее о настроеніи умовъ. Безпокойство было еще сильнѣе внутри дворца, и придворные, приходившіе туда за новостями, казалось, избѣгали другъ друга, изъ опасенія узнать то, что могли уже предвидѣть сами. Уже утромъ узнали, что Государственный Совѣтъ будетъ собранъ вечеромъ въ 8 часовъ и что на немъ должны присутствовать Великіе Князья Николай и Михаилъ. Однако Великій князь Михаилъ еще не возвращался.

Великій Князь Николай получилъ утромъ изъ рукъ князя Голицына манифестъ, составленный Михаиломъ Сперанскимъ и переписанный въ нѣсколькихъ экземплярахъ довѣреннымъ чиновникомъ, Гавріиломъ Поповымъ, въ кабинетѣ и на глазахъ министра.

Великій Князь подписалъ и помѣтилъ $^{12}/_{24}$ числомъ декабря три экземпляра, одинъ для Россійской Имперіи, другой для Царства Польскаго и третій для Великаго Княжества Финляндскаго.

Онъ желалъ, чтобъ этотъ документъ оставался въ тайнѣ до пріѣзда Великаго Князя Михаила; тѣмъ не менѣе уже было извѣстно во дворцѣ, что Императорскій манифестъ былъ готовъ, и знали уже его главное содержаніе; вскорѣ въ публикѣ начали ходить болѣе или менѣе точныя копіи съ него.

Утромъ въ воскресенье Великій Князь Николай появился только за обѣднею и тотчасъ же послѣ оной удалился въ свои комнаты. Онъ провелъ день съ своею Августѣйшею супругою и Императрицею-матерью. Каждый часъ онъ посылалъ узнавать, не пріѣхалъ-ли Великій Князь Михаилъ.

Онъ хотѣлъ еще разъ проститься съ своимъ Аничковымъ дворцомъ и отправился туда въ одно время съ Великою Княгинею, чтобы отобѣдать тамъ съ нею вдвоемъ. На другой день Императоръ и Императрица должны были занять Императорскій дворецъ.

Великій Князь Николай рано воротился, вмѣстѣ съ Великою Княгинею, въ зимній дворецъ, Императрица-мать пришла въ ихъ комнаты и изъявила намѣреніе провести съ ними вечеръ. Съ часу на часъ ждали пріѣзда Великаго Князя Михаила.

Члены Государственнаго Совѣта начали собираться на чрезвычайное засѣданіе, назначенное въ 8 часовъ вечера.

Великій Князь призвалъ къ себѣ графа Милорадовича, чтобы освѣдомиться, не открыла-ли чего нибудь полиція. Графъ Милорадовичъ не узналъ ничего новаго, полиція произвела только нѣсколько незначительныхъ арестовъ, и этотъ заговоръ, стоявшій грознымъ привидѣніемъ предъ глазами Великаго Князя, казалось, разсѣвался какъ дымъ.

Въ эту же самую минуту заговорщики собирались на тайныя засѣданія въ нѣсколькихъ пунктахъ столицы; они знали все, что происходило въ зимнемъ дворцѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ.

Центръ свѣдѣній, получавшихся каждую минуту различными группами этого военнаго заговора, — находился въ самомъ

Императорскомъ дворцѣ. Комната конно-гвардейцевъ, куда офицеры отправлялись послѣ парада и днемъ, служила нѣкоторымъ образомъ главною квартирою заговорщиковъ. Князь Оболенскій, поручикъ гвардіи и адъютантъ генерала Бистрома, принялъ на себя сбирать извѣстія изъ вѣрныхъ источниковъ и передавать ихъ непосредственно заговорщикамъ.

Капитанъ Нижегородскихъ драгуновъ, Якубовичъ, пользовался довѣріемъ, которое пріобрѣлъ онъ у графа Милорадовича, для того, чтобы поддерживать въ немъ слѣпую увѣренность и представлять ему химерами всѣ симптомы, указывавшіе на существованіе заговора. Понятно, какія полезныя свѣдѣнія могъ онъ передавать своимъ сообщникамъ, злоупотребляя такимъ образомъ довѣріемъ Милорадовича.

Между офицерами, находящимися на караулѣ во дворцѣ, — постоянно находились одинъ или нѣсколько заговорщиковъ. Въ этотъ день внутренній постъ конной гвардіи, у дверей аппартамента Императрицы-матери, находился подъ начальствомъ князя Одоевскаго, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ тайныхъ обществъ. Искусно выспрашивая прислугу, Одоевскій пріобрѣлъ драгоцѣнныя свѣдѣнія, которыя были обращены въ пользу заговора.

Всѣ члены Государственнаго Совѣта уже собрались въ залѣ засѣданій, гдѣ волненіе все болѣе и болѣе усиливалось. Говорили, что Великій Князь Михаилъ не пріѣхалъ и не пріѣдетъ. Великій Князь Николай все еще ожидаетъ его.

Безпокойство, господствовавшее во дворцѣ, не замедлило распространиться и внѣ его. Улицы были пусты и безмолвны, но во всѣхъ домахъ еще не спали, и къ общему любопытству примѣшивалось безпокойство, усиливаемое извѣстіями самыми противорѣчащими, самыми зловѣщими или же смѣшными.

Пробило полночь, а Государственный Совѣтъ еще не начиналъ засѣданія. Великій Князь Михаилъ еще не пріѣз-

жалъ. Совѣтъ получилъ извѣщеніе, что Великій Князь Николай одинъ явится въ засѣданіе.

Великій Князь Николай, который четыре часа сидѣлъ запершись съ двумя Императрицами, простился съ ними, поцѣловалъ ихъ и просилъ подождать его возвращенія. Онѣ начали молиться Богу, чтобы онъ хранилъ Императора.

Когда Великій Князь вошелъ въ залу, всѣ члены Совѣта, находившіеся на своихъ мѣстахъ, встали, чтобы привѣтствовать его. Онъ пригласилъ ихъ жестомъ сѣсть и занялъ кресло предсѣдателя.

Глубокое молчаніе царствовало вокругъ него. Онъ сѣлъ и твердымъ и громкимъ голосомъ началъ чтеніе манифеста.

При началѣ чтенія этого Императорскаго манифеста присутствующіе вдругъ встали; Великій Князь также всталъ и стоялъ до конца своего чтенія.

«Мы, Божіею милостію, Николай, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч.... Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

«Въ горести сердца, среди общей печали, насъ удручающей, Мы, нашъ Императорскій домъ и наше любезное отечество, преклоняясь предъ непроницаемыми судьбами Всевышняго, въ Немъ одномъ ищемъ силъ и утѣшенія. Онъ призвалъ къ себѣ блаженныя памяти Императора Александра I-го, и мы всѣ потеряли отца и государя, который въ продолженіи 25-ти лѣтъ составлялъ счастіе Россіи и наше.

«Когда насъ постигло, 27-го ноября, извѣстіе объ этомъ плачевномъ событіи, то мы поспѣшили исполнить священный долгъ, и, слѣдуя внушеніямъ сердца, принесли присягу въ вѣрности нашему старшему брату — Цесаревичу Великому Князю Константину, какъ законному наслѣднику Россійскаго престола по праву первородства.

«Мы только что исполнили эту священную обязанность, когда узнали отъ Государственнаго Совѣта: что 15-го ок-

тября 1823 года въ архивахъ Совѣта былъ положенъ пакетъ, запечатанный печатью Императора, на которомъ собственною рукою Его Императорскаго Величества было написано: «хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до другаго распоряженія; но въ случаѣ моей смерти вскрыть этотъ пакетъ въ чрезвычайномъ засѣданіи, не приступая ни къ какому другому акту;» что это Высочайшее повелѣніе было исполнено Совѣтомъ и что въ упомянутомъ пакетѣ оказались слѣдующіе документы: 1) письмо Цесаревича Великаго Князя Константина, — отъ 14-го января 1822 года къ покойному Императору, которымъ Его Императорское Высочество отрекался отъ престолонаслѣдія; 2) Манифестъ отъ 16-го августа 1823 года, подписанный собственноручно Его Императорскимъ Величествомъ, которымъ постановлено, что, вслѣдствіе отреченія Цесаревича Великаго Князя Константина, — Мы, по основному закону Имперіи, дѣлаемся ближайшимъ наслѣдникомъ престола. Кромѣ того, мы извѣстились, что такіе же акты были положены въ Правительствующемъ Сенатѣ, Святѣйшемъ Сунодѣ и въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ.

«Упомянутые факты не могли измѣнить нашего рѣшенія. Мы видѣли въ этихъ актахъ отреченіе Его Императорскаго Высочества, совершонное при жизни Императора и утвержденное согласіемъ Его Императорскаго Величества; но мы не имѣли ни желанія, ни права считать неизмѣннымъ это отреченіе, которое не было обнародовано и обращено въ законъ. Поэтому мы желали выразить наше уваженіе къ первому основному закону нашего отечества относительно неизмѣннаго порядка престолонаслѣдія, и, вѣрные данной Нами присягѣ, настояли на томъ, чтобы вся имперія послѣдовала нашему примѣру. Въ этомъ важномъ обстоятельствѣ Мы не имѣли намѣренія оспаривать прочности рѣшенія, высказаннаго Его Императорскимъ Высочествомъ. Еще менѣе имѣли мы

въ виду противиться волѣ покойнаго Императора, — нашего общаго отца и благодѣтеля, — волѣ, которая для насъ всегда будетъ священна; Мы старались только устранить малѣйшее нарушеніе закона, опредѣляющаго порядокъ престолонаслѣдія, выставить на видъ законность нашихъ намѣреній и устранить отъ нашего любезнаго отечества даже единую минуту неизвѣстности, на счетъ особы его законнаго Государя. Это рѣшеніе, принятое въ чистотѣ нашей совѣсти, передъ Богомъ, читающимъ въ тайникахъ сердецъ, было одобрено Ея Величествомъ Императрицею Маріею, Нашею возлюбленною Родительницею.

«Между тѣмъ, печальное извѣстіе о кончинѣ его Величества Императора пришли изъ Таганрога въ Варшаву 25 ноября, двумя днями раньше, чѣмъ сюда. Непоколебимый въ своемъ рѣшеніи, Цесаревичъ Великій Князь Константинъ подтвердилъ его двумя актами отъ 26 ноября, которые онъ и поручилъ Нашему возлюбленному брату Великому Князю Михаилу передать намъ. Эти акты состояли: 1-е, въ письмѣ къ Ея Величеству Императрицѣ нашей Матери, въ которомъ, возобновляя свое прежнее рѣшеніе и опираясь на рескриптъ покойнаго Императора отъ 2 февраля 1822 года, Его Императорское Высочество окончательно и торжественно отрекался отъ всѣхъ своихъ правъ на престолъ, и, по порядку установленному основнымъ закономъ, признавалъ наслѣдникомъ престола Насъ и Наше потомство; 2-е, въ письмѣ къ Намъ, въ которомъ Его Императорское Высочество повторяетъ свое рѣшеніе, даетъ Намъ титулъ Императорскаго Величества, удерживая за собою только титулъ Цесаревича и называетъ себя вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

«Какъ ни рѣшительны были эти акты и хотя они очевидно доказывали неизмѣнность рѣшенія Его Императорскаго Высочества, наши чувства и самое положеніе дѣла побудили Насъ отложить обнародованіе упомянутыхъ актовъ до тѣхъ

поръ, пока Его Императорское Высочество изъявитъ свою волю относительно присяги, принесенной ему Нами и всею Имперіею.

«Теперь, получивъ также и это окончательное изъявленіе воли Его Императорскаго Высочества, Мы извѣщаемъ объ немъ всѣхъ нашихъ подданныхъ, присовокупляя: 1-е письмо Его Императорскаго Высочества Цесаревича Великаго Князя Константина къ покойному Императору Александру I-му; 2-е, отвѣтъ Его Императорскаго Величества; 3-е, манифестъ покойнаго Императора, утверждающій отреченіе Его Императорскаго Высочества и признающій Насъ наслѣдникомъ престола; 4-е, письмо Его Императорскаго Высочества къ Ея Величеству Императрицѣ — нашей возлюбленной матери; 5-е, письмо Его Императорскаго Высочества къ Намъ.

«Въ силу всѣхъ этихъ актовъ и по основному закону Имперіи относительно порядка престолонаслѣдія, съ сердцемъ, полнымъ уваженія къ непроницаемымъ судьбамъ Провидѣнія, Мы вступаемъ на престолъ Нашихъ предковъ и повелѣваемъ:

«1-е, чтобы присяга въ вѣрности была принесена Намъ и Нашему наслѣднику, Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Александру, нашему любезному сыну.

«2. Чтобы время восшествія нашего на престолъ считалось съ 19-го ноября 1825 года.

«Наконецъ, мы приглашаемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ вознести вмѣстѣ съ нами усердныя мольбы къ Всемогущему, да даруетъ онъ намъ силу нести бремя, возложенное на насъ Святымъ его провидѣніемъ, да поддержитъ онъ насъ въ твердомъ намѣреніи жить единственно для Нашего любезнаго отечества и итти по стопамъ оплакиваемаго нами монарха. Да будетъ Наше царствованіе продолженіемъ Его царствованія и да исполнимъ Мы все, чего желалъ для блага Россіи тотъ, котораго священная память будетъ поддерживать въ Насъ желаніе и надежду заслужить благословеніе неба и любовь Нашего народа.

«Данъ въ С.-Петербургѣ 12 декабря, въ лѣто отъ Р. Х. тысяча-восемьсотъ двадцать пятое, царствованія же нашего въ первое.

«Николай».

Послѣ этого чтенія, которое присутствующіе слушали съ волненіемъ, весь совѣтъ привѣтствовалъ Императора съ глубочайшимъ уваженіемъ, и, по его приказанію, снова всѣ сѣли.

Совѣщанія начались: одинъ членъ Совѣта обратилъ вниманіе своихъ товарищей на упоминаемые въ манифестѣ документы, какъ на самое лучшее объясненіе взаимнаго образа дѣйствій обоихъ Великихъ Князей — Константина и Николая. Императоръ приказалъ прочесть только объясненіе Цесаревича, адресованное князю Лопухину, въ которомъ онъ повторялъ свое формальное отреченіе въ пользу своего брата Николая.

Это объясненіе показалось неумѣстнымъ для присоединенія къ упоминаемымъ въ манифестѣ документамъ, по причинѣ нѣкоторыхъ довольно сильныхъ выраженій. Императоръ взялъ его назадъ и оставилъ у себя, какъ безполезное, манифестъ же и документы поручилъ министру юстиціи съ приказаніемъ обнародовать ихъ посредствомъ печати.

Потомъ Его Величество, поклонившись членамъ Совѣта, вышелъ изъ залы, чтобы дать Совѣту время составить протоколъ этого достопамятнаго засѣданія, постановивъ, что принесеніе присяги Императору Николаю I-му должно совершиться $^{14}/_{26}$ декабря.

Былъ часъ утра, когда Императоръ возвратился въ свои комнаты; онъ нашелъ тамъ свою мать и супругу.

Императоръ и Императрица проводили Императрицу-мать въ ея комнаты, и тамъ изволили благосклонно принимать поздравленія лицъ, состоящихъ на службѣ при Императорскомъ дворѣ.

Возвратившись къ себѣ около двухъ часовъ утра, Императоръ еще не предался покою, въ которомъ имѣлъ величайшую потребность: совѣтникъ Сперанскій передалъ ему письмо, составленное по его приказанію къ Великому Князю Константину; Императоръ подписалъ это письмо, имѣвшее болѣе интимный, чѣмъ оффиціальный характеръ.

Вотъ содержаніе этого торжественнаго письма, которое фельдъегерю приказано было немедленно отвести въ Варшаву:

«Любезный братъ,

«Раздѣляя отъ глубины души сильную скорбь, испытываемую Вашимъ Высочествомъ о невозвратимой потерѣ, нами обоими понесенной, я надѣялся почерпнуть нѣкоторое утѣшеніе въ той мысли, что найду отца и благодѣтеля въ Васъ, моемъ старшемъ братѣ, котораго я съ дѣтства привыкъ уважать и любить.

«Ваше письмо отъ 26 ноября лишило меня этого утѣшенія. Вы запретили мнѣ слѣдовать влеченію моего сердца, и не соизволили принять присягу, принесенную мною не только по долгу, но и по внутреннему убѣжденію.

«Но Вы не можете запретить мнѣ изліянія чувствъ преданности, которыхъ я не могу взять назадъ и которыхъ Вы изъ любви ко мнѣ не отвергнете.

«Желанія Вашего Высочества исполнились: я занялъ высокій постъ, Вами мнѣ указанный. Воля Ваша свершилась!

«Но позвольте мнѣ надѣяться, что тотъ, кто противъ моей воли и ожиданія поставилъ меня на этотъ трудный путь,— будетъ моимъ руководителемъ и опорою. Вы не отвергнете этой обязанности и не откажетесь отъ нравственной власти, дарованной Вамъ самимъ Провидѣніемъ — власти старшаго брата, которой я буду повиноваться всю мою жизнь, какъ Вашъ вѣрноподданный по сердцу.

«Выраженіемъ этихъ чувствъ я заканчиваю мое письмо, моля Всевышняго, да сохранитъ Онъ милостію своею надолго Ваши дни, столь для меня драгоцѣнные.

«Вашего Императорскаго Высочества вѣрный подданный сердцемъ и душою

Николай».

Послѣ этого Николай I-й принялся за то, что всегда называлъ ремесломъ Императора: онъ самъ разсмотрѣлъ государственныя бумаги, положенныя на его бюро; онъ со вниманіемъ прочелъ донесенія полиціи, присланныя ему С. П. Бургскимъ генералъ-губернаторомъ для того, чтобы убѣдить его въ спокойствіи, господствующемъ въ столицѣ; онъ прочелъ со вниманіемъ донесенія воинскихъ начальниковъ, которые были одного мнѣнія съ генералъ-губернаторомъ и объявляли, что умы были удивительно хорошо подготовлены во всѣхъ армейскихъ корпусахъ къ провозглашенію новаго Государя.

Въ тотъ самый часъ, когда эти письменныя удостовѣренія во всеобщей преданности находились передъ глазами Императора, — заговорщики дѣлали свое дѣло, и цареубійцы поклялись убить его.

Николай положительно не зналъ, что готовилось вокругъ него, и однакоже чувствовалъ важность обстоятельствъ и опасность положенія. Не разъ онъ подходилъ къ окну и прислушивался къ отдаленному шуму, который существовалъ, можетъ быть, только въ его воображеніи: ему казалось, что онъ видитъ зарево пожара на снѣгу, покрывавшемъ улицы и кровли домовъ.

— О Боже мой! говорилъ онъ, расхаживая большими шагами по своему кабинету. Ты мнѣ свидѣтель, что я не искалъ и не желалъ этой короны, которую безъ сомнѣнія придется защищать цѣною крови.

Наконецъ онъ бросился совсѣмъ одѣтый, на свою постель, но до утра не могъ сомкнуть глазъ.

—∞※∞—

XXVIII.

Вечеръ $^{13}/_{25}$ декабря и вся ночь были посвящены тайнымъ собраніямъ, на которыхъ главные заговорщики не успѣли сойтись между собою въ мнѣніяхъ относительно цѣли ихъ преступнаго предпріятія и относительно средствъ ея выполненія. Можно было предвидѣть, что они никогда не будутъ единодушны до тѣхъ поръ, пока не вспыхнетъ заговоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, личные споры въ этихъ ночныхъ сходкахъ дошли до такой сильной степени, что дѣло чуть не дошло до кровопролитія: такъ какъ всѣ заговорщики были вооружены, то безъ благоразумія и энергіи Рылѣева непремѣнно произошла бы схватка.

Конрадъ Рылѣевъ былъ душею и головою заговора; онъ ограничивалъ патріотическую сѣверную ассоціацію, которая вела корреспонденцію съ южною и набирала своихъ членовъ преимущественно въ образованныхъ классахъ. Армія, правительство и дворянство давали ей многихъ приверженцевъ.

Это тайное общество сначало имѣло цѣлью только поставить законныя границы монархической власти, и, такъ или иначе, добровольно или силою, обратить Императора-самодержца въ конституціоннаго монарха съ либеральною хартіею и представительнымъ собраніемъ. Русское правительство хотѣли передѣлать на французскій образецъ.

Но на этомъ не остановились; вскорѣ пришла въ голову мысль основать въ Россіи республику. Императоръ Александръ

непремѣнно былъ бы убитъ, если бы преждевременная и естественная смерть не спасла его отъ кинжала убійцъ.

Нужно сказать, что главы Сѣверной ассоціаціи никогда не принимали участія въ этихъ покушеніяхъ, а напротивъ сами старались препятствовать имъ.

Рылѣевъ въ особенности, не смотря на свою пылкость и свои политическія убѣжденія, отказывался отъ кровопролитія и питалъ даже уваженіе къ особѣ Императора. Онъ былъ кротокъ и благодушенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердъ и рѣшителенъ, когда того требовали обстоятельства.

Разсказываютъ, что на сходкѣ, предшествовавшей отправленію Александра I въ Крымъ, капитанъ Якубовичъ, поклявшійся собственною рукою убить Императора, объявилъ въ слухъ, что наконецъ онъ совершитъ свой ударъ. Рылѣевъ, присутствовавшій на сходкѣ, пытался успокоить этого ярого и жестокаго заговорщика, кротко объяснивъ ему, что убійство плохое средство для достиженія ихъ конституціонной цѣли.

Эти разумныя слова только раздражили еще болѣе свирѣпаго цареубійцу, который настаивалъ на исполненіи своего ужаснаго намѣренія.

Рылѣевъ умолялъ его даже на колѣнахъ не покушаться на жизнь Императора или, по крайней мѣрѣ, подождать еще мѣсяцъ или два, чтобы не повредить ихъ патріотическому дѣлу; но, видя, что съ этою неукротимою натурою ничего не сдѣлаешь, онъ объявилъ ему съ угрозою, что съумѣетъ помѣшать ему въ его замыслѣ и убьетъ его на мѣстѣ или же самъ донесетъ на него Императору.

Рылѣевъ, какъ можно судить по этому случаю, хотѣлъ побудить Александра I-го даровать своему народу конституцію и безъ борьбы и потрясеній ввести въ Россіи конституціонную монархію. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ утопистовъ и политическихъ мечтателей, которые привязываются къ химерическимъ теоріямъ и считаютъ себя предназначенными

къ великому дѣлу измѣненія обычаевъ, нравовъ, законовъ и правительства своей стороны. Онъ впрочемъ искренно любилъ свое отечество въ томъ, чтобы быть ему полезнымъ, навязавъ ему революцію, которой оно не просило.

Онъ вышелъ изъ Кадетскаго корпуса, чтобы поступить въ армію, съ чиномъ подпоручика, но, чтобы удобнѣе дѣйствовать противъ того порядка вещей, который онъ стремился измѣнить, пожелавъ пріобрѣсти себѣ независимое положеніе, поспѣшилъ снять свои эполеты и сдѣлаться главнымъ секретаремъ Американской Компаніи, — большаго коммерческаго общества, центръ котораго въ С.-Петербургѣ. Это значительное положеніе, обезпечивавшее ему довольство въ жизни, не препятствовало ему посвятить себя литературѣ и составить себѣ извѣстное имя между русскими поэтами и писателями.

Онъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Александромъ Бестужевымъ, капитаномъ главнаго штаба, который былъ его сотрудникомъ въ нѣсколькихъ литературныхъ произведеніяхъ и считался однимъ изъ лучшихъ поэтовъ своего времени, — организовалъ патріотическую Сѣверную ассоціацію, увеличилъ число ея агентовъ и усилилъ ея средства. Тѣмъ не менѣе, ему неудалось однакоже, не смотря на три года постоянныхъ усилій и безуспѣшныхъ попытокъ, централизовать это громадное тайное общество. Правда, всѣ члены ассоціаціи были ему преданы, но у нихъ не было постоянной программы, и конечная цѣль этого постояннаго заговора оставалась смутною и неразъясненною.

Это отсутствіе единства и опредѣленности еще болѣе обнаружилось послѣ того, какъ упраздненіе Императорскаго престола дало болѣе обширное поприще предпріятіямъ заговорщиковъ. Назавтра заговоръ долженъ былъ осуществиться, а еще никто, даже между наиболѣе посвященными въ дѣло заговорщиками, не имѣлъ точнаго понятія о томъ, что должно дѣлать завтра.

Рылѣевъ, видя эту общую нерѣшительность, первый началъ отчаяваться въ успѣхѣ революціоннаго дѣла, которому посвятилъ свою жизнь, и въ ту минуту, когда должно было подать сигналъ къ возстанію, устрашился моральной отвѣтственности, принятой имъ на свою голову. Однако онъ не отступилъ передъ этимъ, потому что неволенъ былъ ни на одинъ день или часъ отложить движенія всѣхъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ въ Россіи.

Посланы были вѣрные агенты въ разныя провинціи Имперіи для того, чтобы бунтъ вспыхнулъ разомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ. Утромъ $^{13}/_{23}$ декабря два агента, Муравьевъ-Апостолъ и Свистуновъ, отправились, одинъ въ главную квартиру второй арміи, другой въ Москву, съ формальными инструкціями, которыя должны были побудить Южную патріотическую ассоціацію взяться за оружіе единовременно съ Сѣверною. Принесеніе второй присяги новому Императору было предлогомъ и такимъ случаемъ, который едвали могъ представиться заговорщикамъ въ другой разъ, если они воспользуются имъ, чтобы поднять всеобщее возстаніе въ Россіи.

Рылѣевъ уже не имѣлъ тогда въ своихъ рукахъ личнаго завѣдыванія дѣлами Сѣвернаго Общества; онъ, въ интересахъ заговора, сошелъ на второй планъ и передалъ часть своей власти въ руки двухъ своихъ сообщниковъ, которые хотя и были ниже его по уму и сердцу, но могли быть полезнѣе дѣлу, которому служили, — по своему высокому общественному положенію и значительному богатству.

Князь Евгеній Оболенскій и Князь Сергѣй Трубецкой сдѣлались такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Рылѣевымъ, главами заговора въ С.-Петербургѣ, и, три дня тому назадъ, Сергѣй Трубецкой принялъ, по единодушной почти просьбѣ заговорщиковъ, титулъ диктатора, хотя былъ совершенно неспособенъ къ этой роли.

Сергѣй Трубецкой, принадлежавшій къ одной изъ самыхъ древнихъ и знаменитыхъ русскихъ фамилій, былъ полковникъ главнаго штаба въ четвертомъ армейскомъ корпусѣ; Александръ I-й, за нѣсколько времени до своей смерти, назначилъ его военнымъ губернаторомъ Кіевскимъ. Это былъ человѣкъ кроткій и добрый, любезный и умный, легкомысленный, нерѣшительный и безпечный. Онъ увлеченъ былъ въ тайныя общества своими друзьями, и сначала не съумѣлъ дать себѣ отчета въ серьезныхъ послѣдствіяхъ, которыя могла имѣть для него связь съ этими обществами. Если бы онъ смѣлъ взять назадъ свое слово и не побоялся прослыть измѣнникомъ или трусомъ, то отсталъ бы отъ заговорщиковъ.

Заговорщики же, группируясь около него, сочли самымъ лучшимъ средствомъ удержать его въ своей партіи — поставивъ его, почти противъ его воли, во главѣ заговора и присвоивъ ему титулъ и властъ диктатора.

Тѣмъ не менѣе, руководителемъ заговора оставался Рылѣевъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Бестужевымъ, подъ номинальною гарантіею Князя Трубецкаго, который слѣпо имъ довѣрялся. У Рылѣева постоянно собирались главные соучастники заговора; онъ говорилъ устами диктатора и давалъ приказанія, которымъ никто еще не оказывалъ неповиновенія.

Въ числѣ заговорщиковъ, которые должны были играть дѣятельную роль въ завтрашнемъ возстаніи, были безъ сомнѣнія нѣкоторые смѣлые авантюристы низшаго разряда, но большая часть ихъ были лица значительныя по имени, ими носимому, по мѣсту, занимаемому ими въ русской аристократіи, и по высокимъ должностямъ, которыхъ они достигли въ арміи.

Многіе изъ нихъ вступили въ сношенія съ тайными обществами со всѣмъ пыломъ и непослѣдовательностью молодости, не измѣривъ пропасти, въ которую толкнула ихъ минута политическаго заблужденія; другіе, безразсудные, задавшіеся глу-

ными утопіями соціальными и республиканскими, — убѣждены были, что посвящають себя святому и патріотическому дѣлу въ интересахъ народа и для свободы Россіи.

Мы назовемъ здѣсь нѣкоторыхъ изъ этихъ заблуждавшихся людей, которые тогда предпринимали заговоръ противъ Имперіи и Императорской фамиліи и которые, можетъ быть, мѣсяцъ тому назадъ, — съ радостью отдали бы свою жизнь за Императора.

Полковникъ Батенковъ, человѣкъ предпріимчиваго и безпокойнаго характера, пустился очертя голову въ заговоръ, чтобы отмстить за потерю выгоднаго мѣста, которое онъ прежде занималъ въ военныхъ колоніяхъ.

Баронъ Штейнгель, отставной подполковникъ, человѣкъ благоразумный и уважаемый, предложилъ свои услуги заговорщикамъ въ надеждѣ получить вознагражденіе за нѣкоторыя понесенныя имъ несправедливости.

Князь Оболенскій, поручикъ Императорской гвардіи и адъютантъ генерала Бистрома, былъ такъ-же знаменитъ, богатъ и уменъ, какъ его другъ князь Трубецкой: онъ согласился сдѣлаться членомъ тайныхъ обществъ изъ чувства личной непріязни къ Великому Князю Николаю.

Князь Одоевскій, корнетъ гвардіи, и князь Щепинъ-Ростовскій, капитанъ Московскаго полка, оба потомки древняго племени Рюрика, пошли по слѣдамъ князя Трубецкаго безъ всякой честолюбивой задней мысли и безъ старой непріязни къ фамиліи Романовыхъ.

Эти знаменитые заговорщики, которые могли все потерять и ничего не могли выиграть въ демократической революціи, слѣпо подчинялись вліянію совѣтовъ и примѣру своихъ политическихъ друзей, принадлежавшихъ всѣмъ корпусамъ арміи. Въ числѣ соучастниковъ заговора находились также: графъ Коновницынъ, поручикъ главнаго гвардейскаго штаба; капитаны Пущинъ и Рѣпинъ; поручикъ Арбузовъ; капитанъ Ни-

жегородскихъ драгуновъ — Якубовичъ; Завалишинъ, поручикъ флотскаго экипажа; Петръ Каховскій, поручикъ въ отставкѣ; братья Бестужевы, — Александръ, — офицеръ главнаго штаба. Николай, флотскій лейтенантъ, и Михаилъ, штабсъ-капитанъ Московскаго полка, и др.

Въ центральномъ собраніи, происходившемъ у Рылѣева вечеромъ $^{13}/_{25}$ декабря и продолжавшемся часть ночи, было много споровъ и разногласія.

Статскій совѣтникъ Краснокуцкій, членъ Южной ассоціаціи. прибылъ около полуночи и положительно объявилъ, что Государственный Совѣтъ собрался для слушанія манифеста новаго Императора, и что присяга будетъ происходить завтра съ семи часовъ утра.

Это извѣстіе положило конецъ отлагательстамъ, которыя предлагаемы были еще самыми робкими, самыми благоразумными или самыми нерѣшительными заговорщиками.

Рылѣевъ, остававшійся мрачнымъ и молчаливымъ съ самаго открытія засѣданія, разсказалъ взволнованнымъ голосомъ, что нѣкто, чуждый заговору и тайнымъ обществамъ, явился вчера въ зимній дворецъ и увѣдомилъ Великаго Князя Николая. что противъ него составляется заговоръ...

— Назовите измѣнника! назовите его! вскричали всѣ присутствующіе, испуская бѣшеные крики и съ недовѣріемъ смотря другъ на друга. Смерть измѣннику!

— Я далъ слово не называть его имени, сказалъ Рылѣевъ. Впрочемъ онъ не измѣнникъ, потому что не былъ членомъ нашей ассоціаціи. Поэтому-то все, что онъ зналъ и могъ открыть, ограничивается предположеніями....

— Это все равно, онъ долженъ умереть! прервалъ Каховскій. Я беру на себя отмстить за всѣхъ....

— Великій Князь теперь принялъ предосторожности, холодно возразилъ Рылѣевъ: но онъ вовсе не знаетъ именъ заговорщиковъ и средствъ заговора.... Мы не должны терять

времени, и завтра же увидимъ, за кѣмъ останется побѣда,— за демократіею или за тираннiею!

— Да! вскричалъ одинъ изъ заговорщиковъ: ножны разбиты, и мы не можемъ уже скрывать свои сабли!

— Браво! съ жаромъ воскликнулъ Александръ Бестужевъ. Я съ своей стороны перехожу черезъ Рубиконъ и буду рубить все, что будетъ сопротивляться.

— Будетъ большое кровопролитіе, — холодно возразилъ Якубовичъ. Если бы мнѣ дали волю, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Рылѣеву: то я бы все это устроилъ, убивъ Императора.

— Въ самомъ дѣлѣ, я виню себя въ томъ, что вырвалъ у тебя твою жертву, сказалъ Рылѣевъ, съ пренебреженіемъ. Но еслибы Александръ умеръ, то тебѣ пришлось бы убивать еще двухъ Императоровъ.... У насъ, благодаря Бога, есть другое дѣло!...

— Хорошо было бы узнать, возразилъ одинъ заговорщикъ: что сдѣлаютъ послѣ побѣды съ Императорскою фамиліею....

— Мы не убійцы! прервалъ Рылѣевъ, имѣвшій глубокое отвращеніе къ цареубійству. Я надѣюсь, что Великій Князь Николай откажется отъ короны, и что Сенатъ, въ виду возстанія всѣхъ полковъ, выскажется въ пользу нашей демократической программы.... Дай Богъ намъ избѣжать кровопролитія!...

— Друзья мои, вскричалъ Каховскій: у меня нѣтъ семейства, я одинъ на землѣ и отъ всей души пожертвую собою, если нужно будетъ принести мою жизнь за наше святое дѣло. Въ случаѣ, если Великій Князь Николай не захочетъ послушать голоса разсудка, я освобожу васъ отъ него!

— Нѣтъ, я! возразилъ съ дикою энергіею Якубовичъ: мнѣ помѣшали убить Александра, но теперь у меня уже не отнимутъ мою жертву!

Въ этомъ замѣчательномъ спорѣ, гдѣ Рылѣевъ имѣлъ мужество противостоять заносчивости и насильственнымъ планамъ

крайней партіи, которую представляли Якубовичъ и Каховскій, — князь Трубецкой, хотя и негодовавшій на слышанныя имъ рѣчи объ убійствѣ, не принялъ однакоже прямаго участія въ спорѣ и, казалось, сожалѣлъ о томъ, что связался съ подобными неистовцами; ему стоило бы обратиться къ своей власти диктатора, чтобы заставить ихъ замолчать, но онъ не сдѣлалъ этого, а оставался въ сторонѣ, потихоньку разговаривая съ княземъ Оболенскимъ и нѣкоторыми другими близкими къ нему людьми.

Однако надобно было принять рѣшительныя мѣры и дать положительныя распоряженія на завтрашній день. Рѣшили увлечь на Сенатскую площадь всѣ полки, которые удастся возмутить, внушая солдатамъ, что Великій Князь Николай узурпаторъ, и что присяга, уже данная Цесаревичу, не должна быть замѣняема новою присягою. Тогда князь Трубецкой долженъ былъ стать во главѣ возмутившихся, а капитанъ Якубовичъ и полковникъ Булатовъ должны были командовать подъ его начальствомъ, и Сенатъ, который тогда долженъ былъ собраться въ мѣстѣ своихъ засѣданій, принужденъ будетъ руководить національнымъ движеніемъ, чтобы устранить кровопролитіе.

Надѣялись, что Великій Князь Николай, въ виду торжествующаго возстанія, не воспротивится немедленному созванію выборныхъ депутатовъ изо всѣхъ губерній Имперіи, которымъ будетъ поручено ввести представительное правленіе съ конституціоннымъ государемъ.

Князь Трубецкой, заранѣе потерявшій надежду и рѣшившійся на все, молча одобрилъ все, что было предложено и рѣшено его мнѣніемъ.

Во всѣхъ полкахъ, квартировавшихъ въ С.-Петербургѣ, солдатъ въ продолженіи пятнадцати дней искусно подготовляли къ бунту; большая часть ихъ уже рѣшилась не давать присяги новому Императору.

Въ казармахъ распространился также слухъ, что Цесаревичъ вовсе не отказался отъ престола, а идетъ противъ своего брата съ польскою арміею защищать свои наслѣдственныя права оружіемъ.

Офицеры же всѣ были болѣе или менѣе расположены повиноваться тайнымъ обществамъ и стать на сторону революціи. Общее настроеніе духа въ войскахъ казалось какъ нельзя болѣе благопріятнымъ для военнаго возстанія, котораго многіе главы заговора не хотѣли болѣе ждать.

Днемъ 9 декабря князь Оболенскій послалъ спросить у нѣкоторыхъ своихъ друзей, конно-гвардейскихъ офицеровъ, можно ли разсчитывать на ихъ полкъ въ случаѣ народной манифестаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ былъ въ томъ, чтобы заставить высшія правительственныя мѣста вмѣшаться въ переворотъ. Подъ вліяніемъ всеобщаго возмущенія, Государственный Совѣтъ и Сенатъ, въ средѣ которыхъ было много заговорщиковъ, должны были собраться на чрезвычайное засѣданіе, и предложить законодательныя условія Императору, котораго должны были утвердить потомъ отъ имени народа и войска. Но въ ту самую минуту, когда бунтъ готовъ былъ вспыхнуть, — всѣ эти планы рушились.

Подполковникъ Батенковъ, который былъ главнымъ участникомъ въ этомъ смѣломъ планѣ, сильно огорчился тѣмъ, что отъ него отступили, и прямо объявилъ, что теперь въ цѣлыя полстолѣтія не найдешь такого прекраснаго случая къ возрожденію России.

— Если бы въ Государственномъ Совѣтѣ были умныя головы, — говорилъ онъ вечеромъ $^{13}/_{25}$ декабря: то Россія сегодня принесла бы присягу новому государю и новымъ законамъ. Теперь для насъ все безвозвратно потеряно!

Выраженіе этихъ сожалѣній и эта безнадежность достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что самые вліятельные заго-

ворщики не вѣрили уже въ успѣхъ предпріятія. Ихъ мнѣнія были впрочемъ очень не сходны. Самые ярые и безразсудные еще не покидали мысли о кровопролитіи.

Якубовичъ, который всегда обнаруживалъ ультрареволюціонныя стремленія, изложилъ на сходкѣ $^{13}/_{25}$ декабря ужасный планъ, который предлагалъ привести въ исполненіе завтра: сначала отворить кабаки для черни, потомъ взбунтовать солдатъ и мужиковъ, напоивъ ихъ водкою, пустить ихъ на зимній дворецъ и наконецъ предать разграбленію богатыя и промышленныя части города, а въ случаѣ неудачи опустошить столицу и поджечь ее, а затѣмъ отступить къ Москвѣ, чтобы соединиться съ Южною ассоціаціею.

Къ чести заговорщиковъ должно сказать также, что эти предложенія не были приняты серьезно и внушили къ себѣ общее отвращеніе.

Однако волненіе было сильное, хотя и сдержанное, во всѣхъ казармахъ. Съ вечера $^{13}/_{25}$ числа агенты заговора обходили всѣ посты и кордегардіи и посѣвали тамъ сѣмена бунта, повторяя, что завтра будетъ день печали и стыда для Россіи, потому что будетъ приноситься присяга узурпатору.

Цесаревичъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ очень жаркихъ приверженцевъ въ арміи и народѣ; но его принимали за государя въ силу наслѣдственнаго принципа.

Что касается до Великаго Князя Николая, то его боялись солдаты; впрочемъ, его упрекали только въ неумолимой строгости относительно дисциплины и военной службы. Таковы были въ этотъ вечеръ единственные предметы разговора въ С.-Петербургскомъ гарнизонѣ.

Около 8 часовъ вечера, одинъ офицеръ, въ адъютантскомъ мундирѣ, проникъ въ помѣщеніе роты Преображенскаго полка и пригласилъ молодыхъ солдатъ, изъ которыхъ почти исключительно состояла эта рота, протестовать завтра противъ но-

вой присяги; фельдфебель Дмитрій Косяковъ погрозилъ этому неизвѣстному адъютанту арестовать его, и солдаты сами схватили возмутителя, который задержанъ былъ плѣнникомъ до прибытія начальниковъ роты. Эти послѣдніе показали видъ, что распрашиваютъ его и отпустили его потомъ на свободу.

Еще позже два другіе офицера, принадлежащіе къ Московскому полку, явились на постъ, занимаемый солдатами этого полка на Нарвской заставѣ. Этимъ постомъ командовалъ подпоручикъ Кушелевъ, который былъ очень изумленъ, слыша, что они неприличнымъ образомъ выражаются на счетъ принесенія новой присяги. Подпоручикъ посовѣтовалъ имъ выдти и потихоньку сказалъ имъ, выводя ихъ:

— Если бы я, подобно вамъ, имѣлъ капитанскія эполеты, то имѣлъ бы честь отвѣчать вамъ предъ свидѣтелями.

Въ уголкѣ на этомъ посту притворился спящимъ закутавшись въ плащъ адъютантъ Великаго Князя Николая, Василій Перовскій, который былъ посланъ на Нарвскую заставу, чтобы дожидаться прибытія Великаго Князя Михаила. Онъ услыхалъ возмутительныя слова двухъ офицеровъ, которыхъ однако же не назвалъ по имени, отдавая на другой день утромъ отчетъ Императору.

XXIX.

Императоръ, который предчувствовалъ приближеніе важныхъ событій, всталъ рано утромъ $^{14}/_{26}$ декабря. Онъ всю ночь не смыкалъ глазъ, былъ блѣденъ и пзнуренъ, но войдя въ свою роль Императора, такъ сказать, преобразился: его физіономія, поступь и голосъ измѣнились, и, по выраженію одного лица, не покидавшаго его во весь этотъ достопамятный день, — Великій Князь совершенно исчезъ, — и на его мѣстѣ явился Императоръ.

Все покоилось еще во дворцѣ, въ которомъ караулы были наканунѣ удвоены, и который походилъ на крѣпость.

Императоръ послалъ спросить, проснулась ли Императрица; ему сказали, что она всю ночь провела въ молитвѣ. Онъ тотчасъ отправился къ ней и нѣжно упрекнулъ ее въ томъ, что она такъ утомляетъ себя, вмѣсто того, чтобы предаться отдыху, въ которомъ такъ нуждалась.

— А вы, государь, — сказала она тономъ нѣжнаго упрека, — развѣ спали больше моего?

— Наступающій день долженъ быть рѣшительнымъ! возразилъ Императоръ вздыхая.

— Исполняйте вашъ долгъ, государь, возразила Императрица вдохновеннымъ и пророческимъ голосомъ: остальное предоставьте волѣ Божіей!

Императоръ, проникнутый тѣмъ же чувствомъ, взялъ ее за руку и поднесъ эту руку къ своимъ губамъ, и тогда почувствовалъ въ себѣ надежду и довѣріе.

Онъ успѣлъ, еще до пріема лицъ, ожидавшихъ ему представиться, написать своей любимой сестрѣ, Великой Герцогинѣ Саксенъ-Веймарской, слѣдующее трогательное письмо.

«С.-Петербургъ, 14 (26) декабря.

«Молитесь за меня Богу, моя дорогая Марія, сжальтесь надъ несчастнымъ братомъ, — жертвою воли Божіей и своихъ двухъ братьевъ.

«Пока я могъ удалять отъ себя эту чашу, я дѣлалъ то, что предписывали мнѣ мое сердце и мой долгъ.

«Константинъ, — мой Императоръ, — отвергнулъ присягу, которую принесли ему Россія и я; я былъ его подданнымъ и потому долженъ былъ ему повиноваться.

«Нашъ ангелъ долженъ быть довольнымъ, его воля исполлена, какъ ни прискорбно это было для меня.

«Молитесь Богу, — повторяю вамъ, за вашего несчастнаго брата, — онъ нуждается въ утѣшеніи и пожалѣйте его!

«Николай».

Генералъ Бенкендорфъ, адъютантъ Адлербергъ и нѣкоторыя другія лица имѣли честь присутствовать при первомъ Императорскомъ вставаніи. Они были печальны и задумчивы. Императоръ предлагалъ имъ различные вопросы на счетъ настроенія умовъ въ войскахъ, но получалъ только неясные отвѣты, въ которыхъ проглядывало сильное безпокойство.

Вдругъ онъ пересталъ говорить: неясный гулъ возвѣстилъ ему прибытіе начальниковъ корпусовъ и высшихъ офицеровъ, которыхъ онъ велѣлъ созвать къ восьми часамъ утра, и которые уже собирались въ зимній дворецъ.

— Генералъ, сказалъ онъ спокойно, пожимая руку Бенкендорфа: въ этотъ вечеръ насъ, можетъ быть, уже не будетъ на свѣтѣ, но если нужно умереть, то умремъ по крайней мѣрѣ, исполнивъ свой долгъ.

Бригадные и дивизіонные начальники и шефы гвардей-

скихъ полковъ собрались, съ генераломъ Воиновымъ во главѣ, въ большой пріемной залѣ, гдѣ царствовало шумное волненіе.

Императоръ вошелъ, окруженный своими адъютантами; видъ его былъ величественно строгъ и грустенъ. При его входѣ воцарилась глубокая тишина. Онъ окинулъ взглядомъ собраніе и увидалъ около себя сильно безпокойныхъ и даже зложелательныхъ лицъ.

- Друзья мои! сказалъ онъ присутствующимъ съ благородною фамильярностью: я хотѣлъ лично объяснить вамъ, какимъ образомъ я принужденъ былъ принять корону противъ воли!

Послѣ этого искуснаго приступа, расположившаго большую часть присутствующихъ въ его пользу, онъ просто и ясно изложилъ побудительныя причины, государственные и семейные интересы, заставившіе его наконецъ сдѣлаться Императоромъ, не смотря на свое личное нежеланіе и неоднократныя протестаціи.

Легкій шепотъ одобренія пронесся въ рядахъ присутствующихъ. Императоръ велѣлъ прочесть имъ свой манифестъ и документы, къ нему относящіеся; потомъ прямо спросилъ, не имѣетъ ли кто на это возраженій, и ему отвѣчали единодушнымъ одобреніемъ. Всѣ присутствующіе офицеры, изъ коихъ нѣкоторые принадлежали къ тайнымъ обществамъ, съ восторгомъ объявили, что были готовы исполнять свой долгъ и что будутъ поддерживать до своей смерти преемника Александра І-го.

— Если это такъ, господа, то вы ручаетесь мнѣ за спокойствіе столицы! сказалъ имъ Императоръ торжественнымъ голосомъ: вы мнѣ отвѣчаете за него своими головами! Что касается до меня, то хотя бы мнѣ пришлось быть Императоромъ только одинъ этотъ день, — я докажу по крайней мѣрѣ всему свѣту, что былъ достоинъ быть имъ!

Затѣмъ онъ отпустилъ ихъ, приказавъ имъ отправиться немедленно въ центръ главнаго штаба, чтобы тамъ принести

присягу и потомъ воротиться въ свои команды, чтобы привести къ присягѣ войска.

Собраніе тотчасъ же разошлось, чтобы исполнить это приказаніе, невстрѣтившее ни малѣйшей оппозиціи.

Въ тоже время Святѣйшій Сѵнодъ и Сенатъ собирались, каждый въ обыкновенномъ мѣстѣ своихъ засѣданій, чтобы слушать чтеніе Императорскаго манифеста и принести присягу въ вѣрности Императору Николаю. Формула этой присяги и манифестъ должны были, по опредѣленію этихъ двухъ собраній, быть напечатаны въ большомъ количествѣ экземпляровъ въ Сенатской Типографіи и раздаваемы по улицамъ.

Народъ былъ созванъ въ этотъ же часъ въ церкви для принесенія той же присяги, а всѣ лица, имѣющія доступъ ко двору, были приглашены явиться въ зимній дворецъ въ 11 часовъ, чтобы присутствовать при торжественномъ молебнѣ, а потомъ быть при пріемѣ у ихъ Императорскихъ Величествъ.

Но пріемъ былъ вдругъ отложенъ до двухъ часовъ по полудни, когда приглашенные уже заняли всѣ залы зимняго дворца.

Императора въ это самое время увѣдомили обо всемъ, что происходило въ различныхъ пунктахъ С.-Петербурга: ему подъ рукою дали знать, что всѣ заговорщики были на своихъ мѣстахъ, и что заговоръ вспыхнетъ раньше полудня.

Онъ послалъ къ начальникамъ полковъ приказаніе прислать ему донесенія тотчасъ же по выполненіи обряда присяги.

Въ это время прибылъ графъ Милорадовичъ: онъ совершенно успокоился на счетъ существованія обширнаго революціоннаго заговора и старался внушить ту же увѣренность Императору. Онъ говорилъ, что полиція продолжаетъ утверждать, что заговоръ этотъ никогда не существовалъ. По словамъ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора — «городъ былъ спокоенъ, — исключая развѣ небольшаго волненія, неизбѣжнаго въ подобномъ случаѣ». Кромѣ того, генералъ - губернаторъ

надѣялся, что принялъ на всякій случай мѣры благоразумія, чтобы общественное спокойствіе не было какимъ нибудь образомъ возмущено.

— Графъ, сказалъ ему Императоръ, раздосадованный этимъ ослѣпленіемъ, — я желалъ бы, чтобы вы черезъ два часа не были принуждены заговорить инымъ тономъ; мы стоимъ на вулканѣ, и взрывъ уже не далекъ.

Въ самомъ дѣлѣ, заговоръ всюду сбрасывалъ съ себя маску; заговорщики собирались почти открыто и ожидали только послѣдняго сигнала, чтобы взяться за оружіе.

Правда, въ пустыхъ церквахъ читали манифестъ и служили молебны въ честь Николая I-го, но оппозиція и непріязненность обнаруживались всюду на улицахъ, гдѣ образовались грозныя группы.

Разнощики подавали или раздавали напечатанную формулу присяги, но раздача манифеста, который былъ естественнымъ ключемъ къ ней, была остановлена. Народъ вслухъ говорилъ, что присяга новому императору не уничтожаетъ передъ Богомъ и людьми первую присягу, данную прямому и законному наслѣднику престола, императору Константину I-му.

Однако большая часть гвардейскихъ полковъ принесла присягу, и все прошло довольно хорошо, за исключеніемъ нѣкоторыхъ симптомовъ, доказывавшихъ вліяніе заговорщиковъ на армію. Такъ, напримѣръ, когда генералъ Орловъ, командующій конною гвардіею, разсказалъ солдатамъ благородную борьбу, происшедшую между двумя великими князьями, уступавшими одинъ другому престолонаслѣдіе, то солдаты вскричали: «они оба благороднѣйшіе люди!» Но тутъ послышались нѣкоторые голоса, говорившіе: «что же доказываетъ, что Цесаревичъ отказывается отъ престола?» Священникъ, которому Орловъ приказалъ читать формулу присяги, нѣсколько поколебался; генералъ вырвалъ у него бумагу изъ рукъ и самъ прочелъ формулу: «Клянемся!» — повторили тогда офицеры и солдаты.

Примѣръ этого полка, извѣстнаго своею привязанностью къ Цесаревичу, казался хорошимъ признакомъ. Императору, въ самомъ дѣлѣ, постепенно доносили о принесеніи присяги полками: кавалергардовъ, преображенскимъ, семеновскимъ, павловскимъ, финляндскими егерями, баталіономъ гвардейскихъ саперовъ.

Но другіе корпусные начальники еще не присылали донесеній; это замедленіе приписывали отдаленности казармъ, и во дворцѣ начали ходить самые зловѣщіе слухи. Говорили, что Сенатская площадь занята толпами вооруженныхъ и пьяныхъ людей, которые кричали: «да здравствуетъ Константинъ!»

Императоръ еще не появлялся; онъ ожидалъ въ своемъ кабинетѣ донесеній относительно присяги войскъ и давалъ аудіенцію генераламъ, которые приходили сообщать ему извѣстія о томъ, что происходило внѣ дворца.

Около 11 часовъ прибылъ изъ Ненналя Великій Князь Михаилъ, получившій тамъ письмо своего брата, который просилъ его тотчасъ воротиться въ С.-Петербургъ. Это письмо, по необъяснимой ошибкѣ курьера, опоздало на 15 часовъ.

Великаго Князя увѣдомили на Нарвской заставѣ, что въ столицѣ происходитъ сильное волненіе и что войска бунтуютъ. Поэтому онъ вышелъ изъ своей дорожной кареты, сѣлъ на лошадь и поскакалъ прямо въ зимній дворецъ. Императоръ принялъ его съ распростертыми объятіями и сказалъ:

— Ахъ! если бы ты могъ привезти сюда Константина, то не было бы того, что ты теперь видишь. Но ты будешь моимъ свидѣтелемъ и порукою въ этотъ роковой день, — первый, а можетъ быть и послѣдній день моего царствованія!

Они пробыли нѣкоторое время вдвоемъ, и ихъ бесѣда, можетъ быть, и еще продолжалась бы, если бы вдали въ различныхъ направленіяхъ не послышались выстрѣлы.

Генералъ Сухозанетъ, начальникъ гвардейской артиллеріи, предсталъ съ безпокойнымъ видомъ передъ Императора и

объявилъ, что нѣкоторые офицеры первой конно-артиллерійской бригады настаивали на томъ, чтобы Великій Князь Михаилъ самъ принесъ имъ приказаніе присягать новому Императору, потому что, по ихъ словамъ, Великій Князь былъ удаленъ изъ С.-Петербурга за то, что не одобрялъ восшествія на престолъ своего брата Николая. Генералъ велѣлъ на своихъ глазахъ арестовать нѣкоторыхъ офицеровъ, а другіе вышли изъ казармъ, объявивъ, что не будутъ присягать.

— Я не хочу знать именъ этихъ офицеровъ, прервалъ Императоръ: пусть возвратятъ арестованнымъ ихъ шпаги! Мнѣ достаточно, Сухозанетъ, что я могу разсчитывать на тебя!

Потомъ, обратившись къ Великому Князю Михаилу, попросилъ его отправиться въ артиллерійскія казармы. Вел. Князь повиновался, и его неожиданное появленіе принято было съ восторгомъ. Ему стоило только произнести нѣсколько строгихъ словъ, чтобы все пришло въ порядокъ, и присяга была дана въ его присутствіи.

Но дѣла уже приняли въ другихъ пунктахъ города важный оборотъ.

Императоръ, извѣщенный о сборищахъ, образовавшихся на Сенатской площади, послалъ за генераломъ Милорадовичемъ, какъ вдругъ явился къ Его Величеству генералъ Нейдгартъ, блѣдный и смущенный.

— Государь! сказалъ онъ тронутымъ голосомъ: Московскій полкъ совсѣмъ взбунтовался. Шеншинъ и Фридериксъ смертельно ранены, и бунтовщики идутъ къ Сенату. Если Ваше Величество не отдадите немедленныхъ приказаній, то мятежники скоро займутъ дворецъ.

Въ самомъ дѣлѣ Московскій полкъ возмутился по наущенію двухъ офицеровъ, которые говорили, будто знаютъ изъ вѣрнаго источника, что Великаго Князя Константина держатъ подъ стражею въ Варшавѣ и что Великаго Князя Михаила, по его прибытіи въ Петербургъ, заключили въ оковы.

Солдаты разсвирѣпѣли и отказались присягать. Генералы Шеншинъ и Фридериксъ, пытавшіеся возстановить порядокъ, были смертельно ранены сабельными ударами, равно какъ и полковникъ Хвощинскій. Часть солдатъ, увлеченная своими офицерами, бросилась вонъ изъ казармъ съ ружьями на плечахъ и съ криками: «да здравствуетъ Константинъ!»

Остатокъ полка, благодаря твердости нѣкоторыхъ вѣрныхъ Императору офицеровъ, остался въ казармахъ, но не хотѣлъ и слышать о присягѣ.

Заговоръ былъ въ полной силѣ, и нельзя было терять ни минуты, чтобы помѣшать ему вспыхнуть разомъ на всѣхъ пунктахъ.

Императоръ приказалъ генералу Нейдгарту стать во главѣ Семеновскаго полка и привести къ повиновенію тѣ роты Московскаго полка, которыя еще не покидали своихъ казармъ, тогда какъ генералъ-майоръ Стрекаловъ долженъ былъ отправиться за первымъ батальономъ Преображенскаго полка, квартировавшаго на Милліонной, чтобы прикрыть зимній дворецъ.

Минута дѣйствовать наступила; событія быстро чередовались; адъютантъ Бибиковъ получилъ приказаніе приготовить лошадь для Его Величества.

Вдругъ Императоръ вспомнилъ, что его дѣти оставались беззащитными въ Аничковомъ дворцѣ, и потому поручилъ адъютанту своему Кавелину отправиться за ними и отвести ихъ къ августѣйшей матери.

XXX.

Императрица, занятая безпокойными извѣстіями, до нея доходившими, послала спросить у Императора, что все это значитъ. Императоръ, который хотѣлъ успокоить ее, самъ пришелъ къ ней съ отвѣтомъ и сказалъ ей равнодушнымъ тономъ: «Особеннаго нѣтъ ничего, только произошло небольшое волненіе въ артиллеріи.»

Онъ нѣжно, но съ грустью, смотрѣлъ не нее, говоря самъ себѣ, что видитъ ее, можетъ быть, послѣдній разъ. Онъ замѣтилъ, что около нея находились двѣ дочери, Марія и Ольга.

— Я очень радъ, что дочери ваши находятся около васъ, сказалъ онъ ей вздыхая; я желалъ бы, чтобы и сынъ нашъ былъ также здѣсь, но надѣюсь, что если Богъ поможетъ намъ, то и онъ прибудетъ сюда. Помните, что я ввѣряю его вамъ.

— Государь, я понимаю васъ! вскричала Императрица, бросаясь къ нему, съ глазами полными слезъ. У насъ мятежъ, заговоръ.... Кто знаетъ, что сейчасъ случится! Не покидайте меня, Государь, не помолившись вмѣстѣ со мною! Помолимся вмѣстѣ, чтобы Провидѣніе помогло намъ и чтобы Вы восторжествовали надъ всѣми Вашими врагами!

Они пали на колѣни предъ Святою иконою и безмолвно молились. Императоръ всталъ подкрѣпленный молитвою; Императрица продолжала стоять на колѣняхъ и плакать.

— Александра, — сказалъ ей ея Августѣйшій супругъ: я поклялся передъ Богомъ умереть Императоромъ или подавить бунтъ!

— А я, возразила она торжественно: клянусь умереть съ Вами, если бунтъ одержитъ верхъ! Идите, мой другъ, куда призываетъ васъ долгъ государя! я буду ждать васъ и молиться за васъ.

Императоръ едва вышелъ изъ комнаты Императрицы, какъ Императрица-мать вошла туда внѣ себя, преслѣдуемая самыми ужасными предчувствіями: она искала своего сына Николая, удивляясь, что съ самаго утра еще не видала его. Бросивъ взоръ на приготовленія къ туалету своей невѣстки, она сказала ей съ горечью:

— Не до туалета, дитя мое! У насъ бунтъ, а можетъ быть и революція.... Да спасетъ Богъ Императора и Россію.

Въ эту минуту во дворцѣ смѣнялся внутренній караулъ.

Этотъ караулъ до полудня занималъ отрядъ конной гвардіи подъ командою князя Одоевскаго. Предполагали, что этотъ офицеръ ожидалъ появленія заговорщиковъ, чтобы предать въ ихъ руки Императорскую фамилію; но въ исполненіи заговора произошло замедленіе и кромѣ того за княземъ Одоевскимъ присматривалъ унтеръ-офицеръ его отряда. Когда онъ хотѣлъ остаться послѣ смѣны во дворцѣ, приказывая солдатамъ воротиться безъ него въ казармы, то старый унтеръ-офицеръ отвѣчалъ ему: «Генералъ приказалъ намъ идти къ присягѣ, а потому вы ведите насъ и покажите намъ примѣръ. Мы васъ безъ этого не пустимъ». Князь увидалъ себя принужденнымъ не только скрывать свою досаду, но идти присягать вмѣстѣ съ своимъ карауломъ.

Конную гвардію смѣнила 6 рота Финляндскихъ егерей: эта рота была подъ командою штабсъ-капитана Прибыткова и состояла изъ вѣрныхъ и преданныхъ людей; она только что присягнула, передъ своимъ отправленіемъ въ зимній дво-

рецъ, новому Императору. Одинъ случай такъ счастливо избралъ столь удачный караулъ на этотъ опасный день.

Императоръ въ мундирѣ Измайловскаго полка съ большою голубою лентою, сошелъ на главный караулъ, не набросивъ даже шинели, не смотря на сильный холодъ. Съ нимъ былъ только одинъ адъютантъ Адлербергъ.

Онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ графа Апраксина и генерала Воинова, которые имѣли разстроенный видъ и что-то говорили потихоньку промежъ себя: графу Апраксину онъ приказалъ тотчасъ привести находившихся подъ его начальствомъ кавалергардовъ, а генералу Воинову, — уважаемому за храбрость, но извѣстному по своему слабому и нерѣшительному характеру, — холодно сказалъ, что его мѣсто въ эту минуту не во дворцѣ, а около бунтующаго войска.

Императоръ объявилъ себя караулу: забили барабаны, и знамя склонилось передъ нимъ. Онъ ласковымъ тономъ спросилъ у солдатъ, присягнули ли они и знаютъ ли, что этой второй присяги требовалъ его братъ Константинъ. Солдаты отвѣчали, что знаютъ волю Цесаревича и что присягнули уже Императору Николаю.

— Дѣти мои, съ добротою сказалъ имъ Императоръ: вотъ удобная минута доказать мнѣ вашу вѣрность. Московскій полкъ ведетъ себя нехорошо. Не подражайте ему и исполняйте свой долгъ, какъ храбрые воины. Готовы ли вы всѣ умереть за меня и со мною?

Всѣ отвѣчали единодушнымъ изъявленіемъ преданности. Императоръ велѣлъ зарядить ружья, и, обращаясь къ офицерамъ, раздѣлявшимъ энтузіазмъ солдатъ, сказалъ:

— Васъ, господа, я знаю и не имѣю нужды говорить вамъ что нибудь еще.

Тогда Императоръ лично принялъ команду надъ этою ротою, и, проведя ее къ главному входу во дворъ, выстроилъ ее снаружи, чтобы прикрывать отворенныя ворота.

Обширная площадь, находящаяся передъ зимнимъ дворцомъ, была наполнена экипажами, съѣхавшимися на молебенъ, и громадною толпою собравшеюся изъ любопытства.

Въ этихъ кучахъ народа были безъ сомнѣнія и агенты заговора, но злонамѣренность пока обнаруживалась только отдѣльными криками: «Да здравствуетъ Константинъ!»

Глухой и грозный видъ сопровождалъ офицера, покрытаго кровью, который тащился, опираясь на свою саблю. Это былъ полковникъ Хвощинскій, раненный во время бунта Московскаго полка.

— Въ какомъ вы положеніи, полковникъ! сказалъ ему съ соболѣзнованіемъ Императоръ. Но, ради Бога, не выставляйте себя такимъ образомъ на видъ толпы. Надо успокоить народъ, а не возбуждать его.... Генералъ Стрекаловъ не возвращается! прибавилъ онъ обращаясь къ своему адъютанту. Адлербергъ, отправьтесь въ казармы Преображенскаго полка и поторопите приходъ перваго баталіона....

— Государь, Вы одни среди этой толпы! сказалъ адъютантъ, устрашенный опасностью, которой подвергался Императоръ.

Жестъ Императора заставилъ его замолчать. Онъ повиновался и не хотя удалился.

Въ самомъ дѣлѣ Императоръ былъ совершенно одинъ, когда приблизился къ толпѣ, которая тотчасъ окружила его съ шумными выраженіями преданности, кричала «ура» и бросала шапки къ верху.

— Читали ли вы мой манифестъ? спросилъ у нихъ Императоръ громкимъ и звучнымъ голосомъ.

Ему отвѣчали, что еще никто не знаетъ его манифеста. Онъ увидалъ одну личность, которая держала въ рукахъ печатный экземпляръ, взялъ его у нея изъ рукъ и громко, медленно и ясно прочелъ этотъ длинный манифестъ, прибавляя къ нему комментаріи, поясняющіе смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ.

Это было средство выиграть время, потому что онъ съ минуты на минуты ожидалъ прибытія перваго батальона Преображенскаго полка.

По окончаніи этого чтенія, часто прерывавшагося криками, народъ снова закричалъ: «Ура!»

Но тутъ появился генералъ Нейдгартъ и потихоньку сказалъ Императору, что взбунтовавшіеся солдаты и офицеры Московскаго полка заняли Сенатскую площадь.

— Друзья мои! сказалъ вдругъ Императоръ звучнымъ и громкимъ голосомъ: въ эту самую минуту люди, противящіеся волѣ Провидѣнія и желающіе воспрепятствовать мнѣ вступить на престолъ моихъ предковъ, съ оружіемъ въ рукахъ собираются вокругъ Сената.

Толпа протестовала противъ этихъ мятежниковъ новыми восклицаніями, и Императоръ увидалъ себя окруженнымъ этою неистовою толпою, которая повторяла:

— Мы не выдадимъ нашего Царя! Мы изрубимъ въ куски каждаго, кто осмѣлится подойти къ нему!

Императоръ сдѣлалъ знакъ рукою, что хочетъ говорить, и шумъ тотчасъ утихъ.

— Дѣти мои, — сказалъ онъ: я не могу разцѣловать васъ всѣхъ, но это относится ко всѣмъ!

Съ этими словами онъ поцѣловалъ тѣхъ, которые стояли къ нему ближе всѣхъ. Воцарилось глубокое молчаніе, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ только и слышались поцѣлуи, которые передавали другъ другу свидѣтели этой трогательной сцены, какъ бы передавая такимъ образомъ взаимно поцѣлуй царя.

Императоръ, снова возвысивъ голосъ, сказалъ народу, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ борьбу, и что правительство само подавитъ возстаніе, а потому и совѣтовалъ всѣмъ мирно разойтись по домамъ.

— Теперь посторонитесь! сказалъ онъ торжественнымъ тономъ.

Въ эту минуту подошелъ съ барабаннымъ боемъ первый батальонъ Преображенскаго полка изъ казармъ на Милліонной подъ командой генерала Исленьева. Императоръ быстро отправился на встрѣчу этого батальона, который прибылъ такъ скоро только по настоянію адъютанта Адлерберга.

Почти немедленное прибытіе этого батальона предупредило, можетъ быть, большія бѣдствія.

— Это хорошо! сказалъ Императоръ, выражая свое удовольствіе г. Адлербергу: теперь все пойдетъ хорошо.

— Государь, тихо сказалъ адъютантъ: объявляю Вашему Величеству, что Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ теперь, благодаря Бога, внѣ опасности!

Въ самомъ дѣлѣ, въ эту же минуту простоя наемная карета съ опущенными сторами тайкомъ въѣзжала въ зимній дворецъ черезъ ворота съ Невской набережной, сдѣлавъ большой объѣздъ черезъ наиболѣе пустынныя улицы Адмиралтейской части.

Адъютантъ Кавелинъ исполнилъ свое порученіе благоразумно и быстро. Онъ отправился въ этой наемной каретѣ въ Аничковъ дворецъ, чтобъ не возбудить подозрѣнія. Онъ нашелъ тамъ полковника Мердера, воспитателя Великаго Князя Александра, въ сильномъ безпокойствѣ и нерѣшительности, потому что Невскій проспектъ былъ запруженъ солдатами и народомъ, бѣжавшими къ мѣсту возстанія, и заговорщики уже призывали къ возстанію, отъ имени Императора Константина, въ гостиномъ дворѣ, лежащемъ по сосѣдству съ дворцомъ. Молодой Цесаревичъ положительно не зналъ, что происходитъ. Онъ занимался раскрашиваніемъ гравюры, представляющей переходъ Граника Александромъ Македонскимъ. Генералъ Мердеръ оторвалъ его отъ этого упражненія и посадилъ въ карету. Ему сказали, чтобы не испугать его, — что эта шумная толпа идетъ присягать его Августѣйшему отцу. Ребенокъ сдѣлался грустенъ и молчаливъ.

— Благодарю васъ, Кавелинъ. — сказалъ Императоръ адъютанту, принесшему это извѣстіе. Возьмите тѣ роты Павловскаго полка, которыя будетъ можно, и выстроите ихъ въ боевомъ порядкѣ на набережной и возлѣ Милліоннаго моста, чтобы прикрыть дворецъ.

Къ императору подошли нѣкоторые высшіе офицеры, между прочимъ генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, полковникъ Молоствовъ, адъютантъ принца Евгенія Виртемберскаго, и генералъ Бащуцкій, военный комендантъ С.-Петербурга.

По его приказанію, первый батальонъ Преображенскаго полка развернулся передъ зимнимъ дворцомъ. Батальонъ этотъ отдалъ честь ружьемъ Императору, быстро проходившему передъ рядами. Онъ былъ все еще пѣшкомъ и безъ шинели. Его блестящій мундиръ и воинственная фигура внушали уваженіе и удивленіе. Народъ, удаляясь, издали кричалъ еще ура.

— Солдаты, громко сказалъ Николай: когда мой братъ Константинъ отрекся отъ престола, то вы дали мнѣ присягу въ вѣрности, поклялись пролить за меня до послѣдней капли вашу кровь. Вотъ минута исполнить вашу клятву. У меня есть враги, но, съ Божіею помощію, мы управимся съ ними. Готовы ли вы мнѣ повиноваться?

— Готовы! вскричали разомъ офицеры и солдаты.

Тогда Императоръ съ чувствомъ поцѣловалъ генерала Исленьева и полковника Микулина, и батальонъ привѣтствовалъ эти поцѣлуи восторженными восклицаніями.

— Сформируйте боевую колонну! сказалъ Императоръ, самъ принявшій команду надъ этимъ батальономъ: четвертый и пятый плутонгъ скорымъ шагомъ, впередъ, маршъ!

Онъ повелъ колону по направленію къ Адмиралтейской площади и остановилъ ее напротивъ строящихся зданій главнаго штаба. Ему привели лошадь, и онъ согласился, наконецъ, набросить на плеча шинель.

Онъ вкладывалъ уже ногу въ стремя, какъ увидалъ мед-

ленно и робко подходящаго графа Милорадовича, котораго не видалъ съ утра. Императоръ не высказалъ ему никакого упрека, но принялъ его холодно.

— Дѣла плохи, Государь! сказалъ Милорадовичъ вполголоса. Они заняли Сенатскую площадь и окружили памятникъ Петра Великаго. Но я пойду и поговорю съ ними, если Ваше Величество позволите?

— Вы долгое время командовали гвардіею, отвѣчалъ Императоръ: солдаты васъ знаютъ и, можетъ быть, послушаютъ васъ больше, чѣмъ кого либо другаго. Подойдите и постарайтесь внушить имъ, что ихъ обманываютъ!

— Удостоите-ли Ваше Величество простить меня, униженно присовокупилъ старецъ. Я первый былъ обманутъ! Что касается до меня, то я никогда не прощу себѣ....

— Мы всѣ были обмануты, прервалъ Императоръ. Пойдите и сдѣлайте все, что можете, любезный графъ, если есть еще время воспрепятствовать кровопролитію!

Графъ Милорадовичъ, тронутый до слезъ добротою Императора, почтительно поцѣловалъ руку, протянутую ему Государемъ, и поспѣшно направился къ Сенатской площади въ сопровожденіи своего адъютанта Башуцкаго, сына С.-Петербургскаго коменданта.

XXXI.

Ситналъ къ возстанію былъ поданъ, но это возстаніе еще не соединило всѣхъ силъ, которыя должны были образоваться изъ соединенія войскъ и народа.

Заговорщики раздѣлили между собою дѣло, чтобы дѣйствовать разомъ въ казармахъ и на улицахъ. Во всѣхъ полкахъ были офицеры, раздувавшіе возмущеніе; были также переодѣтые эмиссары, которые раздавали водку мужикамъ, убѣждая ихъ поддерживать права Императора Константина.

Изъ всѣхъ частей города толпы стремились къ Сенатской площади, гдѣ взбунтовавшіеся солдаты Московскаго полка образовали первое ядро мятежной арміи. Мятежники были уже тамъ въ числѣ 2—3 тысячъ, по большей части полупьяные.

Множество любопытныхъ, которые каждую минуту могли принять дѣятельную и враждебную роль въ мятежѣ, со всѣхъ сторонъ заграждало окрестности этой обширной площади, въ центрѣ которой статуя Петра Великаго, казалось, избрана была сборнымъ пунктомъ главныхъ дѣятелей заговора.

Эти агенты еще не всѣ были на своихъ постахъ; нѣкоторые изъ нихъ были еще заняты возмущеніемъ нѣкоторыхъ гвардейскихъ полковъ, еще неприносившихъ присяги; другіе благоразумно держались въ сторонѣ и хотѣли обнаружить себя только въ ту минуту, когда шансы будутъ на сторонѣ заговора.

Члены тайныхъ обществъ надѣли на себя самые странные костюмы, чтобы не быть узнанными полиціей: они походили на труппу комедіантовъ, собравшихся выходить на сцену. Солдаты, находившіеся въ рядахъ бунтовщиковъ, были достойными соучастниками этого революціоннаго маскарада; ихъ напоили виномъ, и они испускали дикія восклицанія и бѣсновались какъ сумасшедшіе, крича: «Да здравствуетъ Константинъ!» и «да здравствуетъ конституція!»

Рылѣевъ и его сообщники, всѣ переодѣтые исключая Александра Бестужева, который остался въ своемъ мундирѣ, прохаживались по группамъ и ободряли мятежниковъ, которые были вполнѣ расположены употребить въ дѣло оружіе.

Эти несчастные напрасно пытались овладѣть карауломъ Сената, который былъ занятъ отрядомъ Финляндскихъ егерей; подпоручикъ Нассакинъ, командовавшій этимъ важнымъ постомъ, воспротивился угрозамъ и обѣщаніямъ заговорщиковъ и держалъ въ почтительномъ положеніи своихъ противниковъ, которые часто нападали на него во все продолженіе мятежа.

Графъ Милорадовичъ, огорченный тѣмъ, что такъ долго не видѣлъ истины, рѣшился одинъ остановить возмущеніе или же не пережить этихъ происшествій. Онъ попытался сначала продраться сквозь тѣсную толпу, которая собралась между Адмиралтейскою и Сенатскою площадями; онъ долженъ былъ сдѣлать большой обходъ пѣшкомъ, чтобы попасть на Сенатскую площадь. На дорогѣ онъ встрѣтилъ оберъ-полицеймейстера Шульгина и графа Орлова, который бѣжалъ въ казармы, чтобы вывести оттуда конногвардейцевъ.

— Пойдемте со мною! сказалъ имъ старый генералъ: я иду переговорить съ мятежниками.

— Не ходите туда, графъ, отвѣчалъ Орловъ: я увѣряю васъ, что они не послушаютъ васъ. Что касается до меня, то я долженъ сначала исполнить приказаніе Императора, — привести ему конную гвардію.

— Ну, такъ я пойду одинъ, возразилъ Милорадовичъ: и, если необходимо должна пролиться кровь, такъ пусть прольется моя!

Онъ взялъ лошадь адъютанта генерала Орлова и началъ пробираться впередъ черезъ толпу до мятежниковъ, въ сопровожденіи одного своего адьютанта, молодаго Башуцкаго, который слѣдовалъ за нимъ пѣшкомъ.

Этотъ старый генералъ, отличившійся въ двадцати сраженіяхъ и бывшій однимъ изъ героевъ войны 1812 года, былъ обожаемъ солдатами, и неизвѣстно, каковы были бы послѣдствія его личнаго появленія между мятежниками: но въ то время, какъ онъ уговаривалъ ихъ, отставной поручикъ Каховскій выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ пистолета, а другой заговорщикъ ударилъ его штыкомъ въ спину. Графъ Милорадовичъ упалъ, смертельно раненый, на руки своего адъютанта. Это было сигналомъ къ залпу, убившему и ранившему многихъ. Генералъ Воиновъ, отправившійся въ тоже время на другой пунктъ Сенатской площади для увѣщанія мятежниковъ, только чудомъ спасся отъ града пуль.

Графа Милорадовича почти безъ чувствъ перенесли въ казармы конной гвардіи, гдѣ генералъ Орловъ собиралъ свой полкъ.

— Пережить пятьдесятъ двѣ битвы, и умереть такимъ образомъ! сказалъ ему раненый. Прошу васъ сказать Императору, что я былъ первою жертвою своей слѣпой довѣрчивости. Пусть Его Величество долго живетъ и царствуетъ для блага Россіи.

Императоръ, на сколько было возможно, приблизился къ Сенатской площади, чтобы видѣть своими глазами положеніе и силу мятежниковъ, которые образовали каре и занимали такимъ образомъ наибольшую часть этой громадной площади; онъ своею высокою фигурою выдавался надъ окружавшею его толпою и такимъ образомъ служилъ какъ бы цѣлью для

каждаго, у кого было въ рукахъ ружье или пистолетъ. Генералы и адъютанты, собравшіеся вокругъ него, умоляли его воротиться назадъ.

Въ это время приблизился къ нему Якубовичъ, котораго, по густымъ усамъ и лбу, покрытому черною шелковою повязкою, нельзя было не принять за стараго служаку, хотя онъ былъ и въ партикулярномъ платьѣ. Онъ принялъ на себя обязанность разузнать, въ пользу заговора, о количествѣ войскъ, находившихся въ распоряженіи новаго Императора; но его любимымъ намѣреніемъ всегда было убить Великаго Князя Николая, если только ему удастся до него добраться. Онъ уже взялся за свой кинжалъ, какъ вдругъ пристальный взглядъ неустрашимаго Императора парализировалъ руку цареубійцы.

— Чего ты отъ меня хочешь? спросилъ у него Императоръ, ни на минуту невыпускавшій его изъ вида, какъ будто предчувствуя злобныя его намѣренія.

Я былъ съ ними, — смѣло отвѣчалъ свирѣпый заговорщикъ: но такъ какъ они поклялись умереть за Константина, то я оставилъ ихъ и пришелъ стать въ ряды Вашего Величества.

— Хорошо! возразилъ Императоръ. Кажется, графъ Милорадовичъ говорилъ мнѣ объ тебѣ.... Воротись къ тѣмъ безумцамъ и постарайся вразумить ихъ, если не боишься.

— Бояться! повторилъ Якубовичъ, показывая на повязку, покрывавшую его лобъ: развѣ Вы не видите, что я подвергался трепанаціи вслѣдствіе ужасной раны? Я, славу Богу, не изъ породы трусовъ, да и Вы, Государь, тоже, съ чѣмъ Васъ и поздравлю.

При звукѣ выстрѣловъ, послышавшихся на Сенатской площади, Императоръ далъ приказаніе запереть всѣ выходы, ведущіе на эту площадь, и прервать всякое сообщеніе мятежниковъ съ ихъ сообщниками, находившимися въ городѣ. Онъ еще

еще разсчитывалъ заставить мятежниковъ голодомъ положить оружіе.

Ему доложили, что графъ Милорадовичъ смертельно раненъ. Онъ изъявилъ сожалѣніе объ этомъ старомъ слугѣ своего брата Александра и понялъ, что это будетъ не единственная жертва возстанія.

Онъ воротился назадъ, чтобы приказать раздать патроны батальону Преображенскаго полка, и отдѣлилъ отъ него три роты подъ начальствомъ генерала Исленьева, который повелъ ихъ ко входу на Сенатскую площадь. Императоръ самъ принялъ команду надъ 4 ротою и отправился съ нею впередъ.

Стеченіе народа не позволяло ему пробраться до центра мятежа; онъ видѣлъ себя окруженнымъ подозрительными личностями и толпою, которая съ каждой минутою дѣлалась болѣе дерзкою и густою.

— Дѣти мои, сказалъ онъ имъ съ добротою: въ меня вѣрно будутъ стрѣлять, потому что стрѣляли уже въ храбрѣйшаго изъ русскихъ генераловъ, — въ бѣднаго графа Милорадовича. Я не хочу, чтобы хотя одинъ изъ васъ погибъ изъ-за меня. Воротитесь домой и молите Бога, чтобы Онъ сохранилъ меня сегодня.

Народъ не трогался съ мѣста и продолжалъ смотрѣть на него не совсѣмъ почтительно. Однако головы были у всѣхъ открыты, не смотря на десятиградусный морозъ.

— Надѣньте шапки! сказалъ имъ громко Императоръ: вы можете простудиться, и мнѣ прискорбно было бы быть причиною этого.

Эти слова тронули тѣхъ, которые ихъ слышали; народъ, хотя и волновавшійся, казалось, хотѣлъ повиноваться ему и добровольно удалиться.

По движенію и безпокойству толпы можно было угадать, что войска подходили разомъ съ различныхъ сторонъ.

Конная гвардія прибыла прежде всѣхъ. Генералу Орлову стоило не малаго труда преодолѣть непріязненное настроеніе нѣкоторыхъ офицеровъ, которые совѣтовали солдатамъ подождать и не выходить изъ своихъ казармъ. Наконецъ лошади были осѣдланы, и Орловъ, во главѣ четырехъ эскадроновъ, прибылъ къ Императору, который дошелъ съ четвертою ротою Преображенскаго батальона до конца Адмиралтейской площади.

— Князь, мы встрѣтимся на Сенатской площади! сказалъ генералъ Орловъ князю Одоевскому, котораго возмутительныя намѣренія онъ узналъ. Вы за Константина, а я за Николая. Поспѣшите же къ вашимъ друзьямъ.

Императоръ, подойдя къ рядамъ конной гвардіи, поздоровался съ солдатами, которые отвѣтили ему единодушными криками. Онъ спросилъ, признаютъ ли они его своимъ государемъ; въ отвѣтъ на это раздались продолжительныя «ура!»

— Любезные товарищи, воскликнулъ Императоръ: я съ удовольствіемъ вспоминаю, что первый мундиръ, который я носилъ, былъ мундиръ вашего полка! Я чувствую, что могу разсчитывать на вашу вѣрность, и что вы будете служить мнѣ, какъ всегда служили вашимъ законнымъ государямъ.

Однако другіе гвардейскіе полки еще не приходили, и даже его посланные не возвращались.

Вдругъ онъ увидѣлъ своего адъютанта Бибикова, котораго посылалъ за флотскимъ экипажемъ; Бибиковъ, схваченный мятежниками, не безъ труда ускользнулъ изъ ихъ рукъ; онъ объявилъ Императору, что флотскій экипажъ отказался отъ присяги, не смотря на усилія капитана Качалова, и соединился съ мятежниками на Сенатской площади.

Императоръ боялся, чтобы возстаніе не распространилось на правый берегъ Невы, и, чтобы воспрепятствовать инсургентамъ сообщаться съ Васильевскимъ островомъ, попросилъ принца Евгенія Виртембергскаго прикрыть Исакіевскій мостъ

ротою Преображенскаго полка, оставленною имъ для своей личной защиты.

Забывъ тогда, что долженъ былъ заботиться о своей жизни въ интересѣ своего народа, онъ отправился одинъ впередъ, въ сопровожденіи генерала Бенкендорфа, который умолялъ его не подвергаться вѣрной опасности, и подъѣхалъ къ самому краю Сенатской площади, чтобы разсмотрѣть поближе положеніе мятежниковъ. Его узнали и встрѣтили буйными криками и ружейными выстрѣлами, убившими около него нѣсколько человѣкъ народа.

— Несчастные! сказалъ онъ, возвращаясь медленно назадъ: они хотятъ кровопролитія!

Въ эту минуту четыре роты Московскаго полка, предводительствуемыя Великимъ Княземъ Михаиломъ, который пѣшкомъ шелъ впереди ихъ, вышли на Адмиралтейскую площадь, крича: «Да здравствуетъ Императоръ!»

Солдаты и офицеры этихъ четырехъ ротъ находились еще подъ вліяніемъ энтузіазма, возбужденнаго въ нихъ увѣщаніями Великаго Князя Михаила, когда проходили передъ Императоромъ: они привѣтствовали его восторженными восклицаніями, и просили, проливая слезы, чтобы ихъ вели въ огонь, — желая возвратить знамя, унесенное ихъ возмутившимися товарищами.

— Дѣти мои! сказалъ имъ Императоръ: ваша кровь для меня слишкомъ дорога, чтобы я рѣшился не щадить ея! Я надѣюсь, впрочемъ, что несчастные сами обратятся на истинный путь.

Однако онъ велѣлъ поставить эти четыре роты Московскаго полка на углу церкви Исаакія. Мятежники продолжали дѣлать выстрѣлы, которые ни въ кого не попадали и повидимому были предназначаемы въ особенности для того, чтобы поддерживать волненіе и безпорядокъ въ народѣ.

Императоръ сошелъ съ лошади и уступилъ ее Вел. Князю

Михаилу, который изъявлялъ намѣреніе броситься въ средину мятежниковъ, чтобы вразумить ихъ строгими словами.

— Теперь не время рѣшаться на эту послѣднюю попытку, сказалъ ему Императоръ въ полголоса: когда ихъ окружатъ со всѣхъ сторонъ, то намъ меньше будетъ труда внушить имъ, что ихъ обманули.

— Такъ позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ, возразилъ Вел. Князь: отнять у нихъ полковое знамя?

— Нѣтъ! съ живостью возразилъ Императоръ: оставайся здѣсь! я приказываю тебѣ это, — прошу тебя объ этомъ!

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ привелъ Императору полкъ кавалергардовъ и 2-й батальонъ Преображенскаго полка. Императоръ оставилъ около себя кавалергардовъ и отправилъ батальонъ Преображенскаго полка на подкрѣпленіе тремъ ротамъ того-же полка, которыми командовалъ генералъ Исленьевъ, и которыя были расположены около дома Лобанова, теперь занимаемаго военнымъ министерствомъ.

Императоръ поручилъ Великому Князю Михаилу поторопить прибытіе Семеновскаго полка, который долженъ былъ занять позицію на правомъ флангѣ мятежниковъ, между конно-гвардейскимъ манежемъ и Исаакіевскою церковью.

Этотъ полкъ еще не появлялся, но онъ далъ присягу на вѣрность. Что касается до Измайловскаго полка, котораго Великій Князь былъ шефомъ въ продолженіи 16 лѣтъ, и который не внушалъ ему никакого недовѣрія, то адъютантъ Кавелинъ отправился за нимъ въ казармы, но объ немъ еще не получалось извѣстія.

Императоръ перемѣстилъ двѣ роты Павловскаго полка, которымъ Кавелинъ поручилъ охраненіе Милліоннаго моста, и приказалъ имъ, сдѣлавъ длинный обходъ, стать по другую сторону Сенатской площади, чтобы занять Галерную улицу и такимъ образомъ не дать возстанію распространиться по городу. Онъ вспомнилъ потомъ, что Исаакіевскій мостъ охра-

нялся только ротою Преображенскаго полка и что Зимній дворецъ не достаточно безопасенъ противъ нападенія съ этой стороны, а потому и просилъ графа Комаровскаго отправиться въ казармы Финляндскаго полка и занять Исаакіевскій мостъ 1-мъ батальономъ этого полка.

Выстрѣлы продолжались, но войска не отвѣчали на нихъ. потому что Императоръ запретилъ имъ стрѣлять. Но со стороны мятежниковъ, скучившихся около монумента Петра Великаго, выстрѣлы слѣдовали безпрерывно, какъ бы для того. чтобы призвать къ оружію заговорщиковъ, которые оставались дома или занимались возмущеніемъ народа. Народъ не могъ долго оставаться пассивнымъ зрителемъ мятежа, который не былъ подавленъ въ своемъ началѣ и который овладѣлъ теперь Сенатскою площадью, такъ что члены Сената и Святѣйшаго Сѵнода очутились какъ бы заключенными въ мѣстахъ своихъ засѣданій.

По совѣту принца Евгенія Виртембергскаго, Императоръ дозволилъ наконецъ кавалерійскія аттаки холоднымъ оружіемъ. Эти кавалерійскія аттаки мятежники выдержали мужественно, и онѣ стало быть послужили только для того, чтобы выказать силы мятежниковъ. Земля была покрыта снѣгомъ, который отъ оттепели обратился въ гололедицу; лошади скользили и падали съ всадниками; сабли, не будучи отточены, производили только незначительныя раны; однимъ словомъ, три аттаки конной гвардіи, которыя генералъ Орловъ совершилъ со всѣмъ мужествомъ, къ которому только былъ способенъ, не прорвали колонны мятежниковъ, которые возбуждали другъ друга къ сопротивленію криками: «Да здравствуетъ Константинъ!» «да здравствуетъ конституція!»

Аттака конныхъ саперовъ, подъ командою полковника Засса, имѣла лучшій успѣхъ и произвела минутное замѣшательство въ рядахъ мятежниковъ; три эскадрона этого полка, прибывшіе вскачъ на Сенатскую площадь, насквозь пробили колонну

мятежниковъ и остановились только передъ Преображенскою ротою, стоявшею около Исаакіевскаго моста, въ ту самую минуту, какъ нѣкоторыя роты гвардейскихъ гренадеръ, выведенные изъ казармъ своими офицерами, переходили въ безпорядкѣ этотъ мостъ, не встрѣчая никакого препятствія.

Полкъ гвардейскихъ гренадеровъ присягнулъ на глазахъ своего полковника, барона Стюрлера; но какъ скоро полковникъ вышелъ изъ казармъ, чтобы отправиться въ Зимній дворецъ, то пять или шесть его офицеровъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, убѣдили солдатъ, что ихъ обманули, требуя отъ нихъ второй присяги. Для окончательнаго ихъ убѣжденія имъ обѣщали двойное жалованье и раздали водки.

Баронъ Стюрлеръ, извѣщенный о томъ, что происходило въ его полку, поспѣшно возвратился: онъ нашелъ своихъ солдатъ одѣтыми и вооруженными, и всѣ его усилія удержать ихъ остались безуспѣшны. Солдаты убѣжали массою на его глазахъ за двумя пьяными офицерами, которые должны были вести ихъ къ мятежникамъ.

Эта безпорядочная шайка перешла черезъ Исакіевскій мостъ и разошлась, подобно бурному потоку, по двумъ главнымъ направленіямъ: одна направилась къ Сенатской площади, тогда какъ другая перешла черезъ большую Милліонную и вышла на площадь Зимняго дворца.

Поручикъ Пановъ, который велъ эту послѣднюю группу гвардейскихъ гренадеровъ, имѣлъ намѣреніе совершить весьма смѣлый поступокъ: овладѣть дворцомъ и императорскою фамиліею.

Сообщники, его ожидавшіе, пропустили его въ ворота дворца, но вдругъ, — когда онъ проникъ уже на большой внутренній дворъ, — увидалъ колонну, образовавшуюся изъ двухъ батальоновъ гвардейскихъ саперовъ, которыхъ Императору пришло на мысль послать для защиты дворца.

— Эти не изъ нашихъ! вскричалъ Пановъ, показывая на саперовъ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? съ живостью спросилъ у него одинъ изъ его товарищей, баронъ Зальцъ, который къ счастію находился во дворцѣ.

— Оставь меня! отвѣчалъ Пановъ, приставивъ шпагу къ груди Зальца. Не трогайся съ мѣста, — иначе я велю тебя убить прикладами.

Пановъ, видя свое намѣреніе неосуществившимся, далъ своимъ сигналъ удалиться; саперы не имѣли приказанія арестовать его и выпустили его изъ дворца.

XXXII.

Императоръ возвращался пѣшкомъ по направленію Зимняго дворца. Онъ приказалъ привезти артиллерію, но еще надѣялся, что ему не придется употребить ее въ дѣло противъ мятежниковъ.

Предчувствіе вдругъ навело его на мысль позаботиться о безопасности императрицъ и своихъ дѣтей. Онъ еще не зналъ о преступномъ покушеніи Панова, какъ вдругъ увидѣлъ отрядъ этого же Панова, бѣжавшій въ разсыпную, безъ офицеровъ, со знаменемъ полка. Императоръ подумалъ, что это бѣглецы, и велѣлъ имъ остановиться; но солдаты, большею частію пьяные, не хотѣли повиноваться.

— Мы за Константина! закричали нѣкоторые.

— Если такъ, — сказалъ имъ Императоръ, показывая жестомъ на Сенатскую площадь: то вотъ ваша дорога.

Въ это время его извѣстили о происшедшемъ во дворцѣ, и онъ отъ глубины сердца возблагодарилъ Небо, которое сохранило его Августѣйшую Фамилію.

Немедленно принялъ онъ необходимыя мѣры, чтобы предохранить Императорскую резиденцію отъ аттаки болѣе серьезной, и, чтобы быть готовымъ на всякій случай, приказалъ князю Долгорукову, одному изъ своихъ шталмейстеровъ, держать наготовѣ дорожныя кареты, чтобы, въ случаѣ нужды, перевести въ Царское село обѣихъ Императрицъ и дѣтей подъ прикрытіемъ кавалергардовъ.

Адъютантъ, г. Адлербергъ, отправившійся во дворецъ съ тайными порученіями Императора, нашелъ Императрицу-мать разстроенною и въ слезахъ, а Императрицу Александру — спокойною и готовою ко всему: онъ не скрылъ отъ нихъ, что возмущеніе теперь въ полной силѣ и что ждутъ пушекъ для его подавленія.

— Какое несчастіе, что Константина нѣтъ здѣсь! сказала Императрица мать: ему стоило бы только показаться народу, чтобы водворить порядокъ!

— Не думайте этого, Государыня, отвѣчалъ г. Адлербергъ: вопросъ о присягѣ здѣсь только предлогъ для возмущенія арміи и народа; здѣсь обширный политическій заговоръ, который начинаетъ сбрасывать съ себя маску. Но Императоръ обо всемъ извѣщенъ, и я убѣжденъ, что черезъ часъ онъ покончитъ съ бунтовщиками.

— Дай Богъ, чтобы это было такъ! возразила вздыхая Императрица.

Въ туже минуту Императору передавали извѣстія изъ дворца. Посреди толпы, снова его окружившей, къ нему подошелъ Карамзинъ, котораго обѣ Императрицы просили собственными глазами посмотрѣть, что происходило, и потомъ сказать имъ. Знаменитый историкъ поспѣшно отправился на площадь въ придворномъ платьѣ, въ шубѣ и съ непокрытою головою. Императоръ издали узналъ его и позвалъ.

— А! Карамзинъ, сказалъ ему съ упрекомъ: что вы здѣсь дѣлаете? Воротитесь назадъ, мой другъ!....

— Государь, отвѣчалъ какъ бы вдохновеннымъ тономъ россійскій историкъ: я присутствую при трудныхъ родахъ новаго царствованія!

Дипломатическій корпусъ также хотѣлъ вмѣшаться въ толпу, чтобы лучше судить о ходѣ дѣлъ. Иностранные посланники подошли къ Императору, который умолялъ ихъ удалиться, потому что тамъ было опасно.

Старый графъ Дорнбергъ, Ганноверскій посланникъ, отъ имени своихъ сотоварищей объявилъ, что дипломатическій корпусъ желаетъ стать въ свитѣ Его Величества, чтобы такимъ образомъ подтвердить въ глазахъ русскаго народа и всей Европы законность правъ Императора Николая на Россійскій престолъ.

— Г. графъ, отвѣчалъ Императоръ, видимо тронутый этимъ предложеніемъ: поблагодарите отъ меня дипломатическій корпусъ, я очень благодаренъ за его предложеніе, но не могу принять его. Это дѣло семейное, въ которое Европѣ нѣтъ причинъ вмѣшиваться.

Императоръ самъ желалъ ободрить Императрицъ, но минуты были дороги, и онъ чувствовалъ, что его одно только присутствіе удерживаетъ войско отъ нарушенія долга, а въ народѣ поддерживаетъ уваженіе.

Артиллерія еще не прибыла, хотя онъ уже нѣсколько разъ посылалъ къ генералу Сухозанету. Государю доложили, что полковникъ Стюрлеръ, неблагоразумно бросившійся въ средину мятежниковъ, чтобы отнять знамя своего полка, былъ убитъ рукою Каховскаго.

Стрѣльба становилась со стороны мятежниковъ болѣе сильною и убійственною.

Наконецъ генералъ Сухозанетъ привелъ четыре пушки конной артиллеріи. Ему стоило большаго труда достать пороха и зарядовъ, потому что директоръ арсенала не хотѣлъ дать ихъ безъ письменнаго приказанія Императора. Только благодаря энергіи адъютанта Философова и поручка Булыгина зарядные ящики не остались пустыми.

Императоръ приказалъ выстроить пушки въ рядъ поперегъ Адмиралтейской площади, и генералъ Сухозанетъ громкимъ голосомъ скомандовалъ зарядить ихъ картечью. Эта команда имѣла цѣлью устрашить мятежниковъ, потому что пушки были заряжены только порохомъ.

Между тѣмъ пули свистали въ ушахъ Императора, и нѣкоторыя лица, находившіяся около него, были ранены. Онъ

спросилъ себѣ лошадь, и, вскочивъ въ сѣдло, отправился впередъ къ фронту своихъ войскъ, которыя удивлялись своему бездѣйствію и начинали роптать. Чернь, напоенная виномъ, дѣлалась дерзкою и непріязненною.

Императоръ вдругъ замѣтилъ, что эта толпа волновалась вокругъ него, и что нѣкоторые мужики стояли съ покрытыми головами и дерзко смотрѣли на него.

— Шапки долой! закричалъ онъ строгимъ голосомъ, и народъ тотчасъ снялъ шапки и почтительно поклонился.

Площадь въ минуту опустѣла, и кавалерійскіе пикеты, поставленные на концахъ всѣхъ улицъ, на нее выходящихъ, загородили входъ на нее.

Императору донесли, что Измайловскій полкъ, котораго дожидались болѣе часа, наконецъ сталъ подъ ружье и расположился у Синяго моста.

При этомъ неожиданномъ извѣстіи, Императоръ выразилъ удовольствіе и пожелалъ самъ увѣриться въ расположеніи этого полка. Солдаты, увидавъ его, выразили свою преданность радостными восклицаніями.

— Дѣти мои, сказалъ имъ Императоръ: мнѣ сказали, что я не могу разсчитывать на васъ, но я увѣренъ, что это неправда. Впрочемъ, если между вами есть люди мнѣ враждебные, то они могутъ идти и соединиться съ тѣми!

Громкое «ура» было отвѣтомъ на эту откровенную и благородную рѣчь; ни одинъ человѣкъ не вышелъ изъ рядовъ.

— Хорошо, сказалъ Императоръ: я вижу, что меня обманули, и что я могу разсчитывать на васъ. Теперь зарядите ваши ружья!

Солдаты повиновались этой командѣ, повторенной нѣсколькими офицерами, и Императоръ повелъ полкъ къ дому Лобанова, лежащему напротивъ церкви Исаакія, и оставилъ его въ резервѣ.

Теперь всѣ силы, которыми онъ могъ располагать, были расположены кругомъ Сенатской площади. Три или четыре

тысячи человѣкъ, составлявшіе армію заговорщиковъ, неизбѣжно были бы побѣждены безъ сраженія — голодомъ и холодомъ; но приближалась ночь, и сообщники заговорщиковъ уже разсѣялись по городу, чтобы въ различныхъ мѣстахъ поджечь его и возбудить чернь къ грабежу.

Императора извѣстили объ этихъ ужасныхъ намѣреніяхъ донесенія полиціи, въ первый разъ открывавшія существованіе этого заговора.

Онъ объѣхалъ церковь Исаакія и встрѣтился съ Великимъ Княземъ Михаиломъ, который негодовалъ на свое бездѣйствіе въ виду мятежниковъ.

— Государь, сказалъ ему Великій Князь: умоляю васъ, позвольте мнѣ попытаться вразумить этихъ несчастныхъ.

— Они слѣпы и глухи, печально отвѣчалъ Императоръ. Пойди, поговори съ ними и скажи имъ, что я умоляю ихъ не заставлять меня прибѣгать къ крайнимъ средствамъ.

Великій Князь, въ сопровожденіи генерала Левашева, тотчасъ направился къ колоннѣ мятежниковъ, которые дружелюбно привѣтствовали его; онъ раздраженнымъ тономъ спросилъ ихъ, чего они хотятъ, и они отвѣчали ему почтительно, что дали присягу Императору Константину и что хотятъ остаться вѣрными этой присягѣ. Великій Князь понялъ, что должно было употребить силу убѣжденія, и потому началъ увѣрять ихъ, что Цесаревичъ отрекся отъ престола и самъ присягнулъ новому Императору.

— Мы вѣримъ словамъ Вашего Высочества, — но почему же Цесаревичъ не прибылъ лично отдать намъ приказанія? Мы не знаемъ даже, гдѣ онъ находится, и насъ увѣряютъ, что онъ находится подъ стражею.

— Какіе безсовѣстные люди осмѣливаются разсѣвать подобныя клеветы! вскричалъ Великій Князь.

Въ эту минуту одинъ изъ заговорщиковъ намѣревался выстрѣлить въ него, но гвардейскіе моряки бросились на убійцу,

вырвали у него пистолетъ и жестоко поступили съ нимъ, обращаясь къ нему съ ругательствами. Генералъ Левашевъ воспользовался суматохой, причиненной этою попыткою убійцы, чтобы отклонить Великаго Князя и привесть его здоровымъ къ посту, назначенному ему Императоромъ.

Императоръ такъ мало полагался на результаты примирительной попытки своего брата, что послалъ во дворецъ за С.-Петербургскимъ митрополитомъ и просилъ его обратиться съ увѣщаніями къ инсургентамъ.

Митрополитъ Серафимъ принялъ съ мужествомъ это порученіе, къ которому пожелалъ присоедениться Кіевскій митрополитъ, бывшій также во дворцѣ. Два почтенные старца, одѣтые въ свои святительскіе одежды, въ сопровожденіи своихъ иподіаконовъ поѣхали въ наемной каретѣ на Сенатскую площадь: при видѣ ихъ, ружья выпали изъ рукъ мятежниковъ, упавшихъ на колѣни предъ распятіемъ. Но начальники заговора старались отклонить барабаннымъ боемъ отъ исполненія такой трогательной сцены: они отвѣчали оскорбленіями и угрозами на отеческія слова и просили ихъ удалиться немедленно, чтобы не быть убитыми.

Императоръ узнавши, что вмѣшательство митрополитовъ не удалось, поднялъ къ небу руки, призывая его во свидѣтели; въ это время онъ имѣлъ задумчивый видъ и голову наклоненную на грудь.

Одинъ изъ его адъютантовъ приблизился къ нему и сказалъ, что 1-й батальонъ Финляндскаго полка, которымъ онъ распоряжался съ начала бунта и который генералъ Комаровскій долженъ былъ привести ему, находится въ хорошемъ порядкѣ при входѣ Исаакіевскаго моста, но отказался отъ всякаго рода службы, объявляя, что онъ станетъ нейтральнымъ и не подыметъ оружія.

На Адмиралтейскихъ часахъ пробило три часа. День подходилъ къ вечеру. Инсургенты упрямились охранять свои

позиціи, и заговорщики, заставлявшіе ихъ дѣйствовать такъ. много полагались на одновременное пособіе ихъ союзниковъ со всей Россіи, чтобы не отклоняться отъ всякаго ласковаго переговора съ Императорскимъ правительствомъ. Многіе офицеры, которымъ было поручено передать прощеніе заговорщикамъ, были убиты: «Бейте ихъ! кричали начальники заговора: бейте ихъ! это измѣнники!»

Крики усиливались, но выстрѣлы утихали: чернь, которую съ трудомъ удерживали солдаты, дѣйствовала сзади ихъ и ожидала времени подать руку инсургентамъ.

Императоръ былъ сильно смущенъ.

— Государь, должно стрѣлять въ него! сказалъ ему генералъ Васильчиковъ.

Императоръ ничего не отвѣтилъ: онъ опять явился почти что предъ инсургентами; онъ былъ узнанъ, и злодѣй цѣлился въ него, какъ генералы окружили своего монарха и закрыли его своимъ тѣломъ.

Вы хорошо видите, Государь, сказалъ одинъ: что необходимо употребить въ дѣло пушки. Это былъ генералъ Толль, прибывшій въ Петербургъ и пришедшій на распоряженіе своего Августѣйшаго господина.

— Это вы генералъ! сказалъ ему Императоръ съ грустью: вотъ слѣдствіе прискорбныхъ новостей, принесенныхъ вами изъ Таганрога!

— Ахъ Государь, что вы медлите уничтожить мятежниковъ. отвѣтилъ генералъ.

Вы хотите, отвѣтилъ Императоръ: чтобы въ первый день моего царствованія я пролилъ кровь моихъ подданныхъ?

— Да, Государь, воскликнулъ генералъ Васильчиковъ: потому что дѣло идетъ о спасеніи Имперіи!

Императоръ глубоко вздохнулъ и, казалось, склонился на это прискорбное для него условіе. Онъ началъ разставлять войска, въ виду всеобщей аттаки, такъ чтобы со всѣхъ сторонъ

окружить средоточіе возстанія: онъ послалъ конныхъ піонеровъ на Англійскую набережную, разставилъ кавалергардовъ по Невѣ и далъ приказъ зарядить картечью три пушки, которыя были поставлены противъ инсургентовъ предъ Преображенскимъ полкомъ. Но прежде чѣмъ отдалъ приказъ палить, онъ попросилъ генерала Сухозанета передать послѣднее слово прощенія мятежникамъ.

Храбрый генералъ не колебался и отправился галопомъ на Сенатскую площадь.

— Пушки заряжены! сказалъ онъ громко: но Императоръ съ своимъ милосердіемъ хочетъ еще пощадить васъ: онъ согласенъ простить васъ, если вы тотчасъ положите оружіе!

Солдаты, которые любили его и узнали его, уже окружили его, прося его принять ихъ подъ свою защиту. Но начальники заговора сбѣжались и старались противиться его вліянію на этихъ несчастныхъ обманутыхъ; одни угрожали ему своимъ оружіемъ; другіе просили его нагло, чтобы онъ принесъ имъ конституцію отъ Императора.

— Я принесъ прощеніе, возразилъ надменно генералъ: а не пришелъ начать переговоры съ бунтовщиками. Послѣ этаго онъ дернулъ за узду и возвратился галопомъ къ Императору.

— Государь, закричалъ генералъ изъ далека: они хотятъ конституціи!

Императоръ пожалъ плечами, и раздраженный такимъ упорствомъ и дерзостью, приказалъ палить; потомъ онъ взялъ назадъ это приказаніе и послѣ глубокаго размышленія, онъ повторилъ его удушающимъ голосомъ.

„Пушкари были у своихъ пушекъ, но тотъ, кто долженъ былъ первый выпалить изъ пушки, казалось, колебался; артиллерійскій поручикъ Бакунинъ бросился къ нему, съ поднятою саблею, и хотѣлъ узнать, почему онъ не исполняетъ приказанія.

— Это братья! прошепталъ нерѣшительный и смущенный артиллеристъ.

— Если бы я самъ былъ при жерлѣ пушки, вскричалъ Бакунинъ съ гнѣвомъ: ты долженъ бы былъ повиноваться безъ малѣйшаго колебанія!

Артиллеристъ повиновался, но пушка была худо нацѣлена можетъ быть съ намѣреніемъ: выстрѣлъ направленъ очень высоко, и картечь прошла надъ головами инсургентовъ, отвѣчавшихъ страннымъ крикомъ и продолжительными ружейными выстрѣлами. Но второй и третій выстрѣлы изъ пушекъ попали въ центръ колонны мятежниковъ и привели ихъ въ совершенное разстройство.

Бѣглецы бросились безчинно въ сторону площади, гдѣ Семеновскій полкъ былъ приготовленъ къ битвѣ.

Великій Князь Михаилъ принужденъ былъ употребить въ свою очередь артиллерію противъ этой плотной массы, шедшей на него, какъ стремительный потокъ, и которая прогнала бы отрядъ болѣе значительнѣе его. Должно было выстрѣлить изъ пушекъ, чтобы кончить пораженіе возстанія.

Мятежники разбѣжались, бросая свое оружіе, и разсѣялись по всюду; начальники ихъ первые побѣжали.

Сенатская площадь сдѣлалась пустою въ нѣсколько минутъ, и только находились здѣсь мертвые и раненые.

Всѣ остались среди безчисленнаго вопля муки и испуга.

Здѣсь была бы ужасная стычка, если бы кавалерія и инфантерія, стоявшія у всѣхъ проходовъ, не дали бы прохода бѣгущимъ: они спѣшили разсѣяться, при шумѣ артиллеріи, продолжавшей стрѣлять, впрочемъ ни кого больше не ранивъ; одни зарывались въ сугробы снѣга, другіе скрывались въ сараи и погреба, многіе солдаты Финляндскаго и Московскаго полковъ возвратились въ свои казармы.

Императоръ велѣлъ выстрѣлить изъ пушки около монумента Петра Великаго, и два послѣдніе выстрѣла направлены были на толпу, собравшуюся къ сопротивленію. Больше не проливалось крови: число жертвъ доходило до 200 или 300.

Наступила ночь: возстаніе болѣе не проявлялось. Но Импе-

раторъ знавши, что оно составляетъ обширный заговоръ, распространенный по всѣмъ концамъ Россіи, не думалъ ограничиться разсѣяніемъ мятежа.

Онъ имѣлъ благоразуміе не распускать солдатъ, оставшихся ему вѣрными во время заговора, въ который они находились въ бою съ заблудившимися солдатами, носившими одинаковою съ ними форму, и съ офицерами, за два часа прежде этого командовавшими ими. Онъ далъ приказаніе кавалеріи сдѣлать аттаки въ смежныхъ улицахъ, но не хотѣлъ, чтобы они употребляли свое оружіе; онъ только приказалъ арестовать, не причиняя ничего худаго, всѣхъ тѣхъ, которые показались бы имъ, что они участвовали въ бунтѣ.

Онъ еще не зналъ начальниковъ заговора, ихъ проэктовъ, средствъ ихъ къ исполненію; тѣмъ не менѣе боялся, чтобы заговорщики не возобновили свою преступную попытку въ другихъ частяхъ города. Онъ до тѣхъ поръ не покинулъ Сенатской площади, пока самъ не увѣрился, что возстаніе повсюду подавлено.

Онъ приказалъ занять полками Преображенскимъ и Павловскимъ мѣста, покинутыя инсургентами.

— Друзья мои, сказалъ онъ, проходя передъ этими полками: мы всѣ исполняли нашу обязанность: Святая Русь будетъ довольна нами!

Генералъ Бенкендорфъ получилъ приказаніе преслѣдовать мятежниковъ на берегахъ Невы: два эскадрона кавалергардовъ отправлены были на Адмиралтейскую набережную: четыре эскадрона кавалергардовъ и эскадронъ піонеровъ отправлены на другую сторону рѣки, чтобы охранять Васильевскій островъ, гдѣ, говорили, мятежники собрались съ намѣреніемъ возобновить нападеніе.

Семеновскій полкъ получилъ затруднительное порученіе обыскивать всѣ дома Галерной и сосѣднихъ улицъ, въ которыхъ, предполагали, скрывались главные зачинщики; однако нашли

здѣсь только солдатъ и мужиковъ, на половину пьяныхъ и отуманенныхъ отъ страха. Такимъ образомъ было арестовано сотня несчастныхъ, думавшихъ, что ихъ разстрѣляютъ на площади, и просившихъ со слезами милости.

Кажется, что мятежники-офицеры, хотя преодѣтые, находили чрезъ своихъ друзей средства къ побѣгу, потому что былъ арестованъ только одинъ офицеръ, по формѣ служившій въ Московскомъ полку; онъ былъ приведенъ къ Императору солдатомъ, схватившимъ его, вѣроятно, для удовлетворенія чувства мести.

— Я не хочу знать ваше имя, сказалъ ему Императоръ, обративъ на него презрительный взглядъ. Идите въ ваши казармы и если вы виноваты, завтра будетъ время, чтобы наказать васъ. Ступайте! Всю эту ночь васъ будетъ угрызать ваша совѣсть!

Отсутствіе начальниковъ мятежа причиняло серьезныя опасенія ихъ будущимъ предпріятіямъ. Можно предположить, что заговорщики не считали себя побѣжденными. Дерзкая попытка Панова противъ Зимняго дворца могла возобновиться съ успѣхомъ, потому что все доказывало, что мятежники имѣли союзниковъ въ окружающихъ Императорское семейство.

Императоръ еще принялъ мѣры для предохраненія дворца отъ всякаго новаго нападенія и для поддержанія порядка и спокойствія въ городѣ.

Свѣжія войска приходили со всѣхъ сторонъ: тѣ, которыя стояли на квартирахъ въ окрестностяхъ столицы, повиновались единодушно запоздалымъ приказаніямъ и пришло скоро, чтобы подкрѣпить гарнизонъ; артиллерійскій корпусъ, который Императоръ хотѣлъ употребить только въ крайнемъ случаѣ и который только былъ снабженъ четырьмя полевыми орудіями съ небольшимъ числомъ боевыхъ снарядовъ, не переставалъ подвозить артиллерійскія орудія и фуры, нагруженныя порохомъ и гранатами.

Императоръ самъ распорядился назначеніемъ корпуса, который долженъ быть на караулѣ; онъ послалъ въ началѣ четыре легкихъ пушки генералу Бенкендорфу, которому поручено было охранять Васильевскій островъ съ нѣсколькими эскадронами кавалергардовъ и піонеровъ. Оставилъ на Сенатской площади Преображенскій полкъ, прибавивъ къ нему три эскадрона кавалергардовъ, баталіонъ саперовъ и два батальона стрѣлковъ съ десятью пушками. На Исакіевской площади онъ собралъ, подъ команду генералъ-адъютанта Васильчикова, батальонъ Семеновскаго полка, батальонъ Измайловскаго, четыре эскадрона кавалергардовъ и четыре пушки; второй стрѣлковый батальонъ былъ достаточенъ для охраненія Адмиралтейской площади и одной стороны Зимняго дворца. Этотъ дворецъ кромѣ того былъ окруженъ войсками и артиллеріей: въ большой Милліонной, около моста Мойка, была поставлена рота стрѣлковъ и двѣ пушки; другая рота этого полка съ четырьмя пушками была около моста близъ Эрмитажа; первый батальонъ Измайловскаго полка и эскадронъ кавалергардовъ съ четырьмя пушками на углу дворца, выходившемъ къ Адмиралтейству.

Наконецъ, чтобы дополнить эту картину охраненія, пушки были поставлены при входѣ въ каждую улицу, представляя вооруженное поле, и полкъ казаковъ получилъ приказъ ѣздить дозоромъ по всей столицѣ и въ случаѣ нужды обозрѣвать дома и дѣлать аресты.

XXXIII.

Императоръ не хотѣлъ идти во дворецъ, пока не увидитъ бивачные огни и не отдастъ послѣднихъ приказаній; но онъ неоднократно посылалъ новости Императрицамъ; спрашивалъ заботливо, есть ли какіе нибудь шансы для выздоровленія графа Милорадовича, и онъ посылалъ утѣшительныя слова этому старому генералу, смертельно раненому.

Двѣ Императрицы, пока продолжался бунтъ, въ продолженіи трехъ часовъ, казавшихся для нихъ вѣчными, не оставляли маленькой залы, окна которой выходили на Адмиралтейскую площадь: Императрица-мать, въ сильномъ волненіи, плакала, когда она не молилась, и очень ослабла, не имѣя силы приподняться съ своего стула. Императрица, по видимому спокойная, но не менѣе безпокойная и печальная, находилась у окна и смотрѣла за движеніемъ войска: было очень темно и невозможно было увидать того мѣста, гдѣ былъ Императоръ: она могла только увидать его одинъ или два раза, проѣзжающаго верхомъ по Адмиралтейской площади, и издала крикъ, который болѣзненно повторился въ сердцѣ Императрицы - матери.

Когда Императоръ рѣшилъ, что необходимо употребить пушки, онъ послалъ принца Евгенія Виртемберскаго, чтобы сказать Императрицамъ, чтобы онѣ не пугались, если услышатъ выстрѣлы изъ пушекъ.

Генералъ-адъютантъ Трубецкой, перешедшій на сторону Императора, позаботился вывести ихъ изъ залы, гдѣ онѣ нахо-

дились, говоря имъ, что пуля, рикошируя, можетъ достигнуть до нихъ и причинить ужасныя несчастія.

Трубецкой узналъ, что онѣ, сидя въ одной комнатѣ, другъ друга разстраиваютъ: онъ нашелъ предлогъ разлучить ихъ и заключить каждую въ свои покои, чтобы скрыть ихъ отъ нескромныхъ взоровъ любопытной толпы, наполнявшей дворецъ.

Императрица-мать не успокоилась, когда генералъ Николай Демидовъ, посланный также Императоромъ, пришелъ объявить ей, что бунтовщики не сдаются войскамъ, и что принуждены выстрѣлить въ нихъ изъ пушекъ.

При этихъ словахъ Императрица-мать, сама не въ себѣ, схватила портретъ Александра I, написанный Исабейемъ, находившійся предъ нею, и, отдавъ его генералу, закричала рыдающимъ голосомъ:

— Возьмите это и ступайте, покажите его мятежникамъ! Они узнаютъ своего любимаго Императора и можетъ быть при взглядѣ на него покраснѣютъ за свое поведеніе! Ступайте, генералъ, и скажите, что я прошу ихъ, именемъ праха Императора, возвратиться къ своимъ обязанностямъ!

Въ это самое время раздался первый выстрѣлъ изъ пушекъ.

Императрица Александра была въ своей комнатѣ съ Карамзинымъ, старавшимся утѣшить ее. Она закричала раздирающимъ сердце голосомъ и упала на колѣни, обращаясь къ небу съ жаркою молитвою о сохраненіи жизни Императора.

Каждый пушечный выстрѣлъ сопровождался потрясеніемъ всего ея организма, что служило началомъ ея нервной хронической болѣзни, оставшейся неизлечимою: ея воображенію, дѣйствіемъ такого несчастнаго событія, какъ она часто разсказывала, представлялось, что августѣйшій супругъ ея былъ опрокинутъ съ лошади и лежалъ на землѣ, плавая въ своей крови.

Она не перемѣнила позиціи, не смотря на утѣшительныя слова, адресованныя Карамзинымъ, когда адъютантъ Адлер-

бергъ пришелъ къ ней добровольно, объявляя ей именемъ Императора, что все кончено.

— Слава Богу! сказала она со слезами. Ахъ! Почему онъ не пришелъ?

Она потряслась всѣми членами, и этотъ кризисъ продолжался долго.

Какъ только она почувствовала себя немного успокоенною, она пожелала опять соединиться съ Императрицею-матерью и раздѣлить съ нею радость счастливой развязки этого роковаго дня. Слезы ихъ смѣшались, но эти слезы — не слезы печали.

Императоръ еще не возвращался: генералъ Толль пришелъ съ своей стороны подтвердить утѣшительныя новости, принесенныя адъютантомъ Адлербергомъ.

— Ахъ! Это вы, мой дорогой генералъ! воскликнула Императрица-мать. Мы не знали, что вы здѣсь! Вы пріѣхали очень кстати, когда Императоръ нуждался собрать всѣхъ своихъ добрыхъ слугъ.

— И такъ пролилась кровь? прервала Императрица Александра, еще трепещущая.

— Нужно было, отвѣчалъ генералъ: Его Величество долго ждалъ. Наконецъ возстаніе совершенно подавлено.

— Но почему же самъ Императоръ не пришелъ? спросила живо Императрица. Между мятежниками, говорятъ, есть убійцы. Не убили-ли бѣднаго графа Милорадовича?

— Ваше Величество можетъ быть спокойно за лицо Императора, окруженное вѣрными войсками и обратившее въ бѣгство мятежниковъ.

— Генералъ, я васъ прошу, ступайте къ нему и не покидайте его, сказала Императрица-мать. Скажите ему, что мы съ нетерпѣніемъ ждемъ его и что мы едва не умерли отъ безпокойства.

Императоръ возвратился во дворецъ въ шесть часовъ ве-

чера; онъ все предвидѣлъ, обо всемъ позаботился и былъ готовъ защищаться противъ возобновленія возстанія.

Распространилась молва о его прибытіи, и крики народа возвѣщали далеко его приближеніе. Обѣ Императрицы, забывъ обыкновенныя правила этикета и церемоніала, встрѣтили его, сопровождаемыя всѣми членами императорской фамиліи и безчинно слѣдовавшими за ними лицами, наполнявшими залы и галлереи съ утра.

По приказанію Императрицы, гувернеръ Великаго Князя Наслѣдника пошелъ искать этого князя, отдыхавшаго на своей постели; онъ принесъ его, съ трудомъ разбудивъ его, Августѣйшей матери.

Императоръ слѣзъ съ лошади у передней главнаго входа и нашелъ Императрицъ, ожидавшихъ внизу крыльца. Онѣ обѣ бросились къ нему на шею, и онъ крѣпко прижалъ ихъ къ своему сердцу; онѣ плакали, голосъ прерывался рыданіями; онъ также отъ жалости плакалъ и не могъ произнести ни одного слова.

Онъ не нашелся что сказать, увидавъ своего сына, несеннаго полковникомъ Мердеромъ!

— Любезное дитя! воскликнулъ онъ, взявъ маленькаго князя, котораго осыпалъ поцѣлуями и слезами: ты помни, что корона стоила мнѣ очень дорого и что я получилъ ее, повинуясь волѣ Провидѣнія!

Обѣ Императрицы спрашивали его съ заботливостью, не подвергался-ли онъ большимъ опасностямъ.

— Я ничего не боялся, отвѣчалъ онъ съ вздохновеннымъ видомъ: потому что я принялъ высокую миссію.

Душевное волненіе сообщалось отъ одного къ другому, и всѣ свидѣтели этой торжественной сцены пролили обильныя слезы.

Императоръ зналъ, что было, когда поручикъ Пановъ проникнуль во дворецъ съ шайкою неистовыхъ солдатъ; онъ

пожелалъ самъ поблагодарить саперовъ, спасшихъ жизнь Императорскаго семейства, и хотѣлъ представить имъ своего сына.

Императрица противилась этому, говоря, что ребенокъ можетъ простудиться, если вынесутъ его на воздухъ. Императоръ снялъ свой плащь съ своихъ плечъ, чтобы прикрыть малаго князя, на котораго въ первый разъ надѣвали платье съ знакомъ ордена св. Андрея, и, взявъ его на руки, онъ пошелъ на дворъ, гдѣ находился батальонъ саперовъ.

Приходъ его былъ привѣтствованъ сильнымъ «ура!»

— Благодарю, друзья мои! сказалъ онъ имъ чистосердечно.

Онъ подошелъ къ строю и, обратясь къ старому капралу, грудь котораго была увѣшана орденами и медалями, представилъ ему Великаго Князя.

— Возьми, мой храбрецъ, воскликнулъ онъ: я ввѣряю тебѣ моего сына! я заклинаю тебя, именемъ твоихъ товарищей, любить его, какъ я люблю васъ, и защищать его, какъ защищали его сегодня.

Дитя переходило изъ рукъ въ руки солдатъ, цѣловавшихъ его руки и ноги съ восторгомъ; онъ имѣлъ присутствіе духа, чтобъ сказать имъ съ любовью:

— Я люблю тѣхъ, которые любятъ меня, и я желалъ бы обнять всѣхъ васъ.

Императоръ отдалъ приказъ отслужить благодарственный молебенъ въ семь часовъ вечера въ большой дворцовой церкви.

Въ ожиданіи этой церемоніи, Императоръ оставался нѣсколько времени съ двумя Императрицами; потомъ онъ отправился въ свой кабинетъ и написалъ своею рукою два письма: одно графу Милорадовичу, чтобы успокоить его, выражая надежду сохранить такого достойнаго и вѣрнаго слугу; другое Цесаревичу, чтобы отдать отчетъ ему о событіяхъ этого дня.

Это письмо, написанное подъ впечатлѣніемъ этихъ событій, начинается такъ: «Дорогой и любезнѣйшій Константинъ,

я Императоръ, но какою цѣною, Боже мой! цѣною крови моихъ подданныхъ!»

Генералъ Кавелинъ получилъ приказаніе отнесть письмо Императора графу Милорадовичу и прибавить на словахъ, что Его величество очень сожалѣетъ, что не можетъ придти лично посѣтить знаменитаго раненаго.

Старый генералъ находился всегда въ казармахъ кавалергардовъ, куда былъ отнесенъ и смертельно раненый. Вынули пулю, но медики не скрывали отъ него, что не много остается ему жить:

«Скажите Ея Величеству, что я умираю, прошепталъ онъ стараясь приподняться, и что я счастливъ, что я умираю за нее!»

Было прочитано письмо, которое Императоръ удостоилъ написать ему, и которое было слѣдующаго содержанія:

«Мой другъ, мой дорогой Михаилъ Андреевичъ, Богу угодно было, что Вы получили за меня! Имѣйте вѣру въ Бога, какъ я самъ, онъ не отниметъ у меня моего друга. Если бы я могъ слѣдовать влеченію моего сердца, я уже былъ бы у Васъ, но дѣла не допускаютъ меня.

«Этотъ день очень тяжелъ для меня! Однако я утѣшаю себя, потому что вижу въ васъ и во всемъ моемъ народѣ моихъ друзей и дѣтей. Безконечная благость Божія дастъ мнѣ силы обратно заплатить имъ.

«Вашъ истинный другъ,

«Николай».

Умирающій слушалъ это чтеніе съ глубокимъ смущеніемъ, томные его глаза наполнились слезами; онъ схватилъ ослабѣвающею рукою письмо и прижалъ его къ сердцу. Онъ еще держалъ его, когда испустилъ послѣдній вздохъ, въ два часа утра.

При звукѣ колоколовъ, сзывавшихъ на благодарственный молебенъ, Императоръ вышелъ изъ своихъ покоевъ, въ сопро-

вожденіи Императрицы и царской фамиліи и отправился въ большую дворцовую церковь.

Императрица мать, разбитая, утомленная отъ душевнаго волненія этого дня, отказалась участвовать въ этой церемоніи и находилась въ затворенной ризницѣ, откуда слушала молебенъ.

С.-Петербургскій митрополитъ служилъ молебенъ; церковь наполнена была народомъ, всѣ присутствовавшіе стояли: Императоръ и Императрица одни оставались на колѣняхъ, и благодарили Бога за то, что Онъ простеръ на нихъ свое покровительство. Собраніе съ восторгомъ приняло благопріятное предзнаменованіе новаго царствованія; слезы лились изъ всѣхъ глазъ; рыданіе смѣшивалось съ радостнымъ пѣніемъ, выходившимъ изъ алтаря. Каждый въ эту торжественную минуту понималъ, что Императоръ Александръ имѣлъ достойнаго преемника, и что Россія можетъ радоваться возшестію на престолъ Николая I-го.

Послѣ молебна, Императоръ просилъ Вел. Князя Михаила объѣздить въ саняхъ городъ и повѣрить собственными глазами, на сколько должно считать порядокъ и спокойствіе возстановленнымъ.

Императоръ ничего не ѣлъ съ утра: Императрица и онъ обѣдали въ двоемъ, въ восемь часовъ, обмѣнявшись во время обѣда только нѣсколькими словами, потому что каждый занятъ своими личными дѣлами.

Императоръ требовалъ, чтобы Императрица удалилась въ свои покои, никого не принимая, потому что она ослабла какъ физически, такъ и нравственно; просилъ ее успокоиться, такъ какъ бунтъ и возстаніе не существуютъ болѣе, и обратился къ ней съ нѣжными поощреніями. Императрица желала, чтобы ея дѣти въ эту ночь спали въ двухъ комнатахъ, смежныхъ съ ея комнатами, и несмотря на сосѣдство этого рода импровизированной спальни, она вставала ночью болѣе двадцати разъ, вся смущенная, чтобы удостовѣриться самой, что не случилось съ ними ничего ужаснаго.

Императоръ, одѣтый всегда въ свой мундиръ съ лентою, не думалъ объ отдыхѣ; онъ вошелъ въ свой кабинетъ, думая заняться важнѣйшими дѣлами, и нашелъ на своемъ столѣ кучу полицейскихъ рапортовъ, объявлявшихъ ему очень поздно имена заговорщиковъ и всѣ подробности заговора.

Онъ могъ измѣрить на первый разъ глубину пропасти, надъ которой сначала, такъ сказать, висѣло его правленіе; онъ узналъ, изъ вѣрнаго источника, что этотъ бунтъ былъ предвѣстіемъ и результатомъ огромнаго заговора, который долженъ показаться въ тоже самое время во всѣхъ концахъ Имперіи.

Это не была шайка солдатъ и пьяныхъ мужиковъ, которые имѣли дерзновенное предпріятіе, такъ быстро приведенное въ ничтожество; этотъ заговоръ состоялъ изъ тайныхъ обществъ, хорошо организованныхъ, у которыхъ должно было оспорить вліяніе и разрушить дѣйствіе; здѣсь были значительные люди по рожденію, своему чину и счастію, которыхъ должно было наказать, чтобы поразить ужасомъ ихъ заговорщиковъ.

Видя между виноватыми имена дорогія для Россіи, имена знаменитыя и почтенныя, Императоръ почувствовалъ глубокую печаль и впалъ въ совершенное уныніе. Онъ хотѣлъ сложить съ себя корону, которую уже казалось ему такъ трудно носить; онъ думалъ, что его отказъ отъ трона былъ предчувствіемъ, разскаивался въ томъ, что уступилъ просьбамъ Императрицы-матери, и обвинялъ своего брата Константина, бывшаго причиною несчастія его жизни.

Но тотчасъ вышелъ изъ этого кризиса сомнѣнія и колебанія, когда онъ дошелъ до мысли, что уже Императоръ; онъ сказалъ тогда себѣ, что не имѣетъ права отказываться, потому что онъ исполнилъ волю Божію; нашелъ въ этой мысли сознаніе Императорскаго долга, и обѣщался со всею религіозностію, отнынѣ исполнять по Божіему внушенію обязанность Монарха, ввѣренную ему Провидѣніемъ.

Онъ тотчасъ встаетъ, призываетъ своихъ адъютантовъ, раз-

даетъ приказанія, посылаетъ искать своихъ министровъ; велитъ приготовить инструкціи для генераловъ, которые должны утромъ придти, чтобы воспрепятствовать, если это возможно, появиться заговору въ провинціяхъ; приказываетъ арестовать немедленно сто человѣкъ, означенные главными распорядителями заговора.

До сихъ поръ были арестованы люди изъ простаго народа или лица незначительныя.

Заговорщики послѣ разсѣянія мятежнической толпы, собранной ими на Сенатской площади, разбѣжались въ разныя стороны и находили убѣжище у своихъ друзей и въ своихъ семействахъ; но прошелъ первый моментъ оцѣпенѣнія, они думали соединиться для совѣщанія. Вотъ почему нѣкоторые изъ нихъ, болѣе храбрые, не боялись показаться въ домѣ Рылѣева.

Отчаянный Рылѣевъ не зналъ, что дѣлается, и колебался между различными проэктами столько же дерзкими, сколько и неисполнимыми; онъ обвинялъ князя Трубецкаго, что онъ измѣнилъ своимъ товарищамъ; не считалъ возможнымъ открыто защищаться въ улицахъ столицы, но льстилъ себя, обращаясь къ своимъ счастливымъ мечтамъ, что новый Императоръ, увѣдомленный, наставленный публичнымъ мнѣніемъ, рѣшится дать конституцію Россіи и сдѣлаетъ свободное правленіе. Сѣверная ассоціація была неповреждена и ничего не потеряла, что же касается до южной ассоціаціи, она можетъ быть лучше успѣетъ въ возстаніи, которое должно присоединиться къ возстанію въ С.-Петербургѣ и представляло больше шансовъ на успѣхъ въ центрѣ военныхъ колоній, далеко отъ правильнаго дѣйствія Императорскаго правленія; должно еще ждать новостей изъ Москвы, Тушина и Варшавы. Другіе заговорщики, присутствовавшіе на этомъ чрезвычайномъ собраніи, Александръ Бестужевъ, баронъ Штейнхель, Иванъ Трезинъ, Батенковъ, Якубовичъ и др. всѣ были приведены въ уныніе неудачею ихъ предпріятія, которую они приписывали въ особенности измѣнѣ имъ князя Трубецкаго.

Трубецкой, въ самомъ дѣлѣ, не явился среди инсургентовъ на Сенатской площади; онъ провелъ день, какъ говорятъ, не у себя, былъ у графини Лаваль, своей тещи, былъ у своего шурина, графа Лебзельтерна, австрійскаго посланника; утверждаютъ, что онъ присягнулъ одинъ изъ первыхъ Императору Николаю; во всякомъ случаѣ онъ оставался нейтральнымъ и недѣятельнымъ во время бунта; не пользовался своею диктаторскою властью; скрывался съ заботливостью отъ встрѣчи и происковъ его соучастниковъ, которые не знали, гдѣ онъ былъ во весь этотъ день. Одинъ, придя къ нему насильно, разсказывали, нашелъ его сжигающимъ бумаги.

Вдругъ приходитъ Булатовъ, совершенно запыхавшись, и совѣтуетъ заговорщикамъ тотчасъ удалиться, бѣжать или скрыться, потому что Императоръ отдалъ приказаніе арестовать большую часть изъ нихъ.

— Есть измѣнники между нами! воскликнулъ баронъ Штейнхель.

— Трубецкой! повторили за-разъ всѣ находившіеся тамъ.

— Онъ самъ будетъ арестованъ, отвѣчалъ Булатовъ: графъ Нессельроде пошелъ съ приказаніемъ Императора къ Австрійскому посланнику, гдѣ думаетъ встрѣтить князя. Посланникъ не могъ отпустить его; его прямо повели въ Зимній дворецъ.

— Нѣтъ, господа, князь Трубецкой не измѣнялъ и не измѣнитъ намъ; онъ слабъ и нерѣшителенъ, но честенъ.

— Не хотѣли слушать моего мнѣнія, говорилъ Якубовичъ, съ мрачнымъ видомъ: какъ легко было подложить огонь въ двадцати мѣстахъ.

— Пойдемте, господа, рѣшайтесь, прервалъ Булатовъ: нельзя терять минуты. Хотите-ли вы или нѣтъ, чтобы насъ всѣхъ арестовали?

— Я, я не сойду съ мѣста, отвѣтилъ Рылѣевъ, закуривая сигару: я остаюсь у себя.

— Но у васъ есть бумаги, могущія выдать насъ? спро-

силъ одинъ изъ присутствующихъ, который выразилъ безпокойство всѣхъ.

— Ничего не бойтесь, господа, отвѣчалъ Рылѣевъ съ горькою усмѣшкою: я много писалъ замѣчаній, но не найдутъ ни одной строки, которая можетъ повредить моимъ товарищамъ.

— Я былъ около Императора! сказалъ Якубовичъ съ грознымъ видомъ: я видѣлъ мѣсто, куда должно нанести ударъ, но, къ несчастію я не имѣлъ длинной такой руки.

— Прощайте, господа, сказалъ имъ Рылѣевъ, распуская ихъ: я желаю вамъ найти безопасное мѣсто, хотя до завтра, потому что мы узнаемъ безъ сомнѣнія, что революціонная армія юга отправилась въ С.-Петербургъ.

Рылѣевъ остался въ своемъ домѣ, гдѣ онъ былъ ночью арестованъ съ однимъ изъ своихъ друзей, нехотѣвшимъ покидать его и желавшимъ раздѣлить его участь.

Великій Князь Михаилъ, которой по просьбѣ Императора отдалъ приказанія въ Арсеналѣ и осматривалъ городъ, ѣздя въ саняхъ въ продолженіи болѣе двухъ часовъ; онъ посѣтилъ всѣ посты и самъ увѣрился, что очень довольно было принято мѣръ противъ всякаго случая.

Войска были въ особенности хорошо настроены, не было замѣчено ни одного колебанія или худаго намѣренія; бунтовщики Московскаго и Финдлядскаго полковъ возвратились въ свои казармы и ждали въ молчаніи наказанія за ихъ бунтъ. Великій Князь успокоилъ ихъ, что Императоръ проститъ ихъ въ уваженіе хорошаго поведенія ихъ товарищей, принявшихъ присягу въ вѣрности ему.

Большая часть солдатъ морскаго экипажа и гренадеръ, участвовавшихъ въ бунтѣ, сами сдались подъ арестъ и виновнѣйшіе содержались въ крѣпости. Не осталось никакихъ слѣдовъ бунта, въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ онъ разыгрался; мертвые и раненые уже подобраны; оружіе, покрывавшее землю

было собрано. Было арестовано кое-гдѣ нѣсколько подозрительныхъ личностей.

Въ другихъ частяхъ, болѣе отдаленныхъ отъ театра стычки, ничто ни напоминало о ней; улицы были пусты и молчаливы; кое гдѣ встрѣчали тамъ одинокаго проходящаго, бѣжавшаго при приближеніи патруля.

Великій Князь Михаилъ окончилъ свою долгую прогулку, очень довольный состояніемъ спокойствія, въ которомъ убѣдился своими глазами при всеобщемъ осмотрѣ города. Онъ поспѣшилъ отдать отчетъ результатовъ порученія Императора, и не замѣтилъ при своемъ возвращеніи глухаго шума, необыкновеннаго волненія, происходившаго внутри дворца.

При входѣ его въ кабинетъ Императора представилось глазамъ его неожиданное зрѣлище: Императоръ стоитъ съ строгимъ лицомъ, ужаснымъ взоромъ, предъ нимъ блѣдный и смущенный человѣкъ, стоящій на колѣняхъ, просящій милости и прощенія.

Это былъ князь Трубецкой. Онъ сначала старался отрицать свое личное участіе съ заговорщиками, но бумаги написанныя его рукою, представленныя ему Императоромъ, не позволили ему долго запираться; онъ во всемъ признался, падая къ ногамъ своего Монарха и прося милости у этого разсерженнаго судьи.

— Государь, сказалъ онъ съ чувствомъ глубокаго разскаянія: я виноватъ предъ Вашимъ Величествомъ, однакоже я отступилъ предъ исполненіемъ преступленія и оставался совершенно чуждымъ отъ дѣлъ возстанія....

— Угрызеніе совѣсти препятствовало вамъ присоединиться къ мятежникамъ, прервалъ Императоръ: ваша теща достойная графиня Лаваль, вашъ шуринъ Австрійскій посланникъ и въ особенности ваша благородная и великодушная жена!

— Ахъ! Государь, я уже слишкомъ наказанъ печалью, которою я причинилъ ей! Ваше Величество, достойна ли она того,

чтобы дали мнѣ милость написать этой бѣдной княгинѣ или дать знать, что я живъ....

— Пусть будетъ такъ! отвѣчалъ Императоръ съ холоднымъ достоинствомъ: садитесь тамъ, пишите къ княгинѣ; я вамъ буду диктовать письмо.

Князь Трубецкой не вѣрилъ своимъ ушамъ и не смѣлъ подняться.

Нетерпѣливый жестъ Императора заставилъ виноватаго сѣсть за столъ и взять машинально перо. Императоръ диктовалъ ему «Я здоровъ....» Несчастный дрожалъ всѣми членами и неспособенъ былъ провести черту на бумагѣ: однако повиновался повелѣнію повторенному Императоромъ, тихо прибавившему: «и я буду живъ!»

Князь Трубецкой былъ уничтоженъ отъ удивленія и благодарности.

— Отправьте! сказалъ ему Николай повелительнымъ тономъ: подпишите и запечатайте!

Письмо было подписано и запечатано. Императоръ объявилъ, что оно дойдетъ непосредственно по адресу, потомъ онъ велѣлъ отвезти князя въ крѣпость, говоря ему съ укоризною:

— Если вы чувствуете себя храбрымъ переносить жизнь, вы будете жить; это только и могу вамъ обѣщать.

Извѣстное число заговорщиковъ было арестовано; они были приведены во дворецъ по приказанію Императора, который самъ хотѣлъ выспрашивать ихъ въ присутствіи князя Лопухина, президента императорскаго совѣта, князя Лобанова-Ростовскаго, министра юстиціи, графа Нессельроде, князя Александра Голицына и многихъ другихъ членовъ комитета.

Предъ началомъ уголовнаго слѣдствія Императоръ велѣлъ привести подпоручика Нассакина, защищавшаго съ такою энергіею и неустрашимостію постъ у Сената, которымъ онъ въ этотъ день командовалъ и который слышалъ только подстреканія, угрозы отъ инсургентовъ, служившихъ какъ и онъ въ Финляндскомъ полку.

— Нассакинъ, сказалъ ему Императоръ: поздравляю тебя отъ сердца, съ повышеніемъ тебя въ чинъ поручика, и съ твоимъ назначеніемъ, за высокое воинское дѣло во время войны, кавалеромъ ордена Св. Владиміра.

Нассакинъ смиренно поблагодарилъ Императора, который пожалъ ему руку, предложивъ ему крестъ Св. Владиміра; но онъ, какъ казалось, колебался и не уходилъ. Императоръ спросилъ его ласково, не находитъ-ли онъ себя довольно награжденнымъ; офицеръ отвѣчалъ покорно, что награжденъ болѣе чѣмъ заслужилъ, потому что онъ исполнялъ свою обязанность; однако же побужденный чрезвычайною благосклонностью къ нему Императора, онъ осмѣлился просить Его Величество простить одного мятежника, арестованнаго имъ на посту при Сенатѣ и который такимъ образомъ не могъ принять живаго участія въ бунтѣ.

— Кто этотъ заговорщикъ? сказалъ Императоръ.

— Государь, отвѣчалъ офицеръ съ трогательною простотою: это мой лучшій другъ.

— Если бы всѣ виноватые имѣли подобную поруку по себѣ, отвѣчалъ Императоръ, тронутый этою преданностью дружбы: я былъ бы счастливъ простить всѣхъ.

Слѣдствіе продолжалось цѣлый день.

Императору, имѣвшему въ своихъ рукахъ всѣ письменныя доказательства заговора, не трудно было получить признаніе заговорщиковъ отъ этихъ молодыхъ людей, экзальтированныхъ своими политическими убѣжденіями. Нѣкоторые, именно Александръ Бестужевъ, пришли сами представиться во дворецъ, говоря, что они участвовали въ заговорѣ и хотятъ быть судимыми съ своими сообщниками.

Но когда Бестужевъ явился съ глазу на глазъ съ Императоромъ, то почуствовалъ и былъ пораженъ взоромъ своего Государя, обратившагося къ нему съ такими словами.

— Генералъ Бестужевъ былъ вѣрный слуга, а оставилъ испортившихся дѣтей.

Полковникъ Булатовъ, замѣченный въ томъ, что говорилъ рѣчь мятежникамъ на Сенатской площади, былъ приведенъ къ Императору.

— Гдѣ ты былъ въ 3 часа пополудни? спросилъ его Императоръ,

— Около васъ, Государь, отвѣчалъ онъ съ увѣренностью: и если бы вы ослабли, то я сдѣлалъ бы съ вами дѣло! Но Ваше Величество показали себя такъ твердыми и такъ мужественными, что я не имѣлъ силы спустить курокъ своего пистолета.

— Какъ! воскликнулъ Императоръ, удивленный и опечаленный вдругъ. Ты хотѣлъ убить меня? Что же я тебѣ сдѣлалъ?

— Государь, чтобы отвѣчать вамъ, должно намъ быть съ вами на единѣ.

— Ступай! сказалъ ему Императоръ, таща его съ сосѣднюю комнату, гдѣ они пробыли нѣсколько времени затворенными. Всѣ присутствующіе трепетали отъ опасности подобнаго разговора; Булатовъ вышелъ, съ слезами на глазахъ.

— Нѣтъ, сказалъ ему кротко Императоръ: ты клевещешь на самаго себя, и я беру тебя подъ свое покровительство. Онъ былъ далекъ отъ мысли для исполненія этого преступленія.

Императоръ печально смотрѣлъ на Графа Захарія Чернышева, капитана кавалергардовъ, имѣвшаго на заговоръ огромное вліяніе, и который объявилъ себя въ пользу основанія республики.

— Возможно ли, сказалъ Императоръ: чтобы вы подверглись безславному наказанію, вы принадлежавшій къ одной изъ первой русской фамиліи! Хорошо! Не признавайтесь въ революціонныхъ принципахъ, которыхъ вы держались въ вашихъ тайныхъ обществахъ; объявите только, что вы раскаяваетесь, и я могу васъ помиловать.

— Государь, тихо отвѣчалъ Чернышевъ: я дѣйствую по совѣсти.

И ничто не могло склонить его показать раскаяніе или запирательство въ своемъ поведеніи. Но такъ какъ онъ не

игралъ никакой роли въ возстаніи, Императоръ простилъ его говоря:

— Онъ глупъ; мы вылечимъ его.

Увидавъ Каховскаго, который будто бы убилъ графа Милорадовича, Императоръ обратился съ поднятою рукою, какъ бы хотѣлъ раздавить его ногами.

— Несчастный! вскричалъ онъ: ты еще пролилъ кровь нашего знаменитаго генерала!

Онъ принялъ холодно Рылѣева, котораго твердый и скромный видъ сразу показывалъ въ немъ человѣка необыкновеннаго; онъ устремилъ на него пытливый взоръ и не спускалъ съ него глазъ.

— Вы, спросилъ его Императоръ: организаторъ заговора, глава предпріятія? Какой интересъ заставлялъ васъ такъ дѣйствовать?

— Интересъ моей страны, отвѣчалъ Рылѣевъ съ благородною простотою.

— Какая была ваша цѣль?

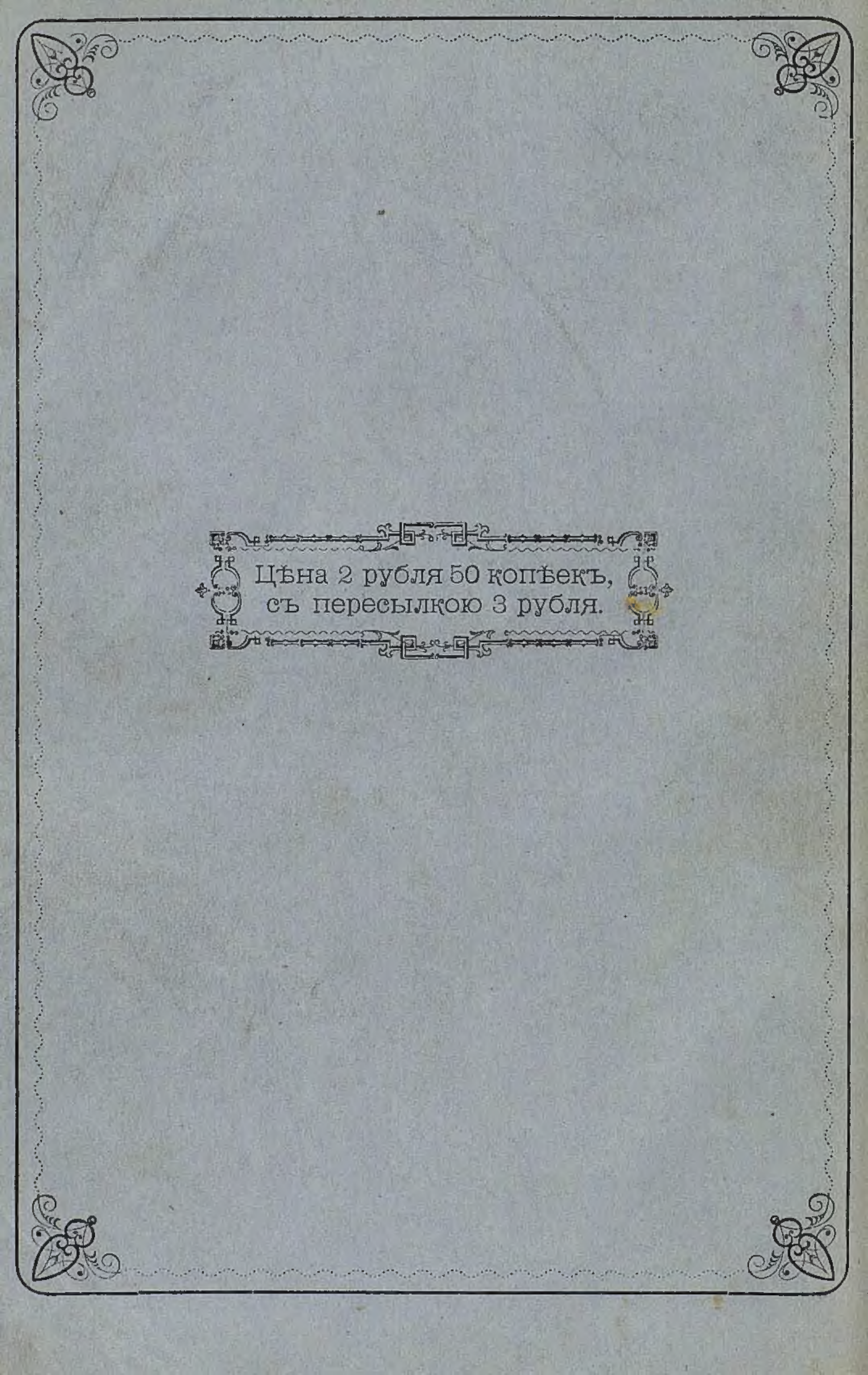
— Получить конституцію, свободное правленіе, публичную свободу!

— Знаете-ли вы, господинъ, куда ведутъ эти хорошія утопіи? прервалъ его Императоръ: къ революціямъ, къ паденію Государства, къ уничтоженію Монарха, къ несчастію народа!

Императоръ вышелъ изъ этого слѣдствіе съ растерзанною душою и разстроенный духомъ; онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ своему брату Михаилу съ чувствомъ трудной обязанности къ исполненію.

— Революція при вратахъ Россіи, но она не проникнетъ сюда, и я клянусь ей, пока буду живъ, милостію Божіею, я буду Императоръ!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.


Цѣна 2 рубля 50 копѣекъ,
съ пересылкою 3 рубля.

2007089511